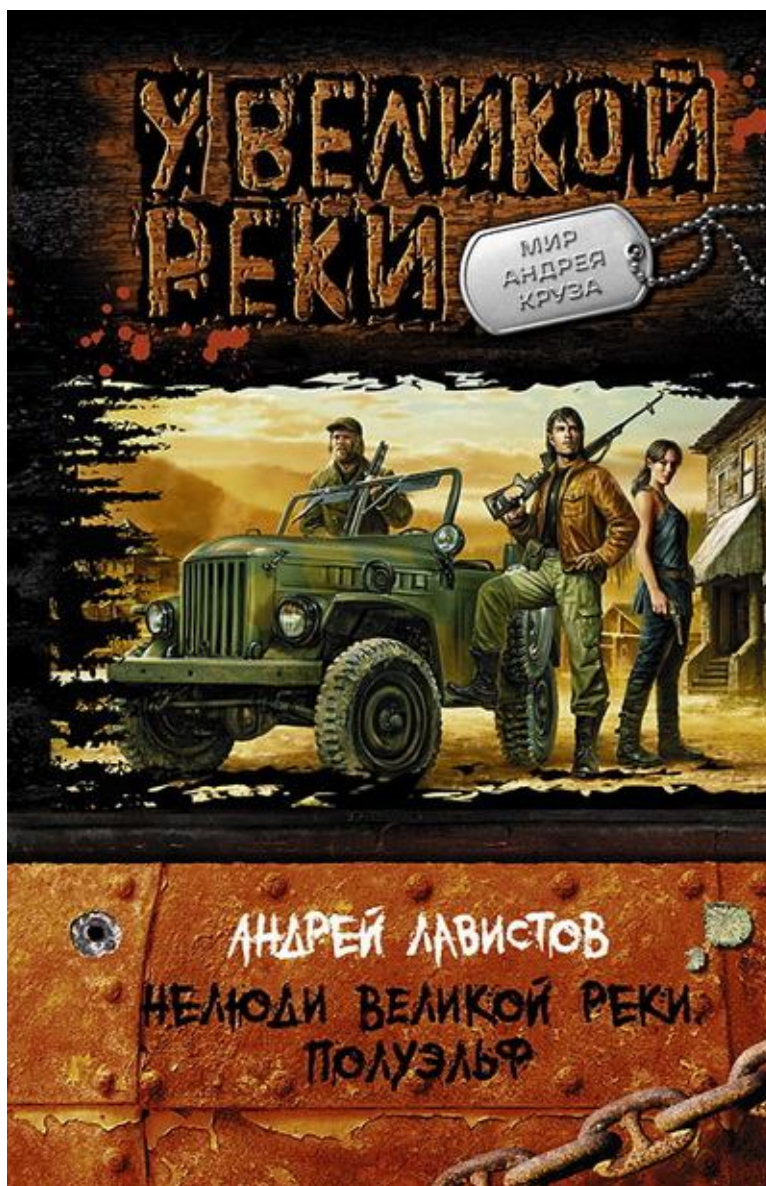

Андрей Лавистов
Нелюди Великой Реки. Полуэльф

Андрей Лавистов
Нелюди Великой Реки. Полуэльф

Когда-то давно произошло слияние двух миров, и «пришлые» расселились по берегам Великой реки. Эльфам теперь не спрятаться в пущах, гномам — в подгорных пещерах... А вот кое-кто из нелюди прятаться и не собирается — потому и не сидит без работы охотник на нечисть и нежить Александр Волков из Великоречинска!

А пока в Тверском княжестве жестоко усмиряется бунт «сипаев», в город Сеславин близ Ярославля приезжает Петр Корнеев, полуэльф с человеческим именем. Скоро ему придется встретиться с теми, кто тоже мог бы назвать себя «нелюдью»...

Глава 1, в которой герой сперва застревает в трактире, а потом заходит в веселый дом

Пьяными выкриками в кабаке никого не удивишь. Как и натужным весельем. И лежащими на столах нечесаными головами. Если только это не голова гнома. Гнома вообще сложно напоить до такого состояния, чтобы он мордой в салат. И вообще, гномы предпочитают не напиваться, а уж если напиваются, то в своей компании, чтобы кто-нибудь до постели доволоч. Или нагружаются под своими разлюбезными горно-пещерными сводами. Гномы вообще...

Не то что я гномов защищаю, но справедливости ради надо отметить, что в людских кабаках гномы напиваются редко. Да практически никогда и не напиваются. Так, с полдюжины кружек пива – исключительно для настроения. При их комплекции и устойчивости к воздействию алкоголя – слону дробина. Молодежь гномская после пивка обязательно заваливается в бордель. Старшие же товарищи, степенные семьянины, провожая молодых завистливыми взглядами, остаются на месте и вливают в себя по пол-литра очищенной с соответствующей закуской под неспешный разговор. Пивка для рывка, водочку вдогоночку... Вот это, я понимаю, моральные устои! После этого вся компания снимается с места и абсолютно трезвым шагом направляется бай-бай. Строем.

Оставшийся в одиночестве «добирать» гном – ужасная редкость. И должна быть железобетонная причина остаться одному – это раз, «водка пить» – это два, да так пить, чтобы «земля валяться» – это три.

Поэтому вид одинокого гнома, лежащего головой на сомнительной чистоте скатерти в глубине зала кабака на окраинах преславного города Сеславина, что на реке Шакше,¹ в окрестностях не менее славной столицы Ярославского княжества² – города Ярославля, был для меня удивительным, необычным, да, пожалуй, что и неприятным.

Во-первых, не люблю пьяных. И себя не люблю, когда пьяный, а уж гномов тем более. Я их и трезвых, если честно, так себе перевариваю.

Неприятно, впрочем, было не столько то, что друзей, родичей, партнеров этого гнома нигде не было видно, сколько то, что на беспечного выпивоху уже посматривали. Ладно бы кабатчик – сомневаться в платежеспособности такого клиента он имеет законное право, да и если он начнет вытряхивать карманы у беспамятного гнома прямо на виду у всей честной публики – слова ему никто поперек не скажет. Хотя в маленьком городке он должен знать всех и вся, а особенно нелюдей.

Другое дело, что на гнома искоса поглядывала небольшая компания пришлых³ – все как один бритоголовые такие здоровяки в кожаных жилетах на полинялых клетчатых рубашках и с кольтами в кобурах. Четверо их, и кто главный – неясно. И похожи как близнецы. Еды перед ними – как на эскадрон гусар летучих. Икорка, колбаска деловая, котлеты какие-то... И запах от них... Не то чтобы грязью или потом, или перегаром, или еще чем таким, человеческим – обычные запахи меня давно уже не раздражают.

А бывает разве, чтобы не двойня, не тройня, а четверня? И все четверо так и не сняли за столом кожаных кепок с огромным козырьком. Может оно и ничего, но мне, например, в головном уборе кушать воспитание не позволяет, хотя это снимало бы немало проблем. С другой стороны, может, у них лысинка мерзнет.

¹ Шакша впадает в Великую, на слиянии двух рек и стоит немаленький город Сеславин, относящийся к Ярославскому княжеству. От самого Сеславина (Сеславино) осталось только название, но место расположения города оказалось столь удачным и стратегически важным, что город отстроили заново.

² Новое княжество, сильное и населенное, в основном, пришлыми.

³ Пришлыми называют потомков тех, кто «провалился» в мир Великой реки.

Если бы молодчики комментировали эту странную ситуацию, тыкали в гнома пальцами, смеялись или передразнивали выводящего носом рулады гнома, это-то как раз было бы нормально. А они сидят, как будто так и надо, только глазами зырк-зырк. А не похоже, что учебник по правилам хорошего тона в юности конспектировали. Да и не «Книгу о вкусной и здоровой пище», скорее, руководство по сборке-разборке огнестрельного.

Гном во сне раскрыл варежку, и кабак огласился могучим храпом, начисто перекрывающим все разговоры, бары и растабары в этом заведении. Заинтересовавшая меня компания даже не вздрогнула.

А я решил не оставлять дело на самотек. Повод, тем более, вполне себе железобетонный. Встав во весь рост, нет, так не получится, встав на стул и вытянувшись во весь рост, я заорал как можно пронзительней:

– Эй, хозяин, долго нам слушать эти завывания?!

Честно говоря, выкрик мой прозвучал не очень убедительно. Вот если бы за моей спиной, то есть за моим столом сидели мои сильно-могучие спутники, каких нет и в помине, поддерживавшие меня воплями могучих глоток, то хозяин отреагировал бы. А так он меня, похоже, не услышал. Или не захотел услышать. Ладно, не привыкать, мне не сложно, подойду к стойке. Компания из четверых мордovorотов уставилась мне в спину, как по команде. Недобро так, аж мурашки по коже. Пока шел к стойке, расположившейся рядом с входной дверью, окинул взглядом низкое помещенье кабака. Хотя это питейное заведение гордо именовалось «Трактир – ресторан „Розовый какаду“», что собственно, и предопределило мое решение зайти сюда, да еще, конечно, понятный всем разумным значок – перечеркнутая красным курительная трубка – внутри все было как-то обшарпано, как в каком-нибудь второразрядном кабаке в Старых княжествах. Хотя цены здесь раза в полтора выше, чем в обычных кабаках для курящей публики. Странно, почему ресторан – и где-то на окраине. Впрочем, что считать окраиной? Вторая линия домов от широкой набережной, правда, довольно далеко от пристани.

Так, армирцы⁴ за двумя сдвинутыми столами – они-то что здесь делают? Тоже табак нюх отшибает? Хотя, кажется, в винной карте здесь неплохой выбор белого – есть и их любимые ледяные сорта. Эти мне, в любом случае, не помощники. Не любят... Еще компания – один пришлый, старичок совсем, два светловолосых аборигена,⁵ аборигенская же девушка с соломенными волосами и острым носиком – это хорошо, может, перед девушкой захотят поведываться, помогут. Оружия у них не видно, вроде бы. И компания, которую я с гномом оставил сзади. Так и пялятся, демоны проклятые.

Кабатчик, пришлый с близко посаженными глазами и руками карточного шулера – так они все время подергивались, живя какой-то своей жизнью, занимался излюбленным занятием кабатчиков всех времен и народов – полировал сравнительно чистым полотенцем стеклянные бокалы. А хрусталь у него есть для дорогих гостей? Похоже...

Вру, бейте меня братцы, излюбленное занятие всех кабатчиков – напустить как можно больше пены в пивную кружку! Впрочем, могу быть необъективен: я кабатчиков, как и гномов, не очень люблю.

Ага, за стойкой дверь на кухню, и видны три лоханки – одна с мыльной водой, другая с горячей, судя по поднимающемуся пару, третья – с холодной. Процесс прост и понятен. В одну, другую, третью – готово к употреблению. Велика сила традиции. Хорошо, что только сейчас заметил, а то бы еда в глотку не полезла.

– Хозяин, долго мне слушать эти вопли? – обратился я все с тем же вопросом к кабатчику, простите, к ресторатору.

⁴ Армирцы – южный народ, известны как своим легкомыслием, так и тем, что являются превосходными виноделами.

⁵ Аборигенами, несколько презрительно, называют уже живших здесь людей.

– Пойди да разбуди, – совершенно спокойно ответил мне кабатчик, не удивившийся ни моей реакции, ни моему русскому языку. Ах да, я же заказ по-русски делал.

– Не хочу скандала, – в тон ему ответил я и подвигал сперва одним ухом, потом другим.

Это же болотному импу⁶ понятно, что если похмельный гном увидит мои эльфийские уши, и поймет, что это я его разбудил, то реакция будет... Вряд ли кто усумнится, что сломанный нос и два бланша под глазами на второе, – самые оптимальные последствия этого не вполне разумного поступка.

– И что предлагаешь? – вроде как удивился кабатчик, – выкинуть клиента на улицу? Разбудить и предложить выйти?

– Разбудить и предложить не засыпать, – мой ответ мне самому казался образцом формальной логики, но кабатчик только pokrutil носом и продолжал полировать бокал.

Беспомощно оглянувшись на гнома, я отметил, что ребята в клетчатом решили действовать. Двое из них уже кантовали гнома с негромкими и, как мне показалось, насквозь фальшивыми восклицаниями: «Ну что же ты, Глоин! Как можно так напиваться! А еще хвастал, что всех перепьешь...» Почему, когда врут, то как будто горелой яичницей пахнет? Или это из кухни запах? Вроде, нет, когда я сюда заходил, из кухни пахло вполне пристойно... Главное, чтобы из кухни пахло едой, а не помоями, тогда я на названия и не посмотрю. Да назовите вашу забегаловку хоть «Волосатой крысой», лишь бы нюх воню не отшибало.

А, смотри-ка, еще двое из неприятной четверки быстро собирались, не забывая оглядываться по сторонам.

– А Вам не кажется, что для людей, сидевших за другим столиком, эти господа чересчур уж набиваются пьяненькому в друганы? – спросил я у кабатчика. Не говоря мне дурного слова, кабатчик схватил телефонную трубку. И телефон здесь есть! Точно, ресторан, не кабак.

Ага, позвонит прикормленному городовому. Или старшему городовому. Или агенту сыскного отделения, если оно здесь есть. Не столица, все-таки. Если вышибалы нет, а сам ресторатор поражает габаритами унылого носа, а не бицепсов, то значит – что? Точно! Рядом полицейская часть, а там у кабатчика все схвачено. Можно не суетиться. Расчетное время прибытия силовой поддержки – пока клиент в крыльца не спустился. Прогресс. Уважаю. Чем, кстати, по поводу прогресса, НТР от НТП⁷ отличается? Ну, у нас-то точно пришлые НТР устроили. А вот НТП и в помине не было.

Один из мордovorотов в клеточку не стал даже ждать, когда кабатчик подойдет за расчетом – подвалил сам, украдкой поглядывая на меня. Отвернувшись от суетящихся людей, я еще раз окинул взглядом «ресторан». Есть еще что в этом заведении общепита от ресторана? Так, пальма искусственная, две штуки, бюстик какой-то, чей бы это? А Гоголь Николай Васильевич, едренть твою в качель! При чем тут розовый какаду в названии? Это ж Ахматова, кажется, с «етим птицем» дружила. При том, наверное, что Гоголь, по утверждению Венички Ерофеева, пил водку из розового бокала. У Аксакова, если не ошибаюсь. Не сложновато ли? Простым людям, нелюдям и всякой половинке-насередке, штоб не есть ваче селедки и не пить вовеки водки, не понять...

Молодчики с безмятежно храпящим гномом в руках уже почти дошли до дверей кабака, когда она резко распахнулась и навстречу им ввалились двое полицейских. Прямо классика какая-то, один молодой, другой постарше, ровесник кабатчику, который постарше –

⁶ Импу – нечисть. Бывает болотным, пещерным, водяным, проч... Схватка охотника Александра Волкова сотоварищи с речными импами и их маткой описана в «Битве».

⁷ НТП – научно-технический прогресс. НТР – научно-техническая революция. Первого в мире Великой Реки не было, вторая пришла с переносом «пришлых».

с усами, молодой – гладко выбрит. Хоть фильму снимай.

Обе группы практически столкнулись лбами и уставились друг на друга, выпучив глаза.

Встреча на Эльбе, в натуре.

Если бы лысые и клетчатые не уронили гнома, чисто автоматически опустив грабли на рукоятки пистолетов, никто бы ничего без соответствующих комментариев не заподозрил. А теперь даже вмешиваться не надо.

– Руки от оружия, документы к проверке, – прогудел старший из пары полицейский, тоже опуская руку на рукоять служебного кольта, но не доставая его – похоже, был уверен в своей силе и скорости. Равно как и в том, что идиотов нет – вооруженное сопротивление оказывать. Усатый, блин, полосатый. По комплекции он не только не уступал молодцам в клеточку, но даже превосходил их, так что голос его звучал уверенно и как-то успокаивающе. Кабатчик, судя по морде лица, расслабился незамедлительно. А я наоборот. Дальше события развивались быстро. Как юные балерины на генеральной репетиции «Лебединого озера», клетчатые почти синхронно отвели ладони от рукояток своих пистолетов. Один из них неторопливо взялся за козырек своей кожаной кепочки, вроде как салютуя, и резким броском отправил ее в лицо усачу-полицейскому. Одновременно в руке второго появился нож, и он без замаха воткнул его в объемистый живот стража порядка. Третий из клетчатых, отшагнув назад и прикрываясь спинами своих приятелей, уже рвал пистолет из кобуры. Моя рука самостоятельно выхватила из кармана небольшую гирику на кожаном ремешке, шаг вперед, и самодельный кистень ударил стрелка над ухом. Усач, проткнутый ножом, не только не падал, но и сделал лучшее из того, что мог в этой ситуации. Он схватил обеими руками запястья ножевика так, что тот аж скривился, и ударом головы отправил своего противника в нокаут. Кольт свой служебный, правда, уронил. Интересно, он злодея повыше, удар был в переносицу, и голову пришлось сильно наклонять. Видимо, рана в пузе была серьезной, и от резкого движения полицейского повело, но именно это спасло его от пули, выпущенной тем из громил, кто так легко разбрасывался кепочками. Ловкий парень! Зато от моего кистеня его купол прикрывала лишь блестящая загорелая кожа головы. Плоховато прикрыла. Четвертый из парней, стоявший позади всех, был самым умным. Как только раздался выстрел, или еще раньше, этот боец рыбкой сиганул в окно, где, на его счастье, не было решеток. А ставни были открыты – не ночь. Только брызги стеклянные полетели!

Молодой полицейский проявил себя, пожалуй, хуже всех. Сначала он дернулся поддержать своего заваливающегося напарника, потом выхватил служебный кольт и стал поочередно наводить его то на того молодца, который упал от моего первого удара, то на того, который свалился от удара головой его более опытного товарища, то на третьего, грохнувшегося на пол от последнего удара моего кистеня. Наконец, дав сапогами осколки стекла, «молодой» бросился к окну, куда сиганул четвертый злодей, высунулся по пояс, что, конечно, было верхом беспечности, засвистел в свой любимый свисток, вылез обратно и направил пистолет на меня, прокричав:

– Руки в гору, кистень на пол!

Так я и поступил, конечно, только сначала кистень бросил, а потом руки поднял. И сказал при этом очень миролюбиво:

– Вызывай своих, может, поймаете, – а затем, повернувшись к обалдевающему кабатчику, – в госпиталь звони!

– Ага, ага, – закивал кабатчик, накручивая диск. Не так уж он и обалдел, похоже... Стоять под дулом пистолета было довольно неудобно. Молодой страж порядка побарабанил пальцами по круглому амулету, похожему на амулет связи⁸, бросил пистолет в открытую

⁸ Подобный амулет, разве что попроще, называемый «дрожалкой», прикупил Волков в «Пограничном» («Поход»).

кобуру и, крикнув вскочившим посетителям ресторана, чтобы они оставались на местах, повернулся к своему напарнику, который тяжело привалился к стойке.

– Ты как? Держись, давай!

С этими словами он удержал руку усаха, который пытался ухватиться за торчащую из пуза рукоятку ножа. И только потом кивнул мне, чтобы я руки-то, значит, быстрее опускал, не сомневался. А молодой-то небезнадежен. Пообтешется, лучше усатого будет. Если сейчас нож вынуть, раненый кровью изойти может. Усач и сам сообразил бы, да похоже, шок у него. На улице слышалась трели полицейских свистков, в кабак ворвались трое в форме и еще двое щеголей в штатском. Быстро они, как ждали. Точно, участок рядом.

Интересная штука эти полицейские амулеты связи. Одно кодовое нажатие, и уже ясно, кто, где, в каком состоянии, и имеет ли смысл суетиться. Наверное, в переводе все звучало как «Стрельба по адресу такому-то. Полицейский ранен, преступник бежал, скорую помощь вызывайте». И еще «Прошу подмоги». А может и не так. Но наверняка какой-то числовой код.

Рычание мотора, и в кабак вошли еще двое с раскладными носилками. Один из вошедших, отстранив молодого, положил руку раненому на брюхо, и от его руки явственно пахло магией. Обезболивает?

Целительная магия, на мой вкус, пахнет как йодовая настойка на мелиссе. Ненавижу спиртовые настойки. Водку, впрочем, пью.

Подоспевшие полицейские обезоружили, обыскали и заковали все еще валяющихся без сознания негодяев в наручники. Наконец-то, а то и так весь на нервах. Преступников вздернули на ноги и выволокли из ресторана. Целительную магию на них тратить, естественно, никто не стал. Слегка побледневший колдун уже отчитывался перед неизвестно откуда возникшим аккуратным седоватым господином в синем полицейском мундире и начищенных до зеркального блеска ботинках:

– Рана чистая, яда на клинке нет, раненый транспортабелен. Целились в печень, но на полсантиметра промахнулись. Нож вынем во время операции.

По знаку начальника, усаха аккуратно уложили на носилки, вид у него был вполне ничего себе. Маг в бригаде скорой помощи – это хорошо. Это внушает. И не гордый, сам с носилками прибежал. Лет так через пять-семь, интересно, прибежит с носилками, или фельдшеров пошлет? Надо же, яда на клинке нет... Да когда это пришлые нож ядом смазывали? Это, скорее, аборигены могут. С юга откуда-нибудь, с островов, или с востока. Из Хараза – запросто... Ярославское княжество – это ж не Казанское ханство, откуда здесь такие вопросы? Или нож зазубренный был, стропорез, как его пришлые называют? Сомнительно...

Перед входом в ресторан застыл непрошибаемый с виду полицейский, а начальник облокотился на стойку, предварительно осмотрев ее придирчиво, и выслушивал сбивчивый рассказ молодого. Скоро за меня примутся. Хорошо, что я на вечер особенных дел никаких не имею. Особенных или никаких? Никаких. Можно, конечно, прогуляться по городу, это я люблю, да и в городке этом первый раз, да только темнеет уже. Какая в темноте прогулка? Темнота вовсе не друг молодежи, даже в городе, огороженном стенами с колючкой. Темнота – время чудовищ, враждебных не только человеку, но и всем разумным.

«Начальник», тем временем, закончил с молодым и повернулся ко мне с вполне доброжелательной улыбкой.

– Не знал, что эльфы теперь носят кистени в карманах, – заметил он, наклоняясь и подавая мне кистень, так и лежавший под ногами.

– Благодарю, господин полицеймейстер!⁹ – Это ж надо, нагнулся и поднял! Не помню

⁹ В небольших городках должности начальника полиции – полицеймейстера нет. Начальником полиции является становой пристав. Город Сеславин не так уж мал, поэтому Корнеев имеет возможность сделать комплимент и городу, и приставу. Подчиняются приставу урядники и старшие урядники. В большом городе, где начальник полиции – полицеймейстер, ему подчинены частные приставы, которым подчинены квартальные надзиратели, квартальные поручики (их называют просто «квартальными», старшие городовые и городовые).

такого, сколько живу, чтобы полицейский чин так наклонялся. Вот отчего маг такой негордый, с начальника пример берет. А чего не взять, если пример достойный? За подобное зрелище последний золотой не жалко. Тем более, больше в моем кошельке ничего и нет. – Эльф я только наполовину.

– Становой пристав Бороздин Иван Сергеевич, – представившийся по всей форме полицейский погрозил мне пальцем и тут же поинтересовался – на какую половину?

– Мама, – ответил я, – но в Пуще не жил.

– Как вас по имени-отчеству? – поинтересовался пристав.

– Петр Андреевич Корнеев, к вашим услугам.

На лице пристава не отразилось ничего, кроме умеренного любопытства, а вот два клоуна в штатском захихикали явственно и уставились на меня во все глаза, впитывая мой внешний вид вполне профессионально, для протокола. Да, я их понимаю.

Сложения я такого, как бы помягче, воздушного, рост почти средний – до метра семидесяти всего трех сантиметров не хватает, уши без мочек и, как у лисы, острые. Волосы тоже, как у лисы, только чернобурой, ха-ха. И такой же длины, как мех у этого зверя, вполне неплохо себя чувствующего в лесу, в котором, казалось бы, с наступлением темноты начинается пиршество нечисти. Вес мой к пятидесяти килограммам стремится, но, опять же, около трех недобирает. Глаза зеленые, самые настоящие эльфийские. По морде лица – эльф натуральный, леголас¹⁰ недорезанный, если бы не нос картофаном. И при этом зовут меня Петром Андреевичем Корнеевым.

Ха-ха два раза.

В кармане у меня кистень, как у норлинга¹¹ с торговой пристани, на поясе кобура со смит-и-вессоном, двадцать седьмым, которого все «чеканом» кличут, за голенищем невысокого шнурованного сапога – нож, за голенищем второго – еще нож. По одежде я на сто процентов пришлый. Рыжая замшевая рубаша, без пуговиц, на завязках, почти куртка, с длиннющей бахромой по швам, зеленые брюки с многочисленными карманами, полувоенного образца. Головной убор летом, да и весной, вот как сейчас, стараюсь не носить. У эльфов не бывает солнечных ударов. Интересно, мне мой трофей – хоть одну кожаную кепочку, например, с головы ножевика – выдадут, или в вещдоки приобщат. Да и не сдалась она мне ни разу, кепочка эта. Козырек смешной – длинный очень и загнут с боков слишком сильно. Не люблю такие.

– Благодарю вас за своевременную помощь при нападении на сотрудника полиции... – Иван Сергеевич изъяснялся официально, и при этом искренне, на первый взгляд. Талант...

– Мне было даже приятно. Эти, в клеточку, мне сразу не понравились...

Пристав бросил на меня острый взгляд, показывая, что он ценит мою готовность вывалить все как на духу, как будто у меня при таком количестве свидетелей варианты есть...

– Чем же вам они не понравились, эти господа, – продолжил пристав весьма ему привычную игру, а я задумался.

– А что, господин пристав, четверо близнецов – это нормальное явление среди людей?

– Встречаются редко, но встречаются, – похоже, пристава не мог смутить ни один вопрос. И на все-то он знал ответы, – это все, чем они вам не понравились?

– Они гнома пьяненького схватили и поволокли, а, как мне показалось, не знакомы были ни разу.

Тут мой взгляд обратился на гнома, который, по выражению малоизвестного людского

¹⁰ Леголас – распространенное имя у Эльфов.

¹¹ Норлинги – жители Севера, светловолосые и голубоглазые, прекрасные воины. Из-за отрывистой речи их называют «полярными собаками», но не в глаза. Норлинги имеют обычай вплетать в косички зубы убитых ими врагов.

писателя Николая Васильевича Гоголя, чей бюст прямо и между пальм, как начал храпеть во всю насосную закрутку, так и не останавливался. Его только аккуратно отодвинули с прохода, куда его уронили лысые братья-акробаты.

– А вы как на это отреагировали? – вновь спросил пристав, неободриительно посмотрев на своих подручных в штатском, которые уже едва сдерживались от распирающего их хохота. Эльф гнома от людей защищает. Анекдоты про поручика Ржевского отдыхают.

– Подошел к хозяину, попросил принять меры, – тут мой палец ткнул в прислушивавшегося к разговору кабатчика.

– Точно-с так, выше высокоблагородие, – отвечивал кабатчик. – Я сразу в участок позвонил и время тянул, пока они расплачивались.

Как же, тянул он время. Жался сдачу ребятам отдавать, хотел на чай побольше выгадать. Те уж рукой махнули, к выходу потопали. Но ни слова не соврал. Правда по-ресторанному, в пикантном соусе.

– Да, про звонок я понял, – задумчиво протянул пристав и снова поинтересовался, – вы с гномом оба знакомы?

– Очень смешно, Иван Сергеевич, – тут уж я уставился на красных от натуги джентльменов в штатском. Кстати, чего эти смешливые господа здесь делают? Кто они? Представители Департамента контрразведки из Ярославля? Ополченцы из самого славного города Сеславина, привлеченные в качестве понятых? В костюмах-тройках с галстуками? Ведут себя вольно, да что-то не совсем понятно, кто такие.

– Почему же вы решили, что гнома похищают? – продолжал настаивать пристав, – может, они хотели вынести его на улицу, освежиться...

– Там, откуда я родом, вечером на улицу пьяного выкинуть – это все равно, что на блюдечке его тварям поднести – кушайте, пожалуйста! Приравняется к покушению на убийство.

Пристав вежливо покивал головой. В городских стенах, может, ничего бы с пьяненьким не случилось, но и здесь пьяных на улицу не принято выкидывать. Сожрать могут. Так что вопросы господин начальник местной полиции задает скорее для проформы. А сам, скорее всего, другие дела в башке прокачивает.

В двери влетел молоденький вертлявый полицейский, подбежал к приставу и драматическим шепотом, довольно громким для моих ушей, проскороговорил:

– Господин пристав, догнать не удалось, как в воду канул! На воротах четверых близнецов не помнят. Возможно, доппельгангеры.¹²

Ух ты, слова-то какие. Я ради таких красивых слов готов кистенем махать от обеда до забора. Чтобы их не слышать. Тут, главное, так махать, чтобы не до тюремного забора.

Все равно, не катит такое объяснение. Доппельгангер не стал бы со своим двойником-человеком за одним столом сидеть, сразу на куски стал бы рвать. И в ворота не должен был пройти – там вроде учет и контроль на уровне. Не доппельгангер, а, скорее, простой двойник-зеркалка¹³. Здесь уже, в самом городе вызванный. Если их вызывают, а не что-то еще. Не в теме.

Смешно получается. Пришли, допустим, двое, близнецы, значит, пообедают. И вызвали двойников, а то скучно. Потом увидели пьяного в дымину гнома и решили разбавить им свою компанию. Впрочем, чего это я мозги напрягаю? Пусть у кого положено башка болит. А здесь, пожалуй, все кончено.

¹² Доппельгангеры – двойники из другой, «темной» реальности, враждебные людям. Особенно ненавидят своих двойников-людей.

¹³ Зеркалка – двойник, вызываемый колдуном из зеркала, то есть отражение. Правильно – зеркальник. Может быть подчинен и использован колдуном для собственных целей. Вызов двойника-зеркальника в большинстве государств Великоречья и во всех Новых княжествах считается чернокнижием и преследуется по закону.

– Не уходите, Петр Андреевич, надо протокол подписать, да еще пара вопросов к вам есть, – заметил мою попытку тихонько отвалить становой пристав. Да, такого на мякине не проведешь.

– Я за стол сяду, у меня там отбивная недоеденная...

– Остыло все, наверное, – сказал пристав с почти искренним сожалением в голосе. – Я к Вам сейчас подсяду, а Николай нам вина бутылочку организует. Очень слабого, я на службе, все-таки. И салатик мясной с сельдереем. Сделаешь, Коля? – это он уже к кабатчику. А смотрел на меня.

– Конечно, Иван Сергеевич. Есть «Кернер», поздний урожай, девять с половиной градусов. Дамское вино, заветная бутылочка осталась.

– Вот и славно, идите, я сейчас...

Что-то упускаю? Должен был на вино прореагировать? Или нормально все? А Коля-то, ресторатор, блин!

Ничего не оставалось, как сесть и дожидаться. Пристав калач тертый, его, вероятно, эльф больше насторожил, чем мужики с ножиками. Что мужики! Трое из четверых у него в кармане, либо один расколется, либо два, либо все три сразу. А может, и наперегонки. Тому, кто ножиком пырял, – лучшее место на виселице, тому, кто стрелял, – местечко по правую руку, тому, кто ствол достал, – по левую. А тот, кто в окно прыгал, каторжными работами отделается. Скажет, что не в курсе был намерений, и привет. Это если они его зачинщиком и командиром все вместе не объявят. Тогда – тоже на виселицу. Сейчас он, наверное, в какую-то дырку забился и сидит, дрожит. Дело его швах – из города до утра не выйти, подельники повязаны, хоть сам иди сдавайся.

Пристав был спокоен, как удав. Присел за столик, посмотрел, как ресторатор-кабатчик Коля откупоривает бутылку белого и, покивав одобрительно, жестом предложил стул так и не представившемуся пришлому в штатском. Пока тот подходил, сказал задумчиво:

– Как вы их, два удара – все лежат.

– Меня редко воспринимают всерьез, особенно в кабацкой драке, – я пожал плечами как можно безразличнее. – Думают, наверное, что я буду лук составной доставать, собирать, тетиву натягивать...

– Часто деретесь? – пристав посмотрел на меня внимательней, а я пожалел о ненужной откровенности. Просто, не так часто встречаешь интеллигентного человека. И оказывается, что его в обязанности входит следить за твоими действиями. И пресекать, если что не по вкусу.

– Нет, что вы, сам никогда на рожон не лезу. И никого не провоцирую.

– Но задирают часто... – утвердительно произнес пристав и сделал маленький глоток из бокала. Ничего не оставалось, как еще раз пожалть плечами и последовать его примеру. Вино вполне себе ничего. Три года, похоже, как на этикетке. Белое, впрочем, трудно испортить.

– Как вино? – тотчас осведомился Иван Сергеевич.

– Я бы лучше чаю горячего хлебнул, – сказал я с извиняющейся улыбкой. – Зазнобило что-то...

Прокатило или нет? Или вопрос с алкоголем «на службе» не по поводу мандража? Или я все усложняю опять?

Приставу, впрочем, было не до меня.

– Прошу простить, бегу, Василь Васильич составит Вам компанию, – довольно вежливо пробормотал полицейский, поймав взгляд одного из своих помощников, и легкой рысью заскользил к выходу. В том смысле, что побежал почти, а на рысь он не очень похож. У рыси кисточки на ушах. А пристав сейчас всех прочих поставит на уши. Что-то, похоже, не срастается у него.

* * *

– Василий Васильевич Каменецкий, – представился молодой пришлый в приличном

сером костюме аж с жилетом и в фиолетовом галстуке-бабочке в мелкий, почти незаметный белый горошек. – Старший агент Сыского отдела Департамента безопасности.

Вот помощничек у пристава! Во попал, так попал! И что дальше?

Видимо этот вопрос отразился на моем лице, потому что агент заговорил, улыбаясь во все тридцать два зуба:

– Мне поручено провести расследование преступления, совершенного в этом городе вчера, – и прежде чем я успел издать протестующий возглас, продолжил, – да-да, мне известно, что вы приехали дилижансом только сегодня. В рамках следственных мероприятий мне докладывают обо всех интересных приезжих... Не хотите узнать, что за преступление?

– Это вчера которое? – уточнил я, и в ответ на насмешливый кивок очередной раз пожал плечами. – Расскажите, все равно ждать, пока протокол и все такое...

– Так вот, Петр Андреевич, вчера была похищена партия редких камней, красных изумрудов, наверняка слышали о таких... Очень редкие камни. И специалистов по ним очень мало... Камни похищены из мастерской ювелира Глоина Глаза, которому они были отданы на оценку и освидетельствование... Общая сумма ущерба достигает сорока семи тысяч золотом, что почти полмиллиона на ассигнации... Это формально. На деле, найти такие камни за деньги не представляется реально исполнимым. Следов никаких, двое охранников, приставленных к камням, убиты...

Тут он сделал паузу, в которую я и вклинился незамедлительно, еще бы, имя-то знакомое:

– Пойдите, Глоин – имя гномское. Уж не?.. – я оглянулся на храпящего во всю ивановскую гнома. Вряд ли здесь много гномов живет.

– Он самый, – солидно подтвердил агент. – Пьет вторые сутки, не останавливаясь, кричит, что позора хапнул по маковку. Разругался с представителями своей общины, городским головой, пристав, Ивана Сергеевича, послал по матушке, что уже ни в какие ворота. Еще немного, и он или на каторжные работы отправится, или станет изгоем¹⁴. Похоже, сам к этому стремится. Хотя никаких обвинений ему никто не предъявлял. Да, к слову, мы почти уверены, что камни из города не вывозили. Поэтому вполне вероятно, что вор или вору передали или передадут их кому-нибудь тоже в городе. Кому-нибудь, кто приедет позже, и кого невозможно будет связать с преступлением.

– Я, выходит, один из главных подозреваемых, кому передадут... – насколько мог ядовито произнес я. – А скажите, господин особый агент, эти четверо – они городские, или как?

– Или как, – засмеялся агент, пропустив мою подначку мимо ушей. – Вы же прекрасно слышали, что мы говорили насчет ворот. Какой смысл спрашивать про ворота, если это местные?..

– Да не слышал я ничего, – пошел я напропалую. Хрен докажут. – Так значит, эта кодла братьев-доппельгангеров грабит гнома, мочит ваших агентов, берет брюлики, заходит в кабак похавать, а тут – раз! – гном. Но в хлам пьяный уже, ни хрена не соображает, никого не узнает. А они застремались все-таки, решили его вывести и по-тихому заколбасить, чтобы он не стукнул. Если бы, значит, не некто Корнеев...

– Да, примерно так мы все и увидели поначалу, – агент морщился от моего способа изъясняться, как институтка от разговора с торговкой рыбьими потрохами, а ведь я, можно сказать, специально старался. И при этом агент был серьезен как могила, так что до меня не сразу доперло, что когда я ради красного словца назвал убитых охранников изумрудов агентами, то попал не в бровь, а в глаз, – Иван Сергеевич, я видел, готов был Вам медаль выписать и премию вручить...

– А большая премия? – вновь перебил я своего собеседника. Премия в таких делах первым делом назначается. Если все же клетчатые в кепках гнома грабанули, то мне некий

¹⁴ Изгоями становятся гномы, которые были выгнаны из гномьей общины за какие-нибудь грехи.

процент положен. На половину премии наверняка могу рассчитывать. Вторая половина полиции останется. Кабатчик, интересно, на процент позарится? Может... Все-таки он полицию вызвал...

– Десять процентов, как всегда, плюс гномская община две тысячи золотых дает, о репутации печется, – отмахнулся агент.

Сколько, значит? Четыре семьсот пополам плюс тыща. Три триста пятьдесят золотом, при таких раскладах. Неплохо. Или кукиш с мякишем. Это уже не от меня зависит. От подсчетов и дележа шкуры неубитого медведя меня отвлек голос старшего агента.

– При них изумрудов не обнаружено.

– Ну и что? – азарт захлестнул меня незаметно. – Узнаете у захваченных, где у них нора, придете и под матрасом найдете...

Василий Васильевич посмотрел на меня с преувеличенным вниманием.

– Под матрасом, значит, и как мы не догадались? – он покачал головой, сохраняя чрезвычайно глубокомысленный вид. – Обязательно отработаем эту версию... А вы бы оставили в гостиничном номере или где там еще изумруды на крупную сумму, да еще и кровью оплаченные? И пошли бы в кабак водку пьянствовать, когда вас все службы по всему княжеству ищут?

Хотелось мне сказать, чтобы не делал умного вида, все равно плохо получается, но сдержался. Не свой брат. Мог и вообще ничего не рассказывать, а посадить в предварилровку до выяснения. Да и премии хочется, аж ладони зудят.

– А мож, изумруды сдали, деньги ляжку жгут, пошли отметить?

– Денег при них тоже не обнаружено.

Но я его уже не слушал.

– Четвертый! Четвертый же утек! Потому и утек, что при нем или деньги, или камешки!

– Да, – сказал Василий Васильевич, поглядывая на меня, как побежденный учитель на победителя-ученика. – Мы тоже так думаем. Потому этот четвертый и не вступил в схватку, а бежал. Если это так, то мы его быстро поймем. В конце концов, его сообщники вряд ли захотят висеть без него. У бандитов, даже родных братьев, родственные чувства, вкупе с чувством самопожертвования несколько притуплены... Но если и при нем ничего не обнаружится, то...

Агент сделал такую паузу, что мне пришлось говорить. Ну не молчать же.

– А чего тогда бежал? – вопрос показался мне оптимальным способом прервать это молчание: ты, Василий Васильич, не делай паузы, а говори, говори, пожалуйста.

– Ну, конечно, он понял, что не сможет победить грозного Петра Корнеева, и объявил ретираду¹⁵ по всем фронтам.

Вот зараза, шутки он шутит. Вот кто только не проезжался по поводу моего роста и комплекции. А особенно гномы, хоть они все еще ниже!

– А если серьезно, Петр Андреевич, – улыбаясь, продолжил агент, – мы хотим исключить все варианты. Поэтому всех, кто контактировал с предполагаемыми преступниками, мы попросим все выложить из карманов.

Вот уж дудки! Однако я не успел выразить свое негодование по поводу такого решения, как к нашему столу направился второй штатский, которого я уже видел сегодня. Вид у него был не слишком веселый.

– Василий Васильевич, там... – начал он, и старший агент вскочил как подброшенный.

– Не здесь, – бросил он напарнику и, повернувшись ко мне, произнес – не прощаемся, Петр Андреевич.

После чего взял с места неплохой старт.

¹⁵ Ретирада – отступление, старинный военный термин.

* * *

Если с агентом я мог спорить, то с набежавшими дуболомами-урядниками не мог. У них приказ, и они его выполняют со зверским усердием. Недовыполнят – им по усам. А перевыполнят – почетная грамота. Одного я не понял, что, в полиции поисковых амулетов нет, обязательно заголяться? Провели бы жезлом с амулетиком вдоль фигуры, и все бы ясно стало.

Что же случилось у Вась-Васи из контрразведки и Ивана Сергеевича, местного начальника?

Урядники с каменными лицами со мной разговаривали на «вы», но чувствовалось, что дается им это с трудом. Не привыкли. Просто, видели, наверное, что пристав с агентом «выкали», да вино со мной лакали.

Обыск провели быстро и довольно профессионально.

– Оружие и патронташ на этот стол... Карманы... Сапоги...

– Извиняюсь за запашок от носочков, давно в дороге... – даже не улыбнулись...

– Поясной ремень... Сумка дорожная, материал – брезент, зеленая. Откройте. В сумке второе дно есть? Нет? Проверим... Чехол откройте... можете убирать, можете одеваться, читайте протокол, в трех местах распишитесь. Что ознакомлены, что согласны, что обратно получили.

По идее должны были еще заставить рот открыть, с лампочкой осмотреть, потом заставить нагнуться... и тоже с лампочкой осмотреть – не прячу ли чего в заднице. Не догадались, или решили, что если с эльфом будешь так себя вести, потом от подозрений в нетрадиционной ориентации не отделаешься.

Интересно, кстати, почему многие люди считают, что эльфы предпочитают однополую любовь? Подумаешь, эльфы-воины ходят, за ручки держась? А посмотрите на людей-людоедов с Пестейских островов в Южном океане. Эти ужасные мужчины, раскрашенные то как зебры – в полосочку, то как леопарды – в пятнышки, голые и с костями животных в носу – тоже ходят под ручку, а то и в обнимку, но их почему-то считают жестокими воинами, а мужеложцами никто не объявляет. Сколько я понимаю, среди эльфов извращенцев не больше, чем среди людей. Есть, правда, неприятная особенность таких эльфов – все они лезут во власть.

Нормальный, обыкновенный эльф и власть, то есть бюрократическая структура – две вещи несовместные, как гений и злодейство. Индивидуализм, погруженность в себя, мечтательность, умение не замечать никого и ничего вокруг, да еще какая-то странная вера в предопределенность – вот обычная и справедливая характеристика эльфа.

В начальники у эльфов поэтому попадают уроды, которые никакое нормальное дело в эльфийских пущах освоить не могут. Даже древесную беседу. Зато, став архонтами по попустительству своих одноплеменников, резко нагледут и переходят через всякие границы. И в борьбе за власть вперед вылезают именно извращенцы. Так вот эльфы и живут, бедолаги. С другой стороны, чего их жалеть? Дали бы окорот таким начальничкам, сразу бы и жить лучше стали, и уважения бы к ним прибавилось. Всякий народ, потому что, неотделим от своей власти, если, конечно, она не оккупационная. В общем, мозгов нет – считай, калеки...

* * *

Гном оказался в очереди на личный досмотр рядом со мной, – понятно, по протоколу мы с ним на пару проходим, по графе «нелюдь». И осматривают нас отдельно от людей, с привлечением дополнительных сил. Если, например, гном заартачится, то чтобы его успокоить, трех дополнительных урядников надо привлечь. Ну, еще один за мной присмотрит. Одним глазом.

Я засовывал патроны в патронташ, радуясь, что его не стали распарывать – просто прощупали. Патронташ – плевать, а вот пока пояс прощупывали – несколько не по себе

было. Хотя у меня там ничего запрещенного нет. Подумаешь, вдетая стальная струна с кольцами на концах. Может, для прочности. Но если бы вопросы задавать стали, не знаю, что бы ответил.

Рядом сопел гном, перешнуровывая ботинки. Вот ведь интересно: мог нормально в подсобке ресторанной зашнуровать, где обыскивали, после того, естественно, как обыск закончился. Но, похоже, штаны с рубахой надел, ноги кое-как в башмаки втиснул, остальную справу подхватил – и деру. Вот и я – так же. А потому что неприятно, когда обыскивают. И одежду собственную, по швам чужими руками прощупанную, после этого хоть выбрасывай...

Гном явно маялся с похмелья и недосыпу, но, похоже, порывался то-то сказать. Или он выскочил так скоро потому, что ищет повод пообщаться? Проверим...

– Петр Корнеев. Временно безработный, – протягивая ладонь, сказал я максимально дружелюбно.

Я решил сам познакомиться с гномом, причем не удержался и представился прямо по гномьему этикету. Гномы обычно представляются по имени и профессии. А безработных гномов не бывает. Как и гномов-лентяев. Так что ему со мной после такого представления ручкаться – как с болотным импом целоваться.

Гном закусился, подумал-подумал, подумал-подумал, решительно схватил мою руку своей лопатообразной лапищей, сжал как кузнечными клещами, дернул так, что чуть плечо из суставной сумки не выбил, открыл пасть и захохотал. Я старался не морщиться. И руке больновато, и перегаром от него несет ужасно...

Гном, наконец, отсмеялся. Смахнув слезу с уголка глаза, он тоже представился – вежливый какой!

– Глоин Глаз, ювелир, в скором времени безработный навсегда...

Такой вот гном неожиданный попался. С юмором. Что-то меня все собеседники сегодня как котенка – одной левой делают.

– А почему Глазом прозвали, зрение хорошее? – поинтересоваться гномьим прозвищем надо было опять из соображений этикета.

– На зрение не жалуюсь, – солидно ответил гном, – но прозвали так потому, что стоит мне на камень посмотреть, сразу и вижу, что с ним так, а что не так. И размер скажу без всяких замеров до тысячной карата, и как обработать – тоже вижу, и где смотреться будет – в кулоне, али на перстне, а то и на колье пойдет... Но, главное, на глаз определяю, можно его для магических нужд использовать, или нет. Талант такой у меня.

Откровенно. Да и талант из редких. Считается, что все драгоценные и большинство полудрагоценных камней могут использоваться как аккумуляторы магической энергии, или, как ее с большой буквы называют, Силы. Как бы не так. Понятно, почему изумруды к этому чуду попали.

– Выпьешь, Петя? – гном решительно потянул меня к трактирной стойке, – Поблагодарить тебя хочу. Говорят, помог ты мне... – гном с откровенным сомнением осмотрел мою фигуру, неободрительно покрутил носом и попытался посмотреть на меня сверху вниз. Я выпрямился и расправил плечи как мог широко. Ничего не забыл? Ага! Встал на цыпочки и щеки надул.

– Смешной ты, Петя... – пробухтел гном и потребовал у материализовавшегося трактирщика Николая пинту темного пива, – пива не пьешь, небось?

– Пью, кстати, темное уважаю... – разрушил я его представления об эльфах. – Но Николай мне вина нальет, вот какое мы с Иваном Сергеевичем пили.

Гном только кивнул головой – как это хорошо, когда все становится на свои места...

* * *

Подлечившегося гнома потянуло на поговорить.

– Заметил, без амулетов обыскивали? – начал он, выпив пинту и заказав вторую. – Это

потому, что красные изумруды, или если их правильно называть, кровавые смарагды, магией не засечешь. Вот ты, знаешь ли ты, почему они кровавыми называются?

А мне так уже и интересно стало.

– Цвет такой, видимо, – осторожно ответил я. – Хотя, как я слышал, изумруды зелеными должны быть. Ну, в крайнем случае – желтоватыми. И по прозрачности там какая-то градация...

Гном замахал руками как ветряная мельница. Вся его коренастая фигура выражала превосходство над дилетантом и готовность поучать.

– Кровавые – не от цвета. Самое главное, что если их в свою кровь обмакнуть, то камень никого кроме тебя слушаться не будет...

– Я ведь ювелир не из последних, – гном приканчивал уже вторую пинту, – а всех свойств этих камней не знаю. Вижу только, что в них не только можно Силу заливать. В них можно и сливать.

– Что значит сливать? – осторожно спросил я у Глоина. И чуть ехидно продолжил, – У кого-то сила через край – сливать приходится?

– Сливать можно не силу, а заклятия и проклятия. Как, вроде, улавливать. Если на тебя какое дурное заклятие действовать начало, то смарагд, поддерживающий связь с твоей энергетикой через твою же кровь, его откачивает. А когда заклятия и проклятия накапливаются, то их можно использовать в обратную сторону... Как-то не так я объясняю, ну, ты понял, против того, кто на тебя накладывал.

– Только против того, кто использовал магию против тебя, или против кого угодно?

– Не-е, тут закон отражения – только против источника заклятия. Ну и заливать в камни можно. И не только Силу, но и готовые заклятия, даже очень мощные. И не по одному, а по несколько одновременно. Даже порталные заклинания.

Вот это да! Порталы требуют много силы. И умений не рядовых. И камни, которые могут порталное заклинание впитать, не так часто встречаются. А если есть маяк, и если предположить, что порталное заклинание было закачено хоть в один из камней, то похититель или похитители уже далеко. И премия моя накрылась.

– А самое главное, – продолжал гном, увлекшись, – использовать кровавый смарагд можно многократно. Раза два подряд точно.

Вот так камешки! Имея даже один, можно считать, что у тебя личный колдун имеется. Который не предаст, платы не потребует, не откажет, не запьет, не устанет, не заснет, не закапризничает, пить-есть опять же не просит, места много не занимает.

Да за такое любой правитель любого из Старых княжеств себе левую руку отрежет. Ничего не пожалеет. Жизнь одного полуэльфа на таких весах пушинку не перевесит.

Что я вру? Такой камешек стоит целого штата магов, включая мага-телохранителя, мага-целителя, боевого мага, мага-невидимку, да они и все – невидимки, потому что не излучают, и... даже представить себе не могу, кого еще. Какие сорок семь тысяч? Что за бред? Тут миллионы...

Видимо, выражение лица у меня было обалдевшее, потому что гном гнусно захихикал.

– Чего смеешься? Припрятал камешки, теперь на Ярославский престол метишь?

Не успел я захихикать в свою очередь, как ручища гнома схватила меня за грудки рубахи. Широкое лицо с бешеными глазами приблизилось на минимальное расстояние, в носшибануло перегаром, потом и яростью, но потом рука разжалась, лицо отодвинулось, а сам гном издал громкий и протяжный вздох:

– Уши бы тебе оборвать за такие шуточки...

Оправившись и пошевелив сохраненными ушами, я с достоинством произнес: – Руки коротки! Прямо уж, пошутить нельзя. Неужели так достали?

Гном только покачал головой:

– Ты не представляешь, как достали... Со всеми разругался, хорошо хоть не прибил никого – профессия ювелира учит терпеливости.

– Выпьем! – тут уж я поспешил продолжить разговор на занимающую меня тему, –

выпьем за то, чтобы все быстрее закончилось, а ты рассказывай теперь, сколько камней было, да чего не так с этими камнями, – хихиканье гнома наводило на мысль, что в этой бочке меда есть немаленькая ложка дегтя. С половник ведерный, не меньше. Недаром цена за камешки такая небольшая объявлена.

– Выпьем, – согласился гном. И, чокнувшись глиняной кружкой с моим бокалом, залил в себя остатки пива. – Камней всего три штуки. Самый большой – четырнадцать карат, самый маленький – девять с половиной. А скажи – ты природный изумруд размером больше двух карат видел? Да где тебе... Так вот, он же весь в трещинах. Большого природного изумруда, смарагда то есть, без трещин не бывает. А ты знаешь, что такое трещины или дефекты для камней, пригодных для магических действий?

Это ребенок знает. Если камень дефектный, заклинание не пройдет. Или пройдет так, что рад не будешь. Закачал, к примеру, огненный дождь, применяешь, а вместо огня на врага просто дождик польет. Тепленький. Грибной, можно сказать.

Так я гному и ответил.

– Во-во, – согласился гном. – С кровавым смарагдом то же самое. Как не извертись, а против природы не попрешь.

– Все равно, вещь ценная... – протянул я. – Хоть в крепости где установить – заклатья улавливать. Ну, хоть какие, – это я про трещинки вспомнил.

– Крепости нынче не магией берутся, – весомо заметил гном, опрокидывая в пасть третью, кажется, пинту пива, – на это четырехдюймовки есть.

* * *

– Как же они вынесли камни, тебя что, в мастерской не было?

– Да не было, конечно, я с рудокопами ругаться побежал... – гном скривился, ему явно не хотелось распространяться на эту тему. – Сначала по телефону ругался полчаса, потом еще и побежал – доругиваться. Веришь, нет, терпеть не могу отношения выяснять, а приходится...

Я ему, конечно, посочувствовал, тем более что гномы ругаются обычно не от вредности, а от привычных этому племени въедливости и стремления все сделать наилучшим образом.

Допивая вино, я посматривал на выход, где все так же стоял крепкий урядник, опираясь спиной на стойку, но не присаживаясь на стоящий рядом высокий стул, выполненный из темного лакированного дерева и снабженный чрезмерно маленькой спинкой, а заодно и неудобным упором для ног. Краем глаза он контролировал зал рестораника, но смотрел вроде бы не на посетителей, а на дверь. И короткий помповик, равно как и рукоятку пистолета в открытой кобуре наглаживал кончиками пальцев. Что-то у доблестной полиции, действительно, идет из рук вон... Интересно, нам отсюда можно уже уходить, или лучше не рыпаться? Все остальные, смотрю, сидят на местах и имеют вид унылый и тревожный одновременно.

Неожиданно начавшаяся где-то рядом стрельба резанула по нервам так, что выхватив револьвер из кобуры, я чуть было не сбил прыгнувшего к окну Глоина, в руках которого появился странный агрегат, больше похожий на обрез двуствольной вертикалки, чем на пистолет. Гном даже покачнулся. Я, правда, отлетел метра на два.

– Назад, назад! – бешенству урядника не было предела, но он не стал выбегать из кабака – приказа, видимо, такого не было. – От окон! От окон все отошли! – И прибавил пару непечатных выражений, для понятности.

Ну и ладно, ну и отойдем, раз полиция о нашем здоровье так беспокоится. А стрельба-то приближается – это ежу понятно, даже армирцы хмурятся, хотя этот народ славится своим легкомыслием. Кабатчик Николай достал откуда-то из-под стойки что-то древнее – системы Бердана, кажется, с длинным стволом и деревянным прикладом. Надо проследить, чтобы на меня не направлял – неизвестно, как на него паника подействует.

Стрельба усилилась, чуть затихла, стала удаляться – кажется, в сторону пристани.

Я подошел к окну – Глоин как стоял возле него, так и стоит – разве что на шаг, не больше, отошел.

– Что там?

– Да не видно ничего, заборы же кругом... Ага, Иван Сергеевич поспешает. Сейчас новости узнаем.

В наступившей тишине мы особенно отчетливо слышали тяжелые шаги большой компании людей на крыльце ресторана, и вскоре в кабак ввалилась целая толпа полицейских, все с длиннотволом, а один так вообще с «Льюисом». Ого! Ото всех входящих воняло сгоревшим порохом, злобой, недоумением и страхом.

– Видел? – Иван Сергеевич и не собирался беседовать с «гражданскими». Его вопрос был обращен исключительно к уряднику, стоявшему у входа. – Тут все в порядке? – пристав обвел колючим взглядом помещение ресторана, но вроде не заметил никакого особого беспорядка.

– Откуда? Заборы сплошняком, – полицейский почти дословно повторил слова Глоина.

– Те трое, которых здесь взяли, в камере обратились в каких-то тварей. Очень сильных. Слили в одну, стенку проломили... проломила. Тварь быстрая, чешуйчатая. Быстро бегают, прыгает. Сначала сюда поскакала, потом, после обстрела, ушла в сторону пристани – и в воду... Обстрел видимого успеха не принес.

– Что?

– Повторить? Подробности потом. Остаешься с Ярославом, – тут пристав кинул на пулеметчика. – Никого не выпускать. Мы ввели чрезвычайное положение...

Слова пристава прервал свистящий звук – гарнизонная пушка выпустила свистелку – снаряд, издающий пронзительный свист, из-за того, кажется, что болванка, которой стреляют, прорезана какими-то загогулистыми дырками. Впрочем, может и не дырками, но свистит так, что зубы ломит. И сразу после этого в небо взвились две красных ракеты. Вот, значит, как в Сеславине чрезвычайное положение вводят...

* * *

Иван Сергеевич с командой усвистали, а мы снова остались в кабаке. Пулеметчик занял позицию у окна, отогнав, наконец, Глоина, хотя в окно уже не было видно ничегошеньки, так что полагались мы исключительно на слух. Минут через пять заработала артиллерийская батарея гарнизона, но после четырех выстрелов замолчала. Попали? Не попали? Прошло еще два часа. Совсем стемнело, хорошо, что лето на дворе – хоть что-то видно, если к стеклу носом прилепиться. Все устали сидеть, в глотку ничего не лезло, даже Николай-трактирщик имел вид выцветший и недовольный.

Наконец зазвонил телефон и урядник, взявший трубку, скомандовал на выход – под контролем патруля из военных, весьма недовольных тем, что им приходится выступать в качестве эскорта, да еще на казенном транспорте. Приказ им был, как я понял, проводить или довести каждого до дверей дома. Посетителей стали выпускать, но не успел я, подхватив дорожную сумку, подойти к дверям, как полицейский остановил меня простым, в общем-то, вопросом:

– В какую гостиницу?..

А хороший вопрос. Я, что, знаю, в какую? Я вообще в городе Сеславине впервые. Осмотрев внутренности бумажника и обнаружив там все тот же золотой, одна штука, я сказал со вздохом:

– Мне бы в какую подешевле, есть варианты?

Подошедший гном не дал ответить уряднику, а с размаху хлопнул ладонью по трактирной стойке, разбудив гулким звуком задремавшего ресторатора Николая.

– Пойдем со мной, Петя, у меня переночуешь. И экономия, и если я тебя в гости не зазову, спасителя своего, едрена вошь, родичи не поймут. Да и служивым не туда-сюда

мотаться, а до одного места доезжать.

Про родичей он чего-то не того загородил. Они, скорее, не поймут, если он эльфа домой притащит. Назло, что ли? Осторожные вопросы выявили истину – Глоин жил один, мастерскую его опечатали, и он панически боялся сорваться – то есть плюнуть на заклęcia, сигналки и печати, засесть за работу – и лишиться лицензии. Я, то есть, должен его отвлекать от мыслей о любимой работе. Развлекать, так сказать.

С другой стороны, у меня к Глоину еще есть вопросы. И сэкономить не помешает.

Повеселевший патруль в два счета загрузил нас с Глоином в служебный виллис и доставил к широкому, приземистому дому, не деревянному, но сложенному из искусно подобранных по размеру валунов, дому, всем видом говорившему, – здесь живет гном.

* * *

– Заходи, – пробурчал гном. – Дверь видишь? Ни ногой. Там мастерская. И до этого заклинаниями опутана была. Теперь вообще ужас что творится... Все приложились... Сам не захожу, боюсь, да и опечатана, – непрошибаемая с виду дверь была в трех местах заклеена широкими полосами бумаги, на которой синели какие-то печати и колдовские руны. – Тут гостевая у меня. Видишь кровать? Белье чистое в шкафу, душ во дворе – видел кабинку? Та вон дверь в туалет. Захочешь жрать, в столовую выйдешь, в буфете что-то еще должно было оставаться. С позавчера... – тут гном с сомнением pokrutil головой. – Спокойной ночи, Петя.

Все-таки Глоин выпил достаточно, чтобы его не нужно было развлекать. Его теперь подушка с одеяльцем развлекать будут.

Глоин давно ушел, а я все оглядывал гостевую. Капитально. Кресло – из огромного пня, сидение продолблено, пожалуй, тут не пилой делали. Табурет. Хм, у меня журнальный столик в казенной квартире был как этот табурет. Если я калачиком свернусь, то на этом табурете улягусь запросто. А кровать! На такой кровати в одиночку и спать-то странно. Так захочешь ночью по ветру выйти, и пока до края доберешься, уже не надо будет. О печке я не говорю. Такое ощущение, то мебель какая-то противовандальная. Чтобы, значит, как ее не ломай, сломать невозможно было. Ладно, надо устраиваться.

Бросив дорожную сумку на пол, я расстегнул ее и вытащил кожаный футляр, клацнул защелкой. На свет появился помповый «таран» двенадцатого калибра со складным прикладом и рукояткой управления огня. Пусть рядом полежит.

Да, денег у меня вечно не хватает. Но не этим вызвано то, что у меня нет чехла с винтовкой. Со скользящим затвором, например. Нет-с, помповик. Помповик дешевле на треть и неприхотливее к уходу. И позволяет менять тип зарядов. А патроны с бездымным порохом мне не всегда продают. Вот уши увидят – и не продают. Самозарядку, кстати, у меня реквизировали давно. А хорошая нижегородская винтовка была. Некие чины на Тверской границе решили, что эльф с самозарядной нарезной винтовкой – прямая угроза существующему миропорядку. Еще тогда тверичи опять что-то с эльфами Закатной пуши не поделили. Хорошо, что не шлепнули по запарке, непривычное для эльфов имя помогло. Все. Самозарядок больше не покупаю. Прямой расход. Хотя неплохо было бы иметь гладкоствольную, например, системы Браунинга...

В душ и баиньки...

* * *

Проснулся я оттого, что кто-то вошел в комнату. Не разлепляя век, схватил «таран», потом открыл один глаз. Глаз. Один. Да и так понятно, что это Глоин пришел, запах-с характерный.

– Ты, Петя, опасаясь чего? – страшно дохнув перегаром, спросил гном, увидев, что я держу помповик.

– Ага, опасаясь, ты же слышал про чешуйчатую – вдруг рассчитаться заявится, – возразил я и, отставив оружие, вперил в гнома вопросительный взгляд. Чего пришел-то под утро?

– Хотел, Петя, тебя об услуге одной попросить, но светает уже, проспал я. – гном кивнул на занимающийся в окошке рассвет. – Да и идея, прямо скажем, не фонтан... Я ведь тебя не просто так зазвал...

– Да? С корыстной целью?

Гном хохотнул:

– Ты, Петя, как сказанешь, так прямо не в бровь, а в глаз... Или серпом по яйцам... Как ты вообще до своего возраста дожил? Всяко раньше убить должны были... Именно с корыстной целью... – Прокашлявшись, гном продолжил:

– Видишь, Петя, дверь в мастерскую? Вчера по пьяни подумалось, что если бы ты ее открыл, да сигналку сорвал с печатями, вроде как в туалет собрался, но дверь перепутал, то я бы смог нужный инструментишко вынести, да заказик один доделать. А то совсем немоготу сложа руки сидеть... Для того и зазвал тебя, прости уж...

– Да ладно, чего там... – я задумчиво посмотрел на Глоина, – протокол не писали, что ли, перед тем, как дверь опечатать?

– Писали, конечно, – вздохнул Глоин. – я же говорю: по пьяни придумалось. Все равно заново писать бы стали, сверили бы протокольчики, да и недосчитались бы кое-чего, повязали бы тебя, потом меня...

По пьяни, не по пьяни, но гном смотрел на меня выжидательно, надеясь, видимо, что я прямо сейчас придумаю, как войти в опечатанную комнату. Пришлось его разочаровать.

– Забудь, и считай, что у тебя отпуск, – я как можно тверже посмотрел гному в глаза, – пока тварь не добудут, да изумруды не найдут, ничего не выйдет...

– Отпуск, отпуск... – немедленно забухтел недовольный гном. – и кто только слово такое поганое выдумал? У казад¹⁶ никогда не было отпусков. И не будет, пока мир этот окончательно не сойдет с ума. Вот вроде эльф, а туда же, нахватался людских словечек – отпуск ему, понимаешь!

Хоть плачь, хоть смейся – гном эльфа людскими понятиями попрекает.

А ведь что-то в этой ситуации не так. Точно! Не так то, что неясно, как изумруды с четверкой братьев связаны. Братья-то, скорее всего, колдуны. И оборотни. Как колдунам, им эти изумрудики ой как нужны, для их гнусных целей. А каких целей, кстати, непонятно. А нужны ли изумруды оборотням – не знаю. А может, нужны. Может, коллекционируют.

А доппельгангерам изумруды тоже нужны. И братьям-близнецам или двойникам. Стоп, стоп, стоп!

– Глоин, – позвал я вполголоса ругающегося гнома, – а охотники в городе есть? Чтобы тварь завалить, одного Ивана Сергеевича не хватит!

– Охотник был, Коля Веретено, но погиб месяца два как... А с чего ты взял, что Иван Сергеевич напрягаться будет? У него знаешь, сколько народу под началом? И все стрелки.

– Народу, может, и много, а толку с них чуть... – решил я просветить гнома о положении дел в городе, где сам находился меньше суток. – Пойду, наймусь охотником к Ивану Сергеевичу. Попробую тварь изловить. Может, премию получу. Деньги нужны.

– Не ходи к Ивану Сергеевичу, Петя, – вздохнул Глоин. – сегодня, по крайней мере. Ты ж спал, как сурок. Даже не представлял себе, что эльфы так дрыхнуть могут... Ночью стрельба была. А у нас городок тихий. И дурное болото от нас далеко... Этот, из контрразведки, Ивана Сергеевича, наверное, во все дырки имеет, прости Отец Гор душу мою грешную... Так что настроение у Ивана Сергеевича с утра очень приятственное будет.

– Ну, раз оно такое приятное будет, так мы подпортим, за нами не заржавеет.

С такими оптимистическими словами я скатился с кровати и побежал на двор: душ с

¹⁶ Казад – гномы, самоназвание. Дварфами или гномами их называют другие расы.

утра в нормальной душевой – это не ведро ледяной воды у колодца в аборигенских городах и весях.

* * *

Гномский завтрак – то еще испытание для нормального желудка, но кофе по-турецки Глоин сварил неплохой. Правда, сразу сахар положил. Хорошо еще, что тростниковый, а не свекольный. К кофе у Глоина были бутерброды. Гномский бутерброд – это такой огромный ломоть хлеба и многоэтажная конструкция из зелени, ветчины, сыра, помидоров, огурцов и майонеза. Особым шиком среди гномов считалось составить бутерик так, чтобы он напоминал родовую гору – в разрезе. Ветчина символизировала базальт, сыр – гранит... Или помидоры – гранит? А что, гномы шутники еще те... Короче, каждый продукт, вплоть до текучих, вроде майонеза, что-то символизировал. Гостеприимные гномы, и такие тоже встречаются, могут настругать правильный бутерброд за минуту, а затем с простительной гордостью предложить его гостю. Глоин провозился не дольше. Затем он, особо не напрягаясь, в одиночку вынес кухонный стол во дворик, накрыл стираной, но неглаженной скатертью (что с холостяка взять!), сверху водрузил блюдо с бутербродами и что-то вроде мангала, очевидно самодельной конструкции. На конструкцию водружался металлический поддон с песком, а уж на него – турка невероятных размеров.

Печенья и пирожных к кофе не было, так что кофе с сахаром пошел на ура. Кто больше всего любит сладкое? Школьники, солдаты, заключенные и... нелюдь, конечно.

А Глоин мне местные реалии раскрыл – оказывается, во время чрезвычайного положения передвижения по городу пешком в одиночку запрещены. Так что Глоину придется меня подвозить к участку. И обратно отвозить – пусть за водителя поработает, развлечется да от пьянства отойдет.

* * *

У гнома был багги, которым он, похоже, гордился. И ему явно доставляло удовольствие наблюдать за работой установленного в открытую мощного мотора. А уж дополнительных фар на этой, небольшой, в общем, машинке было до фига. Такой люстрой всю дорогу до Ярославля осветить можно. Мы выехали на центральную улицу Сеславина, которая так и называлась, без особых изысков, Центральной, и уже почти приблизились к участку, как из перпендикулярно расположенного переулка выскочил камуфляжный виллис с тремя военными. На борту номер и герб Ярославского княжества, пулемет на турели. Выехал и перегородил нам дорогу, затормозив прямо перед нашим носом. Я бы точно вляпался, на тормоз бы нажал – и въехал бы прямо в борт идиотам, даже сомнений никаких, но Глоин, коротко выругавшись, лишь даванул на газ и, вывернув руль, заложил крутой вираж, пронесаясь в каких-то миллиметрах от военного внедорожника. Мастер-гонщик, блин! Гномы вообще хорошо в технике разбираются, водители первостатейные, а тут, конечно, высший пилотаж – газ вместо тормоза!

– Кто вас ездить учил, придурки! – ярости Глоина не было границ. Он встопорщил бороду и прожигал взглядом военных из виллиса. Их было трое – все молодые парни, даже унтер-офицер казался мальчиком лет семнадцати. Вообще, говорят, что в таких маленьких гарнизонах, в тихих городках, можно прикупить чин – не офицерский, конечно. Можно за пятьсот-семьсот золотых прямо из учебки прыгнуть на сержанта. А если учесть, что жалование военным выплачивается неплохое, да то, что сержант имеет власть не меньшую, а в каких-то делах и большую, чем офицер, то такая покупка – ужасно выгодное вложение денег. Молодой унтер, значит, и два его прихлебателя – или ошибаюсь?

Солдатики своим положением не смутились, пулеметчик за турелью направил прямо мне в грудь ствол ПКБ, вот зачем он это?

Сержант, явно красуясь, крикнул задорным юношеским баритоном, указывая на меня

пальцем:

– Что, Глоин, не дотерпел до сорока четырех?¹⁷

Оба рядовых дружно захохотали. Начинается. Как увидят меня, так и начинается. Может, у военных у самих что-то не в порядке – всегда об одном и том же. А ведь у кого чего болит, тот о том и говорит. И в драку с ними не полезешь – пристрелят, ссылаясь на чрезвычайное положение.

Я в таких случаях пользуюсь именно такими вот детскими присказками – у кого чего болит, кто как обзывается... Действует хорошо, заводит. А иногда и молчу – особенно, когда на меня ствол пулемета направлен.

Глоин, конечно, молчать не собирался. Он высказался сперва на двергском – неплохо для начала, видно, что ругаться умеет, а затем перешел на русский. Унтер и солдатики много нового узнали о себе и своих отношениях с уставным обмундированием в пределах казармы...

Вот это Глоин зря – у пулеметчика аж зубы скрипнули – так он за свою честь обиделся. А начинать не надо было. Молоденький унтер сделал морду кирпичом и подтянул к себе стоящий в специальном гнезде карабин, демонстративно щелкая предохранителем. Нет-нет, да и косившийся на командира пулеметчик крепче приложил приклад пулемета к плечу, но не успели сеславинские вояки начать сеанс закошмаривания мирной и беззащитной нелюди, как, прямо через наши головы, с крыши стоящего за нашей спиной сарая в виллис прыгнуло невысокое, но плотное и гибкое чешуйчатое тело, очень длинное, метров до трех точно. Пулеметчик вмиг оказался без головы – вместо нее в воздух ударил невысокий фонтанчик крови, унтер открыл рот, но не успел ничего крикнуть – мощный шипастый хвост похожего на крокодила чудовища, только очень прыгучего и обладающего тремя парами конечностей, изогнувшись, ударил его в середину груди. Водитель виллиса попытался выпрыгнуть из машины, но он был пристегнут на совесть, и его рывок был остановлен страховочным ремнем. Короткое движение одной из лап с жуткими на вид когтями – и водитель обессилело повис все на том же ремне безопасности. При этом чудище повернулось к нам и напружинилось для прыжка.

У нас с Глоином были разные навыки, да и как им быть одинаковыми: я выхватил «чекан» из кобуры, а Глоин дал по газам. Взревевший мотор багги выстрелил коротким телом машины в переулок, а вот мой выстрел, конечно, прошел мимо головы чудища. Дальше я и не пытался стрелять – так меня мотало из стороны в сторону, когда Глоин бросал машину из одного поворота в другой. Это, кажется, называется контролируемый занос, но я бы на такое не решился никогда. С другой стороны, у меня и багги никогда не было.

Глоин вел машину по пустому городу, практически не убирая руки с кнопки пронзительно визжащего сигнала, я тщетно пытался понять, настигает нас чудище или нет, и через некоторое время – это сколько секунд – сорок-пятьдесят? – сообразил, что зигзаги, выписываемые Глоином, складываются в некое подобие круга – он ведет машину к изначальной цели нашей поездки – к полицейскому участку. Вот мы вновь выскочили на Центральную улицу, но уже с другой стороны от участка, вот перед нами мелькнуло обложенное мешками с песком крыльцо с расположившимися на нем двумя пулеметчиками, вот проскочили еще два виллиса, тоже с пулеметами на турелях, и только тогда Глоин остановил вильнувший задницей багги. Пылищи налетело – как будто весь день по степи скакали, а времени прошло всего чуть – около полутора минут, по моим внутренним часам, с того момента, как патруль порвали. Глоин открыл рот, чтобы что-то сказать, но только закашлялся, показывая рукой в ту сторону, откуда мы прилетели. Твари не было. Отстала, или решила не нарываться на четыре пулемета – только мелкая пыль стояла в воздухе столбом. К нам уже бежали...

¹⁷ В сорок четыре года гномам по их законам дозволено жениться, то есть «взять деву народа своего». Дотерпеть до этого возраста нормальному гному тяжело, так что молодых гномов из борделей за уши не вытащишь – они развлекаются с девами не «своего» народа. Это не запрещено.

Пока выяснялось, кто мы и по какому делу, Глоин узнал, что ночная стрельба была вызвана как раз той самой тварью, умудрившейся вынырнуть где-то возле пристани, прорваться в город, а по пути почти полностью порвать военный патруль, прикрепленный к Василию Васильевичу из контрразведки. Сам Василий Васильевич был ранен и теперь лежит в местном госпитале без сознания. Его вот жалко, приятный же собеседник, хотя и наглый. Так что пристава Ивана Сергеевича никто ни в какие дыры не того... Все впереди, в двойном объеме. И настроение у него, надо полагать, отличное. И будет еще лучше, когда ему сообщат о гибели второго патруля.

* * *

Иван Сергеевич осунулся, но, по-прежнему, стрелки на его форменных брюках были безупречно отглажены, а височки взбиты в аккуратную прическу а ля Денис Давыдов.

– Ну, подумайте, Петр Андреевич, зачем вам это? Какой из вас охотник? Тут ведь знания нужны, навыки да и оружие... У вас же ничего этого нет. Стрелять, предположим, вы умеете, но ведь меткость – это скорее присущая всем эльфам способность, чем ваша заслуга. Деретесь вы неплохо, особенно когда противник не готов к вашей атаке. Но тварюшку эту вам на слабо не пробить, она с вами в трактире балакать не будет. А пули в нее и без вас есть кому всаживать.

– Что-то результата не вижу, Иван Сергеевич. И где эти герои, которые пули всаживают? Не вижу пока...

– Петр Андреевич! – пристав повысил голос, глаза засверкали. – Вы кого угодно из равновесия выведете! Как бы я к вам хорошо не относился!

– Это ваше хорошее отношение в том выразилось, что меня подвергли унижительной процедуре обыска?!

Иван Сергеевич возвел очи горе и тихонько вздохнул. Как я понимаю, у этого господина три способа выражения гнева – он кричит, потом вздыхает, потом вызывает расстрельную команду. Последнее не нужно, лишним будет.

– Подождите, Иван Сергеевич, тварюшка ведь эта, как вы изволите называть, не тварюшка вовсе, а колдун-оборотень, размножившийся, или колдуны-оборотни. Или двойники колдуна-оборотня. А вот их на слабо я возьму так, как вы никогда не сможете! – Ага, задумался! точно додавлю сейчас...

– Чтобы колдуна на слабо взять, надо, чтобы он из крокодила опять в человека превратился... Это вы как планируете?

– Ну, не знаю еще, но обязательно придумаю! – что-то мне такой поворот беседы не нравится...

– А вот как придумаете, так и приходите... До свидания, Петр Андреевич!

– Да посмотрите, для вас ведь лучше будет, – зачастил я, кураж, кураж! – вы лицензию дадите, деятельность ваша документально зафиксирована будет, глядишь, мне удача улыбнется! И обоим нам выгода! А не дадите лицензию, все равно на охоту выйду, не удержите.

Пристав смотрел на меня уже спокойно, по-деловому.

– А незаконную деятельность я могу и пресечь... И шансы ваши невелики очень, Петр Андреевич... Да нахальство – второе счастье. И удача вам в чем-то улыбнулась, это точно. Тут на вас из Департамента безопасности прелюбопытный документик пришел по телеграфу, по моему запросу, точнее, еще Василь-Васильич распорядился. О том, как вы с должности преподавателя Тверской Академии вылетели, без выходного пособия. С должности, кстати, дающей право на классный чин. После драки в местном борделе с неким профессором, доктором магических искусств... Так что тут я вам верю – колдунов из себя выводить вы умеете...

Пристав позволил себе ехидную улыбку. И еще одну. Представил, наверное, как я от «толчка», с оконной рамой на плечах, со второго этажа вылетел. Но выгнали все равно меня,

а вовсе не того колдуна, который ко мне магию применил.

– И еще в справке сказано было, что кроме вздорного характера и привычки выступать там, где не просят, вы ни в чем дурном, вроде, не замечены. Вообще, эта справка вам здорово жизнь упростила, – без сведений о вашем прошлом я нанять вас все равно бы не смог. А тут как на грех... поднимите, поэтому, правую руку и повторяйте...

Я послушно повторил, особо не вникая, все эти словеса о том, как обязуюсь и не допущу, после чего Иван Сергеевич вручил мне гербовую бумагу, к магическим печатям которой мы оба приложили большой палец правой руки, и в которой было изложено, что ввиду чрезвычайных обстоятельств со мной, Петром Андреевичем Корнеевым, полуэльфом, заключается договор на предмет того, что я вхожу, на платной основе, в специальную группу по найму городского ополчения города Сеславина, сроком до уничтожения или пленения неизвестной доселе твари, или же сроком на две недели, буде такая тварь не может быть поймана и уничтожена.

– Что??? В ополчение? Я думал, охотником! – взвыл я дурниной. Осмыслить содержание бумаженции почему-то получилось только после того, как палец был приложен, а магическая печать несильно полыхнула фиолетовым светом, закрепляя сделку.

– В ополчение, в ополчение, дорогой Петр Андреевич. Да в группу по найму, то есть с наемниками, не с горожанами. Но, Петр Андреевич, обратите внимание, – на платной основе, это раз, командир специальной группы – ваш покорный слуга! – это два. Вот где у меня будете!.. – пристав, торжествуя, показал мне сжатый кулак.

– Помилуйте, Иван Сергеевич, да от меня в группе одни проблемы будут... Там ведь, я представляю, кого вы набрали – норлингов с пристани! Мне что, с каждым драться, доказывая, что я не верблюд? Когда тогда тварюшку ловить?

Пристав улыбался, как чеширский кот, нажравшийся сметаны.

– Вот от того все беды, что невнимательны вы, Петр Андреевич, очень невнимательны... И самомнение ваше за горизонт зашкаливает... Как, впрочем, у любого среднестатистического эльфа.

Тут он меня уел. Конкретно так уел. Но и расхлебывать ситуацию «эльф в команде норлингов» тоже ему. Так что он и себя уел.

– Я вас, Петр Андреевич, в команде не буду использовать – от вас там толку, как от козла молока. Источник конфликтов, больше ничего. Я вас как подсадную утку использовать буду. Поэтому оружие вам получать не надо – вашего помповичка хватит. Патроны компенсируем. Со следующего утра начнем. Но деньги можете получить сегодня. На неделю вперед. Вексель в канцелярии получите, скажете, я распорядился. Считайте это жестом доброй воли. Идите уже, Петр Андреевич, завтра в восемь здесь...

В отделении Ярославского банка – через дорогу от участка – вексель приняли мгновенно. А я стал богаче на двадцать золотых. Целых двадцать золотых. Огромные деньги – в стране дураков. Вот пролетел, так пролетел. Но, с другой стороны, если тварь сегодня пристрелят – то это Иван Сергеевич пролетел. А деньги обратного хода иметь не будут. А если завтра тварь пристрелят – опять пристав пролетел. А послезавтра? А вот дальше – не знаю. Дальше, похоже, я пролетел. Куда, кстати, нормальные наемники делись, что меня пристав нанимает? Биржи тут нет, что ли?

С таким вопросом я отправился обратно к Глоину, который возился со своей машинкой прямо на стоянке возле участка.

Биржи в городе не было. В городе вообще было мало войск – половина гарнизона, да еще два сторожевика, контролирующих стратегически важный пункт слияния двух рек – Шакши и Великой, отправились поближе к Тверскому княжеству – там разгоралась война с эльфами Закатной пущи и какими-то бунтовщиками, вроде даже неплохо вооруженными. И все это вблизи от границы с Ярославским княжеством. Понятно, что все должностные лица рыли носом землю, надеясь на награды и чины. Решение присоединить к городскому ополчению группу наемников было нестандартным, судя по всему. И, похоже, Иван Сергеевич не очень жаждет, чтобы из Ярославля набежала толпа начальников.

Быстро, кстати, они мою историю пробили. Плевать, на самом деле. Теперь посмотрим, что мы из этой гербовой бумажки выудить сможем. Без бумажки ты... сам знаешь кто, а с бумажкой – ого-го!

Бляху урядника или охотника мне, конечно, не выдали, а жаль – в нее заклинание постоянного действия против морока и ментального доминирования вшито. Но их только тем, кто на постоянной основе, выдают. Ополченцам, тоже, кажется, ничего не выдают.

* * *

– Ко мне, Петя, сегодня родня приезжает, – Глоин, забежавший на почту, кряхтел, млял бланк телеграммы и прятал глаза, – ну, ты понимаешь, я их должен как-то в доме разместить, а мастерская под заклятьями и опечатана.

Высморкавшись, Глоин продолжил, еще более засмущавшись:

– В гостиницу их не поселишь – обида смертельная! Они меня вроде как поддержать приезжают, напели им что-то про мое душевное здоровье... А гостевая у меня одна...

– Не волнуйся, Глоин, я сегодня ведь съезжаю. И так загостился!

Глоин поднял на меня глаза, подозрительно быстро наливающиеся бешенством – покладистостью характера гном не отличался, даром что ювелир.

– Я тебя не гоню, Петя, не дергайся! Решу я это как-нибудь!

– Глоин, я правда сегодня съезжать от тебя собрался, – тут я решительным жестом не дал Глоину прервать себя, – в любом случае, сегодня я ночевать у тебя не буду. Видишь ли, есть такое дело...

– Дело? – Глоин посмотрел на меня с интересом, – да какое дело у тебя может быть? Ты же подрядился тварь пристрелить? Ночью, что ли, на охоту пойдешь? Последнего ума решился?

– Что ты, Глоин, – я замахал руками в притворном испуге, – тварь подождет до утра. Ночью у меня другое дело будет.

– Да какое дело ночью? – Глоин был в полном недоумении. Сейчас я его огорошу.

– Понимаешь, Глоин, в аборигенских городах, в Старых княжествах, расслабиться сложно – как в бордель пойду, так в драку влезу... А в городах у пришлых – лепота!

– Чего?

– Красота, в смысле! Законность, порядок, высокое качество обслуживания, сортир теплый и душ с горячей водой.

– В бордель собрался, Петя? – гном посмотрел на меня ошалелыми глазами, потом открыл пасть, и я в очередной раз услышал его громовой хохот. – Вам же, эльфам, раз в год нужно!

– И этот раз наступил.

Глоин ржал, не переставая. Несколько раз ему не хватало дыхания, он широко разевал рот, прижимая ладони к солнечному сплетению, тяжело переводил дух, но потом снова разражался таким гомерическим хохотом, что вздрагивали урядники за баррикадой у полицейской части.

Отсмеявшись, Глоин заметил совершенно серьезно:

– Давно так не веселился... Но ты знаешь, в борделе деньги нужны. Там бесплатно не обслуживают.

Деньги у меня были, о чем я Глоину и сказал. И даже показал. И сказал, что раз деньги получил, то, во-первых, все равно в гостинице бы поселился, а во-вторых, приглашаю его в кабак – отмечать мой первый рабочий день в качестве городского ополченца с правом умереть первым. Глоин только крутил пальцем у виска и говорил, что мне точно в бордель надо, чтобы перед смертью, когда вся жизнь перед глазами проносится, не было стыдно за бесцельно прожитые годы.

* * *

– Не по адресу пришел, ушастый, здесь мальчики не работают!

Огромный, пузатый, в одной кожаной безрукавке на голое тело, весь расписанный татуировками по зеленоватой коже орк поигрывал деревянной дубинкой, постукивая ей по грязной ладони. А еще своей тушей он занимал все крыльцо веселого дома.

– Прекрасно, маленькая моя, я как раз люблю девочек!

– Чего-о-о?

– Ты же здесь работаешь?

– А-а-а?.. – Орк потерялся, он явно не знал, что говорить. Он чувствовал, что его как-то опустили, но пока не понял, как. Надо ему помочь.

– Раз мальчики здесь не работают, значит, ты – девочка! – С этими словами я издал чмокательно-поцелуйный звук, облобызал воздух, так сказать.

Этого орк уже потерпеть не мог. Он взревел, дубинка взлетела в богатырском замахе, но, когда она опускалась, со свистом разрезая воздух, я быстро шагнул в сторону и вперед, проскакивая под ней, и воткнул ублюдку в глаза напряженные пальцы. Орк издал хлюпающий звук, выронил дубинку и рухнул на колени, зажимая лицо руками. Еще бы, сам, всей своей тушей, напоролся. Сколько там килограммов? Да еще скорости сложились – движения навстречу шли. Нельзя быть таким предсказуемым в реакциях. Я знал, что он будет делать, еще до того, как он замахнулся. Да и любой бы догадался. Орки все же слишком эмоциональны для серьезного боя и ловятся на простых подначках, как дети. Хотя ребята жестокие и выносливые. И в затяжной бой с ними лучше не вступать. Опа, а это кто? Едва успел заметить, что в мою сторону устремились еще два орка, видимо, вышибалы из соседнего кабака или дома терпимости. Семейный подряд, что ли? Два разъяренных орка – это серьезно. Смываться надо. Эти ребята разговоры разговаривать не будут. Я добавил с ноги подвывающему орку куда-то по затылку и встал так, чтобы поверженный противник лежал между мной и орками. Перед корешами повыводываться захотел, мол, смотрите, как я проклятого эльфа уделаю, теперь будешь мне складкой рельефа. Как подбегут, оттолкнусь от лежащего орка, как от ступеньки, и в прыжке засвечу ногой первому в физию. Дальше по обстоятельствам.

Орки стремительно приближались. Я стоял на месте и ждал. Ровно бегут, кто же первым будет? Один из орков, не добегая примерно пяти шагов до меня, вдруг резко затормозил, так что искры из-под каблучков брызнули, и схватил своего приятеля за плечо. Тот зарычал, обнажая клыки, но остановился.

Полицейский патруль из четырех человек, вывернувший из-за угла, неторопливо направился к нам. А то я их не чуял.

– Что происходит, господа? – безразличный тон старшего урядника мог обмануть кого угодно, но мне не верилось, что патруль оказался за углом случайно. Как же. Совершенно случайно усиленный патруль выворачивает из-за угла, когда я выхожу из гостиницы, случайно тащится за мной три квартала, случайно останавливается, чтобы не мешать моим разборкам с одним орком, а также совершенно случайно появляется в поле зрения, когда исход сражения легко предсказуем. С их точки зрения. Ивану Сергеевичу неохота терять свою подсадную утку?

Орки бросили на меня ненавидящие взгляды и подошли поднимать своего приятеля.

– Упал неудачно, наверное... споткнулся? – озвучил я свою версию, с недоумением глядя на полицейских и разочарованно на орков. Их, конечно, отпустят. А жаль, мне было бы приятнее, если бы им по почкам в участке насовали.

– Первый раз такого нахала вижу... – недоумение урядника было на порядок искреннее, чем мое. – Арестовать бы тебя, ну хоть за хождение в одиночку, да в холодную, – урядник сплюнул под ноги и осуждающе уставился на меня. – Иди уже, куда шел, Ивану Сергеевичу спасибо сказать не забудь...

Это уже оркам намек, чтобы не лезли – проклятый эльф под защитой важной шишки.

Куда идем мы с пяточком, конечно же, в бордель. Особенно, если он в удачном месте

расположен... И зашел в сени.

Интересно, как здесь расценки, вероятно, пятак хватит, если золотом.

Встретили меня со всем уважением. Клиенту, уделавшему вышибалу, должны оказывать всемерное уважение, раз он такой сильный, пока не осознают, как в том анекдоте, что он – легкий.

Мадам этого заведения под вывеской «Принцесса Греза» была не слишком старой и совсем не противной, не старше тридцати семи, в крайнем случае, тридцати восьми лет. Полноватое, но не лишенное приятности лицо, прекрасные, густые и толстенные на вид волосы цвета спелой ржи – люблю такие. Невысокая, но фигуристая, изрядного обхвата, что в груди, что пониже, Глоину бы понравилась. Ухоженная. Аборигенка. Смотрит чуть настороженно, но с любопытством. Еще бы, не часто в Сеславин эльфы забредают. Но вот если забрели, то насколько часто они в местные дома разврата заходят?

– Прекрасно выглядите! – дежурный комплимент даже старой шлюхе – вот они, издержки воспитания. – Волосы у вас превосходные, – а это уже от чистого сердца. Протягиваю руку, чтобы погладить. Надо же, отстранилась. От меня, Лучшего Дон-Жуана всех времен и народов! Пойду поплачу в уголке.

– Девушки в зале, господин... Я всего лишь встречаю гостей. – Что ее улыбка означает, кто бы сказал? Издевается?

– Если они хоть чуть-чуть похожи на вас, то я пришел не напрасно.

Не ожидала? Интересно, комплименты ей часто говорят? А двусмысленные комплименты?

Прохожу в зал, ничего так интерьерчик, только с красным бархатом переборщили. Комнаты на галерее, антресолями называются. Вдоль стенок на стульях сидят унылые жрицы любви – одна зевает, другая в носу ковыряется, третья рожки накладные перед зеркалом поправляет. Все равно до тифлинга-женщины не дотягивает. Одна в черную кожу затянута – и фуражка с высокой тульей, и ботфорты, и даже бич поролоновый – классика. А вот еще одна в коротком коричневом платье, белом фартучке с кружавчиками и в очечках – вроде школьница-малолетка. Так, кажется, те – актуальные, что в ящериц – крокодилиц одеты и морды разукрасили – старые какие-то. Краской морщины замазывают, да не совсем здорово получается... Как они тут руку на пульсе держат – поразительно даже. Появилась крокодилица на улице – зайди в бордель и оттянись с ней по полной!

Вот и попал я в гнездо порока. Видимо, только очень пьяный или обдолбанный человек может посчитать этот порок привлекательным. Девицы, в общем, как девицы, есть и молодые, и даже довольно симпатичные, но у всех какой-то нездорово-усталый вид. Серенькие они какие-то, невзирая на румяна и прочие женские штучки. И от этого одинаковые, как печать на всех. Не выпались, что ли? И ведь в каждом борделе так.

Ломается что-то в женщине, которая в веселом доме оказалась. И интерес такие женщины могут вызвать только у тех мужчин, которые нормальных женщин не видели. Как у ребенка, который не видел игрушек, интерес вызывает пучок соломы, завернутый в мешковину, с нарисованными углем глазками.

Так, надо выбирать. Я же эльф, и не надо выходить из образа. Полногрудые и пышнозадые, так называемые «шикарные» – то есть полная противоположность эльфийкам – вот что будет правильным выбором. Единство противоположностей, как говорил классик немецкой философии. Повернувшись к сопровождающей меня Мадам, я царственно-скучающим голосом сообщил ей, энергично размахивая руками, что хотел бы познакомиться со скромной девицей – ну, и руками показал, какие объемы груди, какой зад, какой рост. И чтобы глаза голубые-голубые... Руки в локтях, кстати, я не сгибал.

Мадам смотрела на меня, как ребенок на карусель, открыв рот и едва не пуская пузыри. Взрослая тетка, а ума ни на грош. Да и нужен ли ей ум в таком месте? Ум и хватка деловая – разные вещи, в общем-то.

Подумав чуть-чуть, я доверительно сообщил мадам, что рост – не самое главное в женщине и как мог выразительно посмотрел ей в голубые-голубые глаза. Покраснела?

Показалось, наверное.

Девицы оживились, защебетали, Мадам подозвала коротким движением руки какую-то крашеную рыжеволосую девку гренадерского роста, с огромной грудью, почти полностью выпяченной в огромном же декольте, шнобелем, как у астраханского морского линкора, и синими глазами размером с блюдо.

Я королевским жестом протянул Мадам оговоренную плату, и стал подниматься по лестнице за монументальным символом здорового питания, при отсутствии воспитания, который топал передо мной, очевидно сдерживаясь, чтобы не шагать через две ступеньки, потому что девице-с неприлично-с! А торговать собой, как селедкой на базаре, стало быть, прилично.

Дошли. Комнатка маленькая, кровать большая. Уборная, впрочем, ничего, чистенькая. На деревянной спинке кровати – тряпичная кукла, с голубыми-голубыми... Тьфу! Платице на кукле довольно захватанное, до сих пор, что ли, играет? Приходилось встречать девиц легкого поведения, которые и в куколки играли, и над стихами о том, как крокодил наше солнце проглотил, рыдали. А стихов о таинственном жирафе не понимали... Я по молодости много глупостей делал. Стихи в борделях читал...

Я читаю стихи проституткам

И с бандитами жарю спирт...

Тьфу ты, пропасть! И ради этого я с орком дрался?

Совсем затосковав, я сел на кровать. Ладно, сейчас я на разведке, но дальше-то что? Эльфийка за меня замуж не пойдет, скорее всего, человеческая женщина – тоже вряд ли. Переспать, ради интереса, чтобы перед подругами похвастаться – это пожалуйста, был такой у меня печальный опыт. И не один раз. А дальше – ни-ни. Ни дома, ни денег, ни занятия серьезного. И с детьми непонятно что – смогу я детей иметь, или нет? Надо, наверно, полуэльфийку искать, такую же, как я, да, закрыв глаза, жениться.

Ночная бабочка-гренадер стояла посреди комнаты, замерев, как на часах, и внимательно смотрела на меня. Чисто автоматически похлопав по кровати рукой, я мгновенно оказался в неустойчивом равновесии – под девицей кровать прогнулась довольно сильно. Центнер живого веса, не меньше. И, кстати, никакого удивления визитом симпатичной нелюди... А о чем это говорит?

– Зовут тебя как?

– Зефира! – ответила девица звонким, почти металлическим голосом.

– Да не здесь, а по-настоящему.

– Ардальей мамка звала, да вам на что, господин хороший...

– Ну ты же знаешь, как мое имя звучит, вот и я захотел твоё узнать. Справедливость люблю. Кто, кстати, меня назвал? – взять на пушку несчастную девицу даже как-то совестно.

Ардалья захихикала, шмыгнула носом, отчего на окнах вздрогнули занавески, и не без удовольствия рассказала, что обо мне все уже в городе знают, потому что городок маленький, а я, пользуясь такой известностью, мог бы скидку выторговать у Мадам – я ей рекламу ведь своим визитом делаю. И орк, Шырк, специально драться полез, а на самом деле он быстрый, и дубинкой владеет мастерски. Вот как, значит. Надо было нож ублюдку под ребра загнать, пока время было.

Но на Ардалью я впечатление явно произвел – ей понравилось, что я от двух других орков не побежал. Смелый такой. Оказывается, всю эту сцену они из окна наблюдали. Всем женским коллективом. То-то я подумал, что слишком много девиц в гостинной прохлаждается. Выбор у меня был какой-то нереальный, городскому голове такой, наверное, предоставляют. По праздникам. Должны ведь, по идее, в комнатах сидеть, вызова ожидать, как Мадам распорядится. А они, оказывается, на шоу бесплатное собрались.

– Глоин заходит? Который Глаз. Будь я на его месте, такую красавицу бы не пропустил.

– Заходит по вторникам и субботам. – Ардалья пренебрежительно махнула рукой. – Он тут постоянный гость, только не ко мне, чаще к Лейле.

– Лейла, эта такая, под крокодилицу зеленую?

– Нет, не под крокодилулицу, под дракошу – это Таха, а Лейла под тифлинга – с рожками.

Ишь какой у нас Глоин выдумщик. Родня к нему приезжает, утешать будут. Знаем мы эту родню – привезут инструменты и материалы, чтобы работать прямо в спальне, пока мастерская опечатана.

А еще родичи заберут три смарагдика, меньший из которых на девять с половиной каратов.

Вот сволочь я – Глоин ко мне со всей душой, а я такие мысли про него... Где камни, где камешки? А ведь был в истории пришлох времен Короля-Солнце такой ювелир галльский, Рене Кардильяк, который за бриллиантовые украшения своей работы своих же клиентов мочил – недостойны, де, владеть, вкуса художественного не нагуляли...

– Ладно, Ардалья, ты вот что, слушай внимательно.

Я попытался на пальцах объяснить Ардалье, как она мне нравится и даже изобразил неожиданный приступ страсти – с неизбежным облапыванием и обхлопыванием по всем упругим местам ее немаленького тела. Даже утомился слегка, производя этот незамысловатый, в общем-то, массаж. К каждой женщине свой подход нужен, но проститутка – это уже не совсем женщина: ее личностные качества как-то смазываются, уступая место условным рефлексам. И первый условный рефлекс, насколько я понимаю, – клиент должен ее хотеть. Если клиент не хочет, то ночная бабочка ситуации не поймет – и испугается. И что будет дальше – неизвестно. Мне сложности были не нужны – и так жизнь сложная: вон, Иван Сергеевич обещался из меня подсадную утку сделать, поэтому я попытался уверить Ардалью, что хочу, возделую и практически влюблен. А потом попросил о пустяковой услуге. Прекрасно оплаченной к тому же. И подкрепленной бумагой с подписью Ивана Сергеевича, где я почти что должностное лицо, куда круче, чем охотник.

Ардалья в моем обществе чувствовала себя раскованно и весело – почти все женщины так себя со мной чувствуют, угрозы для них, чисто гипотетически, я не представляю... Да и на самом деле, это я сам ее чуток побаивался – вот навалится сейчас и задавит грудью – что делать тогда? Поэтому помогать мне в благородном деле спасения города Сеславина от ужасного чудовища Ардалья согласилась с радостью и даже в ответ гордо показала свой «тугамент» – желтый билет то есть, с отметкой полицейского управления и печатью врача, что очередной медосмотр пройден. Вот это да! А я, по наивности, считал, что желтый билет ограничивает гражданские права женщин. Вот и нет! С этой бумажкой некоторые аборигенские женщины чувствуют себя, оказывается, как чиновник, получивший классный чин и право на дворянский герб.

В качестве конкретного дела Ардалья обещалась не спать и моментально открыла собственным ключом – вот не уверен, что Мадам про этот ключик известно, – решетку на окне. Решетка была чугунная, кованая, неплохой работы, да и ухоженная – нигде ни капли прозелени, везде глубокий черный цвет. А вот замок на ней был довольно несерьезным – точно не гномская работа, так, кустарщина. Сэкономили на замке...

Я вылез из окна и, стоя на карнизе, махнул рукой жрице любви, чтобы она снова закрыла замок. Чешуйчатую, как мне кажется, такая решетка и такой замок не остановят – но я не хочу иметь на своей совести дуру-Ардалью, которой помочь ничем не могу...

План мой был прост, если не сказать, примитивен – залезть на крышу и осмотреться. И осмотреть райончик аборигенов, рядом с условным центром которого и стоял дом терпимости, куда я сегодня зашел. Если тварь, как я думаю, вовсе не тварь, а оборотень, то, значит, есть в городе некто, кто этому чуду-юду помогает. И этот некто, скорее всего, абориген – помогать колдуну-оборотню пришлое не будут. Или будут? Как-то ведь скрылся после неудавшегося похищения гнома четвертый из братьев-близнецов, сидевших в «Розовом какаду». А «Розовый какаду» – вон он, рядышком совсем. Я этот вертеп порока, притон разврата и женское общежитие имени Принцессы Грезы и Розы Люксембург в одном флаконе еще на подходе к ресторану заметил... А четвертый из злодеев далеко убежать не мог – где-то совсем близко затаился. Где-то сумел отсидеться, у кого-то, кто его приютил.

Так как этого типа найти?

Понятно, что Иван Сергеевич зазывает меня на завтра недаром. Сегодня ночью я буду только мешаться – сегодня ночью, надо полагать, будет продолжена «Большая охота» силами полиции, вояк гарнизона и ополченцев. И городской голова уже подписал, скорее всего, вексель рубликов так на пятьсот золотом тому, кто тварь представит. Примерно двести пятьдесят за само чудище, надбавка за опасность, да еще в пределах города...

Днем тварь пытались преследовать, но бросившееся на патруль военных чудовище растворилось без следа в пылевом столбе, вырвавшемся из-под колес багги Глоина. Усиленное патрулирование не дало ничего. Надо было бы, конечно, еще сегодня сплошную зачистку проводить, но полицейские проваландались, похоже, как всегда... Состояние Василия Васильевича из Департамента безопасности неразбериху только усилило... Но и в ночной охоте есть смысл – никто под ногами не мешается, не то что днем, можно обойти все дома и выяснить, все ли в порядке. Днем-то вряд ли население по домам сидит – не двери же выбивать, чтобы выяснить, где злодей обретается... Теперь вот ночью будет весело. А я посмотрю отсюда – с крыши веселого дома, благо Глоин бинокль одолжил. Только посмотрю, никуда лезть не буду – у меня, как Иван Сергеевич справедливо выразился, шансов маловато.

* * *

Ну, прямо факельное шествие! Идут, ханурики!

Плотные группы полицейских и военных, под прикрытием внедорожников с пулеметами охватили цепью пространство перед воротами города. Да это даже и не ворота, а целый комплекс зданий – тут и надвратная башня, и укрепления с крупнокалиберными пулеметами, и казармы пехоты, и кажется, сама комендатура. А в каких отношениях, кстати, Иван Сергеевич и военный комендант славного города Сеславина? И в каком он чине, этот гипотетический комендант? Толстый такой штабс-капитан с пушистыми усами? Носит саблю под мышкой и вытирает всегда красное лицо всегда мятым носовым платком? Или молодой, все еще стройный майор, скрывающий лысину прической «под гребенку», или, как модно говорить, а ля Александр Третий?

Ага, пошли... Хорошо, что дома в городе построены в относительном порядке – нет «скучивания», правила противопожарной безопасности соблюдены. Дома-то деревянные в основном. По плану город строился, по понятному и разумному плану, от старого Сеславина при Переносе, похоже, только название осталось. Часть между воротами и пристанью занята под склады, бордели и кабаки, зачастую совмещенные с гостиницами. Царство аборигенов и тех, кто на них делает деньги. Я вот сейчас сижу на крыше такого вот рая для аборигенов. И кто на мне деньги делает? И кому, кстати, «Принцесса Греза» принадлежит – не симпатичной Мадам ведь. Дальше – Рыночная площадь. А за ней – дома «коренных» сеславинцев, пришлых. Площадь как граница получается. В некоторых городах, где пришлые и аборигены вместе проживают, даже стену ставят между частями города. А иногда наоборот – все вперемешку живут... Так, передовые патрули на площадь вышли. Вдоль площади торговые ряды – почти все товары, кроме еды. Вот я бы там прятался. Еду, кстати, на другой площади продают – Волжской, это святое. Есть еще Арсенальная площадь, на которую выходит прямо от ворот Центральная улица, по которой мы с Глоином ехали... Идеи вояк были просты и легко осуществимы. Разбить город на части и зачистить. Понятно, что особое внимание именно нашему райончику. Тоже просчитали варианты... Окружают каждый дом, стучат в ворота, входят, выходят... Интересно, сколько мне так сидеть? Как-то формально, на мой взгляд, относятся – по две минуты – и к следующему дому. Так, теперь замереть – проходят мимо дома, на крыше которого я сижу. О чем-то говорят с орком-охранником, интересно, проморгался он? Мимо проходят. Где крокодилчик-то?

Крокодилушка не знает ни заботы, ни труда,

Холодит его чешуйки... там... какая-то вода.
Милых рыбок ждет он в гости в домике из камышей,
Лапки врозь, дугою хвостик, и улыбка до ушей.¹⁸

Как там в боевых наставлениях говорится? «При передвижении снайпера в условиях города необходимо избегать открытых участков местности и легко предсказуемых путей движения. Для этого можно использовать задние дворы домов, имеющие растительность городские аллеи, а также крыши зданий». Колдун-оборотень не снайпер, наверное, но передвигаться скрытно будет. Делаем вывод – нечего смотреть на солдат. На крыши надо смотреть, на крыши. Чем пахнет, кстати? Крыша веселого дома резко качнулась мне навстречу – я пригнулся, скорее, инстинктивно, чем осознанно. Воздух прямо за моей спиной сгустился, и на печную трубу, за которой я пристроился, упала тень. Страшная такая, нехорошая. Не разгибаясь, я бросился вперед головой и, перекувырнувшись, встал на корточки – а с корточек, разворачиваясь на сто восемьдесят, – на колено. Развернулся я уже с выхваченным и приготовленным к стрельбе «чеканом» и сразу выстрелил. Тень дернулась, метнулась влево, я выстрелил снова, а затем вынужден был прижаться к черепице – идущие снизу солдатики стали палить на звук. А чего стесняться? Они же знали, что наверху никого из «своих» нет.

Все, теперь точно каюк – если тварь не порвет, так солдаты изрешетят. Улица осветилась ударившими в стены домов лучами фар. В воздух сразу поднялись несколько световых ракет. Рев твари, которую зацепили густо летящие пули, был похож не на вой сирены, а, скорее, на испорченную ленту магнитофона, используемую для обучения древневилларскому. Такой звук на грани «у» и «а», противный, но не слишком. Нечисть так не кричит, голос нечисти двоятся или троится, кажется, что вопят несколько глоток. И по голосу похоже, что дело я имею с оборотнем.

И тут же трассеры прочертили линии к крыше соседнего дома. Перепрыгнула, что ли? И опять выстрелы сместились еще дальше, по направлению к пристани – если он так раненый прыгает, то как же он скачет, когда здоров? Придется Ивану Сергеевичу всех охотников со всего княжества вызывать. А чего ввали, что его пули не берут, вон он как дернулся от моей пули.

Нормальные эльфы из револьверов почти не стреляют. Отдача сильнее, чем из пистолета, вес оружия – тоже больше. Хват револьверный, конечно, не для слабаков. Усилие, опять же для спускового крючка не каждому нравится. А руки у нас, эльфов, хм-хм, изящные... И патронов в пистолетном магазине больше, и перезаряжать пистолет проще. А из револьвера зато можно стрелять сразу – большим пальцем только курок взведи – и вперед.

Ладно, обход крыши по периметру и обратно – в окошко к Ардалье... А это кто? Привалившись к трубе, прямо передо мной сидел, прикрыв глаза, невысокий худощавый лысый человек, в одежде явно большего, чем ему надо, размера. Вот жилет этот кожаный – ба! знакомые все лица! Это ж наш здоровяк, который Глоина похищать вздумал. Чего похудел так? С лица опал, не узнать! И рост, как можно рост изменить? Нельзя же! А куда солдатики стреляют? Лысый открыл глаза, дернул кадыком и прошептал:

– Помоги, Корнеев, Гаудеамус игитур¹⁹, не будь сукой...

* * *

¹⁸ Корнеев почти правильно вспомнил стишок из переведенной В.В.Набоковым «Алисы в стране чудес» Л. Кэрролла.

¹⁹ Гаудеамус игитур – начало студенческого гимна, который распевают все студенты. Пришел в Великоречье вместе с пришлыми и понятием «университет».

Ого, как заговорил! Гаудемус игитур, – это мое прозвище такое было, месяца два держалось – после того как я на спор спел этот гимн через магический усилитель голоса в четыре утра под окном квартиры ректора, еще когда преподавал в Тверской академии. Маленькая деталь: ректор как раз – в четвертый раз – женился на студенточке-первокурснице, и это была их первая брачная ночь. И вторая деталь – у ректора тогда хватило сообразительности не только не подавать на меня в суд, но и втихую не выгонять с работы...

Здороваться со мной этими словами стало чуть ли не новой традицией Тверской академии. Потом, конечно, забылось все, и называть меня так перестали. Значит, из наших, из «академиков»?

– А вы?.. – задал я самый насущный вопрос.

– Я Виталий Стрекалов с биологического – слова давались человечку с трудом, если он не притворялся, – помнишь, ты межфакультетский спецкурс вел?

Вспомнил я его, был у меня давным-давно такой студент. Посещаемость плохая была, но зачет сдал. Середнячок, но среди биологов чуть не гением считался – вот и остался потом преподавать в Академии, не знаю уж, на какой кафедре...

– Ножом бил, стрелял, или в окно прыгал? – этот вопрос был, пожалуй, еще важнее... И третий вопросик виделся уже – про изумрудики! про смарагдики!

– Помоги, Корне... – дыхание моего старого знакомого прервалось, и он начал клониться вперед, пока не ткнулся лбом мне в руку. Все, в отключке.

Глава 2, в которой герой несет службу, встречается, как ему кажется, любовь всей своей жизни, сражается и имеет ночной разговор со старым знакомым

Ардаля, в полной уверенности, что совершает важную миссию, помогала, как могла. В частности, она взялась организовать транспорт – в борделе, оказывается, был телефон.

Обладательница желтого билета не подвела, и короткостриженный темноволосый бородатый другар на открытом «полевичке» подкатил к веселому дому ровно в половину восьмого. Так, теперь одно дельце, и можно на службе появиться.

Что, Иван Сергеевич? Хотите из меня подсадную утку сделать? Хорошо-с. Только не учли вы, господин пристав, что я с разными начальниками работал, и каждый хотел из меня то подсадную утку сделать, то просто утку, яблоками фаршированную. И каждый со мной горя хапнул...

Бутылка гномской водки²⁰ – тут дешевый самогон больше бы подошел, но у Ардаля не было. Открыть, смазать волосы. Теперь налить на рукава и воротник. Хлебнул немного, прополоскал рот и выплюнул, воровато оглянувшись – не хотелось бы, чтобы водила увидел. Порядок. А что во рту горит, и вкус, как собака насрала, так это окупится – настало время любимых шуток Петра Корнеева.

Тарахтящий «полевичок», аккуратно проскользнув в ворота, медленно, по кругу, подъехал к крыльцу полицейской части, и ухмыляющийся водитель, библикнув, заглушил мотор. На крыльце, возле неизменно дежуривших там пулеметчиков, обретались Иван Сергеевич при полном параде и какой-то усатый унтер в полевой камуфляжной форме, приданный, вероятно, от военных, на усиление. Рядом же с крыльцом, напротив виллисов с ПКБ стояли, переминаясь с ноги на ногу, с десятков примечательных личностей: где-то человек восемь блондинистых норлингов, половина из которых была в кольчугах и трое другаров, черноволосых и чернобородых, сразу начавших усиленно перемигиваться с нашим водителем. Все вооружены крайне разнообразно, один из норлингов вообще держит на плече двуручник, грозно хмурясь из-под рогатого шлема. Кобура с «Молотом Тора»,

²⁰ Водку гномы гонят превосходную, гораздо лучшую, чем люди. А вот пива не варят, хотя пить его любят.

впрочем, не смотрелась на нем как-то чужеродно. Серьезный воин. Шлем-то откуда достал, из какого дедушкина сундука со сказками? А друэгары все как один с двустволками. Унтер, кстати, СВД-С баюкает, ствол гномской работы, похоже, матчевый, хороший такой ствол, прицел оптический тоже уважение вызывает. Эх, из такой винтовки пострелять бы...

Как и было запланировано, горделивую позу я не сменил. Принарядившаяся ради «выхода» Ардаля высочила из машины, распахнула передо мной дверцу, и я выпал прямо в ее заботливо подставленные руки. Иван Сергеевич приподнял бровь, но больше никак не отреагировал на такое эффектное появление, а вот унтер начал медленно, но неотвратимо багроветь. Норлинги и друэгары зашевелились и оживленно зашущукались. Подхватив меня под мышки, Ардаля почти что доволокла меня до крыльца с начальством, возле которого я решительным жестом отстранил ее, подтолкнув обратно к машине, и принял сравнительно прямое положение. Намек на положение «смирно», еще большее безобразие, чем если бы я, скажем, откровенно пошатывался. Аромат сивухи распространялся вокруг меня удушливой волной, веки я держал полуприкрытыми, чтобы не было заметно, что я трезв как стекло.

– Корнеев, прибыл... – хрипотцы в голос, но тут, чем меньше слов, тем больше шанс, что не раскусят. Застывший соляным столпом унтер со снайперской винтовкой был уже цветом с вареную свеклу, так что я начал опасаться, как бы его кондратий не хватил.

– Ну что, Парфенов, придется тебе самому со снайперкой управляться... Эльф, видишь, пьян, как свинья. Нельзя ему оружие доверять. А остальные вряд ли смогут... – совершенно спокойным голосом произнес Иван Сергеевич, обращаясь к унтеру, а сам унтер, наконец-то, начал подавать признаки жизни.

– Эльфа на гауптвахту? – жадным голосом набредшего на колодец бедуина спросил он, вцепившись в снайперку своими ручищами, как утопающий в спасательный круг.

– Ничего, не надо гауптвахты, – усмехнулся Иван Сергеевич, – пусть теперь перед отрядом приманкой идет, только патроны у него отберем, чтоб никого из своих не пострелял...

Вот так. Значит, изначально Иван Сергеевич снайперку мне хотел дать? А кто же подсадной уточкой должен был быть?

– Сваарсон, – продолжил пристав, как ни в чем не бывало, глядя на норлинга в шлеме, – вперед эльф пойдет, зря только железо нацепил. Можешь разоблачаться...

Точно! Этот рогатый должен был первым идти. Потому и шлем с кольчугой на нем.

Вот спроси Петра Корнеева, есть у него враги? Есть! И самый страшный из них, самый беспощадный и ужасный – это Петр Корнеев.

– Отлично, Иван Сергеевич, – к унтеру постепенно возвращался его нормальный цвет лица. – А то пули серебряные, тут контроль нужен...

Еще и пули серебряные – вот это да! На оборотня идем, как взрослые, с серебряными пулями. А я мог бы, под шумок, занывать патрон-другой... Вообще, облом.

– Ладно, приступайте... – Иван Сергеевич чуть не мурлыкал, – настойчиво зрело ощущение, что пристав как нельзя больше доволен сложившимся положением и даже мои шуточки ему по вкусу – настолько он наслаждался. Повернулся и зашел в дверь полицейской части, покинув крыльцо и оставив меня наедине с норлингами, друэгарами и унтером, смотревшим на меня, как сфинкс на глуповатых и недалеких путников, попавшихся ему на дороге.

– Налево шагом марш, – скомандовал унтер и досадливо сморщился, когда мы все, ополченцы «по найму», выполнили команду через пень колоду. В строевом шаге, как мне всегда казалось, нет ничего сложного, но как выяснилось, и ему надо учиться. Впрочем, унтер, по мере нашего движения, только морщился, но никак не комментировал потуги «особой» группы городского ополчения. Сдерживается... Какой молодец. Норлинги топали как умели, друэгары вообще молодцами, ну и я старался – все-таки виноват я перед унтером: мой спектакль на Ивана Сергеевича был рассчитан, а правильную реакцию дал не он, а безвинный фельдфебель, если я правильно разобрался в нашивках этого, как его... Парфенова. И чего это пристав такой довольный?

Фельдфебель оказался вовсе не фельдфебелем, а жандармским вахмистром, но от этого мы не слишком пострадали – гонял он нас строевым шагом недолго. До первого поворота направо, еще раз направо, и мы оказались на заднем дворе полицейской части, пустынным, поросшем веселенькой такой зеленой травкой – не успела еще запылиться, да и косить ее еще – не косили. В тени куста лежала дворняга, зевая и порываясь почесать задней лапой загривок. Как бы мне ей не позавидовать вскорости – день обещает быть солнечным...

– Становись! – зычно крикнул вахмистр, явно обрадованный тем, что на заднем дворе мы никому не видны и его достоинство не пострадает от того, что мы такие неумехи. – Оружие разрядить и приготовить к досмотру!

Ладно, это мы можем. А появится на заднем дворике чешуйчатая, так ее наблюдающий из виллиса военный патруль покрошит из пулемета.

Ко мне вахмистр направился в первую очередь. Выщелкав патроны из «тарана», я откинул барабан у «чекана» и подхватил ладонью вытолкнутые экстрактором патроны. Подкинув их на ладони, я с негромким стуком ссыпал все в карман. Вахмистр с удивлением посмотрел на меня, наткнулся на мой «расплывающийся» взгляд, тщательно проверил «таран», потом подобревшим взглядом осмотрел пустые камеры «чекана», заглянув в канал ствола. А «таран»-то и револьвер вычищены! Ай да я!

– Орел! – вахмистр Парфенов отошел вполне успокоенный, но снайперку и не подумал отдать. Я от такой военной косточки и не ждал, что он приказ не исполнит, хотя что-то сомневаюсь, что Иван Сергеевич имеет полное право ему приказывать.

А дальше началось что-то довольно интересное для всех, кроме меня. По команде Парфенова все разделились на три группы, почему-то по цветам. Красные, синие, желтые.

– Красные, вперед! Желтые, прикрывают! Синие, готовятся!

– Синие – вперед, Желтые – готовятся, Красные – прикрывают!

И так до бесконечности. Друзгары, Желтые, оказались понятливы и дисциплинированы, норлинги, несмотря на свой нордический темперамент увлекались и забывали о секторах стрельбы, которые им нарезал Парфенов. Главный их, Сваарсон, тот самый, в рогатом шлеме, вначале пытался дублировать команды вахмистра, но был немедленно поставлен на место самым грубым способом, с упоминанием всей его родословной в падежной парадигме. В других условиях Сваарсон уже дрался бы с вахмистром, но здесь он, кажется, признавал свою неправоту и только злобно сопел, услышав в очередной раз замечания Парфенова.

А я скучал. Всего-то делов – идти вперед, поворачиваться, идти назад, и так многократно. Я подсадная утка. Я иду вперед, и меня не касается, согласованно или не очень двигаются норлинги с друзгарами. И это повод посматривать свысока на тех и других. Я всего лишь улыбался, даже не ржал, пальцем тоже не показывал, но норлинги смотрели подозрительно, и, похоже, у Сваарсона будет шанс оторваться – за вахмистра. И еще я этому викингу дорожку перебежал в том смысле, что он, как самый храбрый, вперед рвался, а впереди-то я пойду. И не объяснишь ведь, что это первое место я бы с удовольствием ему уступил, даже доплатил бы.

А вот вопрос, кто еще в «платную» группу ополчения пойдет? Понятно, те, кто себя ценит повыше прочих. И быть просто грузчиками в торговых точках или там, докерами, паромщиками и вышибалами в городе пришлых им не очень весело. На родине-то они воины...

Перерывчик наступил примерно через два часа учений. Унтер убежал докладывать по начальству, что группа, выпущенная на улицы Сеславина, с вероятностью в 80 процентов друг друга не перестреляет. А мне бы лучше в сторонке постоять. Вот в тенечке и постою. Солнышко трудится не отлынивая. Норлинги собрались кучкой, что-то коротко переговорили, и почти сразу от них отделился невысокий, но широкоплечий малый с бесхитростным широким лицом и косичками на висках. Бородка у него едва пробивалась, такими тоненькими романтическими кудряшками. Но кольчуга из мелких колец сидела на нем так, как на мне, наверное, никогда сидеть не будет – для этого плечи бы мне отрастить

надо. Северяне разобратся решили, кто тут круче.

Норлинг быстро пересек двор и подошел ко мне с утверждением, высказанным, хотя отрывисто и злобно, но по-великореченски, то есть по-русски:

– Ты с нами не пойдешь, эльф!

– Конечно, я пойду впереди!

Вот тут он сел. Впрочем, пока я лью воду на его мельницу.

Оглянувшись на хмурую группу норлингов, даже не на них, а на угол здания, откуда мог в любую секунду выскочить вахмистр, и где уже маячил на стреме дозорный, зачинщик выложил свой главный козырь:

– Мы не пойдём за эльфом!

– Ваше право, сами с Парфеновым разбирайтесь!

Опять он сел. Сейчас пойдет последний довод. И точно:

– Мы таких, как ты..., камнями забиваем.

– Хоть вешайте, я не из таких.

– Все эльфы не мужчины.

– Врешь. Такие же мужики, как и вы.

Уперся, понимаешь, как баран. Можно, конечно, было по-другому. Спросить, откуда он так хорошо разбирается, кто..., а кто не...? Подозрительно это! Может он сам...?

Или просто объяснить учительским тоном, что если бы эльфы все «такие» были, как народ бы сохранился?

Но я тоже опасался, что вахмистр сейчас вернется, и решил не затягивать переговоры. И, кстати, машут уже норлингу, идет Парфенов.

– Отвечаешь? – быстро спросил норлинг.

– На кистенях? – так же быстро, по-деловому, спросил я.

На кистенях норлинги дерутся. И неплохо. Но бой этот особый, ритуально-обрядовый. На рождение сына такие бои устраивают, или на праздник какой, на солнцестояние, например. Так вот и дерутся между собой, а после такого боя победитель имеет право на зуб побежденного, хотя примерно в 90 процентах случаев обрядовые бои не заканчиваются смертью противников. Но выбивают зуб, как у мертвого, и в косичку вплетают. У молодца, стоящего передо мной, в косе три человеческих зуба и клыков каких-то чудищ – штук пять. И свои зубы, вроде бы, все целы. А сколько у него среди «человеческих» трофеев – «ритуальных»? Если много – мне не повезло, мастер-рукопашник, в таком случае, передо мной.

Норлинг поморщился. Еще бы, я ведь обрядовый бой затребовал, а отказаться от такого боя ему нельзя. И быстро не спроворишь – надо круг собирать, да по обряду все проводить. Не только до прихода вахмистра не успеть, после смены задерживаться придется. Вот и славно. Пусть адреналинчик у него «перегорит». Тут, главное, самому не перегореть.

А вот и Парфенов. Вывернув из-за угла, вахмистр призывно замахал рукой, и вся наша группа скорым шагом направилась к нему.

– Становись!

И выстроились кое-как.

– Заряжай!

Ну и зарядили оружие, уже не кое-как, а с чувством, толком, расстановкой. Тут никто халтурить не стал.

Все такой же нестройной толпой мы подошли к крыльцу, на котором нас терпеливо дожидался наш командир, Иван-свет Сергеевич.

– Вы заступили на дежурство в восемь, – просветил нас пристав. – Сейчас пол-одиннадцатого. Вы идете на обход, в половину первого возвращаетесь сюда. Отсюда в трактир на обед. После обеда разбор ошибок и отработка тактики. Потом – до восьми вечера – боевое дежурство на стене.

Вот такой план. Про обед пристав сказал явно для поднятия боевого духа. Дадут чашку перловки, кружку кипятку и полчаса времени, не больше. А как же завтрак, второй завтрак,

ланч, полдник, хай-ти, он же пятичасовой, диннэр и... нет, кстати, диннэр-то как раз в восемь. Можно и без диннэра.

Эх, надул меня Иван Сергеевич, сильно надул... Теперь вот на голодный желудок с норлингом биться. Другое дело, что я и не думал, что как-то по-мирному выйдет. Не получается у меня по-мирному, хотя я со всей душой.

Опа! Откуда ты, прелестное создание?

На крыльцо к приставу вспорхнула, кокетливо помахав ручкой двум урядникам, очевидно, и привезших ее на служебной виллисе, девушка лет двадцати двух-трех. В самом, что называется расцвете красоты. И откуда, спрашивается, весной у нее такой восхитительный загар? Как-то все мы, норлинги, друэгары, да и я сам засмотрелись на эту идеальную осанку вкупе с упругой, достаточно спортивной походкой. На девушке была недлинная юбка-карандаш и черный кардиган, небрежно застегнутый на две верхние пуговицы и почти не скрывающий обтянутую водолазкой высокую грудь.

Многим блондинкам идет черное. Но чтобы кардиган выглядел так, как на иных вечернее платье, – на это талант нужен. Многие девушки в двадцать два симпатичны. И наоборот, многие старухи в шестьдесят два – не очень. Но глядя на эту девушку, отчетливо понимаешь, что и в тридцать, и в сорок, а может, и в шестьдесят она будет вызывать у всех мужчин непроизвольную остановку дыхания. Вот как мы сейчас – задохнулись единогласно.

Один Иван Сергеевич скривился, будто ему праздник испортили. И скоро мы поняли, почему.

– Привет, па! – несколько интимно приветствовала эта нимфа пристава. – А где эльф? А, вот он! – и она уставилась на меня огромными темно-синими глазами совершенно бесцеремонно.

А я простил. И любой простил бы. Уверен, ей всегда все прощают. А я еще и Ивана Сергеевича за его подставу прощу – за то, что он такому чуду папой является. Ага! Буду отныне звать его папой! А как еще будущего тестя называть?

– Все, идите уже, – Иван Сергеевич не оправдывал надежд. Не оставил меня с красавицей-дочкой. А она же хотела со мной познакомиться! Ладно, тестюшка, припомним!

Мимо тестино дома, то есть мимо полицейской части!

Я без шуток не хожу,

То им. й в окно засуну,

То им ж. пу покажу!

Из песни слова не выкинешь, а мне надо срочно с тещей знакомиться. Буду звать мамой. Вот только один моментик, дочка Ивана Сергеевича на папу похожа, но и еще кого-то напоминает. И что-то в чертах ее аборигенское, что ее только красит. Мы, полукровки, вообще красивы. Вот тифлинги, например – тоже помесь. И красивы...

Появление красавицы не прошло бесследно. Из приглушенных шушуканий друэгаров удалось кое-что выяснить, в частности, что девицу зовут Наташей, что она единственная дочка Ивана Сергеевича, и что разговорчики отставить – это уже Парфенов вмешался, не шепотом, понятное дело. Плетусь, короче, вслед за вахмистром – настроение даже приподнятое, как бы подавленное, короче, слегка обалдел я, даже норлинги кажутся милыми и вежливыми. А они, вроде бы, на меня с каким-то иррациональным уважением стали поглядывать. Кстати, собраться надо. Если сейчас чешуйчатый «три в одном», или же чешуйчатые по отдельности появиться вздумают, нам хана. А что? Появится сейчас, норлингов порвет, с которыми драться придется – как тот патруль порвала, который шуточки шутил... Должна же тварюшка ко мне симпатию чувствовать? Или антипатию, я же убить ее подрядился... Пока я размышлял, норлинги с друэгарами перебежали от стенки к стенке, прячась за заборами и прижимаясь к бревенчатым стенам домов. Стволы их винтовок и ружей заботливо обегали все направления, особенно внимательно смотрели бойцы на скаты крыш и печные трубы. Город как вымер. Пару раз нам задавали направление стоящие на перекрестках виллисы с пулеметами и группами ополченцев. Уже нормальных ополченцев, не «по найму». Все было понятно: тварь ночью ушла под воду, как и в прошлый раз, а

полицейские катера не могут помочь делу, хотя и вооружены довольно серьезно. Но не сбрасывать же им глубинные бомбы по всей акватории. И ждут славные сеславинцы тварь обратно тоже ночью, когда, скорее всего, «платный» отряд ополченцев, мы, то есть, с боевого дежурства сменится отрядами нормально и единообразно вооруженных горожан, давно слаженных в серьезные боевые группы.

Это, как я уже говорил, понятно. Неясно другое: почему Иван Сергеевич такой веселый был? Или он, включая меня в группу, хотел именно скандала и драки? А зачем? Так прошло положенное время, и вахмистр, с комфортом ехавший сзади на все том же военной раскраски виллисе, который «прикрывал» наши учения, приказал возвращаться. Он четко отрапортовал Ивану Сергеевичу, вышедшему на крыльцо уже без дочки, и приказал всем идти к едальному заведению Михайлы Собакина, трактиру для аборигенов и прочих личностей, не обремененных гастрономическими пристрастиями и нежными желудками. Короче, всех, для кого количество важнее качества. На входе каждому из бойцов бдительный половой выдал тарелку, размером со щит норлинга, и направил всех к заставленному кастрюлями столу. Рядом со столом, впрочем, стояли бочки, и на фоне кастрюль они не выглядели слишком уж большими. Каждый мог наполнить тарелку только раз, зато и навалить в тарелку можно было именно то, что пришлось по вкусу в каких угодно пропорциях – селедку ли с крупными кольцами лука, картошку ли вареную с укропом, капусту квашеную, с клюквой, грибы соленые, яблоки моченые, какое-то порезанное на куски заливное, где среди необъятного желатинового пространства одиноко белел маленький кусочек рыбки, а в углу солнышком на детском рисунке сиял оранжевым светом кружок морковки. Из рыбы были еще какие-то неровные пирамиды беловатого цвета, что называется «в кляре», а из солений – вялые огурцы с расплзающимися помидорами и черемша, которую я, конечно, люблю, но в таких заведениях брать опасаясь.

Хлеба можно было брать сколько угодно, и был он неплох – явно пек его мастер, и мука с водицей не подкачали. Мяса не было вообще, то есть, вероятно, в трактире его и можно было заказать, но за свой счет, а вот по поводу заказа алкоголесодержащих напитков вахмистр нам еще перед входом все объяснил кратко и доступно. За что уважаю военных – за силу речевых оборотов. Когда многое – немногими словами. Так что клюквенный морсик из бочки – или уж колодезная водица.

Я наложил себе картохи, выловил какой-то прилично выглядящий огурец, кинул на блюдо пару спинок селедки. Ломоть хлеба – без хлеба вся еда у меня плохо идет, такая вот привычка. Чайку бы...

Сел за стол, конечно, в одиночестве, и не сомневался, что так будет. Ого, Сваарсон идет. Норлинг решительно выставил на доски стола свой рогатый шлем, лет пятьдесят доспеху примерно, старше самого бойца в два раза, аккуратно поставил тарелку, почти полностью заваленную селедкой, и сел, старательно заглядывая мне в лицо. Забавно. Прямо подвиг совершил, сев рядом с эльфом. Ладно, воин, познакомимся...

– Vart du heilur²¹, – поприветствовал я его традиционным пожеланием воинов остаться целым, что, собственно, и является аналогом «драс-сьте» у норлингов. Ответив чисто на автомате, норлинг оказался в затруднительном положении. Теперь представляться по имени надо и руку пожимать придется.

– Петр Корнеев, полуэльф, – представился я максимально понятно.

– Гуннар Сваарсон, ярл Чаячьего острова, – представился норлинг и протянул-таки руку. Хорошо, что на мне едва ли каждый новый знакомый тренируется в крепости рукопожатия. Вот Глоин, например. Рукопожатие норлинга, правда, отставало по крепости. Но ненамного.

Сваарсон подсел по делу. Оказывается, он имел намерение отговорить меня от драки на кистенях. Дескать, на кулаках прекрасно можно подраться. И никто не привлечет его

²¹ Так приветствовали друг друга викинги: желали друг другу оставаться целым, то есть здоровым.

племянника к уголовной ответственности за преднамеренное убийство эльфа. За которое, кстати, виселица, как и за убийство любого другого разумного. А мордобой и вообще могут не заметить. А если я соглашусь, то меня побьют аккуратно и совсем не больно. Наивный какой ярл. Надо было лучше время выбирать, когда молодого выделяться посылали. На фиг, на фиг. Нам такого счастья не надо. Сваарсон, конечно, сам не может со мной биться – не по чину ему, все-таки на родине он ярл, но что-то мне подсказывает, что если бы переговоры вел сам ярл Заячьего, тфу ты, Чаячьего острова, то результат был бы такой же. И еще я бы карту потребовал, посмотрел бы на его остров. Рупь за сто даю – нет такого масштаба карты, чтобы его остров нарисовали. Не то не обретался бы он тут, в городе Сеславине, в группе «но найму». Ладно, не буду требовать карты – вижу, волнуется человек за своего родича, как бы тому биографию убийство эльфа не испортило. Сейчас мы настроение этому Гуннару поднимем.

– Не волнуйся, ярл Сваарсон, я не убью твоего племянника. Побью слегка, но ты же знаешь нашу русскую поговорку – за одного битого двух небитых дают!

Чего все на меня так смотрят, как будто я сказал, что солнце квадратное? Вот ни с кем в этом городе нормально поговорить нельзя. Иван Сергеевич один нормальный человек. Так родня не считается! Ну и Глоин еще, если из нелюди.

Сваарсон осторожно отбежал, и вернулся уже с племяшом, оказавшимся Сигурдом. Какие у них всех имена героические! Оценка кистеней. Дело, достойное ярла. Цилиндрическое, с верхушкой под конус, тело кистеня Сигурда было отлито из какого-то свинцового сплава, украшено сложной чеканкой и начищено до зеркального блеска. По вычеканенному рисунку, как я понимаю, можно было узнать, к какому роду принадлежит Сигурд Сваарсон и в чем его личные заслуги. Красивые узорчики на биографии, что тут скажешь. Начищают кистени, конечно, именно для этого – чтобы всем было понятно, кто с кем бьется. Мой кистень был поменьше в длину, так в кармане носить удобно, и приближался по форме к еловой шишке, даже кое-где чешуйки были симитированы. Эти чешуйки, похоже, и привлекли внимание Ивана Сергеевича в нашу первую встречу – когда он подхватил мой кистень прямо с пола – так заинтересовался. А чешуйки-то ничего не значат, для красоты делали. Ну и если вскользь по морде прошкрябают – приятного мало. И сам кистень довольно топорно выкован из стали – чего тут мудрить-то. Я милостиво покивал на замечание ярла Сваарсона о том, что вес и длина моего кистеня уступают кистеню Сигурда Сваарсона, отметил, что по этому поводу претензий не имею, выслушал замечание о том, что иметь острые выступы на кистене как-то некрасиво и вообще, по-свински, и ответил в том духе, что мы, эльфы – жители лесов, поэтому кистень под шишку сделан – в традиции. С этим они согласились. Слово «традиция» на норлингов вообще успокаивающе действует. Что угодно можно им оправдать. Даже то, что эльфы никогда кистенями не баловались.

Подумав, я добавил, что, если Сигурд готов взять свои слова обратно, я его прошу. Напрасная надежда. И ярл насупился – по их понятиям я, наверное, что-то неприличное сказал. Это в ответ на то, что они ко мне со всей душой – как к человеку. Ладно, их дело. Главное, чтобы не оказалось, что побив одного из них, я должен буду биться с каждым из общины.

Никакой злобы к Сваарсону, что к дяде, что к племяннику, я не испытывал, подумалось разве, что надо было настаивать на дуэли на револьверах. Но тогда бы меня точно – за ушко и на солнышко, на виселицу, то есть.

* * *

Время дежурства не стене текло нестерпимо долго. Я уже насмотрелся на красоты Великой, широко разливающейся здесь, и на быструю Шакшу, впадающую в Великую, и на пейзаж за стенами Сеславина, состоящий из огородов и картофельных полей. Надоело. И размялся слегка, покрутив кистенем, пока никто не видит – давненько не брал я в руки шашек...

Дело шло к восьми, но солнце еще светило вовсю, когда спокойную речную гладь прорезал черный движущийся треугольник. Двигался он быстро – катер за таким не угнался бы. Пара секунд – и треугольник вполне можно стало рассмотреть – башка крокодила, заужена только сильно. Хвост твари работал не хуже винта, даже волна пошла. Я заорал, подавая голосовой сигнал, почти тут же закричал другой наблюдатель, расположившийся всего в десятке шагов от меня по стене, грохнул выстрел, завывла сирена.

Воздух наполнился грохотом крепостного пулемета, выбивающего фонтаны брызг из поверхности воды. Пулеметная очередь прочертила линию из невысоких фонтанчиков прямо перед носом твари, но она не замедлила хода. Вообще, что ли, инстинктов нет?

Мгновенно заскочив в мертвую зону для пулеметов, уже на берегу, тварь оперлась на хвост и спружинила, совершив такой прыжок в высоту, что ей позавидовал бы каучуковый мячик, любимая игрушка детворы и в Старых, и в Новых княжествах. Она оказалась прямо на бревенчатой стене, прилипнув к ней, наверное, вцепилась когтями. И вот она уже вне зоны огня почти всех часовых, кроме разве тех, кто рискнул бы пролезть между зубцами и забралом и, свесившись со стены, так и стрелял бы. Идиотов таких, или храбрецов, это как посмотреть, не было. Быстро перебирая конечностями – их было четыре, да и вообще тварь была почти что гуманоидного типа, она забралась по стене к ее вершине, но не стала протискиваться между зубцами, а одним прыжком оказалась на дощатой крыше забрала.

Кто-то, дико крича, стрелял по крокодилу почти в упор – чуть ли не через ту бойницу, которую он оставил под хвостом. Огонь велся теперь из всего, что стреляло. Норлиги с горящими взорами приникали к бойницам и палили в белый свет как в копеечку. Многие пытались стрелять на звук шагов твари прямо в крышу, которая больше напоминала теперь перечницу. Вот если дождик пойдет, часовым весело будет. Звук выстрелов, кстати, начисто перебивал звук этих самых шагов или прыжков – не знаю уж, как там тварюшка двигалась. Я, например, не сделал ни одного выстрела. Патроны-то не казенные, а попасть – не попаду.

Парфенов орал и матерился, требуя прекратить огонь, никто его, конечно, не слушал, и тогда он побежал вдоль цепи, раздавая тычки и едва ли не подзатыльники. Странно для опытного унтер-офицера, но вахмистр, похоже, трезво оценивал ситуацию: он ни разу не допустил, чтобы разгоряченный боец повернулся к нему всем телом вместе с оружием. Со мной у вахмистра не было проблем, так что он промчался мимо, как метеор. Наконец, наша группа прекратила стрельбу, все водили стволами, направив их в крышу, шагов твари, естественно, не было слышно. Слышно было, как матерится вахмистр. Надо было решаться.

– Господин вахмистр, позвольте выглянуть! – я попытался придать себе вид бравый и решительный и показал стволом «тарана» на крышу.

– Как ты выглянешь, Корнеев? – вахмистру, похоже, такая идея тоже пришла в голову. Снайперка висела у него на груди стволом вниз, но видно было, что на нее он не очень надеется – на таких расстояниях – а именно – от наших голов до крыши, образованной крепостным забралом, все решает короткоствол.

– Вылезу через забрало и посмотрю на скат – только и всего.

– Подстрелят дурака... – Парфенов, похоже, оценивал взглядом мои габариты и величину бойницы.

– Никак нет, – пролил я бальзам на его уставную душу уставным же выражением, – не стреляет никто.

И точно, стрельба прекратилась, только сирена завывала не хуже какой твари из Дурных болот.

– Ладно, рискни, – щелкнул вахмистр предохранителем на своем служебном кольце – патрон, видать, уже в стволе был. Тут же рядом с ним нарисовался Сваарсон в шлеме и с «Молотом Тора» в руке. С одной руки, что ли, садит? А рядом с ним пристроилась вся его гвардия со Скучающего, тыфу ты, Чаячьего острова. Эти точно в своих кольчугах не пролезут в бойницу. Так что сопи, не сопи, а вариантов нет. Закинув «таран» со сложенным прикладом на ремне за спину, взял в руку револьвер и полез в бойницу, аккуратненько так. Говорят, надо посмотреть, влезают ли плечи – тогда все тело пройдет. Ерунда. Главное –

влезает ли голова, а плечи можно протиснуть одно за другим, по очереди. Что и сделал. Потому что у кого что работает – у кого-то плечи, а у Петра Корнеева – голова. Встал на ноги с внешней стороны стены, ухватившись за доски кровли, стою как дурак, отгибаясь назад. Ладно, а мы так – револьвер в кобуру, в руку нож из ножен, что за голенищем сапога – пришлось подтянуть колено к груди. И подпрыгнем, и зацепимся – нож с размаху воткнулся в доски кровли, я сумел на нем подтянуться и, пробуксовывая носками сапог, влез-таки на крышу. Выхватил револьвер. Скат был не слишком крутым, так что я вольготно расположился на нем, рискнув даже привстать на одном колене. Твари не наблюдалось.

– Что там, Корнеев? – глухо прозвучал вопрос вахмистра откуда-то из-под ног.

– Нет никого! – смоталась, зараза! – с этими словами я осторожно подполз к верхней точке крыши и заглянул за скат, надеясь, что замечу тварь, прежде чем она заметит меня. Чуда не произошло. Твари не было, уже упрыгала куда-то. Хитрая какая! Поняла, наверное, что ночью ее будут ждать хорошие стрелки, а вот под вечер можно попытаться прорваться – и до темноты недалеко, и караулить будут плохо – устанут за смену. Какой-то очень человеческий расчет.

– Спускайся, Корнеев! – это вахмистр орет. А что делать?

* * *

Смена закончилась, но было еще одно дельце, которое никак не могло подождать до утра. Смешно! Где-то в городе бродит тварь, способная разорвать военный патруль за один удар сердца, а я тут с норлингами собрался в Малый круг.

Тот еще праздник... Сваарсон уверенно вел нас через город к пристани – на какой-то пустырь, где нам точно не помешают. Что ж, в каждом городе пришлых есть место, где хозяевами себя чувствуют аборигены.

Небольшой пятачок между сходящимися заборами и глухой бревенчатой стеной какого-то лабаза. Тропинка вдоль одного забора, тропинка вдоль другого... Ого, от стенки лабаза протоптали третью, молодцы какие! Кто не знает, тот не разглядит. И хоть третья тропинка в стену упирается, зато все в традиции. Перекресток трех дорог, так сказать. Молоденькая травка слегка пробивается по периметру почти идеального круга, но видно, что внутри круга ей не вырасти – так все утоптанно. Поле чести, хольм, не иначе.

Я бестрепетно взошел за Сваарсоном в этот отгороженный от цивилизации уголок. С озерником бы дрался – не был бы так спокоен. Упасть с ножом в почке или пулей в затылке задолго до боя, например, во время обсуждения условий поединка с «честным благородным секундантом» – обычное дело в разборках с озерниками. А норлинги свою честь блюдут. Тут можно не бояться, что подлость учинят. Тут ребята серьезные.

Встали в круг. Меня тоже пригласили. Это за храбрость, наверное, – вылезти из бойницы все-таки не так просто – если упадешь, то костей не собрать. А шанс такой был. Так что хоть здесь мне мой дурацкий поступок на руку сыграет.

Пошли посолонь. Тихо и молча прошли три раза, выбивая ударами каблуков ритм на каждом третьем шаге. Потом круг распался, оставив на прежней траектории меня с Сигурдом – моим противником. Все остались на местах, притоптывая сапогами и похлопывая себя по бедрам ладонями. А Сигурд и я продолжали двигаться. Тут уж я следил за своим противником очень внимательно – как бы не учудил чего. Он неожиданно сменил направление движения, повернувшись ко мне лицом, я сообразил, что обряд еще не закончен и сделал то же самое. И еще раз. И еще. Остановились. Сигурд подошел к дяде-ярлу, протянул ему патронташ, винтовку-однозарядку, которой был вооружен, ремень с револьвером – таким же чеканом, как у меня. Ну и я подошел, снимая оружие.

– По нашим обычаям, оружие проигравшего переходит к победителю, – нейтрально заявил ярл Сваарсон.

– По нашим – тоже, – с широкой улыбкой сказал я, изображая жадность во взоре и провожая глазами оружие Сигурда, перешедшее к седовласому норлингу с повязкой через

все лицо, закрывающей левый глаз. К нему же отправились мой «таран» и револьвер, вкуче с патронташем. Ножи пришлось тоже выложить. Одноглазый даже поцокал языком, рассматривая серебряное тиснение на ножнах того, что прятался в левом сапоге. Он бы нож в таких ножнах на пояс носил, ясен перец. Ярл Сваарсон поднял руку, и мы с Сигурдом встали друг против друга, слегка прокручивая кистени в руках. Хорошо еще, что Сигурд не левша. Проще будет, в каком-то смысле. Гуннар Сваарсон не стал произносить долгих речей, просто сказал, что полуэльф, упирая на это «полу-», Петр, сын Андрея, прозываемый Корнеевым, и Сигурд Сваарсон дерутся до тех пор, пока один из противников не перестанет оказывать сопротивление. После этого бой должен быть закончен раздачей зубов.

Как я понимаю, многие части обряда были Сваарсоном сознательно опущены. Потому что я чужак, не норлинг и полуэльф, напирая на «эльф». Например, были опущены взаимные обрядовые оскорбления и угрозы. Словесная баталия, предваряющая поединок и играющая роль психологической разминки. Мне, по крайней мере, хотелось послушать... да и высказаться тоже хотелось. От души.

Ладно, проехали, может, и к лучшему.

Гуннар резко махнул рукой, засвистели и заулюлюкали норлинги, образующие круг вокруг нас, Сигурд патетически выкрикнул что-то про Ульра, который ему обязательно поможет, пошел по кривой, срезая круг, направляясь ко мне, а я, качнувшись вправо, ему навстречу, сделал шаг влево, вроде как разрывая дистанцию, и снова вправо. И корпусом подыграл. Классический маятник, только на безопасной дистанции от противника. Сигурд прыжком преодолел расстояние до меня, взмахивая кистенем, – он посчитал, что я продолжу «качать» на публику и начну отступать. В это мгновение я резко метнул в него свой кистень – правилами это не запрещено, но ход опасный – в случае промаха метавший остается без оружия против вооруженного. В прыжке особо не поворачиваешься – мой кистень ударил Сигурда точно в середину лба, и он упал на землю сломанной куклой. Все. Бой окончен. Одноглазый норлинг взвыл от отчаяния, остальные перестали свистеть и угрюмо молчали – не нравится сволочам, что поединок так быстро закончился. Думали, наверное, что Сигурд меня как дворнягу помойной тряпкой гонять по всему кругу будет. И такой облом спектаклю! Что-то злюсь я! Подойдя к одноглазому, я вытащил у него из рук ремень с кобурой, взялся за рукоять чекана и, стряхнув кобуру одним движением, выстрелил из-под локтя назад. Пулю в таких случаях уводит вправо, но для меня это привычный выстрел, так что попал. Чешуйчатая тварь, спрыгнувшая прямо на тело Сигурда с крыши того самого сарая, возле которого происходил бой, и словившая пулю раскрытой пастью, целых полсекунды стояла с развороченным затылком, а затем завалилась рядом с норлингом. Потом ее тушу расстреляли из пяти или шести стволов рассерженные северяне, все больше из молодых. Я воззвал к благоразумию ярла Сваарсона, и норлинги всей командой упаковали оборотня в настоящий кокон из ремней. То, что оборотень может ожить, понимали все. Не серебряные пули у меня были, совсем не серебряные. А потом вообще начался дурдом. Понаехали виллисы со злыми вояками, тварь погрузили в машину, нас всех под конвоем тоже отправили в полицейскую часть, оцепили место нашей с Сигурдом схватки, нагнали ополченцев и урядников. В суматохе я едва успел обговорить с Гуннаром Сваарсоном кое-какие детали, да сообщить очухавшемуся Сигурду о том, что свои зубы пусть при себе оставит, и «чекан» его мне без надобности – у самого такой же, а винтовку его я в страшном сне видел, так что не хочу. Норлинги вообще к снам с уважением относятся, так что мою неудачную шутку он воспринял вполне серьезно.

В полицейской части у нас был разговор с заспанным Парфеновым и абсолютно свежим приставом Иваном Сергеевичем о долге и чести «отряда по найму, ополчения города Сеслафина». Я убеждал пристава, что именно обостренное понимание чести и долга перед мирно спящим городом, если в этом городе, конечно, кто-нибудь спит в десять часов вечера, заставило нас, особо сдружившихся во время боевого дежурства норлингов с острова Чаячий, что в Северном море, и полуэльфа Петра Корнеева проверить закоулок возле пристани, где могла скрываться злокозненная тварь. Тварь удалось обнаружить и

подстрелить, причем без потерь с нашей стороны, ей и удалось-то всего – сбить с ног племянника прекрасно известного Ивану Сергеевичу ярла Сваарсона.

Все норлинги под тяжелым взглядом Гуннара сказали «Да!», стыдливо уставившись в потолок, – вот ведь, сколько живут, а врать порядочно не научились. А я честно смотрел в глаза Ивану Сергеевичу и всем своим видом выражал готовность получить орден, медаль, премию, почетную грамоту, устную похвалу, торжественный ужин в мою честь, единогласное принятие меня в городской совет Сеславина, вручение мне звания Почетного гражданина города, что там еще по списку?

– Молодцы, – спокойно произнес пристав, – надо бы всех вас отправить на военный трибунал за самовольные действия в составе вооруженной группы в момент чрезвычайного положения. Как считаешь, Парфенов?

– Чего уж, победителей не судят, – неожиданно вступился за нас усатый вахмистр, – хоть отбелились за то, что во время смены тварь упустили.

Ну ничего себе, – мы, оказывается, виноваты, что тварь упустили! Пусть своих пулеметчиков наказывают! Они-то мазали по акватории, где у них все тридцать три раза пристреляно! В чешуе, как жар горя, тридцать три богатыря!

Дальнейший разговор прервал долговязый урядник, втянувший башку в кабинет Ивана Сергеевича, как змея втягивает свою голову в дупло какой-нибудь лесной птицы.

– Тварь вскрыли. Ничего.

И утонул обратно, как будто его и не было.

Сваарсон и норлинги недоумевали, Парфенов тоже, но я понял, на предмет чего тварь вскрывали. Думали, вероятно, что у нее внутри, в желудке, например, смарагды обнаружат. Идиоты. Это контрабандисты драгоценные камни глотают, и то в специальных контейнерах, чтоб от желудочного сока не испортились. Но я тоже был бы не против узнать, где смарагды находятся.

– Ладно, бойцы, – сказал пристав. – На сколько носов будем премию делить? Городской совет триста золотом дает, бланк векселя и право подписи у меня.

– На меня выписывайте, – сказал я скромно, видя, что при слове «премия» норлинги как-то нездорово оживились – а невелика ведь заслуга неподвижно лежащую тварь из ружей дырявить. А то, что я оружие Сигурду оставил, вовсе не значит, что я от законной премии откажусь в пользу каких-то там жителей островов Северного моря, приехавших на заработки в Ярославское княжество.

Норлинги посмотрели на меня, Сваарсона, Ивана Сергеевича и понуро потупились.

На пристава приятно было посмотреть, так он оживился, наблюдая эту немую сцену. Даже раздумялся. Но был, по своему обыкновению, сдержан.

– Ну-ну, – только и сказал он, вписывая мою фамилию в вексель – приложите к векселю большой палец правой руки, Петр Андреевич.

И я стал на триста золотых богаче. В целом мой капитал составил триста шесть новых рублей золотом. Вообще, я думал, что больше дадут. За оборотня могли бы и побольше отсыпать.

– Все свободны, – пристав указал на дверь, – всех жду завтра в восемь на инструктаж.

– Позвольте, Иван Сергеевич! – тут даже Парфенов проснулся. – Тварь же у нас! Группа распускается по контракту!

Норлинги поддержали нестройным гулом – каждый получил по двадцать золотых – неплохо, за неполные сутки!

Иван Сергеевич только улыбнулся, но доброты и смирения в его улыбке не было ни на грош.

– Тварь, которую вы захватили, размером примерно полтора метра, имеет четыре конечности, так же, как и две других, – пояснил пристав, – да-да, те самые, в которых перекинулись задержанные в ресторане «Розовый какаду». Но потом твари слились в одну, у которой, по описаниям, шесть лап и длина в четыре метра. А удрав, видимо, снова разъединилась. И теперь их три. Одна, действительно, у нас. Так что остались еще две твари,

или одна, если оставшиеся снова сольются... У меня в сейфе, кстати, еще два вексельных бланка на триста золотых каждый, так что веселее! До свиданья, господа!

При этом Иван Сергеевич продолжал улыбаться, как тот самый крокодилушка.

Унтер-офицер, норлинги и я, понурый и усталый, встали и отправились восвояси, отсыпаться перед сменой. Вот только мой день и не думает заканчиваться. Надо мне в гостиницу поспешать. Там у меня на кровати лежит один кадр из моей прошлой жизни. Коллега, можно сказать.

* * *

Виталий не спал. Он по-прежнему лежал на моей кровати, куда мы уложили его с Ардальей даже без помощи водилы-другара, бессильно раскинув руки, но глаза так и бегали – явное проявление прогресса. Выздоровливает.

– Как ты рост изменил? И похудел так резко почему? – Даже не похудел Виталик – усох! Если б просто похудел, кожа бы лишняя свисала.

– Что ты об оборотнях знаешь? – отвечать вопросом на вопрос не слишком вежливо, но это такая привычка преподавательская, вроде как заставляем студентов думать самостоятельно. Так что обижаться глупо – я и сам этим грешу. А Виталий заставил меня напрячь извилины. Оборотень, значит! Так я и думал!

– Принимаете зооморфные формы, чаще хищников, например, волка или медведя. Не контролируете себя при полнолунии – перекидываетесь инстинктивно. Взрослые особи с достаточным опытом могут превращаться по собственному желанию почти в любое время лунного цикла... – выдал я информацию, которую признавал научной и мог отделить от мифов и легенд. – Ты когда понял?

– Давно уже, – отмахнулся Виталий, – еще когда у тебя учился... Помнишь, ты про Пушкина рассказывал –

Что там в поле, пень или волк?

Ты еще рассказывал, как через пень кувыркаются, чтобы стать волком-оборотнем... Я и попробовал сдуру. Волком не стал, но из латентной фазы перешел... Ладно, не об этом сейчас... Самое важное здесь – лунные циклы. Луна в разных фазах влияет на приливы и отливы. Понимаешь, о чем я?

– Ни капельки, – разочаровал я молодого ученого. – Приливы, вроде как, у женщин бывают, но ты же знаешь, я не медик.

Витя только поморщился. Биологический факультет, или как его сокращенно называют, биофак, на самом деле называется Медико-биологическим, так что каждый, закончивший обучение, является вполне квалифицированным целителем. А целительство в Великоречье развито превосходно – за счет того, в основном, что хирурги помогают скальпелю весьма хитрыми и сложными заклинаниями. Так что мой собеседник не только оборотень, но и колдун не самый слабый – других на факультете не оставляют. Диссертацию, скорее всего, он легко защитил – материальчик-то, как я понимаю, собирать легче легкого было.

– Приливы и отливы, – наставительно провозгласил Виталий. – Океанские приливы и отливы! – Тоже «преподская» привычка – повторять до четырех-шести раз, чтобы запомнилось все.

– Полнолуние и приливы как связаны?

– Да хватит вопросов, Виталя, давай рассказывай, и попроще, попроще!

– Ладно, слушай. В полнолуние бывают что? – особенно высокие приливы. Даже операции некоторые стараются не делать – у крови свертываемость замедляется. Так вот у оборотня то же самое.

– Еще раз, не понял.

– Да что тут непонятного?! – разозлился Виталий, – когда полнолуние – океанские и морские приливы высокие, а объем моего тела растет! Когда новолуние – наоборот –

уменьшаюсь я в объеме! Как приливы, короче. И как отливы! Что же тут непонятного? Приливы в полнолуние увеличиваются, судя по подсчетам, где-то на сорок сантиметров. Так что мой рост увеличивается примерно на двадцать пять-тридцать. Остальное за счет не костей, а сухожилий.

Но это очень сложные расчеты – мышечная масса принимается за...

– Стой, стой, хорош! – удержал я Виталия от того, чтобы он оседлал своего любимого конька. – Значит как полнолуние – ты растешь, как новолуние – сжимаешься?

– Точно. Не знаю, правда, все ли метаморфы так, или я один такой уникам...

– А оно то сжимается, как воробей,

То растет, как воздушный пирог... – только и смог произнести я в ответ на эти удивительные факты из жизни оборотней.

– Не дави интеллектом, Корнеев, – поморщился Виталий. – Слушай дальше. Все было хорошо, пока я был занят только научной работой. Но теперь, как защитился, мне надо лекции читать. А как я буду их читать, если сегодня я ростом метр шестьдесят пять, а через два лунных цикла – под два метра! Короче, после того, как в полнолуние я достиг максимального объема, я решил стабилизировать это состояние.

– Понравилось быть высоким, толстым и красивым парнишей? – перебивать Стрекалова я не собирался, само как-то вырвалось.

– Не валяй дурака, просто первые два цикла – накопление энергии, в любом календарике это написано. А энергия лишней не бывает. Так вот, стал я перед зеркалом наносить на тело руны. В результате нанесенные руны получились, во-первых, в зеркальном отражении, но это я учел, а во-вторых, совершенно неожиданно появился двойник-зеркалка. Причем необычный такой – без всякого проявления враждебности. И еще – этот двойник оказался оборотнем. Мои способности тоже передались ему – за счет, видимо, тех рун, которые были наложены и отразились в зеркале. Пока он в моей компании – вполне вмняемый гуманоид, подчиняется вербальным командам, часто верно реагирует на невысказанные. Большинство его поступков повторяют мои, но может и самостоятельно действовать. Я даже хотел сделать его своим ассистентом, представляешь, только подумаю, чтобы подал реактив или инструмент – а он несет уже... Но удаляться ему от меня нельзя, может начаться неконтролируемый процесс метаморфозы...

Животное начало в нем очень сильно. Особенно это касается продолжения рода. И агрессивен он.

– Маньяк, что ли, сексуальный? – я чуть не расхохотался, услышав такие откровения. На самом деле представить маньяка-оборотня легче легкого: животное должно же как-то проявляться.

– Не в этом смысле, – даже не улыбнулся Стрекалов. – Единственный доступный способ для него продолжить род – это сесть перед зеркалом и произвести те же действия, что и я, до того момента, как он появился. В полнолуние он их стал повторять... – тут Виталия засмутился и стал отводить глаза в сторону...

– Договаривай, договаривай, экспериментатор каканый, – сказал я самым злобным своим свистящим шепотом.

– Ну, я подумал, что если буду повторять за ним, то пойму, где у меня ошибка была, и закреплю форму. Он же абсолютно точно воспроизводит мои действия, где там запишам в журнале, даже выражение лица у него было, как у меня...

– И что пошло не так? – спросил я с живейшим интересом.

– Да все... – ответил Стрекалов, опять смущаясь. – у него не получилось ничего, а у меня опять зеркалка появился. Понимаешь, он, наверное, напутал, он ведь на невербальные контакты напрямую идет...

– Ладно, уговорил, – признал я, хотя не поверил ни единому слову, – а как четвертый появился? Что???

Стрекалов только опустил голову.

– Понимаешь, я ведь только хотел повторить эксперимент, уже с измененными рунами.

Я же все в Журнал экспериментов записывал, – и он показал мне довольно потрепанную записную книжку, с обложкой из дорогой кожи виверны, выуженную из заднего кармана штанов, непонятно с каких щей названного револьверным. – Я даже не понял, в какой момент он появился – я даже не понял, как все это действует...

– Сколько их еще?

– А? Что? – Стрекалов, кажется, даже напугался. – Ты что, Петр Андреич? Куда еще? Я над этими контроль не сохранил. Думал, они за мной в окно прыгнут, а они там... Да ты же там был, расскажи поподробней, что случилось?

Ну я и рассказал ему, как все было.

– Значит, слились в одну, шестилапую... – Виталий задумчиво крутил головой, экономными жестами чертя какую-то схемку в записной книжке. – Наверное, четвертое приложение к закону отражения – в экстраординарной ситуации они теряют человеческий вид, и запускается механизм самозащиты. И значит, подобное к подобному, закон слияния, они двойники к тому же, им проще... В результате должна получиться форма, которая сможет начать обратное превращение, то есть в меня, чтобы слиться уже со мной... А по сути, поглотить меня. Вот чего они, заразы, приходили...

– Ага! Значит, это не ты их к себе призвал? – спросил я. Тут ведь самое интересное – как Виталий на крыше веселого дома оказался.

– Куда там! Как из окошка выпрыгнул, так сразу к «Принцессе Грезе» побежал. У меня там, видишь ли, знакомство образовалось...

– Что? У тебя – там? И как зовут? Я там всех знаю!

Знал я там только Ардалью, и то не во всех смыслах, но видел-то многих!

Стрекалов сделал загадочное лицо, напыжился, но подробности выдавать отказался. Сджентльменствовал. Ладно, сейчас недосуг, но можно будет у Ардальки узнать. Никуда не денется, Дон-Жуан бордельный.

– А потом, когда выстрелы начались, я струхнул немного, что меня арестуют, на крышу вылез, и тут они, или она. Не увидел, сколько лап. Чуть не добралась. Приложила серьезно, спасибо на мне все заживает само, оборотень все-таки. Хорошо, с земли ее очередью накрыло. Ты, как я понял, тоже стрелял?

– Да, конечно, стрелял я... Ладно, врешь ты складно...

– Да не вру я, вот ни на столечко – Виталий как-то по-детски показал мне что-то на ногте большого пальца.

– Не врешь? А нож откуда у твоего двойника? А стреляли в урядника зачем?

Виталия спрятал глаза, то есть попросту закатил их и притворился «самым больным на свете человеком». Пришлось наградить его оплеухой.

– Чего дерешься? – сварливо спросил горе-экспериментатор, сфокусировав на мне взгляд, – я же говорю, подсознательно они меня тоже копируют. Что там у меня в подсознании? Ты как будто, когда полиция приходит, в душе песни поешь и хвалебные оды сочиняешь... А без ножа и кольта я из дома не выхожу. Ты вон, небось, целый арсенал с собой носишь... Лучше скажи, что делать будем, если они... она... оно... опять ко мне в гости придет?

– Не дергайся, – успокоил я своего собеседника. – Я в одного такого ящера сегодня всадил маслину, а потом его в спецкамере закрыли в полицейском участке. Закрыли и вскрыли.

На глазах Стрекалов выступили слезы. Облегчения или жалости?

– ..., Корнеев, красавчик! У двух энергии не хватит... не должно хватить...

– Не дави на жалость, Виталий! Этот твой, экспериментальный, кстати, два военных патруля порвал. И зачем, между прочим, ты на гнома напал?

– А что гном? Я ему ничего плохого не сделал... – с непритворным недоумением произнес Стрекалов и выложил мне причины своей заинтересованности Глоином.

– Ты же знаешь, какой контроль в Академии за выполнением плана? И какой учет? Да если кто-то хочет чем-то своим заняться, то только пробирки и не надо покупать. А все

остальное за свой счет. А знаешь, сколько реактивы стоят? А драгметаллы? А камни? Не все заклинания на горном хрустале, который у нас за расходник, работают, поверь моему опыту. А если камешек размерчиком с полкарата сгорит, откуда его стоимость покроют? Да из моего жалования и покроют! Полугодового, с оставлением прожиточного минимума!

Вот как задело за живое человека.

Как я понял, Виталий залез в долги, накупив драгоценных камней, и с упорством, достойным лучшего применения, портил их, пытаясь прокрутить стабилизирующее заклятие. Так ему не хотелось признаваться в том, что он оборотень. Если бы агенты какой-нибудь разведки предложили ему продать все известные ему государственные секреты Тверского княжества оптом и в розницу за приличный бриллиантик, он бы не задумался ни на секунду. Но что-то предложений не поступало. Виталий стал специалистом в области цен на драгоценные камни, и конечно, такая фигура, как Глоин Глаз, не могла пройти мимо его внимания.

– Очень талантливый ювелир, – чуть не облизываясь, говорил Виталий, – но стоило мне заикнуться, что я из Твери, как он насупился и стал уводить разговор в сторону. Чем его Тверь обидела? Новое же княжество, союзник Ярославлю...

– А не упоминать, что ты из Твери, никак нельзя было?

– Да почему, можно, но я как-то не думал... – проблеял Виталий. – увидел потом его пьяного и решил, что договорюсь. Ну, с пьяными легче договариваться...

– То есть красных смарагдов не брал?

– Не брал и в глаза не видел, – Виталий заинтересованно посмотрел на меня, – а ты их видел? И какие они?

– Ладно, проехали... Теперь вопрос на засыпку: чего на полицейских напал?

– Да я сразу в окно сиганул, когда они документы затребовали... Как бы я объяснялся с полицией? Двойников вызывать противозаконно. И что значит проехали? Да если бы у меня были кровавые смарагды, хотя бы один – размером с полкарата, то я бы...

– Камней всего три, самый маленький – девять с половиной карат.

Виталий разевал рот как рыба, вынутая из воды. Потом слабым голосом разразился ругательствами. Грязными, неприличными и отвратительными. Пришлось закатить ему очередную оплеуху, чтобы он замолк.

– По закону любой камень размером больше трех карат, найденный на территории княжества, является собственностью княжества, – объяснил мне Стрекалов свой срыв. – гном меня, наверно, за шпиона принял. Такие камни на месте могут разбить – тогда продать легче.

– Ну ладно, с камнями ясно, что ничего не понятно, а почему тварь меня преследует и убить пытается?

В самом деле: нападение на патруль, погоня за мной и Глоином, когда удрать удалось только благодаря водительскому таланту гнома... Но тогда-то я думал, что тварь за гномом охотится, а я сбоку припека, или как любят говорить в Великоречье – круги на воде. Но потом, когда тварь рядом со мной во время поединка с Сигурдом оказалась – это-то к гному никакого отношения не имеет!

– Что ты, что ты, – Виталий слабо махнул рукой, – я был страшно рад тебя увидеть в этом кабаке! Боялся, конечно, что ты меня выдашь, но зла тебе никогда не желал! И даже подойти хотел поздороваться, почти решился уже!

Точно, если бы я выдал Виталия, у него бы состоялся весьма неприятный разговор с полицейскими – быть оборотнем не то, чтобы незаконно, но надо на регистрацию какую-то становиться, еще там какие-то ограничения, а Виталя к своей свободе, как я понял, трепетно относится. Плюс вызванные двойники – это уже точно каторга и Внутренний щит на шею, после которого о колдовстве можно забыть. Так что опасаться меня у него резоны были.

– Они, наверное, как с полицейскими, на подсознание надавили, – предположил Виталий, – только они ведь, как я понял, не убивать тебя хотели, а просто рядом оказаться...

Хм, есть в этом зерно истины. Твари, что патруль порвала, через наши с Глоином головы перепрыгнув, до меня допрыгнуть было ближе, чем до патруля. Это на первый

взгляд. А на второй – ближе, но не проще. Сзади у багги мотор расположен, спины полностью закрыты. И дуги безопасности отменны. Может, хотела спереди попробовать. Или поняла, что с пулеметом шутки плохи, решила сперва пулеметчика нейтрализовать, а потом меня уже задрать – тактически грамотный ход и предусмотрительный. А вот со случаем, когда я с норлингом дрался, там сложнее. Там можно по-всякому повернуть...

Ладно, за рабочую гипотезу сойдет!

– Подвинься, гений! – разлежся, понимаешь, на моей кровати, а мне и спать-то всего ничего осталось, а завтра к восьми на службу надо – Иван Сергеевич ждет.

У Стрекалова на лице появилось недоуменное выражение, он покраснел даже чуток.

– Ты помоги мне в кресло перебраться, и отдохнешь нормально, – попросил, запинаясь, Стрекалов. Да пожалуйста. Я так устал, что мне на чужие комплексы всякие чихать с высокой колокольни.

Усадил жертву собственных экспериментов в кресло, лег, не раздеваясь, и мгновенно заснул.

Глава 3, в которой герой как-то по-дурацки заканчивает свою службу

Утро. Надо идти на службу. Сейчас я встану и пойду на службу. Сейчас я встану, умоюсь, причешусь и пойду на службу. Демоны с ними – с причесываниями и умываниями, но если я не явлюсь на службу вовремя, мне не поздоровится...

К счастью, я не опоздал. Бежать, правда, пришлось, всю дорогу. Хорошо, что вчера не удосужился раздеться – сегодня точно опоздал бы. Другары и норлинги уже стояли у крыльца, Парфенов неодобрительно взирал на мой растерзанный вид, Гуннар Сваарсон упорно смотрел мимо, но Иван Сергеевич на крыльцо еще не вышел. Уффф!

Вдох, резкий выдох, еще раз, ну теперь дыхание не такое запаленное, можно поправить кобуру с револьвером, переместить «таран» в более удобное положение и привести в порядок, в конце концов, завязки на рубашке.

За спиной раздался ровный треск мотора, и прямо к крыльцу подъехал «стриж» с брезентовыми дверями и поднятым верхом. За рулем, надев автомобильные очки, восседала моя будущая жена, а справа от нее сидел, чуть нахохлившись и держа в руках СКС-М, папа. Папа! Папа! Сказать, что я был рад его видеть – означало соврать. Но, с другой стороны, пристав был одним из самых информированных людей в городе. И на инструктаже, определяя наши задачи на сегодняшний день, он вполне мог проговориться, что тут уже случилось, а что только намечается. И еще мне придется скрывать от его пронзительного взгляда тот факт, что у меня в гостиничном номере вольготно расположился тот, за кого объявлена неплохая премия, и кого считают похитителем смарагдов. И сам я, если честно, не каждому слову этого профессора кислых щей и соленых овощей верю, когда он рассусоливает, какой он белый и пушистый. С черным таким подсознанием, отвечать за которое не берется.

Стриж, разворачиваясь, сделал круг, из дверцы легко выскочил пристав. Какая досада, что на его дочке очки. Женский взгляд можно описывать часами. Он может быть огненным, бедовым, бездонным, в женских глазах можно утонуть, взгляд может быть лучистым... а чего там Иван Сергеевич, тестюшка будущий, говорит?

– ... по старой схеме, и никакой самодеятельности. Особенно, Корнеев, тебя касается. Ясно?

– Мх-ху.

– Не слышу!!!

– Так точно, ясно, Иван Сергеевич!

– Можешь же, когда хочешь, – пристав с утраца что-то в дурном расположении духа. С одной стороны, приятно, что на «ты» перешел. С другой стороны, он-то со мной перешел, а вот я с ним? И дочка уехала! О! Обратно едет! Точно, удаляющаяся машинка дочки

пристава, – ничуть не сомневаюсь, что авто именно дочке принадлежит – не будет папаша на «стриже» рассекать, ему виллис привычнее, а то и «копейка», – вдруг резко затормозила и, не разворачиваясь, чудом не протаранив забор, поехала обратно – задом. Она подъехала к полицейской части, опасно виляя по не такой уж широкой дороге, ускоряясь и поднимая шлейф пыли. Если я правильно понимаю, езда в городе на скорости более двадцати километров в час запрещена. А стриж прет задом едва не на пределе своих возможностей. Иван Сергеевич, взявшийся уже за ручку двери, так и не вошел в дом, а остался на крыльце, я затылком почувствовал, как напрягся пулеметчик в своем укрытии. Вчера-то их два было! А сегодня с утра – один. Спасибо Петру Корнееву за меткую стрельбу. Посчитали, что тварь не так опасна, если ее эльф из револьвера снимает?

Автомобиль дочки пристава рыкнул мотором, въехал через ворота во двор части, резко тормознул, начисто перекрывая пулеметчику сектор, из салона стремительной птицей выпорхнула девушка и бросилась к крыльцу, устанавливая новый рекорд в беге на сверхкороткие дистанции. Все, кто был во дворе и на крыльце вскинули оружие и начали выдвигаться за Наташин автомобильчик. Кто-то из друзей рывком распахнул дверцу, заглянул внутрь. Я не увидел, но почувствовал, как возмущенно дернулась девушка, сдерживаемая железной рукой пристава. Нечего дергаться – разумная мера предосторожности. Норлинги уже обошли автомобиль и приближались к воротам.

– Только аккуратно, – распорядился Иван Сергеевич, запихивая дочь себе за спину. – Парфенов, винтовку эльфу дай... Сам за наблюдателя.

– Пули серебряные, под отчет, – только и пробурчал вахмистр, передавая мне снайперку и расстегивая кобуру со своим служебным кольцом, а заодно вытаскивая бинокль из футляра, висевшего на мощной шее. Пусть бурчит! Подарок судьбы, СВД-С со стволом гномской работы. Приклад с накладной щекой, жаль регулировать некогда. Приложился. Ничего, вроде удобно. Подбежал к стрижу, откинул сошки, установил на капот. Настройки и не буду трогать, они тут на триста выставлены. Моя группа уже обошла «стриж» и выстроилась перед ним, ошестившись стволами. Гуннар Сваарсон, в шлеме и с двуручником, уставленным острием вертикально вверх, направился напрямик в ворота полицейской части. Слева от него семенил одноглазый норлинг, сжимая рукоять «Молота Тора» обеими руками, справа пристроился племянник, Сигурд Сваарсон, водя перед собой стволом «чекана». Эта троица, похоже, сработалась на отлично... Я же со всей возможной тщательностью обследовал в оптический прицел крыши ближайших домов. Тем же занимался Парфенов через бинокль, да и пулеметчик, все равно створ ворот ему «стриж» закрывал, а сменить позицию начальство не позволяло – я видел, как пристав коротко распорядился, чтобы пулеметчик не дергался. Сваарсон выскочил на улицу, как пробка из бутылки, мгновенно рядом с ним оказались его родичи, заозирались, но улица была безлюдна. Неужто опять ложная тревога? А как там дочка пристава?

В этот момент вокруг Сваарсона взвихрилась уличная пыль, сам он от удара чудовищной силы отлетел в сторону, так что шлем покатился по земле, сбитыми кеглями в разные стороны разлетелись его родичи, а в появившийся на их месте силуэт человека ударили сразу семь или восемь пуль. Человек???

Человек опрокинулся, издав леденящий душу рев, и откуда-то, из глубины здания ему ответил другой, слабый, угасающий, но похожий до последней ноты. К фигуре на земле уже бежали норлинги, стреляя на ходу, поднимался, опираясь на меч, как старик на клюку, Сваарсон, даже одноглазый приподнялся на колене и азартно сажил из «Молота Тора» в лежащее тело. Потом норлинги привычно пеленали тварь, ярл Сваарсон помогал подняться своему многострадальному племяннику, а Парфенов подошел ко мне за снайперкой.

– Ни разу не выстрелил, – констатировал я, отдавая винтовку.

– Проверим, – вахмистр отсоединил магазин, оттянул затвор и оглядел патрон, находившийся в стволе. Не торопясь выщелкал из магазина все патроны, покатав на ладони, присмотрелся к головкам, пересчитал.

– Смотри-ка, не спер! Не успел, наверное... – шутки юмора у вахмистра на шутки и не

походили. Скорее на горькую правду жизни. А на правду, как известно, обижаются только дураки. Поэтому я с независимым видом кивнул и спросил Парфенова, нужно ли нам собираться для занятий, или мы свою норму на сегодня уже выполнили?

Ответил не вахмистр, а закончивший распоряжаться пристав:

– Парфенов, бери троих из своей группы и присоединяйся к конвою. В комендатуру поедете – пусть второго оборотня на гауптвахту посадят! Я рисковать не буду – у меня стены поломанные и только одна спецкамера. Стенки-то слабоваты, как выяснилось. И если крокодил в обычной камере решетку проломит и зверюшки сольются, нам всем мало не покажется! Надо разъединить их. Я договорился уже, так что дуйте, а я вам пулеметчиков в конвой обеспечу. Остальные пусть подождут пока.

Конечно, оказалось, что в сопровождение к оборотню попали я, племянник Сваарсона и одноглазый. Вообще-то разумнее было бы оставить двоих норлингов отдохнуть после того, как оборотень ими пол-улицы подмел, но нет, ярла Сваарсона не остановишь... Сам он остался «командовать» остатком группы, хотя его никто об этом не просил. Все остановиться да за ум взяться никак не может, а должен бы... Особенно после того, как его некий полуэльф уел. Или именно поэтому и хорохорится. Вахмистр сел за руль виллиса, одноглазый уселся рядом, а мы с Сигурдом, как «молодые», оказались на заднем сидении. Хорошо еще, что пулемет не был установлен на турели. А то кто бы за него встал? Вслед за нами выехала копейка с установленной в кузове клеткой. Клетка, конечно, была непростой, прутья заговоренные, везде знаки солнца, руны крепости и посеребренные шипы, направленные внутрь. Меня начал разбирать смех: представил себе, что на крутом повороте в разогнавшейся «копейке» инерция бросает тварюгу прямо на эти самые шипы. Лежащего на полу клетки оборотня было не узнать: опять перекинулся, обратно. Казалось, что это не человек, а чучело крокодила, из которого выжали весь воздух. То, что чудище живо, можно было узнать только по хаотично и беспричинно дергавшимся лапам. На агонию похоже, но если оборотня нашить свинцом, а не серебром, то рано или поздно при смене облика его тело вытолкнет все пули и восстановится. Представляю, трансформируется он опять в комендатуру и начнет канючить: «Помоги, Корнеев, помоги, я больше не буду из гостиницы удирать!» Не то, чтобы я верил, что на дочку пристава и полицейский участок так лихо напал именно Виталий, но жизнь свою на это не поставил бы. Так что вполне возможно, что на гауптвахте окажутся два пленника взамен одного: оборотень и его пособник полуэльф. А за оборотнем куча трупов числится...

Следом за копейкой ехали целых два виллиса с пулеметами, установленными на турелях. Пулемет первого виллиса смотрел вперед, второго – назад. И за каждым ПКБ наблюдался сосредоточенный урядник, явно не в первый раз видевший этот аппарат. И помимо пулеметчика в виллисах сидели суровые такие ребята, вооруженные как для ближнего боя, так и для боя на средних дистанциях.

Вообще, поведение пристава мне не нравилось все больше и больше. Нас-то зачем придали сильному конвою, который может оказать серьезное сопротивление в рубежах города кому угодно? Да с помощью двух ПКБ урядники тура-ящера за можай загонят. Опять как подсадную утку используют?

Потихоньку осмотрелся: скорость по городу небольшая, все по правилам, прыгнуть ничто не помешает, в руках опять СВД-С, врученная вахмистром с наказом беречь патроны, потому как он все равно пересчитает. Норлинги к своей миссии с ответственностью относятся. Опять же льстит им, что наша машина в колонне первая, хотя что тут хорошего?

Мы сворачивали с Центральной, направляясь к пристани, где и располагалась комендатура с гауптвахтой, когда я обратил на то, что сейчас потеряется визуальная связь с последней машиной, и она останется без прикрытия. Плевать, что пулеметчик улицу на прицеле держит, тварь и по крышам лазить умеет. Так что я развернулся, приложил приклад к плечу и начал в оптику рассматривать крыши тех домов, которые уже остались позади.

На самом деле оптика здесь не особо помогает. Мешает только. Да еще Сигурд оказался так шокирован моим поведением, что даже попытался потрясти меня за плечо,

указывая вперед, был вполголоса послан по-русски, и надулся как индюк.

Тварь поступила весьма умно. Она выпрыгнула из-за высокого забора с противоположной стороны улицы именно в тот момент, когда три машины уже свернули с Центральной на ведущую к пристани Торговую улицу, а последний виллис еще оставался на Центральной. Тут же я выстрелил из винтовки, но опоздал, да и тварь была на виду какую-то долю секунды, когда появилась над забором. Мой выстрел привлек внимание всей колонны, Парфенов резко нажал на тормоз, так же поступили все остальные водители. Я уже бежал с винтовкой наперевес к атакованной машине, из предпоследнего автомобиля выскочили два урядника с СКС, пулеметчик разворачивался со своим пулеметом, а вот водитель «копейки» с клеткой начал орать на Парфенова и требовать, чтобы тот газовал. От атакованной машины не раздалось ни одного выстрела, так что выскакивая вместе с урядниками из-за поворота, я ожидал увидеть ребят с оторванными башками.

А бойцы с последнего виллиса выбежали навстречу нам, держа под руки истекающего кровью урядника, матерясь и едва удерживаясь от стрельбы.

— Назад, назад! Рвануть может! — орали они наперебой. Их виллис был практически разбит, турель свернута могучим ударом, на землю тонкой струйкой тек бензин, но все были живы, хотя и озлоблены до последней степени. Я так понял, что тварь наметила цель и ударила конкретно по ней, то есть по пулемету, а заодно и пулеметчику досталось.

Все повернули обратно, но в этот момент старший урядник с «копейки» проорал что-то совсем грубое в адрес Парфенова, и тот, с красной рожей, нажал на газ, вырываясь на своем виллисе вперед. Опа! А я? Меня подождут или как? Сразу впритык к виллису Парфенова, едва не подталкивая ее бампером, двинулась «копейка». Полицейский чин все-таки добавил Парфенова, будучи официальным начальником конвоя. Я заскочил в покинутый урядниками виллис, где оставались водитель и пулеметчик и скомандовал:

— Давай за ними!

Водила не стал качать права. Хотя по всем понятиям он был важнее какого-то ополченца, да еще и на «платной основе». Он только стиснул зубы и попытался пристроиться вслед «копейке». Разумное решение. Но мы не успели. Тварь снова выплеснула свое чешуйчатое тело из-за забора, прыгнула прямо на крышу клетки «копейки» и ударом лапы вскрыла эту клетку, как ржавую консервную банку. А пулемет-то наш развернут от «копейки» в противоположную сторону! Сразу две лапы похожего на крокодила чудовища отогнули прорванную крышу клетки, но я успел выстрелить от бедра и попал ей в левое плечо. Тварь взвыла, плечо ее стало на глазах оплывать, как свеча на огне, я выстрелил повторно, уже приложив приклад к плечу, крокодил дрогнул и завалился вперед, прямо на отогнутый край клетки.

Очнувшийся, как вовремя-то! и попытавшийся вылезти через верх клетки крокодил номер два вдруг завизжал как резанный и прильнул к упавшей сверху туше.

И произошло страшное, по крайней мере, для меня, хотя не думаю, что урядники такое каждый день наблюдают.

Оплывающая черно-зеленой слизью масса, которой еще недавно был нападавший оборотень, стекала прямо на «арестованного» крокодилчика, тот открыл немаленькую пасть и стал заглатывать остатки своего двойника. Меня чуть не стошнило от такого «братоедения». А тело заключенного в клетке крокодила, в несколько мгновений сожравшего большую часть своего неудачливого «спасателя», само стало дрожать и расплываться. В следующее мгновение крокодил бросился на шипы клетки, так, что «копейка» вздрогнула и «присела» на задние колеса.

В полном обалдении мы смотрели на это странное самоубийство, точку в котором поставил близкий взрыв. Последний виллис все-таки не выдержал, взорвался.

Пожар довольно ловко затушили набежавшие местные жители с ведрами, урядники проверили тот дом, из-за высокого забора которого выскочила тварь. Оказалось, что его жители дома, но приглуховатая бабка и подслеповатый дедок больше горевали по растерзанному бобику, отважно забрехавшему на оборотня, чем о том, что какая-то тварь

воспользовалась их двором как плацдармом для нападения на конвой.

В минусе у нас оказались – тяжело раненный урядник, разбитый и покореженный взрывом до состояния металлолома виллис, вскрытая спецклетка, порванная собачонка, злобный Парфенов, да расход горючего и боеприпасов. Я сколько патронов с серебром потратил! Целых четыре штуки!

В плюсе – все видели, что двух тварей больше нет. Только та и осталась, которая у Ивана Сергеевича в участке сидит.

Еще из компахи четверых двойников остался Виталя, сидящий у меня в гостиничном номере, но по внешности его сложно будет опознать: ищут здорового мужика ростом метр девяносто, а Виталя росточком сейчас поменьше. Потому что луна на убыль пошла. Главное, не слишком долго задерживаться в этом городе, а то опять, к полнолунию, вырастет.

Парфенов нарисовался незамедлительно.

– Чего стрелял? – поинтересовался он сварливо, отбирая у меня СВД. – Как отчитываться теперь? И без тебя бы завалили, теперь вот ни пленных, ни машины, ни серебра. Сколько выстрелил?

Не дожидаясь ответа, он проделал ту же операцию, что и перед полицейской частью.

– Четыре, значит? – спросил вахмистр в который раз, катая на широкой ладони шесть патронов с серебряными головками. – Гильзы где?

– Вам надо, вы и ищите! – ответил я... про себя.

– Да на земле где-то! – моему искреннему изумлению не было предела, как и моему благоразумию, да и ведь не предупреждал никто, что гильзы надо собирать... что и было высказано «начальству» с подобающими ужимками.

– Теперь предупреждаю... – Парфенов скривился, явно не проработал моментик, да и кто подумать мог, что я снайперкой вообще воспользуюсь? Не стрелял же я тогда, возле участка. Он и понадеялся...

Как я понял, дальше вахмистр не стал тему развивать только из-за урядников, и так смотрящих на него искоса. У них ведь простой закон: кто урядника тронул – должен быть наказан. Жестоко и необязательно адекватно. Смерть двух оборотней за ранения двух полицейских, если усатого считать, что в «Розовом какаду» перо в пузо получил, – вполне нормально. К ним бы третьего и четвертого – вообще бы зашибись. Поэтому Парфенов скоро съехал с больной для него темы.

Возвращались мы в угрюмом молчании, ожидая нагоняй и головомойку. Все-таки мы как-то плохо сработали. Да и урядники, даром что подготовленные люди, а тоже опростоволосились.

Иван Сергеевич обретался на крыльце, сам двор был под контролем людей Сваарсона и друэгаров, дочка начальника бесследно исчезла.

Выслушав доклад старшего урядника, того самого, который все полномочия с вахмистром не мог разделить, пристав поманил Парфенова за собой, а мы остались на крыльце, где и просидели до момента, когда выскочивший Парфенов повел всех в известный трактир Собакина селедочки откусать да морсика испить. После обеда мы простояли до восьми вечера на стене, а в городе, как я понимаю, продолжалась операция по обходу домов и проверке населения на предмет укрывательства беглого оборотня, убийцы и похитителя изумрудов. Тем более что для полиции это был единственный шанс отыскать изумруды – содержащийся в спецкамере полицейского участка ящер откинул копыта примерно в тот момент, когда покончил с собой его двойник, напавший на конвой.

Когда Парфенов отпустил нас все-таки по домам, я невольно перешел на бег, так не терпелось выяснить, как Виталя отбоярился, если урядники к нему заходили, да как он там, в гостинице, не сдох еще от бескормицы?

Оказалось, не сдох. В размерах подуменишился, из лежачих больных перешел в ходячие, захапал мой шерстяной свитер, ставший для него водолазкой, безбожно растянув его, подкормился в местном трактире, приказав занести расходы на мой счет, о чем мне

радостно и сообщил гостиничник. Нет сил называть этого длиннорядого и длинноволосого старика с очками в стальной оправе портье, хоть убейте. И еще этот нетипичный представитель прислуги поджигал губешки так, что я сразу понял – что-то нехорошее случилось. Виталя, выглядящий вполне свежо, просветил меня, что, во-первых, полицейские, заходившие проверить, все ли в порядке, наверняка посчитали нас извращенцами и приверженцами «эльфийской любви», раз мы в одном номере оказались. А он, Виталя, значит, так испугался, что не стал это опровергать. Вот спасибо, вот удружил. Тут бьешься, бьешься, а тебе нож в спину. Хотелось пнуть этого мерзавца между ног пыром, да не стал – еще сбегутся на скандал.

И еще Виталя выходил в город. На мое злобное шипение он ответил, что в моем свитере его все равно никто не узнает, с голоду подышать ему никакого резону не было, шмотки свои из гостиницы «Шакшинской» он забрал, там же пришлось распрощаться с последними деньгами. Так что, во-вторых, теперь он целиком и полностью зависит от моего милосердия.

– Вот спасибо, не знаю, что и делал бы без такого подарка, – проворчал я, но гнать Виталю не стал – пойти ему все равно некуда. И были у меня насчет него некоторые подозрения, что без его помощи назначенной премии за украденные изумруды не видать мне, как своих ушей.

– Не жмись, Корнеев. – Виталя был в добродушном настроении. – Я приятеля встретил, Игната, ты его вряд ли знаешь, на два курса младше меня был, учился на нашем факультете. Здесь целительство. Так вот, он мне дал приглашение на бал, завтра вечером. Бал традиционный, черный фрак или пиджак, смокинг тоже можно, это предводитель дворянства, Евгений Васильевич, приглашают... Он всегда дает бал на день рождения жены, да еще повод есть – какой-то Василь Васильич выздоровел. Я для тебя приглашение тоже взял. Знаю ведь тебя, сразу, откуда ни возьмись, отыщутся сердобольные дамы бальзаковского возраста, желающие вылечить тебя от болезни, коей является однополая любовь, а ты, не будь дурак...

Удар кулака бросил Виталю на кровать.

– Ты чего??? – заорал он, не пытаясь подняться, наоборот, запрокидывая голову, с ползушей из носа темной струйкой крови. Зубки, впрочем, удлинились нехило. Ну да у меня «чекан» под рукой.

– Мы с тобой никогда ведь не были особыми приятелями, Виталя, – сказал я ядовито, потирая костяшки пальцев, – с чего ты взял, что можешь говорить при мне сальности, да еще после того, как ославил меня гомиком?

– Какой ты ханжа, Корнеев, – печально констатировал Виталя. – Как будто я сам не пострадал. И всего-то хотел тебя развеселить чуть-чуть. Думаешь, мне удобно, что ты на меня деньги тратишь, спасаешь меня и вообще, возишься как с писаной торбой... А когда ты в Академии преподавал, знаешь, как на тебя девчонки западали?

Грубая лесть, но все равно приятно.

– Проехали! – выставил я ладонь, и Виталя, ухватившись за нее, был водружен в вертикальное положение.

– Балы я люблю, но опоздаю сильно. У меня служба. – предупредил я Виталю, но ему было не до этого. Опять какие-то схемы в записной книжке стал чертить. Вот он настоящий ученый, а я погулять вышел.

* * *

На службу я опять не опоздал. Сам себе удивляюсь, никогда такого за мной не водилось. На самом деле, если у кого-то будет желание меня обвинить в том, что я убил важного свидетеля, в смысле крокодилчика, то лишний повод лучше не давать.

Интересно одно – допрашивали «первого» оборотня до того как он сдох, или нет? Хотя что животное скажет? Р-р-р? Или его можно заставить сменить облик, превратиться в

человека? И где, ежик кот, смарагды? Если Виталя не брал, то кто вообще брал?

Ивана Сергеевича подвез к крыльцу какой-то бравый урядник на виллисе, причем лицо у пристава было растерянным и каким-то расстроенным. А где несравненная Натали? Скучно же без нее.

– Все здесь? – поинтересовался он довольно неприязненно у Парфенова.

– Точно так, Иван Сергеевич! – отрапортовал вахмистр, бросив на меня быстрый взгляд. Я как раз перестал дышать как запаленная лошадь.

– С сего момента группы по найму городского ополчения не существует, – сухо и спокойно проговорил пристав, – распоряжением агента Сысского отделения Каменецкого.

И продолжил, чуть мягче:

– У вас нет причины быть недовольными. В группе нет потерь, двадцать рублей золотом за два дня – вполне нормальная цена за тот риск, которому вы подверглись. Да, надеюсь, вы оценили деликатесный стол у Собакина. Претензии мне прошу не предъявлять, я с сегодняшнего дня в отпуске. Пошли, Парфенов, нам теперь отчеты писать. Свободны! Корнеев, в качестве прощального жеста, – полтора за мертвого ящера получи, вексель выписан уже.

Вот так. И засуньте свои вопросы, дорогие ополченцы, себе в... Но от денег кто ж отказывается?

В отпуск, значит. Василь Васильич вас, дорогой пристав, «ушли»? И так понятно, без комментариев. Что там Глоин по поводу отпуска говорил? Ладно, на балу должны же о чем-нибудь люди болтать. А я туда пойду, глядишь, выздоровевшего Вась-Васю встречу... И еще кое-кого!

Глава 4, в которой герой оказывается на балу, знакомится с девушкой своей мечты и вызывает грубияна на дуэль

Бал в Зале Благородного Собрании в уездном городе, это, конечно, еще то испытание для нервов ученого сухаря, каким всегда был Виталя. Да еще с кучей комплексов – когда твое тело то увеличивается в объеме, то уменьшается, комплексами обзаводишься на раз. Хорошо, что в Сеславине можно было взять напрокат одежду для «выхода». Смокинг на Стрекалове сидел, правда, как кавалерийское седло на корове. А я, пользуясь тем, что под понятие «черный пиджак» можно было подогнать множество самых разных нарядов, нашел на плечиках, висящих на длинной трубе в углу конторы, где сдавалось внаем все – от гробов до свадебных платьев, – старинный черный сюртук с бархатным воротником и бархатными же обшлагами. К нему кружевное жабо, белый галстук, больше напоминающий шейный платок. И жилет. Жилет я нашел изумрудный, с золотым шитьем. Эх, отлично подошел бы, так сказать, к цвету глаз. Не люблю с золотым шитьем, безвкусица. Пришлось довольствоваться простым черным жилетом, больше напоминающим старинный камзол, если бы не явные следы наплечной кобуры на материале – там, где проходили ремни, он вытерся и залоснился. На показанные следы приказчик лишь горестно вздохнул, возведя очи горе, но при этом заверил, что если не снимать сюртук, то никто ничего не увидит.

– А если мне предложат сыграть в бильярд? – возмущенно спросил я. Чем больше возмущаешься, тем на большую скидку можно рассчитывать – кошелек у меня не резиновый. – Да! Если на бильярде, так снимать придется!

– Что вы, что вы, Петр Андреевич! – Надо же, по имени-отчеству запомнил. А я представлялся? Если нет, то это слава. Всегда знал, что настанет день, когда имя Петра Корнеева будет на устах у всех – от мала до велика.

– Бильярдные столы не ставят в зале Благородного Собрании! – последние слова приказчик произнес с каким-то подвыванием, показывающим, как он уважает все Благородное Собрание. – Ибо не трактир-с!

Благородный гнев приказчика, заставивший его употребить высокое «ибо», несколько остудил мой собственный, тем более, я понял, что эту акулу розничной торговли и арендных

услуг на мелководье не подловишь. Пришлось соглашаться на все его условия. Одна проблема – костюмчик мне был широк. Что в плечах, что в боках. И не только сюртук, но и жилет, и брюки. Как и все остальные костюмы в этом милом месте.

Удалось только договориться о том, что мой сюртук, жилет, он же камзол, штаны и рубашка – все будут ушиты мной за собственный счет, и затем приняты без возражений и дополнительной платы. Пункт проката на этом ничего не теряет, а наоборот, обзаводится вещичками редкого размера. Пришлось, конечно, дать десятку лично в ладошку приказчику. Он же посоветовал хорошего портного, который может сделать всю работу за пару часов.

К портному пришлось бежать немедленно – для бала многие, вероятно, перешивали или чинили свои парадно-выгребные костюмчики, так что была вероятность, что я наткнулся на очередь. Ничуть не бывало. Портной, ателье которого занимало довольно светлое и просторное помещение на первом этаже трехэтажного особняка на Арсенальной площади, встретил меня приветливо и радостно, взмахнув руками, и воскликнувши:

– Ай-вай! Какой к'асивый молодой челаэк! П'остите, какой к'асивый эльф, нет, ай-ай, какой эльф, полу-, конечно же, полуэльф! У меня есть `одственник, полук'овка, из наших и гоев, так очень, очень по'ядочный челаэк!

Был он сухонький, маленький, нос крючком, на висках короткие седые косички, на голове круглая шапочка, делающая его похожим на заведующего кафедрой магических искусств, что в Тверской академии. Судя по косичкам, норлингская мода дошла и в мирный Сеславин. Нет, какой я идиот! Не норлинг, конечно, простите меня доблестные ярлы, во главе с Гуннаром Сваарсоном.

Узнав, в чем проблема, портной ловко поставил меня на специальный невысокий пенек, который язык не поворачивался назвать подиумом, обмерил сантиметром, повязанным у него на шее на манер галстука, заверил в скорейшем выполнении заказа и выставил такой счет, что я мгновенно стал, как бы по-научному выразиться, антисемитом, что для полукровки практически невозможно.

Но подшил вещички он быстро и качественно, и я перестал быть антисемитом. Всего-то был антисемитом два часа, за которые успел пообедать в ближайшем трактире, потому что с утра не позавтракал. Зато точно знаю, что такое обед антисемита. Это свиные сардельки, картофельные зразы с грибами, которые иначе чем заразами назвать нельзя было, такие вкусные, салат витаминный из мелко нашинкованной капусты, зеленого яблока и морковки, две большие чашки чая с горячим калачом и репа в меду на десерт. А неплохо живут антисемиты. У меня, пока я не был антисемитом, не так уж и часто на десерт репка в меду была. Пальчики оближешь.

– Ви не смот'ите, што сю'тучок ста'енький, мате'иальчик п'ек'асно сох'анился, – вещал сухонький портной, смахивая с меня какие-то только ему одному видимые пылинки и одергивая полы сюртука вниз, – еще и двадцати лет не п'ошло, как я пошил его специально для такого хо'ошего челаэка, пе'вой гильдии купца Афанасия Залыгина! В нем и хо'онили. Ай-вай! Какие это были похо'оны! Какая была музыка!! Как г'омко иг'али!!! Такой музыки я никогда не слышал, а ви уж пове'те, никто лучше ста'ого Соломона не `азби'ается в похо'онных ма'шах! А как плакала вдова!! Еще г'омче!!!

Тут я чуть с подиума не слетел. Зашибись! В этом костюмчике человека хоронили! Хороши наследники! Для огненного погребения, значит, даже костюмчик пожалели – сняли перед отправкой в печь, да и продали. С другой стороны, мне-то что? Мне только раз на балу покрасоваться, да и прости-прощай славный город Сеславин!

* * *

У Витали были проблемы. Он не знал, как нацепить на узкий и блестящий лацкан смокинга свой университетский «поплавок». Замечательная штука. Если в аборигенских магических школах выпускникам выдают специальные медальоны, бронзовые, серебряные, серебряные с золотыми лучами, ну и абсолютным гениям полностью золотые, то Тверская

академия выдает такие стандартные «поплавки». Только по размеру, как говорят, раза в два с половиной больше прежних, тех, что выдавали до Переноса в вузах пришедших. По большому счету никто не может запретить называть эти ромбики «четырёхлучевыми звездами», и, конечно, их, как и аборигенские медальоны, можно использовать как бланки для заочки заклинаний. «Поплавки» исполнены из драгметаллов, завязаны на конкретную личность, их обязательно надевать на все официальные мероприятия.

– Повесь на шею, на манер аборигенов, чего ты, – просветил я Виталию, рассматривая его платиновый значок, – чего мучаешься? Там же ушко для шнура предусмотрено.

– Не могу, по статуту почетного знака Бэраха, его нельзя носить с чем-то еще. А знак носят именно на шее. И он кивнул на красную ленточку, на которой висела золотая медалька.

– У тебя Бэрах есть? – неприятно удивился я. – Давно дали?

– Тебя уже турнули, – Виталия явно не был расположен рассказывать подробности, а я и не рвался выяснять, за какие такие подвиги академическое начальство наградило колдуна-оборотня. Пусть хоть на лацкане «поплавок» носит, хоть на носу.

К пяти часам вечера мы со Стрекаловым были готовы. Вызванный «полевинок» пилотировал тот самый другар, который отвозил меня из «Принцессы Грезы» под светлые очи Ивана Сергеевича. Я подмигнул водиле, на что он радостно заржал, видя меня такого нарядного в компании с Виталей. А оборотень, наоборот, сделал рожу кирпичом и потребовал, чтобы другар поднял брезентовый верх – запылить смокинг он опасается. Я из чувства противоречия водиле помог, хотя тот мог бы прекрасно справиться и в одиночку. Главное, не запачкался.

* * *

Мы приехали не в числе первых, и народу уже собралось порядочно. Интересно, Иван Сергеевич здесь? Офицеры в парадных мундирах. Молодежь все больше. Более пожилые штатские щеголяли черными фраками, смокингами и пиджаками разной степени потертости. Все чувствовали себя неловко без оружия. Не поручусь, впрочем, что кое у кого не было плечевой кобуры под мышкой. А жилеты хороши тем, что в жилетные карманы ловко укладывается «дерринджер». Что-то мне говорит, что у половины присутствующих мужчин жилетные карманы не пусты. Говорят, «бальный» двустольный «дерринджер» с костяными или дорогого дерева накладками на рукоять должен иметь в жилетном кармашке каждый «благородный» дворянин. Это из тех, кому не нравится кобура на лодыжке. А я так попросту закрепил свой небольшой нож в ножнах на левом предплечье.

Дамы! Дамы всегда разговор особый, Платья всех расцветок, пелеринки из меха и шали, сделавшие бы честь ежегодной ярмарке в Нижнем. Глаза разбегаются. Собираем глаза, фокусируем на всунутой у входа бумажке.

Ага, это кстати, это программку выдали, да еще написанную от руки с превосходными росчерками, как в лучших домах Твери и Ярославля. Что там по программке? На первое кадрили, в перерыве ужин, после ужина вальс. И вальс же до окончания вечера. Ага, перед вальсом местная экзотика в составе кадрили, или, как теперь модно говорить котильона, – «подыспанчик», написанный через дефис «под-испанчик» с ером, то есть твердым знаком на конце. Стильно, но безграмотно. Как там: «Подыспанчик – хорошенький танчик, Мы танцуем его каждый день...» Это я умею, тут меня не сделаешь. И кадрили хоть на две, хоть на четыре пары спляшу.

Вообще-то, когда сейчас говорят о котильоне, меня начинает разбирать смех. По строгой теории, котильон – это танец из разных фигур, объединяющий мазурку, польку, вальс и кадрили. Особую роль в таком танце играет распорядитель, иначе – кондуктор, громко выкрикивающий названия фигур, которые повторяют танцующие. Но это для придворных балов. И для столичных благородных собраний. А здесь все проще – кадрили по квадратам, «по-деревенски». И абсолютно прелестный танец подыспанчик, хотя, как мне

кажется, лучше бы его назвать «подшотландчиком»: у шотландцев, – веселого такого народа, где мужчины ходят в юбках, и на самом видном месте, посередь юбки, висит кошелек, прижимающий юбчонку к ногам, чтоб не задиралась, а из-за гульфика, тьфу, гольфика высовывается рукоять вполне серьезного ножика, – был такой примерно танец, когда мужчины и женщины образуют два круга. Учиться его танцевать – четверть часа, а радости – на целый вечер!

Танцевать, кстати, пришлые умеют и любят – а что еще делать зимой, когда за ворота города без веской причины нос лучше не высовывать. Не все же по домам сидеть, книжки читать...

А ужин-то – фуршет. Это где-то, значит, канapé строгают.

Пока собирались гости, я все искал взглядом одну даму – дочку Ивана Сергеевича, несравненную Наташу.

* * *

– Спойте, Петр Андреевич, спойте, мы все знаем, что эльфы прекрасно поют! – Словно сошедшая с полотен Кустодиева женщина, чья голова была увенчана невероятным тюрбаном из переливающейся ткани, наверняка с использованием магически обработанного волокна, безумно дорогого, между прочим, не могла быть женой мелкой шишки. Или купчиха первой гильдии, или жена какого-то крупного по городским меркам чиновника. В ширину эта дама была как три Корнеева, глаза с поволокой, на пальцах кольца белого золота с крупными сапфирами, в тон глазам. И наверняка закачано что-то в камешки – вон как блестят, едва искры не роняют. Красотка!

Почему-то такие вот на меня всегда особое внимание обращают. Материнский инстинкт пробуждается? Но закон светского вечера – это закон светского вечера: никто не вправе долго отнекиваться или скрывать «таланты» – потому что припишут дурной тон, а заодно и пренебрежение общественными интересами. То есть либо в жеманстве обвинят, либо в хамстве. И музыкальные таланты на таких вечерах ценятся весьма и весьма.

В современном мире особую любовь человеческого и нечеловеческого населения заслужили жестокие романсы. Видно, возможность погибнуть в любую секунду от клыков нечисти изменила вкусы и накрепко соединила темы любви и смерти. Ну и решил я спеть, подмигнув сидящей за фортепиано краснощекой веснушчатой девчухе лет шестнадцати. Откашлялся, чтобы добиться молчания, и объявил:

– Я спою вам знаменитую «Лиссандру» Леонидова, музыка, кажется, народная.

Солнце только зашло-о-о, а заря все пылала,

Весь завернутый в че-е-ерное, он подоше-ел!

И она та-а-ак рыдала, так го-о-о-рько рыдала,

Принеся на свиданье оси-и-иновый кол!

Лихая такая песня про любовь вампира и охотницы... Вся молодежь ее распевает, так что я не удивился, когда после первого куплета мелодию подхватили несколько женских голосов, даже не слишком неприятных. Безвкусица, конечно, ужасная.

– Еще, Петр Андреевич, еще! – Вокруг фортепиано уже столпились дамы, их обступили кавалеры, мой аккомпаниатор, или даже концертмейстер, покраснелась и похорошела. Я наклонился к девчухе, негромко напел мотивчик, так что веснушки на ее лице стали вообще незаметны, и затянул одну из любимых – старинную песню про чубчик, моего тезки – Петра Лещенко.

А что Сибирь? А я Сибири не боюсь!

Сибирь ведь тоже Русская земля!

Так вейся, вейся чубчик кучерявый,

Развивайся, чубчик, по ветру!

Обожаю. Там первые слова произносятся в такой разговорной манере, не поймешь сразу, что это песня. Понимание приходит где-то на словах «тоже Русская земля», а потом

идет такой напор, что сердце вздрагивает.

– Это точно про вас, Петр Андреевич, – пробившийся к фортепиано Иван Сергеевич и на балу не расстался со своим полицейским мундиром, только на правом плече у него блеснул аксельбант, а на руках были надеты белоснежные перчатки. – Не бойтесь, значит, Сибири? Вижу, вижу. Тогда я вас своей дочери представлю, раз такой храбрый, идемте же, идемте. – Под вполне искренний ропот барышень и дам, что пристав отбирает у них такого певца, Иван Сергеевич подхватил меня под локоть и потащил через весь зал.

– Что ж вы свой поплавок не нацепили, Петр Андреевич? – пристав рассматривал меня довольно придирчиво, как будто сомневался, стоит ли меня представлять своей дочке или нет.

– Мы новориситетов не кончали, – сказал я с законной гордостью, – мы там только преподавали.

– Это как же, Петр Андреевич? – пристав, кажется, заинтересовался всерьез. И чего людям такие обыденные, в сущности, вещи интересны?

– Да элементарно, Иван Сергеевич! По уставу Академии только 50 процентов преподавателей обязаны иметь высшее образование и ученые степени. У нас спецкурсы и гномы преподают, и орки, и аборигены... Важен не поплавок, а знания, и сейчас меня больше привлекает возможность познать настоящее блаженство – от знакомства с несравненной Натальей!

Пристав только коротко рассмеялся и, пробурчав что-то вроде «на кошках тренируйся!», повлек меня дальше.

Наконец-то, долгожданный миг! А если еще она слышала, как я пою? Не Собинов, но драматический тенор неплохой, голос камерный, правда.

* * *

Да. Открытое красное платье на блондинке – это немного не то, что можно не заметить, если ты не слеп от рождения. Одно жаль: на двенадцатисантиметровых каблуках Наташа была меня выше сантиметров так... А что это рядом с моей невестой Виталя делает? Они что, знакомы? А меня не представил, сучий потрох, если бы не папа, не знаю, что бы и делал.

– Корнеев! – Виталя, странное дело, был рад моему появлению, и даже, когда Иван Сергеевич начал меня представлять по всем правилам, улучил момент, чтобы отступить в сторону, а потом бочком-бочком – и ходу! Да что с ним?

Этот вопрос занимал, похоже, и пристава, потому что он препоручил Наташу моим заботам и отчалил вслед за Стрекаловым. Неужели увидел в нем черты того зверюги, который в подвале полицейской части содержался. Невозможно!

А что это моя красавица щебечет?

– Ах, как бы я хотела погулять по лесу осенью. Это так красиво... Но папа, конечно, непустит. Нет, я понимаю, опасно и чудовища всякие. Нечисть там, еще кто-то... – Наташа задумалась и вдруг проговорила унылым речетативом. – Приятно идти по лесу в желтых оттенках, в желтых ботинках, приятно идти по лесу осенью. Встретишь лося, сено косят...

Нет, вы как хотите, а у меня скоро голова лопнет. Девушка красивая, но как рот откроет, что с ней вообще происходит? Она вообще понимает, о чем говорит? Вроде все ее действия до сих пор производили впечатление разумных. Или я чего в девушках не понимаю? Сошла с ума от внезапной любви? Так это только в романах в мягких переплетах, которые дамочки за пятьдесят с неустроенной личной жизнью от скуки читают. Я, конечно, понимаю, что ползала глаз с нее не сводит... А Виталя сбежал, хотя ему тоже умиляться полагается. Да как ему не умиляться, если он еще в студенчестве понял, что у него девушки никогда не будет? И в бордель-то он ходить осмеливался, дайте прикинуть, когда там относительное равновесие? При окончании первого и начале второго лунного цикла, равно как и при окончании третьего и начале четвертого...

– Нет, нет, нет! – проговорила вдруг Наташа, качнулась с носка на каблук и,

неожиданно, запрокинув голову вверх, взвыла. Да как взвыла! Многие из тех, кто был в зале, присели, зажимая уши, в руках большинства мужчин появились пистолеты, «дерринджеры» и «штайры» всякие. Василий Васильевич, снимавший у входа в залу обязательную для парадной формы саблю, – неужто танцевать собрался после ранения? – обнажил клинок и застыл в дверях в позиции, выдающей в нем неплохого саблиста.

Понимая, что происходит что-то неправильное, я попытался приобнять девушку, которую трясло, как в лихорадке. Вот уж не знал, что держа такую аппетитную блондинку в объятьях, буду мечтать, чтобы нас «застал врасплох» ее папа.

Папа не замедлил явиться.

– Гном, у гнома, камни дома! – продолжала кричать Наташа, – возьми камни, три камня, три карты, тройка, семерка, туз! Здравствуйте, господа! Верь – не верь! Дверь! Смерть!

– Пустите, Корнеев, это что-то бессмысленное, это бред! Она больна!.. Доктора!

Пристав ловко оттеснил меня от дочери, подхватил ее на руки и почти бегом рванул к входной двери, чтобы столкнуться с бледным, но решительным Василием Васильевичем.

– Уложите ее на диван, – распорядился агент, указывая саблей на канapé, стоящее около входа, – сейчас доктор подойдет, доктор!

– Доктор! – взревела толпа, и вытолкнула из своей массы Игнатия, в черном фраке и белом галстуке бабочкой. Через плечо у него была повязана белая лента, на манер орденской. За распорядителя танцев он сегодня. Да где ж Виталья?

Доктор рысцой стал приближаться к девушке, но она, вдруг, с неженской силой отбросив пристава, растянула губы в страшной ухмылке:

– Я достала смарагды!

С этими словам она подтянула колени к груди, сжалась в комочек, вспышка! И она исчезла, только на диванчике остался неровный опаленный след, повторяющий форму ее тела.

* * *

Сказать, что все были в замешательстве и смятении – значит не сказать ничего. Василий Васильевич и Иван Сергеевич убежали распорядиться, приказав всем оставаться на местах, как в недоброй памяти «Розовом какаду», я сидел, зажав голову руками, кто-то уже что-то пил, чем-то закусывал, в воздухе клубился дым, танцы, понятное дело, отменили, кругом судачили о порталах и их формах. Не приходилось слышать о таких порталах, это точно! Бред Наташи слышали многие, так что толкователей ее слов нашлось предостаточно. Да и выразилась она яснее ясного. Компания офицеров, не теряя драгоценного времени, установила какой-то стол и засела писать отчеты.

– Вот сука-то! – какой-то поручик не выдержал и стукнул ладонью по столу. – Чего ей не хватало! Все всегда к ее услугам! Нет, смарагдов захотелось! Знал я, что у баб от брюликов крышу сносит, но на Натаху не думал! Вот же тварь паскудная!

* * *

Я неторопливо снял белую перчатку с правой руки, скомкал в кулаке и бросил на стол перед поручиком. Она чуть проехала по полированной поверхности и совсем легко толкнулась поручику в грудь. Хорошо получилось, эффектно.

Сказать, что он покраснел, означает не сказать ничего. Хорошо, что его оттащили сразу – разорвал бы меня, как Тузик грелку. Ко мне немедленно направился немолодой и по виду добродушный штабс-капитан.

– Это оскорбление, мил-сдарь! – несколько недоуменно обратился он ко мне. – Имею честь представиться, гарнизонный командир, военный комендант Сеславина, штабс-капитан Игорь Иванович Илютин. Видимо, секунданта оскорбленного вами поручика Свечникова,

кроме меня тут некому-с.

Так вот ты какой, северный олень! И не толстый совсем, скорее, широкий и плотный, похожий на борца.

– Не оскорбленного, но вызванного на дуэль, – поправил я штабс-капитана, мысленно восторгаясь его ловкостью. – Это он произвел словесное оскорбление. Свидетелей куча. Будем обращаться в суд и собирать показания?

– Нет, что вы, какой суд, – сразу сдал назад штабс-капитан. – тут дело посерьезнее гражданского суда, по которому вам, кстати, как лицу, оскорбившему офицера, на каторжные работы бы светило.

Я, конечно, знал о таких законах – оскорбление офицера, действительно, каралось ужасно сурово – если бы я ударил этого офицера, то получил бы лет пять каторжных работ, независимо от того, подавал бы он заявление в полицию, или не подавал. И погиб бы там на второй день от несчастного случая. А, учитывая мой характер, может, и на первый. Если бы я бросил перчатку ему в лицо, плюнул бы, или еще что такое учудил – опять же на пять лет бы законопатили, и погиб бы я на первый день. Но физического контакта с личностью поручика не было, так что мой бросок перчатки мог считаться только оскорблением чести и достоинства. Я ж перчатку на стол бросал, все видели. А если поручик обратится в суд, то ходить ему оплеванному до первого офицерского собрания, на котором ему предложат, вежливо так, покинуть ряды, и не позорить их своим присутствием. Мне суд припаяет... или ничего не припаяет, учитывая, что я имел право вызвать офицера на дуэль – как преподаватель Тверской академии, имеющий право на классный чин. Или уж года три каторжных работ, и погибну я... сами понимаете.

Но если поручик в суд не обратится, тогда дуэль. И тут-то самое важное – выбор оружия. Если в конфликте с Сигурдом Сваарсоном все висело на волоске – предложи он драться на норлингских боевых топорах, тут мне и конец, то дуэль с офицером из Нового княжества расписана от и до, на основании старинного, 1912 года еще, до Переноса, Кодекса. Есть только один сложный момент – кого считать оскорбленным, а кого оскорбителем. Причем вызванный и оскорбленный, само собой, почти никогда не являются одним и тем же лицом. Второй имеет право на выбор оружия. Если штабс-капитан Илютин будет настаивать на том, что оскорбленный – поручик Свечников, то мне не поздоровится. И это надо предотвратить.

– У вас, кстати, есть секунданты? – штабс-капитан явно хотел навязать мне кого-нибудь из своих гарнизонных, но я кивнул на застывшего вопросительным знаком Виталю, представив его как дворянина, выпускника и преподавателя Тверской академии и кавалера почетного знака Малой академической медали имени Бэраха, коим он, собственно говоря, и являлся. После чего заявил, что на правах оскорбленного хотел бы приступить к выбору оружия и места дуэли.

– Бросив перчатку моему доверителю, вы оскорбили его честь прилюдно, – заявил штабс-капитан. Вот ведь дока!

– Он совершил более мерзкий поступок, причем по отношению к даме, – а по Дуэльному кодексу это повышает степень оскорбления на одну ступень, – этот разговор начал вызывать у меня такие же ощущения, как у ценителя вина – Бордо из Армира, урожая 194 года. Судя по лоснящейся роже военного коменданта, у него тоже. Обступившие нас солидные джентльмены, вообще, кажется, начали заплыв в бочке с мальвазией. Немного нарушил идиллию сам поручик, вырвавшийся из рук удерживающих его офицеров и подбежавший к нам.

– Выбирайте оружие, демон вас заberi! Убью!

– Винтовка, Мосинка, или Энфильд, полный магазин, дистанция шестьсот метров, – тут же выдвинул я список давно продуманных требований. И подвигал сначала одним ухом, потом другим. Ага! Попробуй эльфа на таком расстоянии снять. Я-то тебя одним выстрелом, первым же...

Все зароптали.

– Это же убийство! – выкрикнул один из обступивших нас штатских, тщетно пытаясь прикурить сигару от свечки из канделябра.

– Бретер! – высказал мнение другой столп общества, и я был готов расцеловать его в отвисшие, как у бульдога, щеки. – Бретер, господа, это такой дуэлист, чья слава зависит от количества убийств.

– Тогда все норлинги – бретеры, – усумнился третий господин, баюкая в ладони широкий бокал с армирским коньяком, – у них чем зубов в косице больше, тем и уважения...

– Нет, так не пойдет! – это штабс-капитан.

– Согласен! Мне плевать! – а это поручик. Ух, горяч!

Штабс-капитан отстранил рукой рвущегося в бой поручика, мигнув двум офицерам, чтобы они отвели того куда подальше, и довольно мягко выговорил мне, что дескать, использовать врожденные способности эльфов к меткой стрельбе неблагородно. Как, к примеру, если бы я был магом, и использовал магическую силу в поединке с обычным человеком.

– Так ведь никто не мешает господину поручику использовать благоприобретенные способности к стрельбе! – возразил я. – Его же учили стрелять. Он же офицер великой армии Ярославского княжества!

Штабс-капитан злобно зашипел, но, понятное дело, возразить ему было нечего. Все вокруг осуждающе качали головами. Это был триумф. Я еще подождал, улыбаясь прямо в белое оскаленное лицо поручика, давая ему понять, что он проиграл, что жить ему осталось ровно столько, сколько времени пройдет от этого момента до того, когда я возьму в руки винтовку.

И, выждав еще мгновение, я произнес, как бы в некой задумчивости:

– Впрочем, если вы считаете, что такие условия несправедливы, то я предлагаю самому господину поручику выбрать оружие!

– На катанах! – вскричал поручик, слегка розовея. Уффф! Если бы он выбрал станковый пулемет, то я бы проиграл. Но он выбрал, понятное дело, то, что было противоположно стрелковке, и что ему, очевидно, было хорошо знакомо.

– Согласен! – быстро сказал я. – А что это такое?

И тогда меня просветили, что это такой меч, восточный, довольно дорогой, с односторонней заточкой, в принципе, подпадающий под определение «прямой сабли», каковое имеется в Кодексе Дурасова, или Кодексе 1912 года.

– А у меня катаны йок, то есть нет, – заявил я слегка растерянно публике, чьи симпатии довольно быстро перемещались на мою сторону.

– Дурак! – с явной жалостью прокомментировал тот самый господин, который раньше называл меня бретером. Прямо хоть жалование ему плати. Пословно.

– Катаной мы вас обеспечим, – штабс-капитан прямо сиял от удовольствия. Еще бы, все в лучшем виде. – Маленькое дополнение, господа! Катаны можно и не затачивать, рубяще-дробящий эффект все равно значительный!

– Нет уж, позвольте, – не дал я ему испортить дело. – Если поручик считает себя вправе наносить оскорбление, пусть отвечает за свои слова. И нечего рассуждать про эффект. Этак вы предложите на деревянных мечах драться!

Штабс-капитан смешался. Еще бы! Каждый знает, что японцы приравнивали боевой меч тренировочному, деревянному. И каждый знает историю о Минамото Мусаси, который выстругал меч для смертельного поединка из весла. Штабс-капитан просто обязан был предложить драться на тренировочных мечах, этот его ход дурак почувствовал бы. А не пройдет.

Договорились. Мечи были у поручика, еще пару обещался принести штабс-капитан.

Драться мы должны были утром, не в двух верстах от города, как обычно, если бы на пистолетах или револьверах, а в самом городе, в гимнастическом зале гарнизона, потому что дуэль предполагалась «до пролития первой крови», то есть не смертельная, и в качестве врача должны были присутствовать как Виталий, так и маг-целитель, Игнатий Повторных, тот самый, которого я видел еще в «Розовом какаду», когда двойники Витали ранили

полицейского унтера. И тот самый, который, оказавшись однокашником Витали, достал нам приглашения на бал, где должен был распоряжаться танцами.

Штабс-капитан, похоже, не сомневался в победе своего подчиненного, но, будучи человеком обстоятельным, прекрасно понимал, что при обоюдном ударе могут быть раны у обоих противников. И вообще, два врача лучше, чем один. И человек, по чьей вине такой скандальный эльф оказался в приличном обществе, должен испытать всю чашу ответственности до конца, целиком. Со стороны поручика должны были быть два секунданта: штабс-капитан и какой-то артиллерийский подпоручик, совсем молодой и безусый. Весь остаток вечера, правда, Виталий бухтел, что вечно мне нейдет, и что он не может представить себе историю, в которую я не был бы замешан. Уже когда я ложился, Виталий предложил поколдовать, на ночь, так сказать, но я не позволил, напомнив ему о втором колдуне, который был приглашен понятно зачем, Виталию контролировать, а вовсе не потому, что второй врач нужен.

Заснул без проблем, а Виталия все ходил по комнате рядом со своим ложем, переделанным из двух стульев, кресла и табуретки, и бухтел – такой вот неугомонный человек.

С утра настроение было прекрасное – как и само утро.

Мы с Виталей решили пойти пешком, воздухом подышать, но едва мы вышли на крыльцо гостиницы, как увидели сидящего в немолодом виллисе Ивана Сергеевича. Пристав был в кожаной куртке, серенькой водолазке и отглаженных бежевых брюках.

– Садитесь, подвезу, – попросту пригласил Иван Сергеевич. – Я ведь в отпуске, не на службе, да и лицо заинтересованное, полюбуюсь на ваше фехтование. – Интересно, ставки на меня делают, и кто?

На крыльце здания, расположившегося вплотную к Центральным воротам, нас встречала целая делегация отцов семейств, политиков районного масштаба, торговцев и других полупочтенных личностей. Удивительно, как лозунги с транспарантами не принесли. Самым популярным был бы «Пустите нас! Мы тоже хотим посмотреть!» Хлеба и Зрелищ. Ничего не изменилось со времен Древнего Рима. Как-то это обнадеживает, что ничего не изменится и в этот раз.

Если бы контрразведка Ярославской армии заинтересовалась историей поединков Петра Корнеева, она легко бы выяснила, что побеждал я всегда на второй-третьей секунде боя, либо не побеждал вообще и отправлялся на два-три месяца в цепкие ручки целителей. Вру, один раз было так, что я победил на четвертой минуте! Да-да! Минуте поединка. И все потому, что полуорк, с которым мне довелось драться, был страшно пьян. Он ужасно медленно размахивался, ужасно медленно бил, я так же медленно уклонялся и так же тягуче пытался контратаковать. Я был пьян чуть меньше, или, если не пересчитывать нормы, а сравнивать по объемам, то я был бедуином в пустыне, а он был уопленником, попытавшимся пересечь Южный океан на плоскодонке. В результате он замахнулся слишком сильно и опрокинулся на спину. Вставать не стал, вместо этого захрапел. Чистая победа.

Проталкиваясь между людьми, я отметил и присутствие нелюди. Два гнома, пытаясь огромными трубками, обсуждали с Глоином достоинстваковки мечей, как я успел понять, прислушавшись краем уха.

– Эй, Глоин, хочешь контрамарку?

– Чего?

– Пошли, проведу тебя, полюбуешься на цирк. С родичами, естественно.

– Во! Давай Петя, я ж на тебя поставил!

Поразительно, он съел «цирк», не поморщившись. Или, по гномским понятиям, дуэль – вещь несерьезная, или, что скорее, ему уже такого наболтали...

Штабс-капитан пытался остановить Глоина с родичами, валивших за ними наблюдателей, даже Виталию, не узнав.

В результате пришлось мне наводить порядок. Присутствие Глоина и его родичей

удалось оправдать тем, что гномы мне родня, да и вообще вся нелюдь на одно лицо, и еще они засвидетельствуют заточку клинков.

Прочих, кроме Витали, вытолкали взащей. Иван Сергеевич, впрочем, спокойно прошел в дверь, Илютин предпочел его не заметить. В гимнастическом зале было полно народа. Едва ли не все офицеры в гимнастических костюмах обменивались ударами шпага, коротких сабель, мечей. Какой-то здоровяк крутил вокруг кисти алебарду. Раз-два-три виток, и в другую сторону. А умен штабс-капитан, умен. Тренировка личного состава с холодным оружием. А-а, Корнеев, заходи! Не хочешь пофехтовать, а? Вот катаны неплохие... Вон Свечников тебе все покажет... Ай-ай, Корнеев порезался. Сонную артерию на пальчике порезал! Так и напишет в отчете, что начальству отсылать.

Молодец, штабс-капитан. Иван Сергеевич уже удобно пристроился к стеночке, задумчиво пробуя большим пальцем шипы какого-то моргенштерна.

– Вы готовы, Корнеев? – штабс-капитан явно не хотел тянуть кота за хвост. Его помощники вытянули на середину зала небольшой столик, на него положили два одинаковых по длине меча. Хорошие катаны, рукоятки акульей кожей обтянуты. Я кивнул Глоину, и гномы чинно вытянули оба клинка из ножен. Сверкнула сталь.

– Слоистая сталь, клинки самозатачиваются, – вынес вердикт один из родичей Глоина, даже не знаю его имени, – мечи сделаны мастером Дальдуром из клана Снурри Серобрового с Железного хребта для господина Илютина.

По сгрудившимся офицерам прошел тихий шепоток. Видимо, далеко не все видели эти мечи, для кого-то это было новым зрелищем.

– Как на грех, только получил свой заказик, – в голосе штабс-капитана отчетливо был слышен страх остаться без любимой игрушки. А что?

– Победитель забирает оружие побежденного, – припечатал я штабс-капитана.

У большинства офицеров мое замечание не вызвало внутреннего сопротивления, а вот владелец мечей взвыл.

– Это не было обговорено перед дуэлью!!!

Штабс-капитан явно боялся за свои клинки. А вот то, что они сломаться могут в поединке, это ему в голову не приходило?

– Ладно, ладно, давайте уговоримся заранее, что забирать... Я вот ставлю «чекан» и «таран» пятизарядный. А вы, поручик?

Поручик лишь пожал плечами. Он пожирал мечи взглядом и, казалось, готов был отдать полцарства, чтобы коснуться рукояти. Адепт искренней и безоговорочной веры в кэндо? И кто здесь за сен-сея выступает? Начальник гарнизона? Тогда энтузиазм поручика понятен...

– У меня довольно много оружия дома, – сказал он равнодушно. – Есть и самозарядки, и помповик, и охотничье ружье, и револьверы...

– СВД есть? – сразу спросил его я, замирая в надежде, что у него есть мое любимое оружие.

– Конечно, только СВД-П, оптика у меня на СВТ...

Гм, а правильно я сделал, что перевел бой на холодное оружие. Ишь, какой арсенал собрал парень...

– Ставлю свои стволы против СВД-П поручика, – быстро закончил я торг, и штабс-капитан, мотнув головой, как лошадь, сгоняющая с века муху, потребовал:

– Выбирайте ствол... тьфу ты, клинок, клинок выбирайте, Корнеев. А за винтовкой пошлем прямо сейчас...

А чего выбирать? Клинки парные, так и заказаны были – для себя и того парня, который спарринг-партнер.

Взял меч, теперь спокойнее, все на меня смотрят. Одной рукой махнул влево, вправо, растянул губы в улыбке.

Поручик взял катану двумя руками, довольно ловко встал в стойку, выставив вперед правую ногу. Сделал два пробных замаха с ударами, оба с шагами, довольно четко, надо

сказать. Остался в стойке, держа острие лезвия на уровне глаз.

– Петя, меч двумя руками держи, – страшным шепотом, слышным во всех концах зала, попросил Глоин, и я, сделав испуганные глаза, перехватил второй рукой рукоять катаны. Молодец, Глоин, отлично свою реплику отработал. Только не складывать пальцы левой руки в кольцо на рукояти. Вот я большой палец отогну. Если поручик Свечников мягко покачивал меч, используя люфт между большим и указательным пальцами правой руки, крепко обхватив рукоять даже не средним, а безымянным пальцем и мизинцем, прямо залюбуешься, опытный парень, то я держал меч совершенно расслабленными пальцами, да еще и самыми кончиками. И кисть слегка подвернул, незаметно так. И в отличие от Свечникова, придерживал меч едва ли не поперек груди, как древко от знамени.

Судя по загоревшимся глазам поручика, такой способ удерживания меча явно ему нравился. Только полные профаны могут так держать меч, и стоять так мне стоило огромных усилий.

– Э-э-э, все показали готовность драться, позвольте предложить разговор о примирении! – Виталья вспомнил об обязанностях секунданта.

– Если поручик Свечников готов принести извинения, то я согласен, – быстро проговорил я, заранее зная, что после моей перчатки извинения невозможны.

– В позицию! – улыбаясь и покачивая головой, скомандовал штабс-капитан. Я понял, что он успел поговорить со вторым врачом, Игнатием, и убедиться, что никаких колдовских штучек-дрючек я не использую. Хорошо. Хорошо еще, на самом деле, что поединок не по ударам расписан, как норлинги иногда делают, когда на мечах дерутся. Я бросил взгляд на Ивана Сергеевича – вот кого можно объявлять эмблемой спокойствия и даже безразличия. Улыбается, зараза. Прочие смотрят с разной степенью ужаса или злорадства.

– Уши отрублю, – зловеще проговорил Свечников, стараясь, чтобы его слова достигли только моего слуха. Меня как-то сразу перестала заботить его судьба. Чему быть, того не миновать.

Моя стойка, с выставленной вперед левой ногой, на которую я опирался, могла, конечно, дать представление о том, что я собираюсь делать дальше. Если противник, как я, «сидит» на передней ноге, то возможность движения у него одна – назад. Я и собирался отступить, чего уж. Вряд ли первый удар поручика будет в полную силу. Он скорее, видя перед собой неопытного мечника – не зря же ему напоказ катану держу перед лицом почти – первый удар нанесет не в полную силу и полный замах, а уж второй – ударит, так ударит. Будет ждать, что я на первый удар среагирую, а вот второй – пропущу. А может поменять направление удара? Может, но если только заподозрит, что я не так плох на мечах, как кажусь.

– Сходитесь! – После команды штабс-капитана мы оба с поручиком сделали шаг вперед навстречу друг другу, и оказались в позиции, откуда вполне можно начинать атаку – от противника меня отделяло шага три с половиной. Поручик подшагнул, одновременно с шагом нанес удар, но я ждал этого и отступил на точно такой же шаг. «Вжик», – свистнул воздух у моего лица, а поручик, «воздымая» меч после удара, заученно ткнул острием катаны вперед – на случай, если я тоже пойду вперед. Это движение он так же заученно использовал для неувовимого замаха, удар, и тут я «раскрутил» свой меч. Лежавшая на кончиках пальцев рукоять теперь оказалась плотно сидящей в правой ладони, меч пошел вроде бы прямо, а на самом деле, за счет подкрутки, отбил лезвие катаны поручика в сторону. И тут же рухнул вниз, на голову противника, описав в воздухе микроскопически малую петлю.

– А-а-а! – заорал поручик Свечников, неловко заваливаясь на бок. Хотел, что ли, отшагнуть, но ноги не слушались. Сразу после удара я поставил меч в позицию, из которой мог бы вновь отбить удар противника, но катана поручика выпала из его руки, а сам он зажал лицо, обильно окрасившееся кровью.

Все молчали. Потрясенно. К лежавшему на полу поручику бросились Виталья и другой врач, как его, Игнатий. Как коршуны какие, понимаешь.

– Жив пока, – сказал Игнатий, поднимая голову и укоризненно сверля меня взглядом, – но отойти может в любой момент...

А что вы хотели? Думаете, легко отказаться от заученных движений? Мой удар был сильным, но я не мог иначе – тело действовало почти на автомате. Как и у Свечникова, кстати.

Все загомонили, штабс-капитана, похоже, сейчас удар хватит, Виталя совсем поник, – не привык, чтобы так, кроваво и просто. Но держится – и хлопочет над поручиком... Надеюсь, надо мной так же хлопотал бы.

– Давай вторым номером, Игнат, – скомандовал Виталя, скривился, на его шее и лбу выступили жилы, его руки, обхватившие голову поручика, стали наливаясь зеленоватым свечением, Игнатий радостно вскрикнул и погрузился в волшбу, напитывая это свечение каким-то искрами, свернувшимися в кокон и исчезнувшими в миллиметре над раскрытым лбом поручика.

– Получилось... – отдуваясь, Виталя отошел от раненого. Пот лил с него ручьями, взгляд метался по лицам людей, как загнанная крыса, остановился на лице Ивана Сергеевича, и на том, что тот ему протягивал. «Добрый доктор Айболит» схватил флягу, сделал глоток, которому позавидовал бы Бармалей, скривился, приложился второй раз, затем протянул флягу мокрому как мышь Игнатию. Тот тоже сделал пару глотков и вернул флягу приставу. От обоих медиков распространился божественный аромат коньяка из Армира. Вот бы мне тоже.

– Жить будет, служить – вряд ли, – Игнатий говорил кратко – даже после коньяка слова давались ему с трудом. – Берите, несем. – Он указал на стоящие в сложенном виде у стены носилки, а я отошел в сторону, решив не демонстрировать особую заботу о пострадавшем – и без меня dobroхоты найдутся.

Иван Сергеевич оказался рядом со мной вовремя – чтобы поймать за рукав штабс-капитана и спросить:

– Вы завершили свои обязанности секунданта, господин Илютин?

– Дуэль завершена. Оскорбление смыто кровью! – мне показалось, что на меня сейчас брызнут осколки зубов штабс-капитана Илютина, так он скрипел зубами, выговаривая эту ритуальную фразу.

– Да! – слегка не по протоколу подтвердил Виталя, но к нему никто не стал придираться.

Иван Сергеевич потряс флягу, протянул ее мне и заметил, совершенно спокойно глядя на суетящихся вокруг поручика офицеров:

– Я не делал ставки, как многие здесь, потому что считаю, что ставить на кровь – гнусно, но если бы я ставил деньги, то на Вас, Корнеев.

– Почему? – надо было что-то спросить, но меня сейчас больше занимала восхитительная волна тепла, омывшая мой закаменевший желудок после глотка из фляжки пристава.

– Я давно заметил, что когда вы сердитесь или волнуетесь, то уши закладываете назад, что твой кот, – фыркнул пристав, – а перед поединком ушки у Вас стояли вертикально. И были вы, следственно, совершенно спокойны, что нехарактерно для того, кто собирается драться незнакомым оружием. И дальнейший спектакль ваш я не без удовольствия наблюдал.

Иван Сергеевич многозначительно помолчал, а затем продолжил:

– Заберу я Вас и секунданта вашего, потолковать надо. Да и покажу кое-что. Собирайтесь.

– Да мне что собирать-то, нищему собраться – только подпоясаться... Виталя, нас ждут великие дела!

– Не забудьте только выигрыш свой получить...

– Какой выигрыш?

– Да винтовку, которую вы выиграть изволили, вон, несут уже.

С отвращением я принял из рук подошедших родичей Глоина СВДэшку поручика. И в руки-то взять неприятно.

– Познакомься, Петя, – пробасил Глоин, – двоюродные мои, Двалин Кресало и Лимлин Вальтовый Козырь. Понимаешь, непонятно было, кто победит, так что я решил до схватки вас не знакомить, чтобы в случае чего...

Практичности гномов я завидовал всегда самой черной завистью.

* * *

– Похоже, золотая, – с удивлением произнес Стрекалов, глядя на небольшую круглую коробочку, вроде как из косметических.

Именно ее показал нам с Виталей Иван Сергеевич, откинув покрывало на довольно роскошной кровати в комнате, которая, конечно, никому, кроме Наташи, принадлежать не могла.

– Вся из золота, полностью? – я протянул руку к коробочке, думая хоть на вес определить, сколько золота в этой штуковине, и тут же получил по рукам от разгневанного Витали.

– Сдурел, Корнеев? Жить надоело? – прошипел он, и профессорским тоном потребовал у хозяина дома пинцет. Тон Иван Сергеевич стерпел, хотя поморщился, после чего признал, что дома пинцет не держит. Незачем. Пришлось удовольствоваться свернутой накрахмаленной салфеткой и парой простых карандашей, которыми Виталя начал действовать со скоростью и сноровкой любителя восточной кухни и, следовательно, палочек для еды. Койзами и я умею орудовать, тут ума много не надо. Перевернув коробочку набок, а потом и на крышку, чтобы осмотреть ее дно, Виталя потребовал увеличительное стекло, лупу, подзорную трубу, бинокль... Не знаю, как долго он продолжал бы выкрикивать свои несуразные требования, но пристав уже протягивал ему самую настоящую лупу на длинной черной эбонитовой ручке. Из набора Шерлока Холмса, не иначе. Почему же тогда пинцета нет?

– Ага! – Виталя самодовольно уставился на едва заметную, чуть шероховатую полоску металла, слегка вдавленную в поверхность коробочки. – Это надпись. Точно надпись. Руническая, но не заклинание. Магии от коробки не чувствую. А надпись, скорее, имя. На древневилларском. Корнеев, посмотри!

– Аш-ма-и? Ашмаи. Кому-нибудь это о чем-то говорит?

Мне лично ни о чем не говорило, имя какого-то демона, кажется, а Иван Сергеевич задумался. И видок у него был не слишком веселым, наверное, под стать мыслям.

– Открываем?

Виталию уговаривать не пришлось. Он надел перчатки, те самые белые лайковые перчатки, которые надевал на бал, осторожно повернул крышку коробочки против часовой стрелки и снял ее.

Коробочка была пуста, только на стенках виднелись остатки какой-то жирноватой субстанции, похожей на косметический крем зеленоватого цвета. А запах от этого крема шел непередаваемый. Пахло травами, молодостью, красотой, силой. Силой? И еще какой! Непонятно было, как такое не засекали сразу, когда коробочка была закрыта. Или золото так экранирует хорошо, или она от контакта с кожей теряет свойство магию излучать. А то ведь того, кто таким кремом намажется, первый патруль в кутузку потащит. И еще отдавало гадостью какой-то непередаваемой. Будто из крематория, который дешевым одеколоном сбрызнули. Вроде запахок отбивает, но такая смесь получается – вырви глаз!

– Что это? – меня тошнило, пристава тоже, а у Витали глаза горели, как фонари.

– Я знаю, что это! Я, я... читал в нашем факультетском бюллетене! Это же крем «Ведьма», он же «Маргарита», его еще называют просто – «Крем», и запрещен он по всему Великоречью как тяжелый наркотик магического происхождения! – сказать, что Виталя был взбудоражен, значило не сказать ничего, – Действует только на женщин! Мгновенное

привыкание! Появился неизвестно откуда, недавно совсем! Эффект потрясающий! У обычного человека появляется Сила, да такая, что страшно подумать, тело на глазах молодеет, волосы становятся превосходными, цвет лица – заглядение! Зубы! Вообще! Любую дурнушку красавицей сделает! Потом, правда, тяжелые галлюцинации, ломка страшная, блокада памяти, без новой дозы – смерть. Печень отказывает, почки, да почти все внутренние органы.

– А это точно Наташина коробочка? – я смотрел на пристава с надеждой, которая уже приготовилась умереть: табличку «последняя» на шею надела и лапки на груди сложила.

– Не знаю... – пристав был мрачен. – но кроме Наташи сюда никто не заходит. Убирает в своей комнате она тоже всегда сама – я так с детства приучил.

– Подбросили? – глупость вопроса была очевидна для меня самого. Кто ж золотую коробочку подбрасывать будет? Была бы из какого другого материала...

– Я тоже надеялся, но никто не вручает мне писем с угрозами и предложениями, никто не приходит с обыском, все в растерянности. Я тоже.

– И главное, – пристав посмотрел на нас совершенно спокойным взглядом, так что я даже усумнился в его адекватности – я бы точно так спокойно себя не вел, если бы у меня дочь наркоманкой оказалась, – зачем ей этот крем? Она и так красавицей была, полгорода сватались, тот же Свечников, один из многих. Всем отказала. К колдовству никогда талантов у нее не было, не интересовалась она им, да и без колдовских способностей мы прекрасно жили – денег хватало...

Свечников, значит... Понятненько...

– Иван Сергеевич, а зачем вы нас позвали? – спросил я осторожно.

– Вас, Петр Андреевич, не мог не позвать, – пристав усмехнулся, и я понял, что передо мной совершенно непредсказуемый человек, возможно, безумец. – Как же, защитник чести моей Наташи! А вот Вас, господин Стрекалов, пригласил, потому что вы биолог и медик. Хотелось услышать ваше экспертное заключение, и ответьте мне на вопросик один – как вы с Алей связаны?

– С кем? – спросили мы с Виталей одновременно, но ответил пристав мне:

– А вы, Петр Андреевич, тоже знакомы. Вот уж не ожидал от Вас. Но наш пострел везде поспел, – в доме терпимости «Принцесса Греза» вы познакомились.

– Это что же, Аля – сокращение от Ардали? – в совершенном обалдении спросил я.

– Какая Ардали? – пристав вежливо поднял бровь, всем своим видом показывая, что его не касается, что за знакомства завязались у меня в местных бардаках. Ну ни фиги себе, сам же тему поднял! – Я имею в виду Альенду – хозяйку этого сомнительного заведения. И мою, так сказать, жену. И мать Наташи, по совместительству.

Ваше я попал!

– Жену? – пискнул я, хватаясь руками за башку, – мать? Наташина мать? – так симпатичная Мадам в «Грезе»... что я ей говорил? что я ей говорил? что я ей говорил? Что-то про глаза голубые... За задницу хватал? Нет, кажется, не хватал – фу-у-у, какое облегчение. Тещу за мягкое место щипать – не самое лучшее начало для знакомства. Или, наоборот, нормальное?

– Она была впечатлена вашим обхождением, Петя, – усмехаясь без всякого оттенка ревности, произнес пристав. Мне еще Отелло не хватало для полного счастья. И как он своей жене позволяет в таком месте находиться? И почему в городе об этом не на каждом шагу судачат?

– Жена она мне, так сказать, гражданская. Перед алтарем Мирои, покровительницы семьи, души соединяющей, не клялись, конечно, и кольцами не менялись. Просто я настоящий хозяин этого бардака и ее единственный мужчина. В городе об этом не знают, как не знают и о том, что она мать Наташи, – пристав, казалось, читает мои мысли. Как насчет Витали – не скажу, но я вот охреневаю.

– Откровенно скажу, – невозмутимо продолжал пристав, – мне Наташа важнее закона, Его Высочества князя Ярославского Владимира Кирилловича и всего этого дважды

проклятого мира!

Хорошее заявление от столпа законности города Сеславина.

– Ну так что, Виталий Олегович? Какая у вас связь с Альендой?

– Ничего такого, Иван Сергеевич, – лицо Витали пошло пятнами, – она написала мне письмо, когда я поселился в гостинице «Шашинской». Просила помочь советом, обещала хорошо заплатить, умоляла сохранить в тайне – обычное дело для врача, уж поверьте! Частный визит – да на этом любой целитель кормится! Тайный визит врача, да еще из другого города – что может быть понятнее? Дурная болезнь, я был уверен. Но выяснилось, что она просила посмотреть на Наташу, у которой никаких признаков какой бы то ни было болезни не было. Мне, правда, показалось, что она, как бы получше сказать, в детство впадает – какие-то реакции у нее были, как у ребенка.

– А это разве не показатель, что человек наркотики принимает?

– Ну, я думал, такая девушка эксцентричная. Красивые девушки себе многое позволить могут...

– Каким образом, где и когда вы ее осмотрели?

– Там, в «Принцессе Грезе», провел все положенные тесты, но она выглядела прекрасно! Поймите, действие наркотика «Крем» невозможно отследить по симптомам! Этак каждую красивую женщину можно заподозрить, что она на «Креме» сидит! Посмотрел я на нее, вынес вердикт, что здорова, ошибочный, к сожалению, и отвалил!

Ага, вот откуда знакомства Витали в «Принцессе Грезе». Теперь понятно.

– Вот что ребятки, – пристав уставил на нас взгляд, который уже не казался совершенно спокойным, – это такое дело, которое я не потяну. А искать Наташу надо начинать прямо сейчас. Есть шанс, что моя дочь жива. Ее можно вылечить? – это уже для Витали вопрос.

– Исключено, Иван Сергеевич! – Виталия виновато развел руками. – Втирать наркотик надо регулярно, доза на увеличение идет...

– Все равно... Я подозревал Наташу с того момента, когда агентов, к смарагдам приставленных, убили. Она в тот день к Глоину собиралась за серьгами... Да и агенты эти не лыком шиты – не так просто незнакомцу, мужчине, к ним подобраться. А вот знакомая девушка, дочь полицейского, красавица, – ее они могли подпустить близко... мой грех, не хотел и думать об этом... – пристав сокрушенно замолчал.

– Вы, давайте, собирайтесь. Нельзя вам в городе оставаться. Тут на вас охота начнется.

– Какая охота? – Виталия даже рот разинул от удивления. – Не всех ящеров убили?..

– Да самая настоящая, награду вот за ваши головы объявят, рубликов по пятьсот, и сразу куча желающих набежит. А что? Деньги немалые.

– Позвольте, Иван Сергеевич, да кто же награду объявит и за что? За какие преступления?

– Как это кто? – удивился пристав, – пока я тут начальник полицейский, я и объявлю, согласно служебным инструкциям и пониманию долга. А за какие преступления? Так за вызов двойников отвечать надо, Виталий Олегович. Думаете, у меня на лица память плохая? Похожи они на вас, только помощнее, с точки зрения комплекции. Так что – по всей строгости закона. За то, что ящеры кучу людей порвали, – вам отвечать... И за попытку убийства офицера Ярославской армии, равно как и за пособничество опасному чернокнижнику тоже ответить надо, – это уже мне персонально.

– Вы, да вы!.. – Лицо Витали пошло багровыми пятнами, я даже испугался, что по его телу сейчас метаморфозы пойдут. Во, зрачки сузились, а губы обтянули выпирающие зубы, зубищи, клыки на манер четырехугольника. Но Виталия кое-как сдержался и выдал то, с чего, собственно, надо было начинать.

– Так вы, господин пристав, сами в этой истории по уши...

– По уши, по уши... – Иван Сергеевич согласно закивал. Железный человек! Не пробить. – Поэтому и предлагаю вариант, устраивающий всех.

– Хм-хм, – откашлялся я. – поздно уже, Иван Сергеевич. Пойду я. Не провожайте, не

надо.

Вот так надо отражать попытки шантажа. Просто попроситься и уйти.

– Подождите, Петр Андреевич, – вздохнул пристав. – Я вам предложу кое-что.

– Наташу будут искать все службы Ярославля, – проложил Иван Сергеевич после того, как я остановился и повернулся к нему с самым независимым видом. – Искать не только ее, но и украденные смарагды. Но что-то мне говорит, что толком выяснить ничего не получится. Если там Ашмаи затерт...

Тут пристав остановился и посмотрел на закашлявшегося Виталю. Тот только рукой махнул, продолжайте, мол...

– Так вот, я предлагаю вам следующее: я не объявляю вас в розыск, если через две недели вы сообщаете мне любые сведения о том, где может быть Наташа. Или любую информацию, которая поможет добыть эти сведения. Хоть письмо присылайте, хоть телеграмму, хоть посыльного. Если не получу – пеняйте на себя. И еще: поможете мне, помогу вам. Думаю, вексель на тысячу рубликов золотом никому не помешает. Деньги будут доступны сразу после того, как я признаю информацию ценной. Прощайте, господа! Вы едете прямо сейчас! Машина у порога, ключи в замке зажигания...

Я на это предложение согласен и без денег – деньги не помешают, и Наташа мне понравилась. Жаль, поговорить нормально не удалось. Неприятно только, что пристав нас с Виталей одной шайкой-лейкой числит. Но как иначе? А из города мне, точно, пора ехать...

* * *

Дворянина и кавалера Виталю Стрекалова на выезде из города пропустили мгновенно, а мне предложили пройти в караулку.

– Это что? Чехол откройте! – унтер грозно хмурился, сопротивляться было бесполезно, но у меня был один вариант в запасе. На дурачка, правда. И еще один, но на крайний случай.

– Разрешение на самозарядную винтовку в письменном виде, – приказал унтер, рассмотрев СВД-П со всех сторон. Чуть на зуб не попробовал.

– У меня их стопка, читайте, бюрократы, – равнодушно заметил я, выкладывая на стол тряпочку, быстро разворачивая ее и доставая заветную бумажонку.

– Ношение в городе самозарядных винтовок запрещено, – унтер на воротах рассматривал бумагу все так же внимательно, но как-то поспокойнее – за кольт не хватался. Правда, договор о моем вхождении в ополчение города Сеславина был ему не слишком интересен. Я возлагал особые надежды на дату окончания действия договора – две недели-то еще не прошли. Так что, может, я еще официальное лицо с правом ношения оружия. Бумажка эта все равно пригодится. Нет ничего хуже, чем на вопрос должностного лица разводить пустыми руками. Всегда бумажку надо дать. А если что, так и барашка в бумажке. Другое дело, что баранов таких у меня нет – не задерживаются. Ничего, так прорвемся. Плевать, если бумажка не по делу – возможны варианты.

– И нельзя въезжать в город с самозарядной винтовкой, не будучи резидентом города...

– Так я выезжаю, не въезжаю в город, – пожал я плечами, – не вижу криминала.

– Когда вы въезжали, у вас зарегистрировано пятизарядное помповое ружье двенадцатого калибра и «чекан». Откуда СВД? – быстро пролистав толстенную тетрадь на столе, сурово спросил унтер. Нижние чины явно не знали подробности истории моей дуэли с поручиком Свечниковым. Досадно. Надо будет – расскажу в деталях.

– Позвоните Парфенову из жандармерии, – сказал я как можно спокойнее, – спросите, давал он мне снайперку, или не давал.

– Позвоним, позвоним, – унтер явно обрадовался, что проблему можно перепихнуть на жандармерию. Формальных поводов задерживать меня у него не было, если я не приобрел винтовку контрабандно. Но тогда чего я ее на виду держу, а не припрятал где? Тоже вопрос.

Накрутив диск телефона, унтер поинтересовался, на месте ли Парфенов и стал ждать,

философски посматривая на засиженный мухами «сидячий» же портрет ярославского князя Владимира Кирилловича в парадном мундире, генеральской папаше и с саблей, удерживаемой между колен.

Я скромно стоял напротив стола, переминаясь с ноги на ногу. Мне присесть на колченогий стул никто не предлагал.

– Парфенов! – рывкнуло в трубке, так что даже я услышал, а унтер недовольно поморщился.

– Дежурный унтер-офицер Зарубин. Центральные ворота, – отрекомендовался унтер, – скажите, вы Корнееву Пэ А, полуэльфу, СВД давали?

– Давал, и не по своей инициативе, а по приказу Ивана Сергеевича.

Да здравствует характерное для вояк желание перевести стрелки на вышестоящее начальство из другого ведомства! Посмотрим, как унтер на воротах на имя великого и ужасного Ивана Сергеевича отреагирует.

Отреагировал как надо. Он только высоко поднял брови, демонстрируя крайнее удивление, коротко распрощался с вахмистром, хмуро посмотрел на меня и без лишних слов крикнул куда-то в дверной проем:

– Кирилл, проводи!

Не прощаясь, я под конвоем невысокого Кирилла, страховавшего унтера из коридора, покинул негостеприимного служаку, сел в виллис, подаренный Иваном Сергеевичем, и мы с Виталей выехали за пределы гостеприимного города Сеславина.

Проехали версты три, а затем я попросил Виталю остановиться – руки чесались пристрелять СВД поручика Свечникова. Неплохая винтовка оказалась. И пристрелянная к тому же.

– А скажи, Виталья, – спросил я, заново снарядив магазин и вогнав его в приемник винтовки, – о чем вы с Наташей на балу разговаривали, ну перед тем, как мы с папашей явились?

– Да ни о чем, я даже толком и не помню, так, посмотрел на общее состояние...

– На состояние смотрел... Но ты ж наркологией не занимался никогда?

– Как не занимался, у нас это обязательный предмет, ты к чему все это вообще?

– А меня, Виталья, все вопрос занимает, кто в город коробочку с кремом пронес? И почему этого человека на воротах не задержали? Там же магических индикаторов полно. Или коробочка не через ворота в город попала? А через забор, например? Некто подъехал к городу, спрятал коробочку, въехал, такой из себя весь законопослушный, через все проверки прошел, а потом ему коробочку прямо в городе вручили.

Виталья не улыбался, но вид имел отнюдь не возмущенный.

– Давай, давай, продолжай, – кивнул он мне вполне покровительственно.

– А коробочку он отдал Наташе, а она ему кровавые смарагды. За дозу. Баш на баш, так сказать. И изумруды точно так же через забор вынесли. Только кому такое сокровище доверить можно? Кто не обманет, не предаст, себе не возьмет, да через забор перепрыгнет? Только себе самому и можно в таком деле довериться. Или двойнику своему, на крайняк. Правда, Виталья? И войти в город через забор двойник может, и выйти... И теперь смарагды в том же тайнике, где коробочка хранилась. Осталось пойти и забрать. Пошли?

Виталья повернулся ко мне и, растягивая губы в улыбке, тягуче проворковал:

– Догадливый ты, Корнеев, точнее, догадостный. Не зря тебя мои зеркальники убить хотели. Думаешь, справишься со мной? Ты же один. Здесь только я и ты, больше никого...

– Понимаешь, Виталья, – я изобразил задумчивость, – я-то один, но и ты один. Не надоело? Может, компанию составлю? А не жалко тебе девчонку было, по-человечески?

Стрекалов только рассмеялся, но ответил последовательно:

– В мою компанию тебе не попасть, кишка тонка. А насчет человеческого ты верно заметил – не так много его у меня осталось, чтобы всяких шлюхиных детей жалеть. На себя не хватает.

– Ты, Виталья, зря в моих талантах сомневаешься. Где, кстати, изумрудики, колись?

От того, что Виталя так легко сознается в своих делишках, не испытывая при этом ни капли стыда, меня слегка заколотило. Надо успокоиться... Понятно, что проследить за Виталями и выявить связи этого банчилы мне не удастся. Он меня убивать станет, как только мы на безопасное расстояние от города отъедем. Уже бы убил, но я первый остановить машину попросил.

– Смарагды, Корнеев, кровавые смарагды! Это не изумруды, не кровавники, не красные турмалины, не кровавые аметисты, запомни уже, бестолочь!

Ишь, как его зацепило! И это своему бывшему преподавателю!

– Сырая ямка в земле – не слишком надежное укрытие для таких камешков! Показал бы ты мне их, что ли, мне ж ничего больше не надо!

От этой просьбы Виталя опешил. Не ожидал он такого, не ожидал. Тут чем меньше логики, тем лучше.

– Не попорчу, не расколю, из рук вырывать не буду! Клянусь!

Все, теперь поверит. С клятвами у нас в Великоречье строго – клятвопреступники долго не живут.

– А что? – задумался Виталий, – справиться со мной ты не сможешь, камни поклялся не портить, будет у тебя предсмертное желание и последняя воля. Все-таки ты его заслужил, хотя всегда был занозой в заднице!

Он решительно вывернул руль, и вот, мы уже едем вдоль русла Шакши, вилиис аж подпрыгивает на корнях деревьев, выбравшихся прямо на грунтовку и отполированных шинами проезжающих автомобилей. Хорошо! День солнечный, жарко, но от реки прохладой веет и ветерок, да и от крон деревьев хоть какая-то тень. Остановились. Осмотревшись и определив только ему одному известные ориентиры, Виталя заглушил мотор машины. Чем ему это место приглянулось? Я бы в жизни не нашел, даже если бы он мне все ориентиры на бумажке нарисовал. У ученых подход системный. Виталя подошел к самому берегу, ловко спустился к воде, нагнулся, и вот в его руках уже влажно блестит маленький мешочек из кожи какого-то речного монстра. Кожа бородавчатая, но воду, похоже, не пропускает.

– Смотри, Корнеев! Какая красота! – Виталя чуть не плакал. На нужную кнопку я ему нажал, ничего не скажешь. И из рук он камни не выпустит.

– Да-а-а! – протянул я, – кристаллы, все-таки, а я думал, они неограниченные – как булыжники. А тут – зелененькое!

Виталя поморщился, убрал камни в мешочек, спрятал его в карман брюк. Чего-то я не того сказал, ну-ка потихоньку, полегоньку, отходим, отходим.

– Дурак ты, Корнеев... Надо ж, зелененькое!

С этими словами он свел ладони перед собой, и между ними образовалась какая-то дымка. «Заклинание!» – вспыхнула мысль у меня в голове, и я выстрелил от бедра из «чекана». Попал прямо между ладоней, в солнечное сплетение. Стрекалов дернулся, дымка между ладонями развеялась.

– Ладно! – совершенно будничным тоном заявил Виталя, – колдовать ты мне будешь мешать. Свитер опять же продырявишь... А вот что будешь делать, если я обернусь, да на тебя брошусь? Я ж оборотень, мне твои пули – тьфу и растереть. Это зеркальников моих можно было пулями задержать. Силы на них жалко было. Меня-то застрелить, да и надолго задержать не получится. И что делать будешь, Корнеев? Привык на револьвер свой полагаться!

Меня несколько позабавило, что в слове револьвер он делает ударение на второй слог, на «о».

– Отчего же на револьвер? У меня теперь СВД есть, – сказал я как можно солиднее, наставляя на оборотня-колдуна дуло винтовки поручика и отшагивая назад, высоко поднимая носки и стараясь наступать на пятки.

– И сколько там выстрелов? Пять? Десять? – Виталя демонстрировал полное презрение ко мне и моему оружию. Ему было весело, он забавлялся.

– Десять, Виталя, да только стрелять я не хочу. Я тоже хочу на Ашмаи работать! Как он

поживает, кстати? Не болеет?

– Все, Корнеев, это уже через все границы! – и чего у него так настроение портится, когда я Ашмаи упоминаю, только что лыбился, теперь вот чуть не рычит? – Не знаешь ты ничего! И не лезь со своими глупостями!

И он бросился на меня, вытягивая вперед руки с заострившимися когтями.

Грянул выстрел, голова Витали дернулась, и он упал ничком, стремительно теряя человеческие очертания. Впрочем, никакую другую форму он не приобрел. Запахло тиной и нечистотами. Колдун и оборотень в одном лице просто расплывался у меня на глазах, как снеговая баба под лучами палящего солнца, только гораздо, гораздо быстрее. Кривясь от отвращения, я достал мешочек с камнями из правого кармана его брюк, а затем – из заднего кармана – достал записную книжку. Не промокла от слизи, в которую превращалась плоть оборотня, – уже хорошо.

Постоял над остатками того, кто был неплохим, в общем, человеком, Виталей Стрекаловым... Человеком? Сомневаюсь... Нет лучшего знатока перемещений в иерархии, награждениях и поощрениях Тверской академии, чем выгнанный оттуда Петр Корнеев. Я привык следить за всеми делами этого учреждения с болезненным интересом. Как не до конца затянувшуюся рану расчесываешь – больно, но остановиться не можешь. И такое дело, как награждение «Бэрахом» своего бывшего студента я бы не пропустил. Чуть поморщился, представив знакомую картину, – сижу в аборигенском кабаке пьяненький, с Адрес-календарем Тверской академии в руках, и говорю в пустоту:

– Почетный знак академической медали Бэраха! Стрекалову! Да он на зачете списывал!.. Едва-едва я ему «Удовл» натянул!

Как там Виталия врал – зеркальник напрямую с подсознанием работает... Высоко себя парень ценил, раз его двойник кавалером заделался... И когда произошло поглощение? На крыше «Принцессы Грезы»? Теперь не разберешь. Или это слияние было? Так сказать, по доброй воле? Известно же, что самая страшная нежить, лич, возникает от добровольного приятия колдуном крови вампира... Слияния, так сказать... Надо бы прощальную речь произнести, как полагается:

– Помнишь, Виталия, клятву Гиппократы? Вот и расплата. Прощай, Виталия!

Патрон с серебряной пулей, украденный у вахмистра Парфенова, сослужил свою службу, как я и надеялся. А кольт Виталин хоть выбрасывай – не чистил, паразит, с того момента, наверное, как купил...

Машина завелась сразу, солнце сияло, дорога казалась безопасной, но я не расслаблялся. Передо мной вставали во весь рост и нагло ухмылялись вопросы. Даже вопросищи. Куда девать камни? Кто мне расшифрует записи Витали, кодом же, подлец, все записывал. Что с Наташей? Где она? Есть ли смысл вообще надеяться, что она хотя бы жива?

И кто же такой Ашмаи, таракан его заешь?

Глава 5, в которой герою сперва снится нехороший сон, а затем ему не дают насладиться архитектурным ансамблем Ярославля

Виталия пришел ночью. Сел на кровать, заложил ногу за ногу, начал покачивать носком, как-то очень фатовски, как никогда не делал при жизни.

– Кого, Корнеев, застрелил, целителя застрелил? И не краснеешь? Или эльфы не краснеют?

– Ты же мертвый!

– Не тупи, Корнеев, конечно, мертвый, ты ж сам меня убил. Откуда пули серебряные? Спер, как всегда?

– Патрон спер, признаю... А ты как, надолго?

– Вообще, ты понимаешь, что говоришь? Я навсегда теперь...

Проснулся я в поту. Рывком сел. Не так, как бывало, проснешься, простуженный, например, – весь в поту. Нет. Я плавал, я чувствовал себя в реке, и не в Шакше какой-нибудь, а в реке Великой!

Но как это прекрасно, что это только сон! Хрен тебе, Виталя.

– Задолбал уже, Стрекалов! – сказал я громко, чтобы рассеять наваждение.

Номер под лестницей был маленьким и душным. Не то, чтобы денег не было, из Сеславина я выехал с полным кошельком золотых, не было нормальных номеров на этом постоялом дворе, стоящем в селе Ананьино на тракте аккурат между Сеславиным и Ярославлем. Движение-то неслабое. А я, ясен перец, в столицу еду. А куда мне ехать, мне теперь перед Иваном Сергеевичем отчитываться надо. Приеду в столицу, буду выяснять, в ходу «крем» или нет. Перво-наперво газету куплю, ну и еще есть задумки. Да кого я обманываю? Никогда мне так не выяснить ничего, только зря время избуду.

С такими приятными мыслями я начал потихоньку вставать. В общем зале трактира было по-предрассветному сумрачно и пусто. На кухне топилась печь, оттуда поддавало жаром и запахом свежеевыпеченного хлеба. Я заглянул, дверь-то туда приоткрыта. На маленькой скамейке возле двери сидела, умильно жмурясь, грязно-белая кошка, а рядом с ней, забавно хмурясь и зевая, ерзало белокурое человеческое дитя, лет так шести, шести с небольшим. Девочка? Ага. Кошка, почуяв меня, спрыгнула с лавки и, гордо задрав хвост, подошла. Развернулась у самых ног и едва слышным урчанием потерлась башкой о сапог. Тогда и девчонка меня заметила. Можно начинать беседу.

– Свежий, хозяйюшка? – спросил я, указывая на большой каравай, стоящий на столе. Вообще-то там стояло штук семь караваев, но этот почему-то не был накрыт рушником, как другие. Девчонка кивнула и засмушалась, то ли от того, что я назвал ее хозяйюшкой, то ли оттого, что не знала, можно мне на кухню или нельзя. Немедля из-за угла печи, поражающей основательностью и размерами, выглянула женщина в запачканном мукой переднике и завязанной на лбу косынке, делающей ее голову похожей на кочан капусты. Аборигенка, молодая, раскрасневшаяся от жара и довольно симпатичная, по чертам лица – мать этой «хозяйюшки». Такая же белокурая.

– Доброго утра, хозяйка, – поприветствовал я ее, – каравай хочу купить, вон, она мне продает! – и я кивнул на забежавшую за спину матери девчонку.

– Продаешь? – удивилась женщина, смеясь и вытаскивая дочку из-за спины. – Ну, давай, дай дяденьке эльфу хлеба, торгуйся, что ли!

Ободренная смехом матери, девчушка важно подошла к столу, сняла каравай и протянула мне со словами: «Мамка севодни пекла, а я муку сеяла!»

– Сеянный? Ну надо же! – вроде как удивился я и протянул девчонке золотой, хотя на такие деньги можно было купить все караваи в этом трактире. Подмигнув опешившей женщине, я подхватил хлеб и отправился восвояси – собираться.

Говорят, когда Гоголь сходил с ума, его голову обкладывали горячими, только что испеченными хлебами. Это считалось надежным медицинским средством. То-то Виталя бы смеялся. А сегодняшнее видение – не признак ли безумия? Нет, я понимаю, если бы оборотень у меня «первый» был, так ведь не первый...

Да и не последний! Смачно откусив от каравая, вместо того, чтобы прикладывать его к башке, я влетел в свой номер. У нас, холостяков, на пожрать воображение плохо работает, – увидел каравай, отъел половину, и ладно!

* * *

Дорога до Ярославля была хорошая, накатанная. Она уже давно подсохла, старенький «виллис» Ивана Сергеевича бодро рычал мотором, я обгонял какие-то телеги, один раз даже решился на обгон колонны грузовиков, но пообещал себе впредь этого не делать – колонна шла с приличной скоростью, а в зеркало заднего вида я разглядел, что за рулем первой

машины восседает нечто бородатое – гном, очевидно. Не люблю, вообще-то, обгонять на таких дорогах, но как подумаю, что придется в очереди на воротах ждать, пока колонну пропустят, так нога сама на педаль газа жмет. Надо от колонны посильнее оторваться, посильнее...

Сам Ярославль, конечно, производил впечатление даже башней караулки при въезде. Встречающий путников черный медведь все так же протягивал лапу в предостерегающем жесте, на плече отливала золотом алебарда, поверх щита с гербом красовалась смешная, но красивая шапка, отороченная черным мехом. Не из этого ли самого медведя?

Контроль на воротах в столицу Ярославского княжества был жестким, но справедливым – с меня содрали золотой за двухнедельное хранение СВД-П в арсенале, приютившемся у ворот города, «таран» порекомендовали держать в чехле, если я не хочу неприятностей, опечатав заодно и чехол дурацкой ниткой с сургучиком. Совершенно бессмысленная мера предосторожности – в том же Сеславине такой ерундой не заморачивались, другое дело, что я «таран» в чехле и держал. А чехол в сумке. Если на службу в «группу по найму ополчения» не бегал. По поводу «чекана» в кобуре и Виталиного кольта мне никто ничего не сказал, только смешливый рядовой спросил, не эльф ли я Закатной пущи, и не собираюсь ли ударить по Твери с тыла – столько оружия везу.

Смех смехом, но ко мне пододвинулся насторожившийся унтер, а другие солдатики аккуратно сменили позицию, явно готовясь взять меня в несколько огней, если что не так. И снова волшебная бумажка от Ивана Сегеевича помогла. Я даже со вкусом принялся рассказывать, как мы ящеров гоняли, гоняли, душили, душили... Тут как раз колонна грузовиков подошла, та самая, и меня, такого разговорчивого, заткнули, попросив на выход, то есть выезд. А я и рад.

За разговорами солдатики не удосужились спросить даже, какова цель моего прибытия в Ярославль, хотя обязаны были по протоколу. Хорошо быть честным и открытым – как я расписывал свои боевые действия в Сеславине против тридцати трех оборотней-крокодилов, хоть в газету помещай, в рубрику «Наши герои».

Кстати, газета! Куплю газету, брошу вещички в ближайшей к Которосли гостинице, и пойду бродить по Ярославлю, самому красивому городу, который я видел. Нет в Великоречье городов красивее, ручаюсь! С огромным удовольствием я проехал вдоль Великой, по дороге, которую не перекрывала стена с колючкой – редкий случай, сразу видно – столица.

Гостиница, конечно, роскошью не удивила, но номер мне достался очень хороший, светлый, и мебель новая. Я бросил вещи посреди комнаты, пригладил волосы перед зеркалом, поправил кобуру с «чеканом» – больше ничего из оружия брать с собой не буду. Ножи и кистени не в счет. Открыл дверь номера, шагнул в коридор...

Темнота.

* * *

Мокро как-то.

– Очнулись, Петр Андреевич? – глумливый голос показался знакомым. – Или еще водички?

– Еще, – разлепил я губы, и на меня обрушился ледяной водопад. Хоть в голове просветлело. Так. Я сижу. Ноги с руками примотаны. Попробовать глаза открыть? Если я открою глаза, то увижу тех бандитов, кто меня спеленал. Как младенца, как несмышлениша, твою ж! Если я их увижу, то, скорее всего, живым мне не уйти. Опять же, если это бандиты. А если полиция? Я осторожно открыл один глаз, второй, и увидел того, кого, в принципе, не ожидал увидеть – помощника Василия Васильевича из контрразведки, щеголя в костюме-тройке, не помню, как зовут. Или он не представлялся?

– Вижу, очнулись, Петр Андреевич! – с какими-то даже сочувствующими интонациями сказал контрразведчик. – где смарагды, колись, козел! – а это его уже на крик срывает.

Напугать, что ли хочет, контрастом? Или напугаться?

Я окинул взглядом помещение. Перетащили, сволочи... Я находился в какой-то довольно светлой комнате без окон, пол неровный, выложен плиткой, сток сбоку виднеется. На операционную не похожа. Значит, допросная в контрразведке. Не слишком ли круто задержание и арест произвели?

– За козла ответишь, – сказал я слабым голосом, так что щеголю пришлось по-птичьи вытягивать голову, чтобы услышать. Я орать не буду, я существо слабое, щас вообще глаза закачу и в обморок упаду.

– А-а-а! – вот за ухо не надо. Больно же. Но ни притвориться, ни в обморок мне упасть не дадут. Скосив глаза, я увидел второго живодера, которого не засек раньше – немного не до того было. Но обидно все равно. По виду это был не палач в классическом понимании слова, – шкафоподобный здоровяк с маленькой головой на широких плечах и свиными глазками, нет, это был сухонький такой сморчок-старичок, с железными, правда, пальцами, в чем я только что убедился. Смотрит внимательно, без злобы и сочувствия. Идеальный такой убийца. Мундирчик на нем унтерский, застиранный, поверх даже фартук не накинул. То ли крови не будет, то ли будут бить так, чтобы все гематомы внутренними были. Глядя на старичка, верю – сможет. Но то, что в допросной дознаватель не один – радует. Глядишь, еще кто подтянется, свидетель, хоть какой-нибудь. Надо только время потянуть.

– Еще раз спрашиваю, где камни, Корнеев? – молодой щеголь смотрел опять ласково и доброжелательно. Вот не знаю, на тех, кто своей вины не чувствует, эти его переходики – от воплей к сладости невообразимой – действуют, или нет? На меня вот не действуют. Я кое-что пострашнее видал. Сегодня во сне, например. Молчу.

– Говорить не хочешь, Корнеев? – к такому повороту событий он должен быть готов – ну, не первый же допрос у него. Или первый, судя по бездарному исполнению? Как бы бить не приказал... Вообще-то говорить я никогда не отказываюсь. Ни при каких обстоятельствах. Часто даже себе во вред. Но желательно хотя бы знать собеседника по имени.

Звук раскрываемой двери привлек не только мое внимание. Старикан-убийца вытянулся, дрогнув большим кадыком, а помощник Вась-Васи так и вообще – метнулся со своего стула в сторону двери, доложил: «Задержанный Корнеев пришел в чувство!» – и распластался вдоль стены, давая вошедшему возможность разглядеть меня, а мне, соответственно – его. Офигительно! Так это импровизация была? Или с ведома начальства мальчик выделяется?

– А почему привязан? – удивление зашедшего Василия Васильевича казалось искренним. – Буйствовал?

– Никак нет, Василий Васильевич, это так, мера предосторожности. Парень резкий, стреляет метко, пришлось стреножить...

– Ничего-то тебе, Локтев, поручить нельзя, – вздохнул Василий Васильевич, – а вы, Корнеев, чего сидите? – и он махнул рукой старичку. Тот весьма сноровисто развязал мне лодыжки, потом ослабил петли, через которые были просунуты мои запястья. Да тут целая система! Я-то думал, просто веревками примотали.

– Корнеев Петр Андреевич! – официальным голосом начал Василий Васильевич, держа перед грудью какую-то бумажку. Посмотрел поверх бумажки, убедился, что я внимательно слушаю. – Вы задержаны распоряжением по Департаменту контрразведки. Имеете что-то сказать?

– За что задержан?

– Что значит за что? Вам никаких обвинений не предъявляют. Пока. Вы задержаны для снятия допроса. – тут Василий Васильевич позволил себе улыбнуться. – Хотите сделать признание?

– Вопрос хочу задать, Василий Васильевич...

– А задавайте, Корнеев, – разрешил агент. Вот так, сначала устанавливаем коммуникацию...

– А два вопроса можно?

– Можно, можно, только осторожно, – разрешил контрразведчик, но посмотрел смурно. Не нравится, когда правила игры нарушают...

– Вы, Василий Васильевич, как в Ярославль поспели? Гнали всю дорогу?

– На самолете прилетел. На «аисте». Это все? – Ничего себе, важная шишка! Или про меня уже все решили? И второй вопрос:

– Наташу нашли?

– Много будешь знать – скоро состаришься! Половинкам-то эльфийского века не положено!

– Не злорадствуйте, Василий Васильевич, не нашли, так никто вас не винит...

Вот уж шпилька контрразведчику в одно место. Локтев, помощничек, аж взвился! Да и Вась-Вася рожу кривит. Только железный старикан смотрит равнодушно – ему все равно, кого мучить. Надеюсь, у него простатит. В крайнем случае – геморрой. Согласен и на язву желудка. Пусть хоть гастрит. Ну хоть раны боевые у него к непогоде ноют? Да откуда у него боевые раны? У инквизитора контрразведческого? Вась-Васю я достану, Локтев сам себя съест при таких импровизациях, которые со мной вытворял, а вот художества старикана останутся неотомщенными. А есть у меня подозрения, что это он меня вырубил – у Локтева вряд ли получится так ловко. А больше никого не вижу – даже писаря какого захудалого.

– Теперь моя очередь вопросы задавать, – провозгласил Вась-Вась, кивая Локтеву, севшему за низенький столик с писчей бумагой и чернильницей-непроливайкой, – и сейчас я приглашу в допросную колдуна, который сможет засвидетельствовать, правду вы говорите или лжете. И вы предупреждаетесь, что лгать в контрразведке нельзя. За это по законам Ярославского княжества каторга положена, – контрразведчик не смог сдержать торжествующей улыбки.

– Не возражаете против проверки ваших показаний магическим жезлом? – педант он все-таки, этот Василий Васильевич, все прям по протоколу чешет.

– Только за!

Старик-палач молча подошел к двери, распахнул ее, впуская новую личность – медведеподобного джентльмена-пришлого с окладистой рыжей бородой в черном мундире с иголочки. Не говоря лишнего, этот громила нахмурил бровищи, так что они совсем сошлись у него над переносицей, выхватил откуда-то из-за спины уставной жезл с наверху из тускло светящегося горного хрусталя, побарабанил по нему пальцами, недовольно скривился, подбирая, видимо, настройки, и направил свой инструмент на меня. Если Вася-«в квадрате» выглядел самым вальяжным из контрразведчиков, его помощник Локтев – самым неопытным, изверг-старикан – самым опасным, то этот маг – самым занятым, спешащим и недовольным. Вот он кивнул Вась-Васе, показывая готовность к работе.

– Итак, – откашлялся контрразведчик, – вы Корнеев Петр Андреевич, полуэльф?

– Да.

– Назовите ваш возраст и место рождения.

– Мне тридцать лет, родился в Тверском Княжестве, в Твери.

– Семейное положение?

– Не женат, но намереваюсь жениться...

– Нас не интересуют ваши намерения, задержанный. Вы были в городе Сеславине, когда исчезла Наталья Ивановна Бороздина?

– А у нее Бороздина фамилия? Не знал... Хотя, она же дочка Ивана Сергеевича!

– Постарайтесь впредь только отвечать на вопросы, – достаточно спокойно заметил контрразведчик, – не вопросом на вопрос, не комментировать вопрос, а именно отвечать на мои, – он выделил интонацией слово «мои», даже паузу сделал, – вопросы.

Василий Васильевич повторил вопрос, а я, вместо ответа, недоуменно уставился на него. Молчание затягивалось.

– Не хотите отвечать, Корнеев? – без видимых знаков нетерпения спросил контрразведчик.

– Вы же знаете ответ, сами меня видели, на балу в Благородном собрании. Забыли?

– Я не для собственного удовольствия с Вами беседую, а по долгу службы, – прокомментировал мой выпад Василий Васильевич. Погоди дорогуша, это цветочки еще. Пусть на вопросы о себе я ответил четко, это еще не значит, что так дальше пойдет, пока третья степень устрашения в бездействии обретается... Тут я скосил глаза на безмолвно стоящего у стены седого унтера.

– Запиши, признается, – кивнул Вась-Вась Локтеву, строчившему протокол. Хороший ход. Если ему удастся убедить меня, что я признаюсь, то дольше будет легче, – признался в одном, признаюсь и в другом. Например, в том, что именно я являюсь негласным лидером членов ордена Созерцающих и главным жрецом богини Кали. И ее мистическим мужем, по совместительству.

– Имели вы контакты с Натальей Ивановной Бороздиной, пока находились в городе Сеславине?

– Не такие, какие хотел бы.

– Отвечать на вопрос без двусмысленностей! Прямо и точно! Нам нужны прямые ответы! – это уже Локтев спешит отметить, отрабатывает свой недавний промах. Вась-Вась только глазки закатил, показывая, как он намучался со мной, бестолковым. То ли еще будет.

– Повторяю вопрос! Имели вы контакты с Натальей Бороздиной?

– Задавайте прямые вопросы. Я что, обязан знать, что вы подразумеваете под словом контакты?

Василию Васильевичу уже хотелось крови. Локтеву тоже. Полинялому унтеру у стены ничего не хотелось – в его глазах я не мог прочесть никаких желаний, никаких эмоций. Машина, не человек. А это плохо. Колдун же выглядел заинтересованно и слегка озабоченно.

– Вы же образованный человек, Корнеев, – сказал Вась-Вась, старательно восстанавливая спокойствие. – Мы надеемся, что вы проявите немного сообразительности.

– Нет.

– Что нет? – глаза у Василия Васильевича выкатывались из орбит, так он удивился.

– Я не человек. Нелюдь, если угодно.

На Василия Васильевича было жалко смотреть. Я его отчасти понимаю. Каких он эльфов видел? Наверное, тех, кто попадался ему на горячем и под пыткой или под угрозой пытки выкладывал все и закладывал всех... Но меня пока не пытаются – я не обвиняемый и не арестованный, я задержанный. Тонкость такая, вроде бы. А как кардинально все меняет. Нет, я не заблуждался насчет своих прав и возможностей контрразведки. Младенцу известно, что в такое заведение легко попасть, но трудно выйти. Да и моя реплика была предназначена не только для того, чтобы рассердить Вась-Васю. Колдуну тоже надо понять, с кем он имеет дело, а то чё-та тормозит он со своим жезлом. Сработало! Колдун снова начал щелкать пальцами по жезлу, затем кашлянул и негромко помянул всех демонов нижнего плана.

– Выйдем, – откликнулся он на вопросительный взгляд Василия Васильевича.

Дверь они прикрыли неплотно, да и слух у меня получше, чем у людей, так что к своему удовольствию, я услышал почти все, о чем шептались за дверью два героя тайного сыска.

– Он квартерон, осьмушка или ровно пополам? – спрашивал маг, кряхтя и отдуваясь. Тяжела, наверно, служба на благо отечества у ярославских колдунов.

– Половинка, отец из пришлых, мать – эльфийка, вроде бы, – просветил колдуна контрразведчик, – по имечку же понятно. Что-то не так?

– Понимаешь, Василий, настройка жезла – дело тонкое. Он же на изменения ауры реагирует. А аура – биофизическое явление.

– Ну и что, – никак не мог врубиться агент, – что не так?

– У людей и нелюди, эльфов, например, биофизика разная, – произнес колдун слова, которые я давно уже произносил внутри себя, как заклинание. Прям открытие. Бином Ньютона! – я, конечно, где-то на половинные настройки поставил, что для эльфа, что для

человека, но такой эффект наложения... Короче, нужна доминанта, чтобы на нее заклинание по распознаванию лжи закреплять. Я, как обычно, по инструкции, по имени ориентировался, доминанту поэтому человеческой поставил. А он, вишь, какие откровения выдает... Нелюдью себя считает... Гарантий, так что, нет никаких... Так, иногда что-то чувствуется...

Василий Васильевич, судя по голосу, мрачнел на глазах.

– Сделать ничего нельзя?

Догадаться, что колдун ответит отрицательно, труда не составило.

– Ну хоть постой тогда рядом с умным видом... Когда мы по голове ему стучать будем, можешь выйти...

– А что, начинали уже? – встрепенулся маг.

– Да нет, при задержании вырубил только... – голос Василия Васильевича звучал куда как мрачно, и его предчувствия не замедлили оправдаться.

– Почему меня не предупредили? – а вот в голосе колдуна явственно звучало облегчение. – Если у него сотряс, то вся работа без толка, хоть настраивайся, хоть не настраивайся! Рядом, так и быть, постою, но результатов не жди!

С этими словами колдун решительно толкнул дверь и вошел в допросную с самым независимым видом. Если тут все работнички такие, то понятно, как они Гуляй-Поле просрали. А не прочитать ли им лекцию «Как надо работать в контрразведке на благо родного Ярославля»? Или нет, у нас есть лучшая кандидатура на роль лектора...

– Время-деньги, Корнеев... – Василий Васильевич явно ждал того момента, когда можно будет отдать приказ безмолвному унтеру, не проронившему, действительно, ни звука с тех пор, как я открыл глаза, – Куда делся ваш приятель, Стрекалов?

– Он не совсем мой приятель... Знакомый по Тверской академии.

– Куда делся Виталий Стрекалов, вместе с которым вы покинули Сеславин?

– Ушел.

– Как ушел? Куда? С подробностями, Корнеев.

– Мне не сказал, – в моем удивлении, с которым я пожимал плечами и покачивал головой, только опытный чародей смог бы разгадать наигранность, – он не приятель мне, свободный человек, вышел из машины на окраине Ананьино, попрощался и ушел.

– Вы понимаете, что и вы, и он подозреваетесь в краже кровавых смарагдов?

– Я тут не при чем, – сказал я решительно.

Бросивший взгляд на колдуна Василий Васильевич скривился.

– Вы знаете, где находятся сейчас кровавые смарагды?

– Нет, – ответил я, честно глядя в глаза агенту.

– По-моему, врет, – в задумчивости провозгласил колдун, и Вася-Вася приободрился.

– Знаете, знаете, не отпирайтесь... – агент как-то поразительно легко заряжался оптимизмом. Его карьера, как я начинаю понимать, вся строилась на чистосердечных признаниях, полученных в допросной, где на полу есть специальный сток для крови. – Ну-ка, Аристарх!

Старый палач подошел и неуловимым движением руки «закрутил краник» – выломал мне ухо под самым немыслимым углом. Опасности для здоровья особенного нет, даже хрящ не сломан, скорее всего, но боль – дикая!

Взвыл я в полный голос. Страшно – не показывай, больно – преувеличь. Эта заповедь не раз спасала мне жизнь, так что вопить я не стеснялся. Боюсь ли я боли? Очень боюсь. Очень, очень, очень.

– Вещички твои мы проверили, и особенно напряглись, когда, знаешь, половину каравая обнаружили. Думали, ты в мякиш смарагды засунешь... Не было в мякише ничего, – в доверительной манере, снисходительно глядя на меня, корчащегося от боли, поведал Василий Васильевич. – Так где камни? Аристарх!

– Стойте! – взвизгнул я, – не надо, только не ухо! Вы не представляете, какая это боль!

– Аристарх! – спокойно продолжил Вася-Вася, и стоящий сбоку палач просто надавил своими железными пальцами мне на печень. Не вздохнуть! А ведь всего-навсего два пальца

под ребра загнал. Без замаха. Интересно, если б кулаком ударил, я бы сразу дух испустил, или все-таки помучался слегка, для приличия?

Когда удалось отдышаться, я был уже морально готов. А они? Ждать не надоело? Они, похоже, тоже готовы.

– Чего вы хотите? – воздух выливался из легких, как вода из прохудившейся грелки.

– Скажи, где камни, и свободен, – Вась-Вась скрывал нетерпение, но в искусстве притворяться он был не из первых. Да и Локтев, вон, как собака, стойку делает...

– Камней у меня нет, – я поднял глаза к потолку, скосил их направо. Или налево надо? А мы вот как... Медленно, чтобы Аристарх чего не подумал, поднял руку, почесал нос. Заодно рванул ворот рубахи, будто он мне дышать не дает. Дышать, действительно, было тяжело, спасибо Аристарху...

– Точно, врет, – убежденно сказал колдун, активно водя жезлом по кругу, – врет, как сивый мерин!

– Аристарх! – в интонациях Василия Васильевича все явственнее звучали фанфары.

– Со мной камни, со мной! – ревел я белугой, слезы так и брызнули из глаз от очередного художества Аристарха. Этот тип явно предпочитал работать сериями, когда была такая возможность. А учили его хорошо, на совесть. Я уже не вполне понимал, куда он меня очередной раз ударил, все тело явственно ощущалось одной болевой точкой. Куда ни бей – не промахнешься. Но надо было дать Аристарху поработать – для достоверности.

– Как с собой? – не понял Василий Васильевич. – Локтев! Обыскивали его?

– Обыскали, конечно. Но полного досмотра не было. – растерянно проговорил помощник агента. – Оружие отняли, из карманов все вынули, но одежду не прощупывали... Да его же в Сеславине досматривали!

– Видите, Корнеев, с кем работать приходится... – вздохнул агент. – Обыскать и досмотреть! – Неужто и здесь Аристарх окажется на высоте? С меня мгновенно содрали рубаху, прощупали ее, собирались сдирать штаны, как вдруг Василий Васильевич сделал знак остановиться.

– Может сами выдадите, Корнеев? – спросил он покровительственно. – Обещаю в протоколе все отразить в лучшем виде, я добрый.

– Сам не могу, они у меня в одном месте...

– В заднице, что ли? – заинтересовался маг, до этого стоящий спокойно и только изредка тыкающий в мою сторону жезлом.

– В прямой кишке...

– Василь Васильич, Василь Васильич! – заполошно закричал со своего писарского места Локтев, до сих пор лихорадочно рывшийся в бумагах на столе, – в Сеславине даже не проверяли! Не заглядывали! Нет этого в протоколе! Это ж служебное несоответствие! Эльфу – и не заглядывали!

Вот в чем профессионализм-то должен проявляться! И как я раньше не допетрил? Кстати, о непрофессионализме начинает первым всегда тот орать, кто сам ни хрена не умеет. На воре и шапка горит.

– Ну-ка, ну-ка, Аристарх! – в запале Василь-Васильевич сам подбежал, не выдержал.

Меня мгновенно повернули, начали раздевать, агент придержал руки, а Аристарх наклонился, заголяя неудобь-называемое место.

Эх, какой был хлебушек хороший! Мягкий, свежий! Полкаравая я умял, пока собирался в дорогу в ананьинском трактирчике. Окупился мой золотой. Окупился.

Перднул я знатно. Громко и протяжно. Аристарх аж отскочил спиной вперед метра на два, едва не врезавшись в привставшего от письменного стола Локтева.

– А? Что? – глуховатым старческим баритоном растерянно и злобно произнесло это прежде бесчувственное полено. Понеслось! И тогда произошло то, на что я, в общем-то, надеялся. Аристарх издал тигриный рык, и последнее, что я увидел, была широкая спина выносящего дверь мага, который просто рыдал от раздирающего его хохота.

Тьма.

* * *

Глаза удалось разлепить не сразу. Зрение упорно не восстанавливалось, так что я проделал старинное упражнение – попытался представить свое тело в пространстве. Так. Лежу. Пошевелить пальцами рук, ног. Получается. Вот и глаза открываются. Потолок белый, солнце квадратиками сквозь стекло. Больничка тюремная, не иначе. Все белое и в решетках. Едва я сообразил, что в комнате есть окно, как меня охватило злорадное ликование. Выбрался!

Шанс, что я смогу вытерпеть боль, был крайне невелик с самого начала. Хамить унтеру – дело бесполезное, хотя поначалу я именно это собирался делать. Игнорировать Васю и сосредоточиться на палаче. Но словами вывести из равновесия этого старого волка, скорее всего, было невозможно. Он всю жизнь видел, что слова не значат ничего – под его кулаком из людей и нелюди выдавливались какие хочешь слова. Нужен был поступок. Шутка из разряда грубых. Чем грубее, тем лучше. Тогда появлялся призрачный шанс, что Аристарх рассердится и методичное выбивание из меня правды сменится чем-то непредсказуемым. Это и был шанс избежать боли. И одновременно, это был шанс откинуть копыта. Ладно, Аристарха с Васей я наказал.

И еще – кто-то должен разнести эту историю по всей контрразведке. В принципе, таким человеком мог стать Локтев – для него это возможность подсидеть Васю-Васю. Но ржавший, как лошадь, колдун даже лучше. Этот уж молчать не будет ни при каких обстоятельствах. А осмеянный контрразведчик – это проигравший контрразведчик. Теперь убивай меня, не убивай – дело сделано. Если эта историйка дойдет в каком угодно виде до начальства, то появится крохотный шанс выйти отсюда. И не по частям.

А ушные хрящи мне Аристарх не сломал все-таки – высокой пробы профессионал.

* * *

Подняться с койки я не мог, тело было тяжелым, вялым и каким-то желеобразным. Поработал надо мной палач все-таки неплохо. Куда он мне напоследок засветил? Чтобы не уклоняться от удара Аристарха, я смотрел на колдуна. Кажется, Аристарха подвела именно выучка. Он нанес двойной удар – ногой и рукой, причем рукой через ничтожный промежуток времени, гораздо меньший, чем секунда. Ага. Только удар ногой, в теории, предполагался как останавливающий. Своего рода страховка, если бы я на него напал. А я не напал, и от удара начал заваливаться. Добивающий удар рукой, поэтому, оказался смазанным. Опять повезло. Встать я не могу, сил нет, да и опасаясь, так что остается делать? А споем. Песня укрепляет дух, легкие, опять-таки укрепляет, и что там в тюрьме петь полагается? Я спел давно слышанную старинную воровскую песню про малолетку, которому трудно

На баланде свой срок отбыва-ать!

Смысл в этой песенке сводился к тому, что когда малолетка откинулся, на его плечах была только отвратительная казенная роба.

Но когда-нибудь выйду на волю,

Ветер будет казенку трепа-ать!

И поэтому

Чтобы быть поприличней одетым,

Я, как прежде, пойду воров-ать!

Тут его, понятное дело, ловят злобные урядники, и все начинается сначала. Малолетке трудно отбывать; освободившись, он не может ходить в «казенке». Западло. И он снова идет воровать. И снова его ловят урядники. Дебильная песня. Почему, спрашивается, малолетка, отсидев столько раз – песня состояла куплетов из сорока – все еще остается малолеткой? Вот с такой бородой! Почему эта дурная малолетка не пойдет работать? За несколько дней он

заработает на одежду, и еще деньги останутся. Можно было бы просто попросить одежду, не оставили бы голым милосердные люди. Есть у меня подозрение, что не так все просто. Вероятно, малолетке по каким-то тюремным законам нельзя было работать и просить милостыню. Тогда это трагедия. И ворует малолетка не из желания «быть поприличней одетым». Тут другое. Но песня жалостливая. Сомневаюсь, что можно исполнять ее таким радостным голосом, улыбаясь во весь рот.

Не успел я допеть песню до последнего куплета, как дверь в середине стены распахнулась, и франтовато одетый, с белоснежным халатом внакидку, Василий Васильевич, сам, собственной персоной, предстал перед моими глазами.

– Все поешь? – спросил он меня, прикладывая носовой платочек, обильно политый духами, к носу. Да, запашок от меня не очень. Кровью, блевотиной, почему-то, и потом.

– А мы на тебя, Корнеев, столько амулетов силы извели, что на них дирижабль в небо можно было бы без газа поднять, – просветил меня агент самым дружелюбным и легкомысленным тоном. – Считай, с нижнего плана душу твою вернули. Чуть копыта ты, полупидор, не отбросил... Не тушуйся, есть решение тебя выпустить. Полежишь еще чуть-чуть, поправишься окончательно, а потом иди себе, гуляй!

И, разом утратив как показное легкомыслие, так и лживое дружелюбие:

– А я с тебя, стервеца, глаз не спущу. Если бы мне колдун протокол подписал, гнил бы ты уже...

Я пожевал губами и прошептал неразборчиво что-то вроде «Хыч-лать-sss»

– Чего? – наклонился ко мне Василий Васильевич. Вот придурок, я ж пел недавно, неужто он таких простых вещей не помнит?

– Хочу сделать заявление! – мстительно проорал я ему на ухо. – О том, как меня пытали сотрудники контрразведки! – Эх, жаль, во рту, как в пустыне – ни капли влаги. Плюнуть и то нечем. Но за «полупидора» он ответит.

– Делай, делай, – насмешливо проговорил Василий Васильевич, – я тут вообще не при чем. Локтев, холуйская душа, при задержании переусердствовал. Приказал Аристарху тебя вырубить. А тот и рад стараться. Это и протокол задержания подтвердил. Все-таки в гостинице брали, место людное... А потом ты на допросе уже себя не помнил. Такое вытворял... Наговаривал на себя, дескать, у меня смарагды в ж...пе, драться лез... Требовал досмотра, озабоченный... Но мы не в обиде. Даже вылечили тебя на казенный счет! – и лицо у него было такое, словно из собственного кармана заплатил.

Вот сволочь. Без мыла в любую щель влезет и вылезет, сухим из воды. Накрывается медным тазом мое заявление. Это, значит, он так Локтева подставил. Наверняка прямо не приказывал меня рубить, чтобы при допросе с магическим жезлом не уличили, только намекнул. А Локтев для него каштаны из огня таскал.

Дверь распахнулась снова, в палату суетливо заскочил одетый в черный мундир абориген. Халат его был солидно надет в рукава, на шее болтался фонендоскоп, захочешь – не перепутаешь: целитель, но тоже в контрразведке служит. Он недовольно посмотрел на Вася-Васю, но замечаний никаких делать не стал – тот и сам уже, широко улыбаясь и подняв руки в знак полной и безоговорочной капитуляции, отступал в сторону двери.

– Стишок, Василий Васильевич! – сказал я, и когда он непонимающе остановился, выдал:

Скоро станет ясно всем -

Полу- я, а ты – совсем!

Плохой стишок, но лучше, чем ничего. И угрожающий, как я надеюсь... Вышел из палаты агент уже не таким довольным. А доктор, подержав холодную сухую ладонь у меня на лбу, убрав уже руку, вдруг жадно спросил:

– А это о чем стишок? Типа, вы полудурок, а он совсем дурак? Или вы – получеловек, а он – совсем? У эльфов человек и дурак – синонимы?

– Стихи хороши тем, что количество интерпретаций может быть равно количеству интерпретаторов, – скромно ответил я. Конечно, синонимы. Но не говорить же об этом

целителю. А то ухо к копчику пришьет и скажет, что так и было.

– Слышал я о Вас, больной, – захихикал врач, – что Вы Аристарху в рожу пукнуть изволили. Если взаправду, то ходите, оглядываясь, зверь еще тот. На весь Ярославль известен.

Все-таки вырвал я у судьбы этот шанс. Теперь репутация у Васи с Аристархом подмочена. То, что знает доктор, завтра, нет, сегодня уже станет известно всему городу. Прав был Виталья: целителя кормят частные визиты. А что он во время визитов рассказывать будет? Какие новости? Ежу ясно, какие.

* * *

Магические процедуры нельзя было назвать приятными, но после них мне разрешили встать и проделали со мной несколько тестов. Я должен был сделать десять приседаний, попрыгать через скакалку. Хорошо, что от пола отжиматься не заставили. Выяснив, что голова не кружится, ничего не болит, обязав не пить два часа горячительных напитков, вколов напоследок какой-то дряни в то самое место, которое пропело Аристарху песнь отмщенья, доктор вызвал охрану, и меня отправили на выход – получать одежду, оружие, деньги, расписываться в сотне бумажек, и все это в трех метрах от открытой двери, через которую благоухали трава, деревья, небо, река... Пытка. Но все бумажки я прочитал от корки до корки, а деньги пересчитал тщательно. Вроде все на месте. Выйдя из вполне симпатичного, судя по фасаду, здания контрразведки и отойдя в сторонку, я проделал то, что не решился сделать в «приемном покое» – вытянул из кобуры «чекан», проверил, все ли в порядке. Поверхностный осмотр не выявил каких-то дефектов, но не люблю, когда мое оружие кто-то чужой трогает.

Свобода! Слово-то какое!

Темницы рухнут и свобода

Вас встретит радостно у входа!..

Именно что радостно! Понимали древние поэты толк в словах! А теперь в гостиницу.

На входе задержался, присмотревшись к вывешенному специально для посетителей календару. Вот гадство! Двое суток моей жизни Вась-Вася отъел! Вечер того дня, когда я в город въехал, день потом в больничке валялся, сегодня только отпустили! А чего он в больницу приходил, кстати? Есть у меня догадка, правда не очень убедительная. Во-первых, сообщить мне, что жалобу на него подавать бесполезно. Во-вторых, он, скорее всего, из тех ребят, что поражения не признают никогда. И пришел он сказать мне лицемерное спасибо, что я его от Локтева избавил. Дескать, он-то сам в любом случае – в шоколаде. Почему не сказал тогда? То ли доктор помешал, то ли «спасибо» сказать язык не повернулся. И угрозы – это обязательный номер программы. Самое смешное, что не принимать их всерьез я не могу...

В номере я помылся, переоделся в чистое, внимательно рассмотрел себя в зеркале. Да нормальный вид, в сто раз хуже бывало. Рубаху теперь не надену. Пропиталась чем-то в тюрьме, сам не отстираю. Значит, надо гардероб пополнить, «казенку» сменить. В лавку зайду, хоть время убью, сколько там от двух часов осталось? А выпить сегодня надо обязательно. И Виталю помяну – научил, мерзавец, как камни прятать надо.

Столичные лавки отличались от провинциальных, например, сеславинских, как «чайка» от «козла». В маленьких городах и селах легко можно было увидеть на одной стороне прилавка валенки, сапоги и галоши, а на другой – медовые пряники, орехи и клюкву, например, с ежевикой, на вес. «Благоухание» сапожной ваксы сливалось с тонким запахом лесных ягод, превращая такое место для меня в источник недовольства, причину головной боли и дурного настроения. Не то в лавках столичных! Все отдельно, все имеет свое место. С суконным рылом в калашный ряд – ни-ни! Прямо по поговорке! Приказчик, совсем даже не с «суконным рылом», а вполне интеллигентным, завитыми усами, набриолиненными волосами, в безупречно чистой косоворотке и жилете, казалось, сошел с картинки букваря.

Он был уже немолод, но чрезвычайно подвижен и отвечал на вопросы раньше, чем я успевал их задать. Его лавчонка, носившее гордое имя «Ателье С.Волобуева», не только торговала готовым платьем, но и перешивала старые вещи, а также изготавливала новые на заказ. Специализировалось ателье на каждодневной, то есть полувоенной одежде. Не брезговали, впрочем, и выходными костюмами. Рядом с прилавком на хрупкой стеклянной ножке стоял стеклянный же домик, как для канарейки. Только птички там не было, не было и возможности ей туда залететь, вместо двери там была довольно высоко расположенная узкая щелка, и сквозь стекло видно было, что в домике лежат монеты разного достоинства, есть и золотые.

— На приют для сирот, специально собираем, — пояснил приказчик, видя мою заинтересованность. Ладно. Кинул монетку. Народ туда сдачу, скорее всего, бросает, а золотой сам приказчик подложил, для стимуляции массовой щедрости и ее развертывания в правильном направлении.

— Не желаете подписать? — видя мою «общественную полезность», приказчик решил брать быка за рога. — Петиция князю Владимиру Кириллычу о необходимости уничтожения рассадника зла — города Гуляйполе и его обитателей!

— Это какая по счету? — осведомился я, разглядывая заковыристые подписи жителей Ярославля — столпов, значит, законности и добродетели. Василий Васильевич, интересно, подписывал?

Приказчик скривился, словно лимона отведал, и ответил, конфузливо отводя глаза:

— В этом году вторая...

Точно. Подписей маловато. А не съездить ли мне в Гуляйполе, рассадник и так далее? Малинник? Там-то должны знать о «креме» все. И там его, всего вероятней, и делают. И если уж быть совсем честным, Вась-Вася за мной туда вряд ли увяжется. А увяжется, ему же хуже.

— Я все же за покупками пришел, — сообщил я приказчику, отдавая листы петиции обратно.

— Со всем нашим удовольствием, — немного же надо человеку, чтобы прийти в хорошее расположение духа. — Могу порекомендовать прекрасный выходной костюм, чистая шерсть, серый с малиновой нитью, — последняя мода! Жилет — сочетание двух цветов! Галстук в подарок!

— Нет, нет, — рассмеялся я, — мне что попроще. Чтобы на каждый день, удобно и практично.

Свитера со вставками из кожи и ткани давно уже привлекли мое внимание. А что? Один свитер у меня Виталя реквизировал. Рубаху — только на выброс. Значит, два свитера покупаем. Вставки из довольно тонкой, но прочной кожи были на локтях, плечах, закрывали грудь до накладных карманов, шли вниз на клапаны тех же карманов, и еще одна, почему-то, виднелась небольшим лоскутом правильной формы слева внизу.

— А это зачем? — спросил я, указывая на эту странную заплатку. — Дырку, что ли прикрыли?

Вежливо улыбнувшись одними губами моей шутке, продавец пояснил:

— Многие кобуру держат не как вы, на бедре. Патронташ к поясному ремню подтягивают, кобура слева, на животе. Так удобнее оружие выхватывать. Но почти сразу шерсть свитера на животе скатывается, начинает лосниться, теряет вид. А место заметнее некуда. Тогда мы придумали сделать вставку из кожи. Она снимает эту проблему и украшает вещь.

Пришлось согласиться с мнением такого авторитетного джентльмена. Молодец приказчик, вон в каких вопросах разбирается. И словоерсами в речи не пользуется, которые я терпеть ненавижу. Короче, покупаю я темно-синий свитер со вставками из рыжей пупырчатой кожи. Какого крокодилушку извели? Астраханского болотного аллигатора, как выяснилось.

— А это что у вас? — мое внимание привлек странный свитер, по черной груди которого

то там, то тут проскакивали небольшие вышивки в виде переливающихся крестиков. Каждый раз на новом месте. Магически обработанное волокно. Немного его, но цену поднимет изрядно.

– Это? – приказчик сперва нахмурился, но потом что-то заулыбался. Впаривать начнет, возникла догадка, неизменно посещающая меня каждый раз, когда я покупаю что-то несъедобное, и, следовательно, не очень нужное. – Это эксперимент, так сказать. Не совсем, правда, удачный. Попробовали вплести магически обработанное металлизированное волокно в обычную шерсть, а затем придать ему некоторые защитные функции...

– И какие же? – спросил я, видя, что мой собеседник несколько увял.

– Думали что-то вроде бронежилета сделать, или кольчуги, – пояснил приказчик. – Чтобы при выстреле или ударе, ощущая сопротивление, волокна мгновенно собирались в этом самом месте, образуя непробиваемую преграду. Добились только того, что волокна, вместо того, чтобы держать пулю или нож, меняют цвет и слегка светятся. Но если попадешь точно в перекрестье, – приказчик указал на подмигивающий крестик, образовавшийся на пересечении нитей, – то обладатель свитера может остаться жив. Переломами отделается.

– Это сколько процентов защиты и сколько везения?

– Защиты где-то полтора процента, – с кислой улыбкой сообщил приказчик. – Все остальное – как боги рассудят...

– Дурацкая идея изначально. А если в человека две пули выпустят, в двух местах должны будут волокна собираться? И хватит у них силы защиту ставить? И цена такой защите? А ночью? Светящиеся крестики! Вы б еще надпись сделали: стрелять сюда!

– Согласен с вами, – неожиданно горячо поддержал меня приказчик, – только если не экспериментировать, лучше сразу закрыться. К нам клиент только заходит, сразу вопрос – что новенького?

А ловко. Уважаю таких ребят. Пожалуй, научу их, как можно использовать даже неудачные изобретения.

– А вы женские платья делаете! Скажите, что крестики – это четырехлучевые звездочки и название красивое подберите – «Звездная ночь», например.

Приказчик посмотрел на меня расширившимися глазами, решительно снял с плечиков свитер, сунул его мне и сказал:

– Гениально! Вот! На счастье! Как раз ваш размерчик! Не смотрите, что магическое волокно, скидку дадим! Только для вас!

А что делать, брать надо. Я заплатил, сколько положено, довольный тем, что хоть кто-то ценит хорошие идеи. Приказчик мгновенно завернул две моих обновки в упаковочную бумагу отвратительно-коричневого цвета. Подхватил я пакетик под мышку, вышел и уперся взглядом в вывеску «Венецианская ночь. Ателье для дам. Волобуев и Компания». Отсмеявшись, – бывают же совпадения, когда хорошие идеи приходят в голову сразу нескольким людям, я снова забежал в гостиницу и сдал все свои деньги, кроме пяти золотых, в гостиничный сейф. Надел обновку – но не «экспериментальный» свитер, конечно, а синий, попроще. Перезарядил «чекан», потом подумал, и вытряхнул все патроны из барабана. Пить буду! Какой тут ближайший кабак? Ага, вот этот подойдет. Симпатичное такое двухэтажное здание, арт нуво, деревянные наличники очень хороши, красные с зеленым. Внутри? Тоже подходит: стены в деревянных панелях, дубовые бочки с пивом выставлены напоказ, пахнет? Нормально пахнет. Подошел к стойке, поискал армирский коньяк среди бутылок на зеркальных полках – есть! Узнал бы кто из знакомых, что я собираюсь делать... Решительным жестом выложил на потемневшее дерево стойки три золотых рубля. Услышавший приятный звон золота трактирщик оказался передо мной мгновенно.

– Лимоны есть?

– Астраханские, в лучшем виде!

– Отлично! Лимон, коньяк. Закуску жирную, на ваш выбор, что к коньяку пойдет.

Распорядитесь отнести меня в «Которосль», когда я напьюсь... – и я выложил еще один золотой, отдельно. Перехватил взгляд трактирщика на револьвер и успокоил сомневающегося:

– «Чекан» разряжен, пьяный я не буен...

– Прощу!!! – как кабатчику удалось скрыть презрительную гримасу, узнав, что я собираюсь упиться... коньяком, непонятно. Я бы не смог!

* * *

Пиджак был точно с покойника, купца первой гильдии, как его... Сам купец, или это не купец, это приказчик из лавки, где свитерами торгуют, обмахивал мои плечи и рукава большой волосяной щеткой. Это такие, что ли, платяными зовутся? А вот и Виталья. Ни фиги себе костюмчик! На моем приятеле был странный чешуйчатый костюм из рыжей кожи, по бокам смешно свисали маленькие ложно-лапки, набитые то ли поролоном, то ли ватой. В руках, как рыцарь свой шлем, Стрекалов держал верхнюю часть маскарадного костюма, представляющую собой страшенькую голову ящера. Дышать он будет, скорее всего, через широко раскрытую пасть чудища с мягкими резиновыми зубами.

– Корнеев, а ты чего в обычном? Бал-маскарад же!

– Новый год, что ли? Белены объелись? Весна в полном разгаре, лето скоро!

Виталья обиделся. Всегда был обидчивым, не мог себя контролировать. Покраснев от гнева, он нахлобучил на голову «шапку» от своего костюма. Что за дела?! Движения Стрекалова приобрели грацию хищного зверя, лица его под маской совсем не было видно, а вот зубки изменились – ого-го! Глаза чудища, еще секунду назад казавшиеся просто стеклянными пуговицами, налились кровью, обрели глубину и выражение. Крайне неприятное для меня выражение. Не раздумывая ни секунды, я рванул «чекан» из кобуры, выстрелил навскидку, ах ты ж, зараза! Я же все патроны вынул! Ящер, в которого превратился Стрекалов, подскочил поближе, и тут мой револьвер выстрелил сам по себе. Пуля, оставляя после себя странный серебристый след, медленно-медленно понеслась в сторону оборотня и воткнулась ему в грудь. Виталья остановился. Из дыры в его костюме не хлестала кровь, но мой противник сорвал с себя «башку» ящера и заголосил – огорчился, видимо, сильно:

– Ты чего делаешь, Корнеев? Костюм же напрокат взят! За дорого! А теперь там дыра! Видишь?

Я нерешительно приблизился, посмотрел, дыра в костюме стала расширяться, потемнела, приобрела зловещую глубину, я почувствовал, что меня затягивает, как в воронку, попытался ухватиться за Виталью, руки соскальзывают, я падаю... падаю... падаю...

* * *

Проснулся я на полу. Это, значит, я с кровати упал. По пьянке. Или меня до кровати не донесли, рядом уронили? Не-е, донесли, скорее всего, мне по пьяни с кровати скатиться – только так.

А хороший коньяк был – голова и не болит почти. Только ощущение, что стеклянная, и не сейчас, так через мгновение сорвется с ниточки шеи, как тонкостенный елочный шар, упадет и разобьется вдребезги.

Контрастный душ – это превосходное изобретение человека. Душ, моцион. Начинаю вести здоровый образ жизни. Зайду-ка заодно в давешний кабак, узнаю, все ли в порядке.

* * *

Несмотря на утренние часы кабак был открыт. Посетителей почти не было, но кабатчик сразу узнал меня, кивнул и заулыбался. Это хорошо. Значит, ничего особого я не наворотил.

– Нормально все? – спросил я кабатчика, который, оценив мой помятый вид, уже выставил передо мной рюмку коньяку и блюдечко с нарезанным лимоном.

– Да, конечно, я так и ждал, что вы забежите... – с этими словами он выложил на стойку передо мной золотой рубль. Я присмотрелся к кабатчику внимательней. А может, он не кабатчик? Может, он шпиён? Поведение-то странное!

– Сдача, – просто сказал этот удивительный человек, и мне ничего не оставалось делать, как смахнуть монету в карман. Судя по спокойной роже кабатчика, другого поведения от клиента он и не ожидал. Золотой на чай – слишком много, оказывается, даже для столицы. А свое он взял – вряд ли я выпил и съел на два рубля золотом. Я свои пределы очень хорошо знаю. Да рубль за «пригляд и доставку».

– Тут спрашивали вас, – кабатчик кивнул в сторону зала, и я осторожно повернулся всем телом – ощущение «стеклянности» пока не прошло окончательно. Пока мои глаза обшаривали зал в поисках Вась-Васи – я был уверен, что кроме него никто меня искать не будет, от дальнего столика привстала высокая фигура человека в маранийском тюрбане и слегка поклонилась мне, совсем обычно, не по-южному и не по-восточному. Такой полупоклон не задумываясь отдает человек из общества, встретив шапочного знакомого. Очень любопытно. Изящным жестом руки незнакомец предложил мне присоединиться к нему, и, заинтересовавшись, я подошел, прихватив рюмку и блюдце с лимоном.

– Доброе утро, Петр, – улыбнулся незнакомец. Тонкие черты лица, совсем не восточные, черные глаза, широкие плечи. Девицы, наверное, перед таким штабелями укладываются. И чего тюрбан нацепил, лорд Байрон, понимаешь. И что-то, спьяну, наверное, его фигура передо мной расплывается...

– Мы вчера познакомились, здесь же, – парень верно оценил мое состояние, потому что добавил, обезоруживающе улыбаясь и показывая прекрасные зубы, – вы не помните, наверное.

– Не помню, но знакомству рад, – быть ответно-вежливым обязывали не только манеры парня, но и четкое понимание того, что передо мной прекрасный воин, великолепная боевая машина. Кажется, что такого в движении его руки? А очевидно, что таким же движением, не напрягаясь, он расколет на чурбачки тяжелый стол, стоящий перед нами. И вот еще: я никогда не сажусь спиной к выходу, но тут сел, не знаю уж как и почему. А если меня заставляют занять невыгодную позицию, а я при этом не дергаюсь, то это наводит на размышления... С другой стороны, не сгонять же с места человека...

– Меня зовут Иган, мы вчера говорили о поэзии... – Хорошо хоть о поэзии... Я как раз в кабаке забежал, чтобы выяснить, не творил ли чего неприличного. А то в подпитии могу и матерные куплеты затянуть, знаю я себя.

– Я немного пишу... И вчера Вы любезно согласились посмотреть мои стихи. Я, правда, не надеялся, что Вы придете, но захватил их с собой, на всякий случай.

Иган положил на стол плотно исписанные листы бумаги, целую стопку. Ничего себе! Вот это накаркал про Байрона! Листов двадцать пять, навскидку!

– Сколько здесь стихотворений? – спросил я, морщась от детского почерка. Только пробы пера мне сейчас не хватало.

– Одно, – просто ответил Иган, и мне поплохело. А что делать? Лебединая песня. Читать надо.

– Закажите себе что-нибудь... – мой новый знакомый был сама любезность, даже сам подозвал кабатчика. Как бы его не обидеть?

– Давайте так, Иган. – я вроде принял решение, как деликатно, но быстро «открытировать» новоявленного поэта. – Вы прочитаете мне те строки, которые Вам самому кажутся сильными, и мы поговорим.

– Хорошо. – Иган слегка поморщился, и я представил, как буду чавкать под «высокую» поэзию. Не поймет. Ладно, отложим вилку. – Мне нравятся несколько строк, но именно с ними есть проблемы. Вот, например,

Слишком часто я думал о том,

Кто же будет моим палачом...

Ух ты! Не про любовь! Уже круто! Но задницей чую, «любовь-кровь» будет обязательно. Не может быть такого, чтобы первые стихи – и не про любовь.

– А в чем проблема? – осторожно осведомился я, – Рифма точная, размер – выдержан...

– Нужно, чтобы было не «том», а «той». Скорее всего, это будет женщина, – и мой удивительный собеседник мечтательно улыбнулся.

Вот так номер! Что без любовной тематики не обойдется – это я с самого начала знал, мастерство и опыт не пропьешь. Но, похоже, молодой поэт абсолютно серьезен, и палач – не фигура речи, а самая что ни есть правда жизни. Изменить строчку так, чтобы не исказить смысл, было невозможно, о чем я расстроенному Игану и заявил. В качестве компромисса предложил считать нарушение родовой принадлежности местоимения «поэтической вольностью», которая вполне допустима.

– Да? – с изумлением спросил Иган, – а вчера Вы про «вольности» совсем другое говорили...

– Пьян был, – честно признался я. – Я, когда выпью, только два цвета признаю: белый и черный, оттенков совсем не вижу.

– Да, я знаю, у людей почему-то так часто: чтобы сказать правду, им надо хорошо выпить...

Ничего себе откровение! У людей! А ты кто, мой тюрбанистый друг? Демон?

Дальше я матерился. Почти вслух и долго. Иган даже уставился на меня с недоумением. Пришлось отхлебнуть из стоящей рядом кружки ячменного кофе, не то я бы захлебнулся в потоке ругани. Нет, ну надо же, тифлинга не узнал! У него ж под тюрбаном рога! Как я раньше не понял? Но тифлинг-поэт – это что-то новенькое. В башке сразу прокрутилось все, что я слышал об этом немногочисленном народе. В основном, все, что я знал, касалось женщин-тифлингов. Наверное, нет ни одного учебного заведения, где бы подростки не обсуждали достоинства тифлингесс. Безбожно привирая при этом, хвастаясь и колотя себя в грудь...

Надо вернуться к тексту Игана. К сожалению, дальше пошли те самые «кровь-любовь», «люблю-убью», «страсть-власть», «яд-взгляд», за которые я всегда ругал студентов в Тверской Академии. Пришлось черкать, черкать немилосердно, Иган спорил, но со многим соглашался. Мы даже сделали перерывчик на вторую кружку кофе – он уже сам с увлечением что-то переделывал в своих листах, а я смог по-человечески позавтракать.

В результате из двадцати восьми листов поэтической размазни с вареньем в сахарном сиропе мы совместными усилиями оставили восемь строк.

Слишком часто я думал о том,

Кто же станет моим палачом...

Представлял я улыбку, глаза,

И что мог бы при встрече сказать.

– Позабудь ты о ней, – мне на ухо

Все безносаю шепчет старуха.-

– А увидишь, скорей отвернись!

Дурачок, что ты знаешь про жизнь...

Дальше у Игана шло что-то героическое про честь, про то, что сохранить жизнь – не самое главное, про выбор и свободу, но я все зарубил, соглашаясь с ним в принципе. То есть с жизненной позицией соглашался, а с поэтическим воплощением – нет.

– Понимаешь, Иган, чтобы закончить этот опус, достаточно только одного двестишья. И все! Сейчас в твоём стихотворении что-то есть! Есть любовный треугольник, есть противопоставление персонажей: эта твоя палач олицетворяет жизнь, безносаю – смерть!

– Палач – тоже смерть, – задумчиво и как-то печально ответил новоявленный поэт, а я осекся: я же о нем ничего не знаю! И похоже, серьезно он! А ну как этот, эта палач явится сюда за его головой. О себе же парень пишет! Молодые поэты, они о себе всегда пишут!

Не успел я возразить Игану, как тот легким движением положил руку на спинку моего

стула, качнул его вправо, и я ощутил, что лечу! Скорость, с которой я вылетел со стула, явно превышала скорость старинного ядра, вылетающего из чугунной пушки. И, вот невезуха, залетел под соседний стол, где ножки задвинутых под столешницу стульев пересчитали мои ребра не хуже, чем давеча Аристарх.

Аристарх? Это ж его голос! Тигриный рык инквизитора из контрразведки так врезался в мою память, что перепутать его с каким бы то ни было еще голосом я не мог.

– Уйди, демон! Мне нужен эльф!

– Невежливо встревать в чужой разговор... – казалось, что в голосе Игана сталкиваются острыми гранями кубики льда, хоть в ведро для шампанского загружай, но тона тифлинг не повысил, и вообще, имел такой вид, будто ведет светскую беседу о погоде.

Аристарх пугал меня гораздо больше. Его парадный мундир с какими-то медалями был расстегнут и, кажется, чем-то заляпан, подбородок густо покрывала щетина цвета перца с солью, глаза были мутны, на носу проступили синеватые жилки. Спинка стула, с которого я слетел, была разбита в щепки, но в руках Аристарха не было ничего. «Это он кулаком», – понял я и стал вылезать из-под стола. Нехорошо получится, если Аристарх на Игана из-за меня наедет – тот в моих делах ни ухом, ни брюхом...

– Это мой город! – с этими словами Аристарх оперся кончиками пальцев на поверхность стола и прыгнул вперед и вверх, нанося страшный удар ногами: левой ногой – прямой, Игану в грудь, и, извернувшись в воздухе, правой – сбоку, в висок. Никогда не видел, чтобы они так совмещались и наносились с такой силой и скоростью. Хотя я едва понял, что произошло, Иган изящно откатнулся, убирая свое тело из-под удара на какие-то миллиметры. Аристарх должен был упасть башкой вниз – обе его ноги в какой-то момент находились высоко в воздухе, но он сгруппировался, колом прокатился по всей длинной столешнице, сминая посуду и бумаги тифлинга, и соскочил со стола на ноги. Рвал дистанцию он мастерски и по делу – еще в прыжке Аристарх сумел выхватить откуда-то из-за спины пистолет. Но Иган мгновенно оказался рядом с ним, как будто предвидел все его действия. Я не углядел движения полудемона, но ствол «кольта» военного образца развернулся в сторону Аристарха, сминая в суставе указательный палец унтера, а затем неожиданно громко прозвучал выстрел.

Иган наклонился, подхватил меня под мышки и вытащил из-под стола окончательно.

– Жаль, не успели договорить... – сморщился полудемон, глядя на меня светящимися глазами, зрачки которых приобретали привычную круглую форму. Из кошачьей, вытянутой. – Прости, Петр, надо бежать. – С этими словами Иган стряхнул прямо на пол с обвивающего правое запястье браслета какую-то светящуюся звездочку, развернувшуюся в необыкновенно красивый портал, по форме напоминающий зрачок полудемона, и шагнул туда. А мне оставалось только смотреть, как портал за тифлингом-поэтом превращается в узкий луч света, на мгновение пробивший воздух от пола до потолка, и гаснет.

Потом я обернулся к трупам Аристарха и произнес прощальную речь, как полагается:

– У тебя была тонкая, ранимая натура, не выносящая грубых шуток. Поэтому ты работал палачом. Прощай, Аристарх.

* * *

Отпустили меня из полицейского участка только через несколько часов. Пока я сидел в участке, все пытался понять, почему Иган писал стихи на великореченском. Ведь должен был писать по-тифлинговски. Или на виларском. Тут, похоже, два объяснения. Культура пришлых значительно повлияла на культуру мира, в который они «провалились». И языком новой культуры Великоречья стал русский – великореченский состоит из русского на 90 процентов. Иган просто писал на «литературном» языке. Юлий Цезарь, так вообще, когда его сенаторы перышками щекотали, на греческом изволил изъясняться. Кай сю, тэкон. А вовсе не «И ты, Брут!». И это в последние минуты жизни. Вот что значит культурное доминирование. И второй вариант – палачом Игана должна стать женщина из пришлых, но

не тифлингесса... Что-то я сомневаюсь, что какой-нибудь «палач» с Иганом справится...

К счастью, Вась-Вася из контрразведки в участке не появился и в разборе всего этого безобразия участия не принимал. Забыл, не забежал, не поздравил. Не сказал, что благодаря мне избавился, наконец, от мерзавца и скотины Аристарха, который бросал пятно своей неоправданной жестокостью на всю контрразведку Ярославля. Где же он, агент проклятый?

Кабатчик, оказывается, от скуки прислушивался к нашему с Иганом разговору, зато теперь он клятвенно подтвердил, что и вчера вечером, и сегодня утром мы с Иганом мирно говорили о поэзии и даже что-то писали. Подтвердил он и то, что драку начал Аристарх, и кольт вытянул – тоже он. Против меня и тифлинга, таким образом, никто не стал выдвигать никаких обвинений, а на выходе из полицейского участка я даже получил заляпанные соусом и грязью черновики полудемона. Взяв их чисто автоматически, я дошел с ними до гостиницы, положил в номере на журнальный столик и задумался: как бы тифлинг закончил свой стишок? И захихикал: стихи были про его палача, а замочили – моего! Решив не заморачиваться, я кое-как сложил шмотье в сумку, стараясь, главным образом, не смешивать чистого с грязным, и поехал выручать винтовку из арсенала – надо в Гуляй-поле ехать, нечего рассиживаться. Проще всего добраться, конечно, – по реке. Но ехать в Ярославский порт мне не хотелось. Не представляю, как тут можно договориться с кем-то о перевозке в Гуляй-поле. Точнее, можно, конечно, но не мне. Мне и так слишком много внимания контрразведчики уделяли, а после смерти Аристарха – должны вообще «хвост» повесить. Даже не буду в зеркало заднего вида смотреть – и так понятно, что «наружку» не обнаружу, только изведусь весь. Не удержался, все-таки, посмотрел в зеркало. Пустая дорога.

Любой нормальный капитан, взявший меня на борт баржи за пригоршню золотых в любое другое время, сейчас откажется и сделает вид, что не понимает, о чем я говорю – думаю, все, кому надо, уже мою историю знают.

И нужно быстрее валить из Ярославля – у агентов я на крючке. Не сегодня – завтра Василий Васильевич из Ананьино приедет с хорошими в кавычках новостями – что не заезжал Виталья в село. Тогда второй вопрос, и там-то со мной миндальничать не будут.

Ну-ка я приторможу. Идея есть. Идея проста, как булыжник: не надо за мной следить, не надо хвоста, не надо на меня навешивать магический маячок. Я винтовку в арсенал на въезде сдал? Сдал. Вернусь за ней? Конечно. Как же эльф за своей винтовкой, да не просто винтовкой, а самозарядкой, СВД, не вернется? Проще представить, что эльфы в горные пещеры из пущ своих переселятся. А если они знают, что СВД – трофей, то и вообще беспокоиться нечего. Так что на крючке я с того момента, как СВД сдал. Сорвусь, не сорвусь?

Мышки давились, плакали, но продолжали жевать кактус. Я чуть не рыдал. Но ехал к арсеналу. Что ж такое, а?

Винтовку, впрочем, выдали без проблем. Теперь если на выезде из города повяжут, то я дурак, однозначно. Слабовольный маразматик, сам сующий голову в петлю.

Пока я ругался, недовольный унтер на воротах попросил меня выйти из машины, осмотрел ее, оглянулся на колдуна, проверившего меня уставным жезлом, и дал отмашку на выезд. Поразительно! И здесь меня не тронули. Что-то не так в Ярославском княжестве. Как говорится – неладно что-то в Датском королевстве. То, что мне повстречался палач, которого можно «обидеть» – случайность. Допустим... Повезло. То, что Вась-Вася не озаботился задержать меня на выезде из города – тоже случайность. Хорошо, допустим. Может, история о пукающем эльфе так смутила всю ярославскую контрразведку, что они решили вообще со мной не связываться? Во избежание последующей дегазации служебных помещений здания контрразведки? Очень смешно. Пришлось сделать вывод, что ничего я не понимаю в этих раскладах, потому что считать ярославских службистов законченными идиотами мне не давал элементарный здравый смысл. С другой стороны, как они допускают, чтобы почти на территории княжества расцвел такой милый городок, как Гуляй-поле? Ну не идиоты ли?

На машине туда, в Гуляй-Поле, добираться долго. Но есть такое слово – надо. И надо придумать, как переправиться через Великую – я все еще на правом берегу.

* * *

Виталья сидел за столом, сильно сгорбившись. Он кутался в какой-то прожженный в разных местах лабораторный халат, вид у него был такой, будто дыры в халате оставлены не реактивами, а пулями. Бледный какой-то, с синюшным оттенком. В руках он крутил простую игрушку – ту самую ярко раскрашенную матрешку, с красными кругами вместо румянца и восьминогими паучками вместо глазок с ресницами. Такую со всей охотой производят как пришлые умельцы, так и аборигены.

– Ты знаешь, что это? – спросил он скучным голосом.

– Матрешка... – ответил я, напрягшись внутренне и ожидая, что Виталья опять начнет что-то предъявлять, – игрушка такая.

– Ага, – невесело подтвердил мертвый оборотень, – а принцип действия ты представляешь?

– Да чего там, – отмахнулся я, – одна маленькая цельнодеревянная игрушка вкладывается в подобную, большую по размеру, но полую внутри. И так дальше до тех пределов, пока у производителя хватает терпения и материала.

– Вот представь, Корнеев, – Виталья согласно покивал головой на мое определение, но вид у него стал совсем несчастный. Он быстро «разломил» матрешку пополам, достал куколку поменьше, следующую, еще следующую, еще... сколько их? Я как замороженный следил за быстрыми и какими-то рваными движениями его рук. С такой же ловкостью он воссоединил половинки разнокалиберных матрешек, и перед ним на столе выстроились восемь штук дурацких куколок, толстеньких в талии и незначительно сужающихся к голове и «ногам».

– Вот представь, – повторил он, – я так же изменялся. В новолуние – вот таким был... – он ткнул пальцем в самую маленькую, цельную фигурку. – В полнолуние – таким, – Виталья указал на самую большую. – А когда ты в меня стрелял, таким вот, примерно...

Тут он взял в ладонь одну из «промежуточных» фигурок, сжал ее пальцами, и во все стороны брызнула тонкая щепка.

– Вот одну ты сломал, – проговорил Виталья с тихим бешенством, глаза его уже нехорошо сверкали, – когда меня застрелил. А остальные? Остальные-то целы! Ты понимаешь, придурок? Я прихожу к тебе почему? Думаешь, мне нравится?

Он не выдержал, одним движением руки смахнул со стола все фигурки игрушек, вскочил со стула.

Вот достал, так достал. Теперь уже наглядную демонстрацию делает с примерами. Прямым в челюсть я отправил его обратно, заметив:

– Чё ты мне матрешки свои суешь, Стрекалов? Наша игрушка, по-любому, ванька-встанька!

* * *

Проснулся я в обалдении от такой своей наглости. Никогда так с Виталей во сне не разговаривал, не бил его, тем более. Чего-то наглею я на глазах...

Нечего разлеживаться. Для начала я подошел к окну и распахнул ставни. Заборы. Заточенные в спицу колья высокого частокола. Петух, с лихо заваленным набекрень гребешком, изрядно ощипанный, почти без перьев в хвосте – боец! Обычный крестьянский двор с многочисленными сараями, сарайчиками и сараюшками... От Ярославля в десятке верст, не более. Но пустили ночевать без разговоров, спасибо хозяевам. Пора в путь – мою Шамаханскую царицу доставать, а то все никак от столицы отъехать не могу. Вчера пришлось поездить туда-сюда по окрестностям Ярославля, бешеной собаке семь верст не крюк... Решил, по здравому размышлению, камни из тайника забрать. Возвращался обратно на юго-восток, чтобы не въезжать в город, по объездной дороге, и дальше поехал, в сторону

Ананьино, к одному из ручейков, впадающему в Великую. Через ручей, узенький совсем, полметра примерно, был проложен деревянный мост, основательный и широкий. Чутко отоидем от мостика. Вот здесь, где прибрежные кусты почти окунают свои ветки в воду. Посмотрел на прозрачные струи ручья, пригляделся внимательно – все спокойно. Достал из воды мешочек со смарагдами, долго любоваться на кристаллы не стал – незачем, да и не понимаю я красоты камня. Надо надеяться, что с их помощью я найду Наташу – банально обменяю ее на изумруды. На один из камней, если повезет. И обратно поехал, мимо Ярославских ворот, к паромной переправе через Которосль, и снова по широкой дуге – к Великой, где, опять же, благополучно переправился на левый берег. Что-то мне подсказывает, что дальше, через многочисленные ручьи и речушки, паромной переправы не будет. Хоть машину бросай. Есть, правда, такие специальные плавающие машины, – мечта контрабандиста, но иметь их можно только военным.

А не сменить ли мне много лошадиных сил на одну лошадь? Лошадь плавать может. Можно водные преграды форсировать. Лошади бензин не нужен, а где мне заправляться на левом-то берегу? В багажном отделении «виллиса» были две канистры с бензином, спасибо запасливому приставу Ивану Сергеевичу, но насколько их хватит, если последний раз я заправлялся в Ананьино? В столице как-то не до того было. Надо посмотреть, что вообще в наличии.

Так, самое главное, СВД-П с несъемным деревянным прикладом и секторным прицелом. К винтовке два кожаных подсумка с магазинами – в «комплекте», так сказать, к трофею шли. Сюрприз! В одном магазине патроны со снайперскими пулями. Оптику-то Свечников чего не поставил? Как хорошо было бы – и пули снайперские, и ПСО. Если дальномерная сетка мне метров до четырехсот не очень нужна – на глаз определяю, то дальше – почему бы не воспользоваться? У винтовки дальнобойность до тысячи ста штатно! Система прицеливания простая, тысячные отщелкиваются на раз, хоть и не люблю боковые настройки трогать, лучше по шкале прицелюсь. Шевроны подводятся мгновенно, тридцать в минуту я, конечно, не выстрелю, чтобы все попасть, но за две минуты весь свой боезапас спущу. И за меньше спущу, потому что всего имею двадцать пять патронов, а пять потрачены на пристрелку. Но из оставшихся – десять снайперских. Маловато будет... А какая оптика у Свечникова на СВТ? Четырехкратка, зуб даю... Дальше, «Таран» с двадцатью патронами. Пятнадцать – картечью снаряжены. «Чекан», а к нему в специальных круглых кармашках на патронташе – восемнадцать патронов – двойной боекомплект. Ножи. Кистень. Кольт Виталин только с одним запасным магазином и без всякого запаса патронов. Да что с колдуна взять! Набор для чистки зубов и оружия. Мыло в мыльнице. Фляжка серебряная, плоская, с выдавленным гербом Академии – памятная вещь. Баронишко-выпускник один подарил. Наштамповали их штук пятьдесят, типа для всех преподавателей по одной. Ну и мне досталась... А я что – я взял. Я к себе особого отношения не требую... Дают – бери, бьют – беги. Приличные люди в такой фляжке коньячок носят, я водку таскаю – залил еще в Сеславине, когда с помощью «ночной бабочки» Ардали пьяного из себя изображал. Так, шмотки не забыть забрать, спасибо местным работницам, выстиравшим их. Надеюсь, за ночь успели просохнуть. Посуда в составе глиняной миски, кружки и деревянной ложки. Бинобль, семикратка, опять без дальномерной сетки, одолженный у Глоина и до сих пор не возвращенный хозяину. Заиграл бинобль, зараза. Накосычил. Так это пристав виноват – посадил нас с Виталей в машину и отправил... Кошель с деньгами. Мешочек с камешками, золотой коробочкой из-под крема, то есть «Крема», и записной книжкой оборотня. Знаю, что нельзя все яйца в одну корзину складывать, а куда их? Все «горячее», найдут хоть одно – петля. Даже за «журнал» Витали. Кстати, я всегда считал себя прирожденным криптографом и, соответственно, дешифровщиком. Только от бесконечных столбиков цифр в записной книжке оборотня и схем, иллюстрирующих непонятно что и непонятно зачем, у меня начала болеть голова. Наверное, шифр сложный. Кстати, о шифрах и цифрах, патронов не то что мало – считай, совсем нет, продуктов – ноль, гранат – ноль, свето-шумовых, совсем не лишние для отпугивания разных чудовищ, – ноль, шашек дымовых – ноль, нормальной фляги с

водой – нет, фонаря – нет, даже в «виллисе» фонаря нет, идей – ноль. На удачу поеду.

Почесал в затылке и пошел договариваться с хозяином о дорожных запасах и предоставлении мне в аренду лошади. Еще пару пустых бутылок поспрашаю, коктейль Молотова сделаю. А «виллис» надо здесь оставлять – пускай на нем хозяин хоть картоху возит, плевать. По левому берегу за «виллис» привалить могут. За лошадь – тоже. Но авто моим убийцам не достанется – пустячок, а приятно. И надо узнать у хозяина, есть ли тут какие хутора, может, от хутора к хутору и доберусь до Гуляй-поля без потерь.

Хозяин усадьбы, конопатый малый в модной городской кепке, удивительно дисгармонирующей с грязным ватником, распахнутым на груди, и клетчатой байковой «фермерской» рубаше от моих вопросов впал в ступор. Тут, к слову сказать, по одежде и реакциям, и к лицу не приглядываясь, поймешь, что пришлый, а не абориген. Аборигены модную кепку с рабочей одеждой никогда не наденут. А среди пришлых удивительные личности попадаются – этот вот при въезде заставил только к знаку солнца на воротах прикоснуться, да собачища его обгавкала мой внедорожник, и все. Хозяин, по-моему, к ней особо и не прислушивался.

Ого! Хозяин-то уверен, почему-то, что я прекрасно знаю, куда ехать. И пустил меня ночевать только потому, что, во-первых, я женихом таким подъехал на машине, а во-вторых, эльфийские уши под дурацким колпаком не спрячешь. А к эльфам в этих краях отношение, как выяснилось, совсем другое, чем везде. Оказывается, не далее как в двадцати верстах отсюда, почти по нужному мне «гуляй-польскому» направлению расположена усадьба потомственного дворянина Тимохина, полковника в отставке, страстного любителя животных и записного «кошатника».

Усадьба известна тем, что отставной полкан превратил ее в заповедник манулов. Тут уж я с размаху шлепнул себя ладонью по лбу и попытался оправдаться перед хозяином легкой незаразной забывчивостью. Кто ж в Великоречье не знает манулов Тимохина и его главного «манульщика» – эльфа Кемменамендура! Вот с кем я познакомлюсь с удовольствием, и вот почему меня пустили на ночь – приняли за родича этого антика.

Кемменамендур был незаменим на своем месте. Известно, что манулы, а точнее, какие-то местные дикие коты, названные пришлыми манулами за удивительную схожесть с пушистиком откуда-то из Сибири, людей не выносили на дух. И еще они были на грани вымирания. Толстые, невообразимо толстые, с плотным телом, широкими лапами, густым прекрасным мехом и смешными круглыми ушами, эти коты могли часами лежать неподвижно в засаде у норки какого-нибудь мелкого грызуна, спать сутками, а при виде опасности замирали, «сливаясь» с пейзажем – они еще зимой и шкурку на белую меняли – линяли, короче. И были самыми медлительными из всего семейства кошачьих. Бегать и прыгать, кажется, они вообще не умели, только важно ходили, переваливаясь на коротких лапках, почти не видных из-под густой шерсти. При этом всегда имели какое-то очень разумное, задумчивое выражение морды – зрачки этих котов были круглыми, как у тигров. Или как у разумных. После появления Дурных болот, откуда сплошным потоком полезла нечисть, эти котики оказались легкой добычей как для всяких чудищ, так и для людей. Их становилось все меньше и меньше, хотя охота на них лет сорок как была запрещена княжеским указом, а за варежки из шерсти манула грозила каторга или такой штраф, что только держись. И вот Тимохин, тогда еще штабс-капитан ярославской армии, устроил в своем родовом поместье настоящий заповедник для этих милых животных, отведя для их проживания огромную территорию, больше пятисот гектаров. Вроде бы такой был его подарок молодой жене – тоже любительнице кошек. На правом берегу, понятно, никто бы не дал ему так развернуться, а вот на левом – пожалуйста! Плати небольшой налог и делай что хочешь в рамках закона! Так как манулы ни за что не хотели общаться с людьми, Тимохин пригласил на должность смотрителей семейство эльфа Кемменамендура, придурковатого, по мнению своих братьев, и чрезвычайно разумного по моему собственному суждению. Дело пошло, Тимохин не скупился на плату охотникам, отгоняющим нечисть от любимых котиков, показателем было и то, что ярославский князь именным указом даже ввел

изображение манула в личный герб Тимохина, а эльфа-лесничего сделал Почетным гражданином Ярославля. Котенок манула вошел даже в перечень особо ценных даров, которыми возможно было почтить особ княжеских кровей.

Отлично! Для меня это значит прежде всего то, что часть дороги, по которой я поеду, прикрывают охотники, служащие Тимохина, из бывших его солдат, сам эльф и его семейство, дружное и немаленькое, что для «элдаров» нетипично. И понятно, почему хуторянин такой спокойный – у бывшего полковника с охраной объекта все в порядке, подходы тоже контролируются, а значит, соседям достается халявный «кусочек» безопасности. Но все равно, как-то слишком беспечен хуторянин...

Но вот за автомобиль Кемменамендур мне уши, может, и не надерет, а на ночлег точно не пустит – его нелюбовь к «прогрессивным» видам транспорта вошла в поговорку. Лошадь нужна, потому что вариант «на своих двоих» – хуже не в пример.

Моим залогом за лошадку должен был выступать внедорожник Ивана Сергеевича. Договорился. Хозяин себя не обманул. Животине, которую он мне впарил, было десять лет, и, в целом, она была полна сил. Сил, хитрости и желания кусаться. Я чудом спас свою голень от ее зубов, сразу после того, как забрался в седло, и только тогда остолбенело глядевший на меня хозяин лошади вспомнил об этой ее милой особенности. Вот зачем ей моя нога, если только что, ради знакомства я угостил ее прекрасной сочной морковкой?

У-у, волчья сыть, травяной мешок, пошла-а! Для конного похода я был снаряжен не очень хорошо, но что делать?

Направление движения определить было легко, дорога в сторону кошек и котов Кемменамендура была видна довольно ясно – не заросла, значит, пользуются. Пока не отъехал далеко, надо отработать пару нужных действий – в момент опасности повод должен соскользнуть на локоть, а сама левая рука – приподнять СВД, висящую на груди и опирающуюся стволом на предплечье. Пришлось сообразить, что обычный хват поводьев левой рукой, когда они зажимаются между безымянным и средним пальцами, будет только мешать при стрельбе. Высшим пилотажем было бы вообще бросить поводья и управлять лошадью только ногами – один мой знакомый, не прибегая к помощи рук, направлял лошадь в повороты, волнообразным движением корпуса заставлял ее ложиться, вставать, останавливал и пускал вскачь. Особенно жутко было смотреть на то, как он привычно подтягивал согнутую в колене ногу к плечу, чтобы укладывающаяся на землю лошадь ее не раздавила. Я так не умею, а мог ведь научиться – чего не научился? Ладно, отработаем хотя бы остановку перед выстрелом – главное, не сжимать бока лошади пятками, для устойчивости. Вот коленями, приподнимаясь на стременах – это да, это можно, не пережывая... Вроде получается.

Шагом лошадка трусила весело, утомлять скачкой ее я не решался, часто останавливался, осматривая окрестности в бинокль, и к полудню мы успели отмахать по тропке, которая имела наглость называться дорогой, верст пятнадцать, прежде чем услышали выстрел. Мосинку я ни с чем не перепутаю. Стреляют из лесочка, метров двести до него. Если оттуда в меня стрелять начнут, мне несдобровать. Надо успеть. Лошадка сперва попыталась взбрыкнуть, но я отправил ее в галоп, попутно пресекая попытку повернуть голову и схватить меня за ногу зубами. Выстрел, еще один, значит два всего. Ближе, кажется, но не в меня. Перекинул поводья через ветки каких-то кустов, соскользнул с седла, прикрываясь лошадью, шмыгнул в лес. Теперь поспокойнее, лес суетливых не любит. Приклад к плечу. Шаги мельче, с пятки на носок, укрываясь за стволами. Выстрел из той же Мосинки, третий... Точно не в меня, куда-то, по ощущениям, вправо. Приноровиться к мельканию светлых пятен среди листвы. Почувствовать ритм, в котором покачиваются ветки. На опушке сильнее, потом замирает, замирает... Посмотреть на лениво шевелящиеся листочки, на все сразу, «рассеянным» взглядом. Поймать в прицел один. Почувствовать его движение. Теперь снова рассеять внимание.

Лес приобрел глубину, превращаясь из мешанины зеленого и коричневого в ажурную конструкцию стволов и веток, прозрачную и торжественную, как колоннада храма. Выстрел,

четвертый. Кто-то стреляет в кого-то, кто совсем близко от меня. Из темных глубин отпрыгивают солнечными зайчиками пятна света. Вот плавится серебром «изнанка» листа, вот белеют цветы гигантской черемухи, вот – золотой стрелой – луч солнца, вот – что-то блеклое, неправильное. И странный металлический щелчок оттуда. Не колеблясь, одним движением прикинул к «щеке» приклада винтовки, выстелил. Сильный толчок в плечо, грохот, еще выстрел – еще толчок и грохот. Пахнуло порохом, начисто перебивая тонкий запах черемухи, лесной сырости и молодых, клейких еще листочков; я, пригнувшись, сменил позицию, шмыгнув за узловатый ствол дуба и положив ствол винтовки на удачно подвернувшуюся развилку, образованную стволом и нижними ветками какой-то молодой рябинки. И мысль, догнавшая меня только теперь, после выстрела, и ошпарившая кипятком – а во что я стрелял-то? Выстрелов больше не слышно, но это ничего не значит. А я вот торопиться не буду. Я подожду. Почти уверен, что тот, в кого я стрелял, – человек.

Его тела не было видно, но я не сомневался, что попал. Прислушался к лесу, «вошел» в неторопливый ритм слегка покачивающихся веток, в этом же ритме качнулся к следующему дереву, еще к одному. Теперь зигзаг выпишем, главное – появляться на виду, без укрытия, в течение двух-трех секунд, не больше. Лучше – меньше. И нельзя надеяться на стволы молодых деревьев – мощная винтовочная пуля пробьет их на раз.

Ага, вот и моя пораженная мишень валяется. Подходить пока не стану, посмотрю чуть издали, прильнув к земле и просунув ствол винтовки сквозь ветви куста дикой малины. Так, что видно? Почти ничего не видно. Привстать? Лохмотья какие-то, нет, это не лохмотья, это камуфляж лохматый, «лохматка». Кто ж таков? Вряд ли эльф-лесничий натянет «лохматку» у себя в лесу. Не лесничий, однозначно. Уже хорошо, уже отлегло... СКС-М у него, вот так дела! Точно, не эльф. И что-то не так с карабином, не пойму что. Лицо и шея какой-то зеленой краской намазаны. Хорошо подготовился... Это что? Шаги? Опять залег, перехватил поудобнее винтовку, посмотрел сквозь прицел – из-за дерева скользнул тонкий силуэт, склонился над убитым. Мосинка. Куртка с растительным узором, дорогая. Очень дорогая. Деревце, вышитое на куртке, охватывало своими тонкими веточками грудь и плечи. Спину, понятно, тоже, хотя сейчас я ее почти не видел. Листочки, рельефно «пробивающиеся» на ткани были нежно-зеленого цвета, но я был уверен, что летом они нальются изумрудной глубиной, осенью пожелтеют, но, естественно, не опадут, а зимой покроются белыми точками, идеально маскирующими владелицу. Изящные сапожки из зеленоватой кожи, и размерчик-то не мужской, даже если на эльфийскую хрупкость скидочку сделать. Эльфийка, нет сомнений, хоть и волосы спрятаны под широкую панаму защитного цвета. Такую курточку абы кто не наденет. Родня Кемменамендура, больше некому.

– Даро!²² – насколько мог мягко скомандовал я. Как же! девушка отпрянула, вот она уже за ближайшим деревом, ствол Мосинки направлен в мою сторону. А я в кустах этих... Чувствую себя мишенью.

– Ты кто? – крикнула эльфийка, а я задумался – почему, собственно, я решил, что передо мной девушка – ей может быть и сто пятьдесят, и двести лет... Нет, точно девушка, не старше меня, я такие вещи нюхом чую!

– Да не бойся, друг я, мэллон!²³ – меня начал уже забавлять этот разговор. Точно девушка и неопытная. Опытная, осознав, что подставилась, не стала бы задавать дурацкие вопросы таким грозным тоном, – был бы враг, давно пристрелил бы тебя, как вот этого...

Логика ли моего замечания подействовала, или еще что, но когда девушка решительно крикнула «Покажись!», в ее голосе не было такого уж испуга. Только задор. Да и стреляй она на голос, давно бы меня убила. Ну, ранила бы точно. Значит, по сути, ничего мне не угрожает.

²² Даро! (язык эльфов) – стой!

²³ Мэллон (язык эльфов) – друг.

– Ладно, выхожу!

Я медленно встал, опустил СВД стволом вниз, и неспешно вышел из-за своего укрытия, как медведь из малинника. Подошел к убитому мной мужику, намеренно не обращая внимания на эльфийку, присмотрелся к телу. Вообще, дела! Ствол СКС-М венчала ни много ни мало труба глушителя – ПББС, кажется, так это называется! Лохматка, самозарядка с ПББС, – это я кого привалил? Спецназ Ярославский? Не верю! Так кричал один деятель из истории пришедших, до Переноса. Да и не будет шляться один спецназер по местам, где можно схлопотать пулю, а кроме времени кормления манулов разведывать нечего... Или есть чего, просто я не в курсах? Спецназеров группа должна быть...

Легкий шелест шагов заставил меня отвлечься от размышлений. А хороша! Волосы светлые, платиновые, глазки так и сверкают, фигурка изумительная – худенькая и спортивная, ноги, что называется, от ушей, плечи развернуты, сквозь по-детски приоткрытый ротик виднеются белейшие зубки...

– Так вот ты какой, мэллон, – произнесла девушка с некоторым разочарованием, ну уж тут, как говорится, чем богаты...

– Представляешь, кто это может быть? – я указал стволом СВД на убитого. – Перевернем? – и, не дожидаясь согласия, перевернул мужика на спину.

Вот это красота! Не краска зеленая, на руках и лице, – кожа зеленая. Алху это, натуральный алху. Враг элдаров и прихвостень княжеского дома Твери. По-другому, гурка. Гурками они стали неизвестно почему – спасибо какому-то острослову из генерального штаба тверской армии, назвавшему небольшой народец – полулюдей, полудриад – с зеленоватой кожей и прекрасным «чувством леса» – гурками, по образцу британских наемников из истории пришедших до «Переноса».

– И что гурка делает на территории Ярославского княжества, да еще с винтовкой с глушителем?

Этот вопрос я адресовал стоящей рядом со мной эльфийке, которая, может, и выглядела недовольной, но изумленной или испуганной – отнюдь.

– Это Макар,²⁴ – сказала девушка, и не успел я задать вопрос, откуда она знает, как зовут гурку, как она подняла на меня загоревшиеся гневом глаза и сказала, – да не Макар. А макар!

– Ах, макар! – завершил я этот идиотский диалог и начал было собирать трофеи с поля боя – то есть обирать труп «убийцы». Но не успел я нагнуться за винтовкой, как ствол Мосинки ударил меня поперек живота, наподобие шлагбаума перегородив дорогу.

– Это ты куда, маэтор?²⁵ – подозрительно спросила красавица, и уж простите мой синдарин, кроме подозрительности в ее голосе звучала неприкрытая насмешка. Вот зачем так резко, я ж готов с ней поделиться.

– Я убил, мой трофей, – в духе букваря для недоразвитых эльфийских детишек пояснил я свои действия, очень кротко, без гнева и пристрастия.

– Ты, как же! – фыркнула эта невозможная девица, – да если бы я не дала тебе зайти ему во фланг, да если бы не подставлялась специально под его огонь, что бы ты сумел?! Сам бы лег, ветринаэр!²⁶

– А ты что, предвидела, что я буду проезжать мимо? И, соответственно, зайду во фланг алху? Это раз. И обзывать на того, кто тебя спас, – нехорошо! – это два! А если хочешь меня как-то назвать, то у меня имя есть, Петр Корнеев! И познакомимся, наконец, тебя вот как зовут? – спросил я, аккуратно двумя пальцами отводя ствол винтовки от моего живота.

²⁴ Макар (язык эльфов) – убийца.

²⁵ Маэтор (язык эльфов) – воин.

²⁶ Ветринаэр (язык эльфов) – обманщик.

Девушка, посмотрела на меня исподлобья, и пробурчала, надув губки:

– Это кто еще кого спас! Он почти на опушке был, значит, на дорогу смотрел, выцеливал. Убил бы тебя, лошадь твою забрал – и поминай, как звали. – Подумала и добавила одно из традиционных эльфийских оскорблений:

– Лле хольма вездан! (Пахнешь подобно человеку!)

Сделано, правда, это было таким неуверенным голосом, что я чуть не расхохотался. Есть еще тонкость – эти слова подразумевали, что я вежлив, как человек, то есть груб, волосат, вонюч и кривоног. Настоящий мужчина! Пряча улыбку, я заметил абсолютно благодушно:

– Могу и по элдарски – Мани наа эсса эн лле, арвин эн амин? (Как ваше имя, моя леди?)

– Арквейн... – не успела эльфийка ответить традиционной любезностью, дескать, солнце и луна радуются нашей встрече, как я перевел разговор на шкурное.

– Кто тебе Кемменамендур?

– Одхрон амин.²⁷

Отец, значит. Так и думал.

– Я как раз к нему еду, давай не будем ссориться, а отвезем все барахло к нему и поделим. И кстати, на тебя этот макар охотился?

– Нет, что ты, – девушка даже улыбнулась, услышав это предположение, – на отца, конечно. Он не один был, группа из троих алху. Наши манулы их заметили, была перестрелка, двух убили сразу, этот вроде ушел, кажется, был ранен...

Вот как? Посмотрел поближе – точно! Вот на бедре пятно кровавое расплывается. Под лохматкой бинты незаметны, но чувствуется, что наворачено много.

– Думали, он к Реке пойдет, – продолжала Арквен, – не ожидали, что так близко затаится. Я сегодня просто обход делала, зашла в лес, а он, наверно, решил, что его ищут, стрелять начал, я в ответ. Я и не поняла сперва, что он стреляет..., стрелял... Хорошо, что промахнулся...

Да. Это неплохо. Все интереснее и интереснее: как же понимать – алху на главного «манульщика» Ярославля охотятся? И что теперь им за это будет? От Твери, например? Надо, надо к папаше Арквейн заглянуть на огонек.

– Собираем все и валим, – предложил я. – тело так оставлять нехорошо, похоронить бы надо, но как?

– Нечего его хоронить! – снова надулась эльфийка. Вот ершистая какая! Ладно, есть у меня идея.

Я подхватил СКС алху, ножом разрезал «лохматку» и стал обладателем ценного военного имущества. СКС-М с глушителем и оптическим прицелом ПУ, четыре магазина по двадцать патронов, еще патроны в подсумке россыпью, «чекан» с сосновыми накладками на рукоять, поцарапанными, потертыми и без следов лака, «сипайский», значит – вот популярное оружие! Нож с наборной рукоятью в кожаных ножнах, две гранаты ГОУ-2 в специальных подсумках, еще какие-то мелочи в подсумках разгрузки, не до них сейчас, после посмотрю...

Арквейн с надменным видом протянула руку, подразумевая, что немедленно вложу в нее самозарядку. Ага. Щаз!

– Сперва поцелуй!

– Ауга микула орку! (Иди поцелуй орка!)

А вот это очень грубое эльфийское оскорбление. И очень традиционное.

– А ты целоваться-то умеешь?

Эльфийка вспыхнула как маков цвет, резко повернулась и пошла в сторону дороги.

Да, не встретил я еще такой девушки, чтобы ее «на слабо» не пробить было. Вот как встречу, так, наверное, и женюсь.

²⁷ Одхрон амин (язык эльфов) – мой отец.

Когда я дошел до лошади, Арквейн с ней всю уже любезничала. Еще бы, встреча старых друзей, кто бы сомневался.

– Алексей дал? – а кто ж еще? Кажется, фермера в модной кепке зовут именно Алексеем, – Угу!

С этими словами я достал из переметной сумы бутылки с бензином. Будет мой коктейль Молотова исполнять другую функцию – помяну я этим коктейльчиком одного загадочного убийцу по имени макар... Бросил барахло на землю, повернулся и побежал обратно. Сложить ручки, ножки тоже – одну на другую. Взяться покрепче за капюшон «лохматки». Хорошо, что до опушки недалеко – а иначе лесной пожар может быть. Оттащить тело подальше от деревьев. Так, чтобы пожара не было, траву и сухие ветки долой. Фитиль самодельный из бутылечка вынуть, тело полить, аккуратнее, аккуратнее. Вторую бутылку, и еще разок... Поджигаем... Я едва успел отпрыгнуть, как пламя взвилось столбом, неожиданно сильно и ярко. Резко пахло бензином и нестерпимым жаром. Ветра нет, что приятно. Критически оглядев место «огненного погребения» алху и убедившись, что лесу все-таки ничего не грозит, мы оставили гурку догорать, а сами направились дальше по дороге – она должна была, по уверениям Арквейн, привести нас прямо к воротам усадьбы котовладельца Тимохина.

Глава 6, в которой герой узнает много нового о разведении кошек

– Интересно получается: пришлые накапливают силы на правом берегу Великой, имеют подавляющее преимущество в технике – у них и дирижабли, сбрасывающие канистры с напалмом, и САУ, и самолеты, и минометы, и все солдаты вооружены скорострельным оружием. И специально натасканные псы – алху, гурки то есть... И все это против наших луков, копий, мечей и однозарядок. В лучшем случае – Мосинок и Энфилдов. И, представь, как удобно, именно в этот момент их посланников находят заживо освежеванными. И к каждому приколото письмо на квенья с угрозами и самовосхвалениями... – мой собеседник едва не рвал на груди рубаху. Еще бы: если встретятся два эльфа, то скорее рано, чем поздно, разговор перейдет на политику. Полноценным эльфом из нас двоих был, правда, один Кемменамендур.

– Ну, это ты мне зря рассказываешь... Я вообще удивляюсь, зачем они послов порешили. Могли бы и попроще повод для вторжения найти. Или даже без повода обойтись. Наверняка ради гномов старались, чтобы кровью повязать. Но мне не надо прописные истины объяснять. Ты мне скажи, что дальше было? Пришлые строили города. Многие с нуля – я так понял, что от некоторых при Пересечении сфер только названия остались. А покажи мне хоть один новый элдарский город!

Моего собеседника, казалось, вот-вот хватит удар.

– Новый... элдарский??? – он не знал, что сказать, и просто пучил на меня глаза.

– Вот, вот... Пришлые строили заводы. Что-то производили, хоть те же автомобили взять... А что эльфы делали? Кроме того, что лесом торговали? По принципу: у нас леса много, чего нам работать? На пальцах объясняю: если у тебя много халявного добра, а у твоего соседа такого добра нет, зато у него есть ружье, – жди беды.

– Что значит работать? Ты эльфам пахать предлагаешь? На единорогах? – сарказм сочился из Кемменамендура, как гной из раны.

– Именно! Пахать на единорогах! И продавать потом лембас по рублю за штуку! В фирменной упаковке с мордой единорога на этой самой упаковке. И вообще что-то делать, а не сидеть, засунув пальцы в жопу! Вот скажи – имеют элдары выход к Реке? Контролируют они фарватер хоть частично?

* * *

За пузатым, начищенным до блеска, двухведерным самоваром «с медалями» мы сидели

уже довольно долго, так что хозяин не только успел узнать все подробности моего знакомства с его «младшенькой», Арквейн, но и стать третьей стороной в дележе имущества убитого алху. СКС с «чеканом» я все-таки отдал, — да и как не отдать, когда Кемменамендур со страдальческим выражением на морде расписывает, как его хотят убить все бандиты Великоречья, и надо будет предъявить ярославским службистам оружие убийц и бандитов, чтобы те могли выйти на организаторов покушения. Отдал, выторговав обещание, что обо мне эльф не скажет ни слова. На мой провокационный вопрос, почему его бандиты убить хотели, Кемменамендур, глядя на меня с жалостью, поведал, что уже второй десяток лет он продает Мурров. И по этому поводу может считаться сравнительно богатым эльдаром Великоречья, если не принимать в расчет архонтов, безобразно разбогатевших на продаже леса. А богатого эльфа ограбить любой алху хочет. Но не всегда может.

Мурр, по-моему, это персонаж Гофмана, и еще так звали любимого кота поэта Ходасевича... Точно! Слышал я про Мурров, но в точности, что за звери — не знаю. Знаю, что из кошачьих. Кемменамендур тем временем с гордостью стал расписывать, какой он ловкий предприниматель, и как он, скрещивая манулов с черной рысью и домашними котами «помоечной» породы, вывел совершенно новую, названную совсем просто, не по-эльфийски, «муррпау ренор», то есть «кот черный». А сокращенно — Мурр. И теперь этими котами он так расторговался, что только держись! Черные, величиной с рысь, сходные с этим хищником по боевым характеристикам, эти зверюги прекрасно уживаются с теми, кто берет их в несознательном «котеночном» возрасте, и с крайним подозрением относятся ко всем остальным. Мурры были, как и все кошачьи, иммунны к магии, умны, красивы и обладали удивительным нюхом на «дурные» намерения. В частности, у убийцы подобраться к владельцу Мурра не получится. Или он должен «забыть» о своем намерении, проходя мимо кота. Мурры пользовались большим спросом у дворян и колдунов Великоречья из аборигенов, но пришлые покупали их нечасто. Видимо, были осведомлены о том, что снайперская винтовка — лучшее оружие наемного убийцы, которому вовсе не обязательно нужно приближаться к своей жертве.

Так что, исходя из последнего рассуждения, разбогатеть на Муррах, на мой простецкий взгляд, сложновато: расходы-то по содержанию заповедника — огромные!

И по поводу жертвы: сомневаюсь я чё-то, что Кемменамендур — жертва обычных бандитов. Вряд ли алху простыми бандитами были. Скорее, специальная группа тверской разведки. Или контрразведки, плевать. А за что они на Кемменамендур взелись? Только одно объяснение: чем-то главный кошатник Ярославля насолил тверичам. И даже краткая беседа с эльфом привела меня к выводу, что любовью к Тверскому княжеству Кемменамендур не горит. И искренне считает, что именно тверичи развязали войну на Левобережье, убив собственных послов. Логика его безупречна, я и сам под водочку с солеными груздочками готов доказывать это каждому встречному с пеной у рта, но полной уверенности, если честно, у меня нет. Я знаю, что жизнь часто не очень логична.

Вот разве логично стрелять в то, что движется, толком не разобравшись, как я давеча, в лесу? А ведь ни тени сомнения не возникло. Попытавшись проанализировать свое поведение, я пришел к неутешительному выводу, что если бы лесники обходили алху с тыла, намереваясь взять его живым, я бы вполне мог выстрелить в них. Но только если бы они не были эльфами.

Эльфа я бы почувствовал, скорее всего, как чую лес. А эльфы лесу не чужеродны, и этому есть причины, как есть причины и тому, что в глубине эльфийской пущи не встретишь нежити и нечисти. А вот на границах — сколько угодно.

Эльфы не живут вечно. Просто они живут долго, а людям кажется — вечно. Вечно не живут даже деревья, хотя встретить тысячелетний меллорн не сложно — есть и дубы, живущие столько же, если не больше. Срубить меллорн — по представлениям эльфов — значит сократить общее число лет жизни леса и самих эльфов. Кому же понравится, если у него жизнь отбирают? Поэтому я в конфликте эльфов Закатной пущи и тверичей — не на стороне пришлых. Повод вторжения тверичи выбрали, действительно, странный — хотим де,

дорогу через Пуцу к гномам провести. Давайте меллорны и аэрболы вырубим, а то по старой дороге далеко ездить – крюк получается, да и слишком близко она к Дурному болоту расположена... Как если бы пришел к вам сосед и сказал: а давай я теперь мусор буду в твою квартиру заносить и посреди гостиной выбрасывать. Мне так ближе, а то пока до мусорки дойдешь... И собаки там бродячие, страшно мне... Тут сколько не заплати, чего не обещай – ответ один будет.

А вот если встречусь с кем-нибудь из архонтов Закатной пуцы лицом к лицу – оплеухой не отделаюсь, невзирая на последствия. Договариваться надо с пришлыми было, а не бросать кавалерийский строй в атаку на пулеметы.

* * *

От размышлений меня отвлекли взвизги Кемменамендура. Его, оказывается, мое замечание о пальцах очень обидело. И он сходу начал сыпать оскорблениями на синдарине. Бедноват синдарин по части ругательств-то, русский язык тут ему свободно фору даст... Закончил эльф свою отповедь решительным предложением выметаться на все четыре стороны:

– Вот и дуй к своим любимым пришлым! Продал нас за ватерклозет и гражданский чин!

– Это я от Почетного гражданина Ярославля слышу? – губы сами сложились в язвительную ухмылку. Надо бы хоть мне остановиться, да где там!

– Сейчас же берешь свои манатки, клячу свою, и валишь отсюда по всем четырем направлениям!

Вот значит как!

– На ночь из дома выгоняешь? – такого я не ожидал... Это ж, однозначно, смерть! Ночью из-за стен выезжают только сильные отряды. В одиночку мне будет трудно выжить.

Кемменамендур, похоже, понял, что переборщил, но остановиться не мог.

– Уходи, Корнеев! – процедил он сквозь зубы, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не наорать на меня. Вокруг его пальцев, намертво вцепившихся в локти, стало потихоньку разгораться голубоватое свечение. Да он колдун, и неслабый. Что ж, это многое объясняет. Например, как он еще не вылетел в трубу со своими кошками. – Уходи! За ворота тебя никто не гонит, но через порог моего дома ты больше не переступишь! Эго! (уходи!)

– На конюшне спать? – вроде как оскорбился я, но, на самом деле, возликовал. – Спасибо за гостеприимство, Кемменамендур, тенэнта лие омент! (встретимся еще!)

Выскочил я от эльфа, радуясь трем вещам. Во-первых, с очень высокой долей вероятности я не только переживу эту ночь, но и выплыву. Во-вторых, лучше гнев, лучше ругань и мордобой, чем откровенное и высокомерное презрение. Эльфы вряд ли когда-нибудь смогут воспринимать меня всерьез. На любое мое замечание, даже если я буду поносить их родовитых предков последними словами, они только усмехнутся. Собака лает – ветер носит. В эльфийском варианте – антолле улуя сульрим (много ветра вылетает из твоего рта)! Это максимум, что я получу в ответ на любое, даже самое конструктивное замечание о политике. Так что гнев Кемменамендура можно считать неплохим личным достижением. И, в-третьих, я, кажется, имею повод и возможность заглянуть во-о-он в тот симпатичный сарайчик из толстых бревен, который вполне подошел бы под бокс сразу для нескольких ударных плавательных бронемашин. Надо же мне где-то ночевать. Почему обязательно на конюшне? Пошнырять по двору кошатника – когда еще такой случай представится?

А дверка-то закрыта. Но на приличном расстоянии от земли есть окошко – и вентиляция, и освещение. На подоконнике сидел, презрительно глядя на меня янтарными глазами темно-коричневый, почти черный кот, скорее даже котенок с закругленными ушами, похожий больше на меховую игрушку, чем на грозу мышей и прочих грызунов. Шерсть его на кончиках ворсинок, казалось, меняет окраску на глазах: от рыжей до беловато-стальной.

Симпатия, но потискать его не удастся – перехватив мой взгляд, котенок немедленно скрылся из поля зрения.

Вот, кстати, деревянная лестница к соседнему сараю приставлена. А что? Как же без лестницы в хозяйстве? Переставить лестницу и взлететь по ней прямо к окну – дело секунды. А окно-то незаперто.

Облом! Сеновал. Самый настоящий, почти доверху забитый душистым сеном. Весной? Весной сена должно быть поменьше – или лошади с коровками зимой сидели на диете? Перевалившись через грубо рубленый подоконник, я упал в мягкие объятия сухой травы. В носу сразу запершило, но я сдержался, не чихнул, а продолжил жадно хватать носом едкий воздух, полный степных ароматов. Что за запах? Съехавши на заднице с кучи сена и принявшись в разных местах громадного сеника, я вполне уверенно подошел к огромной копне у задней стены. Или я потерял нюх, или с запахом высушенного сена сливается весьма знакомый запах оружейной смазки... А «кошачьего» запаха – нет. Манулы, говорят, известные чистюли – на охоте от охотника не должно ничем пахнуть.

А пороемся-ка чуть-чуть... Когда моя рука ушла в сено примерно по локоть, мне показалось, что я могу нащупать твердое деревянное ребро какого-то ящика.

– Петя? Ты где?

Дверь распахнулась, и я отвлекся на созерцание весьма завлекательного силуэта эльфийки. Она решительно прошла в сумрак сеника, держа перед собой довольно объемный сверток. И сразу нашла меня, настолько жадно я на нее глазел.

– Отец прислал? – спросил я, притворно нахмурившись, указывая на подушку и стопку простыней в руках у Арквейн. Если Кемменамендур прислал, то сойдет за извинения.

– Нет, я сама тебя искала. Знаешь, ничего страшного, что отец тебя выгнал... – а мне и не страшно. Мне интересно. Вот как ящик нащупал, так еще интереснее стало, а теперь и подавно! – Ты тут спрашивал, умею ли я целоваться?

Подушки и прочее полетели в сторону, руки девушки обвилились вокруг моей шеи.

Целовалась она с увлечением, я тоже, но как только я попытался мягко подтолкнуть ее к стогу сена, так немедленно получил острой коленкой между ног.

Уй, ё...! Вот...! Ух-ты-ж...! Больно же! Как я не начал материться вслух – сам не знаю! И горжусь.

– Целоваться, значит – целоваться! А ты что там напридумывал себе? – возмущению Арквейн не было предела – она даже шипеть начала и согнутые на манер когтей пальцы рук растопырила. У кошек научилась, не иначе.

– Прости... – надо как-то сохранить лицо, раз другие части тела не получилось, то есть надо болтать какие-нибудь банальности и глупости, и чем глупее и напыщенней, тем лучше, – страсть накрыла меня... – распрямиться бы, так... теперь выдох с усилием и попытка попрыгать на пятках, – я потерял разум, и...

– Страсть! – фыркнула Арквейн, бесцеремонно перебивая меня, – скажешь тоже! Не-е-ет! Страсть это одно, а поцелуи – совсем другое!

– Да? – промямлил я растерянно, – я вот полагал, что совершенно одно и то же!

– Ха! – эльфийка явно наслаждалась ситуацией, уверенно перейдя на покровительственный тон. – Поцелуи! Поцелуи – это ерунда! Неплохо, но не страсть! Страсть проверяется годами! Это у людей, живущих одним днем, страсть зреет в пять минут, а еще через пять умирает.

– Я наполовину человек, Арквейн, и моя страсть зародилась с первого взгляда, еще там, в лесу! Так что ей уже шесть часов двадцать две минуты!

– Да? – эльфийка посмотрела на меня с сомнением. – Подсчитать успел? Врешь ты все! Еще раз руки протянешь – отцу нажалуюсь. И вылетишь отсюда как пуля – без шапки в ночь холодную!

Уходить, впрочем, Арквейн не собиралась. Подобрала подушку, раскинула на копейке простыню. Я смотрел на нее в полном остоленении. Это как понимать? Мы все же будем спать вместе? После наших страстных объятий, поцелуев и... ударов с угрозами?

– Это я себе стелю, – посмотрев на мой обалдевший вид, Арквейн снизошла до объяснений. – Люблю спать на сеновале. А тебе тут спать нельзя, и я тебе в гостевом домике постелила. Направо, рядом с конюшней. Дойдешь? Я ведь не очень сильно тебя ударила? Меня Тимохин учил, говорил, у меня талант. Особенно волновые удары у меня получались, – вот чего мне так больно-то! – когда от плеч, через поясницу и ударную поверхность!

Тут я уже не выдержал:

– Ты бы хоть не расписывала! Потренировалась? Отработала ударную технику? Довольна?

Это у нее первое свидание, что ли? Разведка боем? Отработка ударов и поцелуев на первом встречном, в надежде, что вскоре попадется достойный противник? Не понимаю я!

– Ну не дуйся, не дуйся, Корнеев! Какие вы все, мужики, нежные!

– Все – это кто?

– И ревнивые жутко! Да ты иди, спать пора, я тоже ложусь уже...

– Меня прогоняешь, а сама ты, мэлдис,²⁸ здесь за часового останешься? Солдат спит, служба идет? Так я лучше с тобой... развлеку тебя беседой!

– Тебе нельзя! – Арквейн всполошилась не на шутку, а я еще и понял, что после поцелуев никакого «продолжения» и не предполагалось. Банально не хватило бы времени – эльфийка явно кого-то ждала. И хоть убейте, не верится мне, что ждала она любовника. Не то, чтобы я высоко себя оценивал – просто странно целоваться со мной, первым встречным, по сути, перед встречей с любимым. Вообще, ни в какие ворота.

– Мне, Арквейн, можно все. И особенно мне можно остаться здесь и проследить, чтобы тебя никто не обидел. А насчет тайны отца, – я обвел рукой сенник, подразумевая, что догадался, зачем его использует Кемменамендур: для контрабанды оружием, ясен перец, – не беспокойся... Не выдам.

– Ты что, все знаешь? – Арквейн помрачнела. – Все тогда... Отец ругаться будет... А как узнал?

– Иногда я понимаю, что солнце вовсе не крутится вокруг одного меня, – сказал я чуть резче, чем хотел, потому что голова у меня уже шла кругом, – и тогда до меня начинают доходить довольно очевидные вещи.

– Это какие? – спросила Арквейн с недоверием.

– Признавайся, кого ждешь? – ответил я вопросом на вопрос. Не люблю отвечать на вопросы – больше люблю задавать вопросы, любознательность называется.

– Сюда должны прийти восемь эльдаров из Полуденной пущи. – у Арквейн в уголках рта обозначились неожиданно резкие морщины, и я даже засомневался, что правильно определил ее возраст. С эльфийками это сделать вообще сложно, но Арквейн... Нет, не больше двадцати двух – двадцати пяти лет... А Полуденная пуща, это, если не ошибаюсь, на территории Астраханского княжества. – Эти идиоты решили помочь «братьям», которых сейчас тверичи убивают. Думают, что восемь стрелков могут переломить ход войны, которая проиграна заранее...

– Знаешь, Арквейн, что-то не так с этой войной. Не все так просто. А почему эти герои сюда придут?

Девушка скривилась.

– Однажды, уже довольно давно, к нам пришли два эльдара. Они шли воевать. И они знали, что отец не откажет им в ужине и ночлеге. Даже если не разделяет их убеждений... А потом пришел Тимохин и рассказал, что одного застрелили, а второго тверичи взяли в плен, и на допросе тот признался, что отец ему помогал... Не знаю, что он наплел там им, но были какие-то письма из Твери, приезжали чины из Ярославля. Тимохин ругался, а отцу пришлось пообещать ему, что обо всех эльдарах отец теперь будет рассказывать... Я Тимохина не виню. Я так понимаю, что он за отца поручился. Поэтому отец больше не принимает гостей

²⁸ Мэлдис (язык эльфов) – подруга.

из Пущи. Это делаю я... И в дом эльдарам хода нет, приходится здесь их принимать...

– Это, значит, сюда эльфы приходят, а дальше о их маршруте все службы извещены? Теперь понятно, за что звание Почетного гражданина Ярославля дают!

Дальше мне пришлось уворачиваться от разъяренной Арквейн. Вне себя от ярости, что-то подвывая, девчонка обрушила на меня лавину ударов. Первые два я пропустил, но потом, за счет благородного маневра, именуемого «отскок», мне удавалось довольно долго сохранять дистанцию между нами. Все это время я пытался убедить Арквейн, кто побить меня – дурная затея, я и так готов принадлежать ей душой и телом. Оба мы вопили, оба прыгали, оба были в какой-то травяной трухе – бедлам, да и только.

Арквейн устала. Я так уже давно запыхался и дышал, как паровоз.

Промелькнула идея подпустить ее на короткую дистанцию, подловить на какой-нибудь прием из борцовского арсенала и завалить на копну сена. Дальше, что называется, по обстоятельствам... Нет, не получится. И тому несколько причин. Во-первых, меня старательно отучивали от «страховок» при бросках. Так что, брось я Арквейн, она воткнулась бы в пол сеника под самым неудобным и травмоопасным углом. Мне этого не надо. И второе. Я привык, что в рукопашной схватке, в которые я, кстати сказать, без подручных средств вроде кистеня стараюсь не вступать, мой противник меня сильнее, выше, и что самое главное, массивнее. Гномы вообще как борцы не знают себе равных. И почти любого сделают, применяя свой любимый заход в ноги. Так что близкого контакта я избегал просто по привычке. Которая, кстати, свидетельствует не в мою пользу. Но тут, как говорится, себя не переделаешь. Или переделаешь – но большим трудом... А вот припугнуть этим – могу.

– Драться плохо, целоваться – хорошо! – с неоправданным оптимизмом заявил я во время паузы, пока Арквейн потирала отбитую о мою «подставку» ногу. Но не плакала от досады и бессилия, а хмурила брови и закусывала губу. Упорная... «Подставкой» же там, где меня учили, называли встречный удар ногой по бьющей ноге противника. Вполне себе танцевальное движение. – Давай продолжим целоваться!

– Шас поцелую, не беспокойся... – эльфийка собралась, видно было, что она продумала какой-то план атаки. А это плохо. Ее, похоже, тоже учили. Два-три финта, отвлекающих внимание, и она вполне может пробить меня, учитывая, что я работаю только на оборону. Изначальный проигрыш.

– Не будет поцелуев, спалю все добро на хрен! – я выудил из кармана коробок со спичками, вытащил сразу три, приложил серными головками к коричневому шероховатому боку коробка. Одно движение – и сухое сено вспыхнет, как порох. – Это шантаж! Подлый и беспринципный. Но если ты обещаешь меня не бить, я тоже буду хорошим! А будешь драться, переведу борьбу в партер, а там уж поцелуями дело не ограничится!

– Ха! Ты не знаешь еще, как я умею головой бить, Корнеев! – прекрасно, это уже диалог! – и спички убери, дурак, спалишь все, действительно, к бениной матери.

Спички я убрал, подумав про себя, что учили Арквейн все же неплохо – стиль и любимые выражения тренера-пришлого в ее речи узнать несложно. И перенять их «в своем праве» только любимый ученик. Считай, ученица...

– Давай серьезно поговорим, Арквейн! – диалог надо налаживать и побыстрее, – я вовсе не хотел обидеть твоего отца! Тяжелый день, столько переживаний, неожиданная страсть...

– Ври, ври, да не завирайся! – тон, которым это было сказано, однозначно указывал на потепление в межличностных отношениях.

– Так что там насчет Тимохина?

– Чего-то он мутит последнее время. – окончательно перешедшая на стиль общения пришлых Арквейн была все так же очаровательна. – Не знаю, что у него там за дела с отцом, но здесь сейчас в ящиках то, что никак не должны увидеть посторонние. Нащупал ящики? Я все видела! Я здесь, чтобы исключить случайности. И еще – я хочу отговорить элдаров идти воевать с тверичами...

– А что в ящиках?

– Мне не сказали, а тебе и подавно знать нельзя. И не надо. Для твоей же безопасности. – вот так и поговорили... – Мой отец дал тебе кров ночью, ты же не отплатишь ему неблагодарностью... И еще ты говорил, что меня любишь! А это, знаешь ли, обязывает! Или врал?

Вот так. Никогда не говорите женщинам, что вы их любите. Либо под эту песню они с вас семь шкур снимут, либо еще как пострадаете. А я говорил такое? Не припомню!

– Нельзя, так нельзя... но кое-какие вопросы ты мне проясни, уж пожалуйста... Например, такие: алху не мог промахнуться из винтовки с оптикой, даже раненый, – их там с детства натаскивают... Но и ты не убита. Амулет противоположный? Прямо в куртку вшит?

– Конечно! Куртка и есть амулет. «Броник» по-элдарски. И маскирует здорово. Если не двигаться, то в лесу в двух шагах пройдут, ничего не заметят... Отец умеет делать такие вещи. А «Зеленая стена» у него получается лучше всего...

– А почему ты пошла на алху одна? Он понял бы, что на тебе амулет, дождался бы твоего приближения и напал бы с холодным оружием. Или гранату бы рванул прямо на себе!

– Да не стала бы я подходить близко! С амулетом вполне безопасно! И понять это сложно – все привыкли, что заклинания на драгоценные камни сажают. Ну, или на кость с деревом, если друиды. А тут кожа и лен с коноплей. В лесу, кстати, магия «Зеленой стены» и не чувствуется почти. Под естественный фон маскируется.

Круто. Ай да курточка! А я, идиот, свитера с крестиками покупаю! И еще кое-какие догадки уточнить надо:

– Там «сигналка» стояла? Настроенная на всех, кроме эльфов? Точнее, когда эльф заходит, она как-то по-особому реагирует? И ты решила, что кто-то из своих во фланг алху заходит? И гурок «взяли», именно потому, что они «сигналку» сорвали, а вовсе не стадо манулов вам докладывать прибежало?

Тут и отвечать не надо, понятно все. Арквейн и не стала, только завлекательно посмотрела на меня своими изумрудными глазницами. Такая вот оригинальная.

– А с тобой никто не пошел, потому что все были заняты – оружие на склад затаскивали? – и я обвел руками окружающее пространство. Надо было, конечно, молчать, не подавать виду, но... что уж теперь!

Арквейн покраснела. Смешно чистокровные эльфийки краснеют – сначала на щеках появляются маленькие пятнышки, потом они разрастаются и захватывают все лицо. У особ эмоциональных краснеют даже уши, но всегда в последнюю очередь. Вот как у дочки Кемменамендура.

– Ничего ты, Корнеев, не понимаешь! Тут у нас Гуляйполе рядом. Если не договариваться, давно бы всех перестреляли!

Понятненько – здесь все на ярославских службах густо замешано. Коты, интересно, тоже на жаловании? А спрошу-ка я про котов:

– А с котами что? Я вроде видел одного... Как они тут? Они ж, я слышал, людей на дух не переносят!

– Так ты, Петя, не человек! – ха-ха, она думает, что сказала мне комплимент. Не уверен.

– Ври, ври, да не завирайся! – повторил я за своей собеседницей ее собственную фразу. – Что Кемменамендур с кошками сделал, что они еще у него не разбежались?

Арквейн рассмеялась.

– Да ничего он такого не делал. Просто пришлые легко поверили в то, что котов-баюнов можно называть манулами. Манулы такие милые, такие пушистые, ими так удобно прикрывать свои делишки!

– Что??? Котов-баюнов? Это же легенда! Их же не существует!

Я попытался быстро вспомнить, что я знаю о котах-баюнах – уникальных полумозговых хищниках, известных по древневилларским хроникам, которые были, якобы, наделены способностью создавать «волну» – направленное магическое воздействие на врагов. И пользовались этим своим свойством для охоты. Просто зачаровывали добычу – и

все. Можно есть.

– А с чего бы это им не существовать? – обиженно спросила Арквейн. – Сам подумай! Толстые, мех густой, неповоротливые, охотиться практически не умеют, но выживают! Как ты это объясняешь?

– Так манулы такие же!

– Есть между баюнами и манулами что-то общее, – согласилась эльфийка после недолгого размышления. Наверное, раньше манулы и были баюнами. И еще, мне Тимохин, когда я маленькая была, из книжки читал и заучивать заставлял... Тут Арквейн откашлялась и продекламировала, только что разве на табуретку не встала – не было табуретки:

У Лукоморья дуб зеленый,
Златая цепь на дубе том.
И днем и ночью кот ученый
Все ходит по цепи кругом.

– Ты понимаешь, почему цепь золотая? Да потому что мало таких котов осталось – это раз! И золото экранирует волну – это два! А ты понимаешь, почему его на цепь, как сторожевого пса, посадили? Да потому что баюн это – охранник с магическими свойствами. И охраняет он вход в Лукоморье! Так что у пришлых в их мире они тоже были!

Да-а! Такого толкования начала известной сказки Александра Сергеевича Пушкина я еще не слышал. И не объяснишь ведь, что это фантазия автора... И сразу возникает вопрос – заповедник не манулов уже – баюнов, да под присмотром бывшего полковника, любителя Пушкина, да при том, что в сарае Кемменамендура склад оружия... Это что же в результате? Пахнет дело большой политикой, то есть для нежелательного свидетеля, вроде меня, – петлей. И еще: магический фон как они прячут? Да просто, скорее всего. Нужно только понять, Кемменамендур прячет магический фон своих амулетов за «волнами» котов-баюнов, или он прячет самих котов за магическим фоном своих амулетов? От этого много зависит. И еще неплохо бы сообразить, насколько Тимохин «отставной» полковник. А то, говорят, в некоторых «войсках» отставных не бывает...

Но помочь Арквейн отговорить самоубийц засунуть ушастые головы в петлю – дело чести.

* * *

– Ты знаешь, кто я? – Виталья встал в горделивую позу, сложив на груди руки и задрал подбородок.

– А чего тут знать? – вот делать мне нечего, беседы с этим засранцем вести. И ведь каждый раз выделяется, паясничает, все добивается чего-то. А, насколько я помню, не был он таким. Ничего не строил из себя, глупо шутить не пытался, тихо страдал в уголку – теперь-то понятно почему. Чего ж так изменился? И ведь кого-то он мне напоминает... Кого вот только?

– Не знаешь? Конечно, не знаешь! Я ведь совесть твоя, Корнеев. Сам посуди – то уменьшаюсь, то увеличиваюсь.

– И причем тут совесть?

– А совесть твоя те же характеристики имеет: когда тебе надо, она в такую норку забьется, куда не каждый таракан заползет, а когда, опять же, надо – может в тура-ящера превратиться.

– Это ты о чем? – я был как-то озадачен.

– Смарагды спер, а совесть молчит! Серебряную пулю спер – опять молчит. Стрелял в белый свет, как в копеечку, человека застрелил – снова молчит!

– Стой, стой, это какого такого человека? Ты не себя ли, часом, имеешь в виду?

– Алху я имею в виду, – поморщился Виталья, – не соскакивай с темы, Корнеев! А бинокль дешевый у гнома подрезал – так хай чуть не до небес! Это при том, что смарагды

спер именно у Глоина!

– Ничего не у Глоина, смарагды княжеству принадлежат!..

– Ага! Признаешь, что спер! Рыльце-то в пушку! А отвечать за камни кто будет? Глоин будет. Да ты не парься, все не без греха! Сейчас по-другому не проживешь! И не ты украл бы, так другой кто. Да неизвестно, как распорядился бы! Брось, о будущем думай! Опасности-то тебя подстерегают немалые! Я вот что думаю, Корнеев, тебе ведь терять нечего, унеси у эльфов котенка! И за гостеприимство Кемменамендура расплатишься. Узнают нелюди проклятые, как Петра Корнеева на конюшне селить. Вырастишь кота, он к тебе привыкнет! Представь, какая защита! Чуть что, ему только «мяу» сказать, и все окостенели. Хоть одного кого заколдует, хоть взвод! И не заподозрит никто, если ты, дурила, живых свидетелей оставлять не будешь! Да я тебя знаю, ты в нужные моменты практичнее гнома становишься!

Виталья внезапно замолк, как будто пораженный неожиданной и оригинальной мыслью. Еще чуть-чуть и «эврика» закричит.

– Слушай, Корнеев! – Виталья облизал внезапно увеличившиеся, «надувшиеся» губы, – Ты счастья своего не понимаешь! Найди кота, в мешок его, и ходи! Представь, ночью выходить сможешь! И вот что... – Виталья оглянулся, как будто боялся, что его подслушают, – представь, ты показываешь кота какой-нибудь женщине, покрасивее... Она смотрит – и хоп! замирает! Все! Она твоя! Пользуйся, не хочу! Ты ж всегда о таком мечтал! Да, в конце концов, и продать баюна не проблема! хорошую деньгу сшибешь! Продашь, покупателей зачаруешь, опять продашь, но уже дороже! Давай, Корнеев, не прогадаешь! Бери кота, кота бери, дурья башка!

* * *

Я открыл глаза и сразу сплюнул – от отвращения. Вот же достал! Огляделся. Тихонько посापывала Арквейн, рядом с ней, свернувшись клубочком, спал тот самый котенок, которого я видел еще вчера вечером, на подоконнике. Первой мыслью было погладить это милое животное, но вспомнился Виталья, и я опустил руку. Нет. Не буду я котокрадом... Даже гладить не буду – а то не удержусь, схвачу и не отдам... А Виталья-то каков! Что-то чем дальше, тем больше он мне не нравится. Вот чего он, спрашивается, свои подростковые комплексы на меня вываливает? С другой стороны, учитывая его дефицит общения с противоположным полом, даже сложно вообразить, что он себе напридумывал. Любой семиклассник обзавидует. Интересно, он когда-нибудь угомонится, или мне и дальше этот его бред выслушивать? Есть, интересно, где-нибудь специалисты по снам? Лишь бы на мошенника не налететь...

Темно вроде, можно было бы еще вздремнуть – денек предстоит не из легких, но мысль о том, что как только я усну, в сновидении ко мне явится Стрекалов, прогнала всякое желание спать. Надо будет завтра умотать себя до такой степени, чтобы уж без сновидений – как в омут. Или поспать все-таки?

* * *

– Надо идти на выручку нашим братьям! – наступая на меня, горячился высокий, потряхивая ухоженной гривой белых волос. Эльфы зашли почти под утро, когда мы с Арквейн их уже не ждали, и благополучно заснули... Их точно было восемь. Предводительствовал высокий, вооруженный даже как-то слишком богато. Красавец-эльф баюкал Мосинку, на поясе у него была расшитая серебряной нитью кожаная кобура с «аспидом», на левой стороне – широкие ножны. Даже не нож там, а кинжал, вон какая гарда. Или это боуи, хороший такой нож с гардой, лезвие полуторной заточки, да еще и «щучка» по форме клинка? Уважаю «щучку», самая «народная» форма лезвия. Тверские ее особенно любят, и еще стилизованную волчью голову на рукоятке делают, чтобы в ладонь упиралась.

И висит нож так, что сразу видно: пользоваться им эльф умеет. Но лучше бы подсумок с патронами слева подвесил, раз справа кобура...

– Я слышал Голос, и мне было сказано, что мы победим!

– Что конкретно тебе было сказано? Слово в слово, без собственных измышлений! – а я вот возьму и усомнюсь в том, что ты, клоун, правильно «голоса» интерпретировать можешь. И что-то сразу Вась-Вась из контрразведки ярославской вспомнился. Плевать. Чтобы ваши ушастые бошки сбережь, я и Аристарха вспомню.

– Помощь придет, и великая будет победа! – гордо процитировал эльф. Смотри, не лопни. – Воронам – пир и стервятникам будет пожива!

А пафоса-то, пафоса...

– И чего тут непонятного? – ядовито поинтересовался эльф. – Ясно же все: мы окажем помощь нашим братьям из Закатной пуши, наша «помощь» принесет «великую победу»! А тверским – поражение. Их трупы будет терзать птицы-падальщики, их жены будут оплакивать мужей!

– Разбежался! – не прервать разглагольствования этого болтуна было выше моих сил. – Это Ярославская армия пришла на помощь тверичам. Уже! Флот, артиллерия, дирижабли. Это не ваши «Энфильды». Это их победа, а не ваша! И это ваши трупы будет клевать воронье...

– Не говори глупостей! – красавчик-эльф был рассержен чрезвычайно, так что, не замечая, перешел с языка лесных эльфов на «высокий», квенья. И что особенно смешно, по всем правилам квенья, приказ вроде «не говори глупостей!», звучал как «глупостей не говоришь?» с вопросительной, а вовсе не побудительной интонацией. – И что вы его слушаете? Разве ему был Голос? Разве может он «говорить», если не слышал Голоса?

Стоящие рядом с красавчиком эльфы закивали головами, стали поддакивать. Сейчас, лизоблюды, я вам покажу!

– Я слышу голос! И голос в моих видениях голосистее твоего! – а я и не вру ни на вот столечко. Виталья ко мне по ночам в сонных видениях приходит? Приходит. Болтает? Еще как, заткнуть не могу! Так чего бы не посчитать его голос – Голосом?

– Что он говорит? – высокомерие эльфа читалось во всем: в повороте головы, в том, как слегка приподнялось его правое плечо, в скривившихся губах, в изящных длинных пальцах, которыми он обхватил локти. – Какой голос?

– Врет, конечно... – эльфы едва не светились от радости. – Но это легко проверить. Ты знаешь, как это делается, Эйлеворн!

Этот парень с именем, начинающимся с междометья, кивнул, а затем без лишних церемоний протянул мне руку, притягивая к себе поближе, сосредотачиваясь и морща лицо. Я так засмотрелся на гримасы, превращающие точеные черты его лица в оскал хищного зверя, что пропустил момент, когда он неожиданно приложил свой лоб к моему. И отпрянул, закрыв лицо руками, визжа не хуже собаки, которой переехали лапу.

– Не врет! – голоса эльфов, мелодичные по определению, были похожи на звуки расстроенного фортепиано. И чуть-чуть на возмущенное мяуканье. Ага! Это Арквейн держит за шею разъяренного котенка-черныша, не давая ему броситься на сородичей. В смысле на эльфов, не на котов. И когда успел пробраться сюда, Маленький-Черненький?

– Ясен перец, не вру! – я расправил плечи и продолжил, – и мой голос говорит вам: идите к себе в Пушу, найдите себе жен, делайте детей, и пока ваш второй ребенок не достигнет брачного возраста, сидите там и не высовывайтесь. Ясно? Исполняйте!

* * *

Когда эльфы, почтительно распрощавшись с нами, исчезли в ночи, Маленький-Черненький свернулся клубком и удрых на коленях Арквейн, а я тихим шепотом объяснял слегка испуганной Арквейн, что мой голос, это не то чтобы Голос, а так, голос... С его помощью я могу не только принимать судьбоносные для глупеньких и таких

воинственных эльфов решения, но и читать стихи. Про любовь! И даже петь песни. И голос мой имеет дивное имя – Драматический тенор. В минуты страсти – Лирический тенор, вот как сейчас. Арквейн шепотом же хихикала, требовала говорить тише: «Кота разбудишь!», – и заверяла меня, что если я еще раз покушусь на «глупости», вот как сейчас, то мой голос станет дискантом. Возможно, на всю оставшуюся жизнь...

Такая вот загадочная девушка. Совсем не уважает мудрых традиций своего народа, велящих слушать Голос... А что вы хотите – воспитанием девчонки больше Тимохин занимался, чем отец родной, заговорщик хренов...

* * *

Виталия сидел за лабораторным столом, помешивая соломинкой в узкой и длинной мензурке. Я заметил только выведенный на ней черным маркером серийный номер, трехзначный, кажется. Странно, у всего казенного оборудования Академии номера побольше: номер отдела или лаборатории, номер серии, номер объекта. Двенадцатизначный получается... В мензурке тяжело колыхалась какая-то жидкость ядовито-зеленого цвета, явно алкоголесодержащая, судя по тому, как маслянисто поблескивали глаза оборотня.

– Выпьешь, Корнеев? – он был как-то неестественно весел, скорее даже, навеселе. Пьяным оборотня я еще не видел, и что-то сомневался, что это такое зрелище, на которое вообще стоит смотреть. Так что, на всякий случай, я отказался.

– А я выпью! Выпью за консенсус! За взаимопонимание, паритет и толерантность! И взаимовыгодное сотрудничество! Процесс-то пошел! – с этими словами Стрекалов молодецки «хряпнул» мензурку.

– Ух ты-ы! – Виталия хватал ртом воздух, вокруг него, казалось, сгустились тени, – хорошо пошла! Так, значит, признал, что мой голос реален?

– Чего надо, Стрекалов? – будет он мне тут допрос устраивать!

– Ты, Корнеев, как будто и не рад! А воспользовался ведь моей помощью, когда прижало!

– Никакой твоей помощи не было! – я решил стоять на своем, – Я к тебе за помощью не обращался, и ничего у тебя не просил!

– А ты попроси! – хорошему настроению Витали можно было только позавидовать, мое же портилось на глазах. – А я тебе помогу! Все вопросы твои порешаю, все проблемы сниму! Будем жить поживать, добра наживать! Душа в душу! И предупрежу, когда опасность появится, и беду отведу! Ты, главное, советоваться со мной не забывай. Сперва во снах приходите буду, как сейчас, потом придумаем, как в реале общаться!

– Так ты, значит, от опасностей меня защитишь?

– Ага! – Стрекалов жизнерадостно заржал, мензурка вновь оказалась наполненной.

– Как же ты меня защитишь, если себя – не можешь? – с этими словами я наподдал ногой по руке Витали, сжимающей «чашу». И как раз он ее ко рту подносил. Зеленые брызги, оказавшись на роже Стрекалова, зашипели, как горячее масло, оборотень взвыл и схватился за лицо руками. Надеюсь, и в глаза попало. Кислоту он, что ли, пил?..

Или надо было спросить его, чего он такой умный, если он такой мертвый?

* * *

Арквейн с утра напоила чаем с двумя песочными печеньюшками, но к воротам провожать решительно отказалась. Суеверной оказалась. И завтраком не накормила: не научила ее мать, что мужика после проведенной вместе ночи кормить надо, а собственных шишек она набить не успела... Узнаю эльфийскую семейку, пусть и нестандартную: все витают в облаках, всем на все плевать. У пришлых тоже такое встречается, но чаще, если семья неполная... А у меня духу не хватило в чем-то упрекать девчонку: очень уж лучились ее глаза. Котенок, кстати, так и лежал на ее шее черненькой, припорошенной снегом

горжеткой, и урчал как паровоз.

Когда я выехал за ворота на вполне довольной жизнью и халявным овсом лошади, сумрачный эльдар, старший сын Кемменамендура, судя по всему, закрыл за мной ворота... И чего смурной таким утром? Неужели пресловутая «братская любовь» к Арквейн обернулась «братской ревностью» для меня? И вернусь я сюда, нет?

Дорога, а точнее, узкая лесная просека не представляла из себя ничего особенного, учитывая, что я определился с маршрутом. Надо попробовать через местные баронства въехать в Хараз, там прибиться к какому-нибудь каравану, гонящему лошадей в Гуляй-Поле на продажу, или оттуда по Велаге... Мое предположение, что мне удастся пропутешествовать от хутора к хутору прямо в Гуляй-Поле, вдребезги разбилось после короткого разговора с Арквейн. Нет никаких хуторов по левому берегу Великой, где приняли бы на ночь усталого путешественника между Ярославским княжеством и Гуляй-Поле. А на заставы ярославские я и сам не пойду. Спасибо, Арквейн предупредила, что не все заставы – с ярославским медведем на воротах. Есть и такие, которые вроде бы «хутора». Даже с характерными такими дедками из аборигенов у ворот и мордovorотами из пришлых в хорошо замаскированных секретах. Есть опасность, что намылят холку и оставят «до выяснения», а выяснять меня не надо. У меня смарагды в кармане. И много еще чего... И притоки Великой на коняжке не везде форсируешь: не Скобелев, чай, который на том месте, где ему на экзамене в Академии Генштаба задачу поставили, водную преграду и форсировал, бросившись в реку на коне... Не искал человек сложных решений. А где просто, там ангелов по сто. Поговорка такая.

Ладно, придерживаемся нового плана: доезжаем до городка Ховерт, а там по обстоятельствам.

* * *

Тимохин был плешив, пузат, широкоплеч, кривоног и вонюч. Настоящий полковник. Благоухал он запахом своего и конского пота. Меня последнее обстоятельство даже порадовало – вон как торопился человек на встречу со мной! А значит, я не маленький кусочек говна на палочке, а ого-го! Средний, значит, кусок...

Моя лошадка едва успела перейти на походный аллюр, неторопливую такую строевую рысь, я даже проехал около двух километров, но тут меня перехватили: двое пришлых неторопливо вышли из-за придорожных кустов прямо по курсу движения, еще двое вышли сзади. Можно, наверное, было рвануть в галоп, но подстрелили бы, как куропатку... Да и карабины свои пришлые держали стволами вниз, не направляя их на меня. Ценю... И понты не люблю. А однотипные камуфляжные куртки пришлых предполагали, что передо мной не романтики ножа и топора... Но и не армейцы ярославские... Расцветка-то камуфляжная с армейской не совпадает...

– Полковник Тимохин приглашает на завтрак, – сорванным, но вполне командным голосом распорядился старший – пожилой уже невысокий мужичок, заросший до самых бровей рыжеватой бородой. Тоже, кстати, признак того, что не армейцы передо мной... Я как раз подъехал шага на два и остановился. Ребятки хорошо встали – даже подняв лошадь на дыбы, я бы не смог угодить ее копытами по обоим сразу. И кстати, завтрак? То, что надо!

– С удовольствием, господи!

По приглашающему жесту старшего я проехал шагом еще метров сто по той же просеке, а затем мы свернули на совсем уж незаметную тропинку, выведшую нас на небольшую поляну, посреди которой горел костерок. Возле двух вместительных, исходящих паром котелков сутился совершенно седой, но юркий дедок, у опушки стояли кони, а чуть поодаль от костра, широко расставив кривые ноги в подшитых кожей галифе, стоял, задумчиво покусывая травинку, сам местный помещик, фигура в моем представлении загадочная и зловещая...

– Полковник Тимохин Аркадий Никифорович, – представился хозяин оперным басом и указал на широкое бревнышко, заботливо уложенное рядом с костром и даже накрытое попоной, – прошу!

Не успел я представиться в ответ, как костровой шмыгнул к полковнику и отрывисто доложил, что, дескать, готово все, ваш высокородь...

– Не побрезгуй солдатской кашей, Петр Андреич, – прогудел полковник, и я не без удовольствия втянул носом запах дымка, смешавшийся с запахом пшенки с салом. Подошли мои конвоиры, но рассаживаться не стали – только старший, тот самый рыжий и бородатый, сел по другую сторону от меня, перехватив быстрый взгляд полковника. Да в охраннике особой надобности и не наблюдалось – у ног полковника сидел больше похожий на рысь черный здоровенный муррпау, Мурр, даже с кисточками на ушах. Котик благодушно жмурился на огонь и облизывал усы. Свое сало он, похоже, получил первым. Ели с аппетитом, молча и быстро. «Напой, накорми меня, добра молодца, а потом уж и расспрашивай», – вертелась в голове присказка, только вот что в баньке попариться мне полковник не предложил... А от расспросов точно не уйти.

– Рассказывай, Петр Андреич, как там успехи твои поживают... – Тимохин даже вздохнул, давая понять, что особо на мою удачу не надеется... Выяснилось, к моему крайнему удивлению, что полковника интересует судьба не кого-нибудь, а Наташи, дочери Ивана Сергеевича...

– Мы с Ваней в одном батальоне служили... – поделился Тимохин давнишними воспоминаниями, автоматически почесывая подставившего горлышко Мурра, – лучше него не было у меня взводного... Все еще шутили, что нет такой бабы-аккуратистки, которая бы ему подошла, воспитывать с нуля придется... А когда он в отставку вышел, мы ему такие проводы устроили... – полковник аж причмокнул от удовольствия. Скрыв кривую ухмылку в рыжей бороде, мой провожатый склонился над своей миской с кашей... – А теперь он мне письмишко прислал, где про Наташку, да про тебя все расписал. Так что рассказывай, у меня душа болит...

– Да нечего рассказывать, Аркадий Никифорович, пока туда-сюда, в Ярославле вот задержался, теперь в Гуляй-Поле еду, там про «Крем» попробую выяснить... – я поймал себя на мысли, что отвечаю почти искренне и даже с удовольствием. И верю, что у полковника душа болит... А ведь он даже и не начинал меня вербовать!

– По поводу Ярославля – подробнее! – потребовал Тимохин, и я поразился естественной властности его тона, – Отставить! Не надо подробнее, а то придется тебя задерживать. А у меня на тебя планы большие...

– Все, что в моих силах, господин полковник! И кстати, в Ярославле, кроме того, что меня в контрразведке чуть не уморили, ничего со мной и не произошло!

– Ага-ага! Зубы-то не заговаривай, Петр Андреич, я в контрразведке не служу. Но все, что мне надо, узнаю в сжатые сроки. И то, что ты эльфов обратно в Пущу отправил, молодец, ценю!

– Кто доложил? – Арквейн всю ночь со мной была, кто остается? – Кемменамендур?

– Чем ты ему, кстати, так насолил? Никогда не видел старичка в такой ярости! Но если дочку соблазнил, то я тебе не завидую, она у него в любимицах ходит... У меня тоже...

– Хм-ыхм-хрр! – закашлялся я, – все-таки Кемменамендур? Зачем ему?

– Замнем, для ясности, – полковник был настроен как-то очень решительно, но мне его настроение совсем не нравилось, – у меня, вообще-то, дело к тебе. Попрошу я тебя отвезти в Арсайд кое-какой груз и сдать его в замке под векселек, самому маркизу Конкруду. А потом можешь ехать дальше по своим с Ваней надобностям. И тебе хорошо – это практически полпути до Гуляй-Поля, там до Велаги совсем ничего, а по Велаге спуститься – вообще пара пустяков. С моими ребятами вполне безопасно, да и мне неплохо – лишний ствол никогда не помешает...

– А нельзя поподробнее, чем это вам неплохо? И когда меня убить должны? В момент передачи груза, после получения расписки или когда? И что за груз? Оружие? То самое, что на сеннике? – я решил возмутиться, хотя бы потому, что снова все решается как-то без меня. А не хочу вот чувствовать себя футбольным мячом!

– Это паранойя, Петр Андреич! – полковник смотрел сочувственно, и я подумал, что в этом помещике, содержателе кошачьего заповедника, вояке, шпионе и, возможно, подпольном торговце оружием пропадает великий актер, настолько натурально он отыграл удивление, встревоженность, даже жалость наполоам с брезгливостью. Даже слегка отдернулся от меня всем корпусом, как сделал бы нормальный человек, встретив сумасшедшего. Эх, судьба, судьбина! Блистал бы в Нижегородском театре в роли короля Лира, брошенного неблагодарными дочерьми! И кстати, где дети самого полковника, если у него дочка эльфа в любимицах?

Выдавал полковника только рыжий бородач, смотревший на весь спектакль слишком спокойно. Когда он совсем «ушел» в свою миску с кашей, я понял, что он старательно прячет усмешку.

* * *

– Нет, я тебя понимаю, ты все просчитываешь, все прочитываешь... – Тимохин откровенно хитрил и льстил, но его осведомленность в скорбных обстоятельствах Ивана Сергеевича давала мне надежду, что наш разговор можно будет закончить к взаимной выгоде.

– Я бы дал тебе поручика, – Тимохин огромной пятерней потирал свою красную шею, что, видимо, служило у него признаком удовольствия, – точно, даже штабс-ротмистра, и послал бы сразу в Эрал Эльфийский – резидентом...

– Ха-ха, господин полковник, – я был преисполнен самого злобного скептицизма, – я как-то попытался погостить в Эрале, так эльдары меня на воротах спросили, не шпион ли я, причем на полном серьезе... А в Ярославль въезжал, так служаки из пришлых, пока оружие досматривали, вдоволь нашутились, что, де, еду Закатную Пущу в одиночку отвоевывать...

В ходе нашей беседы мне удалось выяснить, что Тимохину, всего-то, очень хочется «толкнуть» 37-миллиметровые траншейные орудия, в количестве шести штук, совершенно бесполезные с точки зрения нормальной войны, некому маркизу Конкруду из маленького маркизата Арсайл. Этот ловкий дворянин владел каким-то островом, лежащим почти посерединке самого крупного притока Велаги. И устраивал там, по примеру многих баронов-разбойников, самочинный таможенный пост, который нужно было срочно вооружить. Пулеметы, при всем прочем, у маркиза были, их вполне хватало, чтобы начисто перекрыть фарватер этой реки – не Великая, чай, но аборигену страстно хотелось пушек. По сведениям Тимохина, он уже заказал и сшил себе артиллерийский мундир, «цвету дыма с пламенем» с золотыми скрещенными пушечками на петлицах. Наполеон прям Бонапарт. Одна загвоздочка: нормальные орудия маркизу были не по карману. Да и не продали бы ему пришлые тяжелые орудия... Тут Тимохин и углядел свой шанс. И немедленно загорелся продать ему эти дурацкие «однофунтовики», непонятно зачем произведенные в Нижнем во времена оны, когда боялись аборигенским баронам не только пушки, но и пулеметы с винтовками продавать. Сейчас эти почти игрушечные пушечки стояли на балансе «заповедника манулов». Понятно, все как всегда у нас: сплывили полковнику всякую дрянь вместо крепостных пулеметов...

Но светиться на сделке Тимохин не хотел, своих людей подставлять – тоже, а фигура совершенно непонятного полуэльфа Петра Корнеева в качестве посредника его устраивала как нельзя лучше. И пригрозить он мне мог: откуда-то знал, зараза, что с контрразведкой у меня отношения натянутые... И заинтересовать тоже сумел: пообещал отписать Ивану Сергеевичу в лучшем виде, как я ноги в кровь сбиваю, за Наташей бегаючи... И от контрразведчиков прикрыть обещался в случае чего... Насчет денег только включил дурака,

но если б еще и денег пообещал, то я бы точно не согласился... Хотя посреднику законный процент положен... И самое главное, Тимохин еще обещал дать адресок в Гуляй-Поле, где выяснить можно, кто чем из наркоты торгует, задать пару-тройку «скользких» вопросов, да в живых при этом остаться. А это было уже серьезно, услуга, так сказать, за услугу...

– И княжеству нашему от тебя, Петр Андреич, будет великая польза! – если голос, а особенно бас, можно назвать медоточивым, то у Тимохина именно такой и был.

– Это в чем польза-то? – заинтересовался я, потому что отродясь ни о какой пользе для «княжества» и не помышлял. Скорей уж наоборот...

– А ты сам посуди: перекроет маркиз выход на Велагу, это ж как нож вострый... кому? Правильно, гуляйпольским! А какая самая тяжелая обида на душе лежит у Солнышка нашего Володимира Красниллыча?.. Великого князя нашего Владимира Кириллыча? – пояснил Тимохин, видя мое недоумение, – Правильно, то самое Гуляйполе! И кто ему бальзам на душевную рану прольет, тому многое простится! Политика, голубчик, политика!

– Так его гуляй-польские в два счета сделают, этого вашего маркизика! – я понимал, что превосходно вооруженные отряды гуляй-польских бандитов разорвут дружину какого-то дворянчика как Тузик грелку!

– Точно, сделают! – Тимохин даже зажмурился от удовольствия, – голова у тебя, Петр Андреич! Я б тебе сразу ротмистра дал! И послал бы тебя в Полуденную Пущу, резидентом!

– А почему надо передавать ему пушки в таком секрете? – снова спросил я, привычно пропустив незамысловатую лесть полковника мимо ушей. Еще немного, и он меня генералом объявит и пошлет... Туда пошлет, куда лучше для здоровья не ходить, – Что секретного в этой сделке?

– Петр Андреич! Что тут секретного – не тебе судить... А груз – действительно плевый, тут ты прав...

– Так может, по Великой до Гуляй-поля, а там по Велаге прямо до графского замка?

– Так груз-то какой, забыл? – удивился Тимохин.

– А что груз? Сидит Ваня на заборе в алюминиевых штанах. И кому какое дело, что ширинка на болтах?

– А есть дело! Погранцы наши любую посудину по реестру фиксируют – просто так не проплывешь. А мне мой катер светить нет возможности. А если досмотр? Не всегда и не всех досматривают, но нарваться – как два пальца... И вообще, чего ты, Петр Андреич, вечно подвох ищешь? Тебе деловое предложение сделали – дойти с грузом из пункта А в пункт Б за вознаграждение! Хоть и не денежное... Можешь, если хочешь, груз проверить, хоть каждый ящик вскрывай, удостоверься...

– Обязательно, Афанасий Никифорович, это уж в порядке вещей! – то, что мое предложение не прокатит, было ясно с самого начала. Полковнику явно нужен был именно я, и он опасался, что если идти по Великой через Гуляй-Поле, то я могу сойти там на берег – и поминай как звали! Или он мне просто не доверяет, что вполне объяснимо и понятно...

– Вот и прекрасно, чай давай пить, да ребят сменим, пусть поедят... – Тимохин кивнул на второй котелок, и я полез в мешок за кружкой.

За чаем, как всегда, пришли еще кой-какие мыслишки, из тех, что рождает «задний ум».

– А чего гурки в вашем заповеднике шляются как у себя дома? – вот вопрос не в бровь, а в глаз! Ну-ка, что на него полковник ответит?

– Так надо было захватить какого-нибудь и допросить, тем более что один из них, кажется, ранен был?

Я промолчал, отворотив морду в сторону, и попытался вспомнить, когда еще так пролетал. Наверное, когда Иван Сергеевич мне хотел снайперку доверить, а я, как нарочно, пьяным притворился... Но если полковник думает, что я засмущаюсь и заткнусь, то зря надеется.

– А если, Афанасий Никифорович, гуляй-польские вашего маркиза разорвут, они же пушки захватят! И будут использовать их против вас! Или на катера свои установят – и

пиратствовать пойдут не только по Великой, но и по всему Южному океану. Вот смеху-то будет!

– Хорошо смеется, Петр Андреич, тот, кто смеется последний! – Тимохин был все так же благодушен, и я подумал, что захват пушек бандитами из Гуляй-Поля тоже входит в его планы, – а снаряды откуда они возьмут? Мы не так много снарядов отправим, сам увидишь.

– А если на те снаряды, которые все же захватят, какое-нибудь заклятие наложат? Колдунов в Гуляй-Поле пруд пруди!

– Таких, как Кемменамендур, у них нет, – тут полковник соизволил подмигнуть, и мне только осталось ломать голову, над чем успел поработать эльф: над станком, который взорвется в самый неподходящий, или, наоборот, подходящий момент, над снарядами или все-таки над самими стволами? Над стволами, вроде бы, не колдует никто? И как заклятие сработает, ведь маркизу самому надо из пушек как-то стрелять?

Потом мои мысли вновь перенеслись на мои собственные перспективы...

Если Тимохин отправляет со мной своих людей, то меня, скорее всего, не убьют... Полковник все больше напоминал мне кота, лежащего возле мышинной норки. Вот он лежит, вроде бы спит, осмелевшая мышка вылезает из норки, и тут кот открывает один глаз. У мыша шок, тахикардия, подергивание глаза и понос на всю оставшуюся жизнь... Как бы мне таким мышом не стать...

А с другой стороны, если человек всю жизнь заповеднику кошек посвятил, как-то не ждешь от него особой подлости. Он все же к природе ближе... Один только моментик: письмо от Ивана Сергеевича полковник мне не показал. Но он и не обязан свою частную переписку мне предъявлять. И почерк Ивана Сергеевича я все равно не знаю, так что нечего и дергаться. А путешествовать в команде тимохинских гвардейцев мне гораздо больше нравится, чем одному в сторону Хараза рассекать на лошаденке. Так и в рабство попасть, и просто на пулю нарваться – пара пустяков. Вот одолели меня смарагды гребаные! Не было их – и не думал ни о чем! А теперь как пуганая ворона каждого куста шарахаюсь... Надо бы с конвоем познакомиться, пока суть да дело...

* * *

Я так понял, что рыжий будет моим сопровождающим в поездочке в Арсайл, которую иначе чем дурно пахнувшей авантюрой и не назовешь. Хотел выяснить у него, сможет ли он в случае чего собрать пушечку и пострелять мало-мало, но решил не торопить события: если рыжий в припадке служебного рвения доложит полковнику о моем вопросе прямо сейчас, то Тимохин может и запретить пользоваться ценным грузом «в личных целях», и даже в целях собственной безопасности. А вот в походе Тимохина не будет, и вопрос можно будет решить спокойно, без «начальства». Да и военная косточка в бородатом отчетливо видна, так что сумеет, если припрет...

Дальше события стали разворачиваться быстро. Мы выехали обратно с полянки на просеку как раз в тот момент, когда из-за поворота вывернули аж четыре подводы, запряженные здоровенными флегматичными тяжеловозами. На трех были пушки, в разобранном виде, конечно, без станка и щита, уложенные в деревянные ящики, на четвертой – ящики со снарядами. Снаряды, как я выяснил, располагались в три ряда по пять. Пятнадцать штук в одном ящике, получается. Ага, на подводах тоже по паре ящичков, боекомплект, так сказать. Одной из подвод, кстати, управляла Арквейн, вооруженная тем самым СКС, уже со свернутым глушителем, который я оставил ее гостеприимному папаше, чтоб он моими трофеями подавился! Перехватив мой взгляд, направленный на оружие, и правильно истолковав его, эльфийка надула щеки, свела глаза к переносице и на мгновение приставила сжатый кулак к кончику носа. На детском языке – гном. Или жадина, что одно и то же. Потом эльфийка подскочила к Тимохину и повисла у него на шее. Еще и расцеловала в обе щеки. Точно, для меня старается. Теперь главное – сдержать расплывающуюся по всей морде улыбку. Как всегда, нахмурился и, как всегда, улыбка победила. Арквейн, спиной что

ли, почувствовавшая мой промах, торжествующе показала язык... Но от дальнейших перемигиваний меня отвлек рыжий, который и распоряжался, в основном. Он отзывался на Семена, и действовал вполне толково. Отведя меня в сторонку, Семен в двух словах обрисовал положение:

– Ты, Петр, подводой управлять не умеешь ведь?... Так и думал... В головной дозор не поставлю – тебя беречь надо, так что будешь в группе прикрытия. Оружие исправно, патроны есть?

– Я, это, лес чувствую, я ж эльф наполовину, – кивнул я, шмыгнув носом, – Может, все же, в дозор?

– Как эльфы лес чувствуют, я знаю прекрасно. А не знал бы, все равно решения не изменил бы – о твоих подвигах, когда ты раненого алху, зайдя с фланга под девяносто, стреножить не смог, наслышан... Так что поедешь за последней фурией, вместе с Володей и Олегом.

С этими словами «начальник» ткнул пальцем на двух парней совершенно не пенсионного, как можно было бы предположить, возраста и убежал.

Семен, вероятно, не хотел обдавать меня презрением, но так уж получилось... Я, действительно, лоханулся... Да только спросил меня кто, была у меня цель брать пленного, ставил мне кто боевую задачу на захват? Вот то-то же. Уточнять я, конечно, ничего не стал, оправдываться – последнее дело. Да и причины поведения Семена прочитываются легко: номинально, командир группы – я, а фактически, понятное дело, он. А что будет, если я взбрыкну и роль свою у маркиза не отыграю? Да ничего не будет: не скажет мне Семен адресок в Гуляй-Поле, и всех делов...

Он сказал «Поехали!» и махнул рукой. Арквейн с нами не увязалась, и это хорошо. Они с Тимохиным остались на просеке, уже верхами, причем эльфийка пересела на кобылку одного из тех, кто теперь будет моим попутчиком. Парни, включая рыжего Семена, переоделись в «штатское», и теперь мы с успехом могли бы выступать в роли бандитов, потому что вооружены все были серьезно, даже «Льюис» у одного имелся. Как он из ручного пулемета стрелять с лошади будет? Это ж отрабатывать надо, а по виду мужик разгильдяй-разгильдяем... Я присмотрелся внимательней и опознал в пулеметчике Алексея, того самого фермера, у которого ночевал и у которого, кстати, разжился лошадь. Вот это система у Тимохина! Все хутора окрестные под ним, что ли? Да запросто! Он вообще, кто? Может, это он князь, а который Владимир Кириллыч – только так, для отвода глаз, большую папаху носить? Похоже, заповедник манулов полковника – это такая нехилая база для тайных операций славного Ярославского воинства. И против кого? Гуляй-польских? Все на то указывает... И вот еще: надо будет попробовать Алексея-пулеметчика сподвигнуть за моей лошадкой ухаживать. Это ж, на самом деле, его лошадь!

* * *

Алексей соизволил «узнать» меня только на привале, который устроили через четыре часа непрерывного движения. И пообещал немедленно «раззнакомиться» со мной, если из меня опять говно ползет: я все же попытался проверить его на вшивость, насчет лошади... А все время до привала я как привязанный ехал за последней подводой, лопатками ощущая настороженные взгляды своих спутников, чтобы не сказать конвоиров. Опять как всегда – я то ли «подсадной уткой», то ли приманкой буду работать...

Представляю себе письмишко Ивана Сергеевича: «...и еще, любезный друг и сослуживец Афанасий Никифорович, может заехать к тебе полуэльф Петя Корнеев, дурак искренний, природный... Использовать его можно запросто, он в любую петлю башку свою ушастую добровольно сунет...»

Так, примерно... Ладно, жизнь покажет, пока ведь как-то выживаю... Запросы у меня невысокие, меня чашкой пшенки купить можно. Так ведь не в пшенке дело. Дело в шансах. С орлами Тимохина у меня гораздо больше шансов добраться до Гуляй-поля и преуспеть там.

Повторяюсь... И буду эту лабуду повторять еще... А что это значит? Это значит, что я сильно неуверен в том, что говорю. Себя уговариваю, не иначе.

Одна радость – можно по сторонам поглазеть, надоели мне города! А здесь лес, чистый, насколько я могу судить, птицы поют, гадости всякой не должно быть много в таком лесу. Вон заяц побежал... Медленно как-то, без огонька. Зайца увидели и другие обозники. Поскольку стрелять никто и не собирался, сразу возник спор о том, стоило или не стоило брать с собой глушители. Из винтовки с глушителем и поохотиться можно, не ставя под угрозу основное задание. Как у ребят с глушителями дело обстоит?

Ну, я бы глушители взял, если есть, лишними не будут... Зайчик вроде возвращается... Что-о?

За ним, довольно шустро перебирая восьмью мохнатыми лапами, и на глазах нагоняя, неся коричневый паук, чуть поменьше размерами, кстати, чем сам заяц. Не знаю, что за порода, но винтовка, как и у всех прочих, немедленно оказалась направлена на нечисть.

– Не стрелять! – страшным шепотом проорал своим сорванным голосом Семен. – Это детеныш! Зайца – гам, да не нам! Не стрелять, я сказал!

– Как не стрелять-то, – забеспокоился я о душевном здоровье нашего вожатого, – нечисть же!

– Черные пауки всегда высылают вперед детенышей в качестве приманки! – Семен вертел головой, кажется, на 360 градусов. – А сами в это время зачаровывают!

Тут уж все начали оглядываться, да проверять амулеты. Амулетов-то, амулетов! У каждого что-то повешено! Если нас бандиты постреляют, то с одних амулетов озолотятся...

– Паучок-то коричневый! – чего все так занервничали? Может, это и не черный паук. В нечисти хорошо разбираются только охотники...

– Чары идут! Вон оттуда, – Семен покрутил в руке что-то вроде компаса с рисунком из рун и указал на заросли аккуратно с противоположной стороны от дороги и, соответственно, от детеныша черного паука, самозабвенно пеленующего зайца в мутно-белый паутинный кокон. – А это – детеныш! Я же говорил!

– Ничего не понимаю! – поддержал Семена один из моих спутников, Олег. – Точно на нас чары идут, а ничего! Совсем ничего, по нулям!

А я вот, кажется, понимаю! Это мои смарагдики, будь они неладны, действуют! Как там Глоин говорил, они направленные чары поглощают и аккумулируют. Вот и сработали камешки, размочили счет, так сказать...

– Ходу, ходу! – Семен достал из седельной кобуры короткий «таран», спешился, быстрым шагом подошел к увлеченному своей добычей паучку, громом раздался выстрел. Ничего себе! А кто орал, чтобы не стреляли? Семен уже спешил обратно. Он явно решил не обращать внимания на всякие странности и теперь покрикивал на возниц. Самое главное в нашем деле – вовремя смыться. Все равно от разбора полетов не уйти. Не такой человек Семен, чтобы разбора полетов не устроить. Одно хорошо: завтра уже к границам маркизата Арсайл подходим.

* * *

От ночного двухчасового дежурства я и не собирался отбояриваться, наоборот, если бы меня не поставили в очередь вместе со всеми, вот тогда-то я бы задумался, не хотят ли мои спутники меня сонного прирезать. Сидя у костра, я задумался, что бы такое сделать с выигранной СВД, чтобы винтовка окончательно стала моей? Оружие, как известно, надо осваивать, чтобы било в цель, чтобы можно было на него положиться, как на верного друга... Улучшить в винтовке что-нибудь я вряд ли смогу – ни инструментов, ни времени... Да и что улучшать? Оптику бы поставить, хоть бы двукратку... Эх, ПСО в самый раз бы подошел. Да я от любой оптики не отказался бы, от ПУ, например... Ладно, раз ничего не получится прямо сейчас улучшить, надо что-нибудь сломать и тем самым «освоить»,

наконец, винтовку. А то я о ней до сих пор как о винтовке поручика Свечникова думаю... Непорядок. На первый раз ограничился тем, что поставил две зарубки на приклад: за Виталю и алху. Вообще-то в Великоречье к таким зарубкам по-разному относятся. Тимохин и его орлы, уверен, дурновкусием бы посчитали. Свечников, вероятно, тоже: до сих пор приклад был девственно чист. Так я не от тщеславия ставлю, а от производственной необходимости. На этом процесс «порчи» винтовки был завершен, и я смог в полной мере насладиться звуками сорванного голоса Семена, который подсел ко мне и начал рассуждать вслух:

– У тебя, Петр амулет какой-то, отвращающий магию. Я о таких не слышал. Разве что негаторы магии в игорных домах, в Гуляйполе...

Не дождавшись от меня ответа, он продолжил:

– Дело, конечно, твое, но скажи лучше сразу: нужно от тебя еще каких сюрпризов ожидать? А то я сюрпризы и неожиданности не люблю.

– Не волнуйся, Семен, никаких неожиданностей не будет. Ты мне лучше расскажи, что за паук такой, магию насылает? И вот ты его детеныша убил, а он мстить не придет? Вместе с другими родственниками?

– Пауки самые обыкновенные, мы их жлобами называем.

– Жлобами? Как это?

– Да был у нас один любитель старинных сказок, вычитал где-то про паука по имени Шелоб. Так и пошло: сперва Желоб, потом, сам понимаешь, Жлоб. И прижилось... Понимаешь, Петр, паучки неправильные какие-то. Скорее нечисть, чем просто животное. Не сказать, чтоб очень сильные, но лапами перебирают с отменной скоростью. Магия у них, такая, замедляющая, – охотно поделился со мной своим опытом Семен, – если бы она подействовала, то мы бы все видели, были бы в полном сознании, но почти ничего не успели бы сделать. Пауки бы приблизились, впрыснули свой яд-парализатор, потом желудочные соки, завернули бы нас в кокон из паутины, и мы бы еще суток двое-трое заживо подгнивали, находясь при этом в полном сознании. Паукам тухлятину легче высасывать и усваивать, но для этих важно, чтобы жертва до последней минуты все осознавала. Вроде как мучениями наслаждаются. Но вообще-то опытный человек, если патрон в стволе, пока они приблизятся, почти всегда успевает выстрелить. Видать, давно никто не проезжал, вот они оголодали, и на нас попытались напасть. Ума-то нет, посчитать, стоит с нами связываться или нет... А насчет мести ты не беспокойся: жлобы эти к своим детенышам никаких чувств не испытывают.

– Так их много было? – задал я вопрос, отметив, что Семен постоянно использует множественное число. Пауки, вообще-то, одиночки, если я не ошибаюсь!

– Жлобы стаями охотятся, особей в семь-восемь. Еще детенышей столько же. Они их как приманку используют: вот сейчас выпустили зайца, наполовину одурманенного. За ним детеныш побежал, его специально науськали. Мы на детеныша отвлеклись, а они со спины бы и напали, если бы только чары свое действие начали. А увидели, что не получилось ничего, и в лес отступили...

– Охота из засады с приманкой, с двойной приманкой, – прокомментировал я рассказ Семена, – они что же, разумны?

– С чего бы вдруг? Так многие животные охотятся, рыбы в том числе. Вот на этом уровне и разумность, не больше... А ты сразу: разу-у-мны! – передразнил меня этот юный натуралист. – А что бы сказал, если бы паутину их узорчатую увидел?.. Так, значит, не будет больше сюрпризов? – неожиданно взялся за старое Семен, и вместо увлеченного арахнолога передо мной вновь оказался серьезный вояка, верный, едрить, соратник полковника Тимохина.

– Да нормально все будет, не беспокойся!

* * *

Момент, когда мы пересекли условную границу Ярославского княжества мне запомнился только тем, что Семен с кем-то переговаривался по амулету связи. Никаких

погранпостов, патрулей, досмотров. Говорят, гуляй-польцы на внедорожниках приезжают чуть ли не в Тверь, чтобы посмотреть новую «фильму». Верю... Мы выехали из лесу на заросший поясной травой луг, дороги не было, то и дело приходилось останавливаться и вытягивать подводу из ямы, совершенно незаметной на расстоянии шага. Иногда оказывалось, что мешает движению не яма, а камень, попавший прямо под колесо. На машине здесь ехать было бы самоубийственно, а на подводах – можно, хоть и с черепашьей скоростью. Олег, кстати, ехал за последней подводой с хитрым амулетиком, так что поломанная, вмятая в землю трава неестественным образом поднималась...

Как я понял, довольно крутой изгиб Свены, той самой речки, которая образовывала приток Велаги, оказывался сравнительно близко к Великой. По сути, почти по этой реке шла граница Ярославского княжества, и с левого берега Великой мы шли к правому берегу Свены, на котором стоял замок Маркиза.

* * *

Маркизат, наконец-то! разнотравье лугов сменилось грунтовкой, самой обыкновенной грунтовкой, даже со следами шин. Не могу не радоваться наступлению цивилизации на дикую природу. Хотя сам, помнится, в спорах с пришлыми о истории с пеной у рта доказывал, что цивилизация – это зло. Но задолбался уже телеги из ям выталкивать! По совести говоря, телеги выталкивал не я, а ребята Тимохина, и в выражениях они не стеснялись. Я не барышня, и от крепкого словца не покраснею, но когда полдня матюгов без перерыва под палящим солнцем – так и хочется посидеть в теньке, в тишине и одиночестве, с кружечкой чего-нибудь прохладительного... Ругались, в основном, от отчаяния: на одной из подвод треснула ось, хотя и была сделана из заговоренного металла. Вот и верь потом в заговоры и наговоры! Кое-как распределив груз по оставшимся телегам, наш небольшой отряд продолжил движение. Все были так злы, что если бы на обоз напала какая-нибудь тварь, разорвали бы голыми руками. Мои планы поспрашивать попутчиков о том о сем летели коту под хвост. Жаль! Даже задавая один и тот же вопрос разным людям, абсолютно не желающим отвечать на него честно и откровенно, можно выяснить немало интересного. По реакции, по отговоркам, по взгляду... Но пришлось ехать в хвосте колонны и держаться тише воды, ниже травы, а то ребятки выместили бы все свое дурное настроение на мне...

На приличную дорогу выбрались уже ближе к вечеру, стало темнеть, и это вызвало серьезные опасения. Ночевать второй раз на открытой местности не хотелось никому: мало того, что в прошлую ночь никто толком не выспался, так какой-то зверь устроил в честь своей самки отвратительный концерт, в котором злое уханье сменялось тоскливым воем. Лже-фермер Алексей, сбивший на затылок свою модную городскую кепку, недолго думая, назвал этот вой «припевом». «А теперь припев!», – каждый раз говорил он во время своей смены и даже щурился от мнимого наслаждения, как заядлый меломан, слушающий любимую арию... Вообще, я смотрю, команда у Семена, а точнее, у Тимохина слаженная: вот и свой Василий Теркин имеется...

Семен в виду дороги приободрился и решил рискнуть: он залез под днище подводы, приложил полыхнувший огнем амулет к «большому месту», сам сел на передок подводы, ухватил вожжи и задал такой темп движения, что только ящики со снарядами подпрыгивали, а возницы других «тачанок» изо всех сил сжимали челюсти, чтобы не пооткусывать себе языки.

Когда впереди замаячили невысокие холмы, и на вершине одного из них нарисовалась здоровенная башня с конической крышей, Семен утер со лба пот, передал кому-то вожжи, пересел на лошадь и подозвал меня к себе. Все, игра началась. Теперь я начальник, а Семен при мне вроде адъютанта. Я даже свитер, насквозь пропылившийся, пропахший лошадью и промокший вместе с нательной рубахой от пота, сменил на парадный, с «крестиками».

* * *

Холмы, густо поросшие кустарником, составляли живописную цепь, изгибающуюся, как змея. Береговая линия, значит. Красота-то какая! Но вот приблизиться к замку можно практически вплотную... Оттого и башня маркиза высоту имеет невероятную: метров тридцать пять – сорок! И это на холме! Значит, до поверхности воды добрая сотня. В остальном же замком эту башню можно было назвать с трудом. Указующим в небо перстом, если поэтически, шпилем, трубой, столбом или маяком, да, можно. Конопатый Алексей, фермер-пулеметчик, скручивая огромную папиросу, «козью ножку» с каким-то дорогушим и духмяным табаком, чей запах даже у меня не вызвал особого раздражения, выразился куда хлеще, так что весь отряд грохнул от хохота, вызвав живейшее неудовольствие Семена. «Заткнули фонтан!» – так он выразился, дернув бородой... Так что остаток пути да Свены мы все равно проделали в молчании... Вот незадача – и тут не подфартило!

* * *

Четырехугольная в основании, что свидетельствует о старине постройки, круглая метров с пятнадцати башня маркиза не радовала взгляд внешней красотой. Да и внутри, бьюсь об заклад, ничего примечательного. Но как гордится, должно быть, маркиз, своим замком! И простые стены, сложенные из дикого камня, и сама кладка, которой никак не меньше четырехсот лет, и к которой, очевидно, приложили свои ручонки гномы, и упорное стремление господствовать над местностью – все это свидетельствовало о старине и простоте нравов... Как, интересно, маркиз с пришлыми договорился? С тем же Тимохиным, в частности? Башня Конкруды, кроме того, что служила прекрасным ориентиром для бомбардировочной авиации, в военном смысле значила немного: раздолбать такую из пушки мог любой начинающий артиллерист.

А вот родовой флаг маркиза меня заинтересовал: разбитый на три поля, он пестрел разными геральдическими животными, да в нижнем поле справа виднелся карикатурный силуэт той же башни, к которой мы приближались. Это что значит? Башня не его, изначально, а за какие-то заслуги кем-то дадена? Какие же должны быть заслуги, чтобы замок заслужить? Кровавого свойства, не иначе... Вообще-то, когда башню или замок изображают на гербе города, это понятно: символ укрепления, защиты, если угодно. А в гербе дворянина это может значить и то, что дворянин провел какое-то время в плену... А в широком верхнем поле в центре серебряной паутины сидел рубиновый паук. Вот с пауками в гербах сложновато: надо бы поближе подъехать, да вблизи и рассмотреть внимательно, даром что простыня маркизова штандарта такого размера, что на ней с комфортом расположился бы весь наш отряд, исключая, разве что, лошадей...

Вопрос только в одном: тело паука состоит из одного куска, то есть живота, или все же из живота и головогруды? Вот если на гербе паук без головогруды, то это значит «Верность»: пока самка откусывает самцу во время спаривания ту самую головогрудь, паук успевает перекрыть ей там какие-то каналы, так что спариваться больше она ни с кем не сможет. Вот и верность. Даже «верность по смерти». Интересное дело – геральдика... Заяц в гербе, например, означает вовсе не «трусость», как кажется на первый взгляд, а «бдительность»: зайцы, вроде бы спят с открытыми глазами...

Вблизи я убедился, что зрение меня не подвело: точно паук и точно без башки. «Безбашенный паук», так маркиза, скорее всего, соседи называют. Я бы так называл... А мухой в его тенетах будет один глупый полуэльф... промолчим, да и пальцем указывать не будем...

Еще вблизи я убедился, что то, что можно было принять за широкое и мощное основание башни, на самом деле основанием башни не было. Это были крыши жавшихся к самой башне трех- и двухэтажных домиков со смешными, но довольно красивыми крышами. Господствующая над местностью грозная башня маркиза делала эти домики какими-то по-особому уютными, чуть ли не игрушечными. Если башня занимала весь центр холма, то

домики эти разбегались от нее по трем направлениям: одна линия спускалась с холма к дороге, на которую мы выехали, другая бежала куда-то еще, на противоположный склон холма, мне не видный, понятное дело. Подозреваю, что как раз продолжение той же дороги, не кончается же она у замка! Ну а третья линия, видная лишь отчасти, вела в таком направлении, в отношении которого ни у одного разумного не могло быть никаких сомнений. Конечно, к реке. К Свене, в данном случае. Вот по этой-то дорожке и мне надо будет спуститься, а потом по Свене до впадения в Велагу. А потом по Велаге до Гуляй-поля.

Странные извивы иногда делает судьба, не менее странные извивы и у рек Великоречья. Свена, текущая с северо-запада на юго-восток, делала такой крутой поворот, что один ее немаленький отрезок брал направление едва ли не на север, а ведь до этого река сохраняла общее южное направление, параллельно с Великой. Ну уж на северо-восток Свена в месте, к которому мы приближались, текла точно. А сложись судьба мира чуть иначе, и преспокойно могла бы впадать в Великую, изгиб ее подходил к левому берегу Великой довольно близко. Если б не холмы!

Кстати, не так много и домиков рядом с замком: штук по восемь с каждой стороны дороги. Боковые стены домов сливались, хорошо хоть каменные, иначе любой пожар – и весь посад в огне. А вот пространство между «направлениями» застроено не было: виднелись какие-то кустарники и деревья, и даже плодовые, если мне зрение не изменяет. По поводу весны многие даже в цвету. Красиво, между прочим, глаз не оторвешь! Всего в посадке, который, конечно же, считался городом, было домов... восемь на два (две же стороны дороги) на три. Получается домиков пятьдесят, не больше; людей, значит, около двухсот, двухсот пятидесяти... А бойцов сколько? Минус бабы, дети, старики. Или не в минус? В Великоречье и женщины, и старики стреляют. И дети стрелять научаются с пеленок, иначе не выживешь. Все равно, грустно это: такое симпатичное поселение вряд ли выдержит подготовленную атаку гуляйпольских бандитов рыл в сорок-пятьдесят, то есть средней по численности банды... Одна надежда: у Конкруда башка есть, не то что у родового паучка в гербе. И эта башка хоть что-то да соображает...

* * *

Кавалерийские рейтузы, называемые почему-то чакчирами, короткая красная куртка, с нашитыми витыми шнурами белого металла, по-гусарски. Сабля в обитых кожей ножнах, темляк из разноцветных нитей. Багряный бархатный беретик, натянутый на макушку. А пистолет где? Неужто без огнестрельного? Худые ноги-спички, узловатые коленки, массивная жопа, да и тельце у маркиза какое-то квадратное. Но при этом видно, что очень юркий, живчик такой, весьма преклонного, правда, возраста. И запаха старости не чувствую. Квадратная рожа дворянина, украшенная седой остроконечной бородкой и длинными завитыми усами, была покрыта какими-то багровыми прыщиками, словно аллергия у человека. Надеюсь, он ничем таким заразным не болеет. От шевелюры только серо-желтый хохолок из-под берета, но зуб даю, лысина во всю голову. Ну, разве еще над висками какая-то седоватая поросль. Водянистые глаза с красными прожилками быстро перебежали с меня на подводы с грузом. И снова на меня. И на Семена, стоящего рядом со мной с индифферентным видом. И снова на подводы. Каждый раз, переводя глаза на меня, маркиз мимолетно улыбался, будто что приятное углядел, и каждый раз, бросая взгляд на подводы, маркиз хмурился с самым скупердйским видом.

– Один мой хороший знакомый, – начал я, улыбаясь в ответ, – посылает Вам привет и давно ожидаемый Вами груз. И еще ваш сосед, – тут я махнул рукой примерно в ту сторону, откуда мы появились, – Афанасий Никифорович, выражает надежду, что Ваше Сиятельство находится в добром здравии!

– А ты кто? Полуэльф? – подозрительность старика была вполне понятна, хоть я и произнес все оговоренные с Тимохиным фразы.

– Я полуэльф, – максимально доступно объяснил я, – в дом пригласите? Мы проделали

большой путь, устали и не отказались бы отужинать. И ночь скоро уже – надо бы нас на ночлег определить.

– Годов тебе сколько? – маркиз пожевал губами, скорчил гримасу, которую лишь при очень большой фантазии можно было принять за гостеприимную улыбку.

– Тридцать почти, – ответил я, недоумеваю...

– К тридцати пора уже научиться отличать дом от замка, – проворчал Конкруд, – все заезжайте в город, а ты сюда пооди!

И маркиз активно зажестиковал в сторону охраны – парочки звероподобных зеленокожих орков, вышедших вместе с ним из ворот «города», навстречу не таким уж и неожиданным гостям. Орки поигрывали шипастыми булавами и бросали многозначительные взгляды на мои уши. Учитывая, что глазки у орков маленькие и чрезвычайно глубоко посаженные, эти клоуны не иначе как перед зеркалом «многозначительность» репетировали. Я бы, пожалуй, сделал гадам ручкой, но Семену не понравится, зуб даю. Семен, кстати, как чувствовал, мигнул за моей спиной фермеру-пулеметчику Алексею, дескать, за старшего, а сам остался со мной, и даже еще приблизился, демонстративно закидывая СКС-М за плечи и прикрывая откинутую полу пыльника и, соответственно, расстегнутую кобуру с пистолетом моей не такой уж широкой спиной...

Если совсем уж честно, то как раз оркам вполне можно поручить охрану такой вот махины, как эта башня – им не привыкать. Крепости на обрывистом морском берегу – точно их профиль. Но если Конкруд хочет их и на таможне поставить, то тут он будет точно неправ: буйный темперамент «зелененьких» на пользу бизнесу не пойдет...

Маркиз, тем временем, повернулся ко мне, и мне довелось узнать, с какой стати он так лыбился, разглядывая мою рожу.

– Сюда иди! – повторил маркиз, и я сделал шаг вперед. Синхронно со мной сделал шаг вперед и Семен, все так же оставаясь за моей спиной.

– Полуэльф, хм-хм! – маркиз улыбался уже так, что видны были неестественно белые, явно вставные зубы. Улыбаться ему было не очень удобно, вот и зрелище было не слишком приятное. – Нормально доехали? С полудня вас жду, а я уже не мальчик!

Получив от меня что-то вроде утвердительного мычания, что де, нормально все, штатно, старикан оживился, и стал смотреть на меня внимательнейшим образом, едва ли не запрыгивая в глаза:

– И скажи-ка мне, полуэльф, не обидно тебе, что твои родичи ушастые по тыще лет живут, а вот ты сдохнешь лет так через?..

– А чего обижаться? – совершенно искренне не понял я...

– А сколько МНЕ лет, как думаешь? – и маркиз прищурил один глаз, увлажненный неожиданно проступившей стариковской слезой.

– Да лет шестьдесят, с хвостиком, – ответил я, все больше недоумеваю. Эх, надо было повыспросить, что за зверь этот маркиз! Я и собирался, собственно, да кто ж знал, что проклятая ось так не вовремя сломается!

– Сто пятьдесят два! – раздельно, еда не по слогам произнес маркиз, и в полной мере наслаждался моим ошарашенным видом. Ну надо же! Наверняка все доходы с маркизата на целителей тратит, одну овсянку жрет, по утрам гимнастика, и никаких гаремов, чтобы сердечко не перегружать! – А ты, хоть и эльф наполовину, но попробуй, хоть полстолько проживи!

Старик не удержался и хлопнул меня по плечу. Точно, теперь мы лучшие друзья: насладившийся моим удивлением маркиз уже по-приятельски, под руку, тащил меня за подводами, семена ножками с неплохой скоростью, да еще и при ходьбе опирался на меня, нисколько не смущаясь краткостью знакомства. Вот это я понимаю, владетельная особа! Да еще и подошвами так шаркал, что у меня уши закладывало. Спасибо хоть, споткнуться на небольших улочках Арсайла ему не грозило: улочки были выложены прекрасно подобранными и искусно обтесанными булыжниками. Булыжная мостовая! Хоть и немного ее, а неплохо для захудалого майората, совсем неплохо. Попробуйте теперь Арсайд деревней

обозвать!

* * *

При ближайшем рассмотрении башни Конкруда выяснилось, что первый этаж занимают хозяйственные службы, небольшая конюшня, например, совмещенная с гаражом, в котором стояла «чайка», рессорная коляска и легкий броневичок, кажется, такие называют разведывательными, со знакомым гербом на боку. Выяснилось, что башня довольно глубоко уходит в холм, и что подвалы у башни, должно быть, исполинские: автоматически заглянув за небольшую дверку в углу конюшни, открывшуюся на мгновение, чтобы выпустить двух конюхов, я всей кожей почувствовал лестницу, ведущую в такие глубины, что сердце екнуло. И конечно, жилые покои, куда меня тащил маркиз, были наверху, на уровне где-то четвертого этажа. Мне-то ничего, а вот Конкруд явно сбавил темп и отдыхал через каждые пять-шесть ступенек узкой винтовой лестницы, находившейся в специальной шахте у стены. Хорошо, если напротив меня в такие минуты была узкая бойница: я мог посмотреть и на город, и на реку, но по закону подлости гораздо чаще перед моим лицом была все та же каменная кладка. Для маркиза бойницы тоже имели важное значение: он почти всегда подгадывал очередную остановку напротив какой-нибудь из них. Только не для того, чтобы любоваться видами: бойницы обеспечивали ему приток свежего воздуха, но все равно он задыхался, хрипел, и лицо его налилось кровью. Наконец, лестница кончилась, и мы вышли на своеобразный балкончик. Отсюда начиналось сужение башни, стены ее закруглялись, здесь же была изгибающаяся вдоль стены «аптечная клумба», занимавшая примерно полшага в ширину и шагов восемь в длину. Мельком осмотрев ее, я понял, что особых каких-то ядовитых растений маркиз не выращивал. Да и цветов, свидетельствующих о присутствии в замке женщины, тоже не было. По законам таких замков благородное дерьмо благородного дворянина и шло на подкормку для растений клумбы. Нельзя ж его с другим дерьмом, неблагородным, смешивать! Это ж унижает дворянское достоинство! Задрвав голову наверх, я обнаружил и характерные дырки в полу «фонаря», выдающегося из округлых очертаний башни. «Фонарь» венчался конической крышей, именно такие башенки обожают рисовать детишки. Красиво, эстетично, если не знать, что там, в этой «башенке», туалет. Дырки приходились как раз над клумбой, но стена под дырами была сухой, ничем не воняло, и понятно было, что маркиз устроил у себя нормальную «цивилизованную» канализацию! Молодец какой! По таким вот мелочам и понимаешь, адекватный человек перед тобой или нет! А то, что Конкруд на долгожительстве чуток повернут, так мало ли людей, особенно среди дворян, желающих сравняться возрастом жизни с гномами и эльфами и не жалеющих на это никаких средств? Да пусть живет, мне-то что!

Снова небольшой подъем, ступеньки на четыре и мы оказались в средних размеров комнатке, которая служила, видимо, тронным залом для маркиза. Трон был небольшой, больше похожий на кресло, но на возвышении и возле камина. Рядом письменный стол, украшенный тяжелым прибором для письма, исполненным из какого-то симпатичного поделочного камня, с искорками. Глоина бы сюда, он бы сразу опознал, какая это такая яшма или лазурит. Похоже, комната используется и как кабинет. И как библиотека, судя по книжному шкафу. И, судя по нашим с Семеном мордам, криво отразившимся в его стеклянных дверцах, как гостиная. А как насчет того, чтобы послужить столовой? Давно в животе бурчит!

Маркиз, не обращая внимания на меня и упорно шагающего за мной Семёна, мгновенно скрылся за какой-то неказистой дверцей, плотно прикрыв ее за собой. Я оглянулся на тимохинского помощника, но тот сохранял абсолютно спокойный вид, явно считая, что все идет по плану... Я не решился в своих пахнущих лошадиным потом штанах садиться без приглашения на обитые шелковой материей кресла, стоящие вдоль стен, и принялся разглядывать гобелены на стенах. Чудные, абстрактные узоры напоминали то ли скачущих коней с развивающимися гривами, то ли череду набегающих на берег волн.

– А ты не родня архонту Эленогласу Эральскому? – начало светской беседы в исполнении маркиза Конкруда поставило меня в тупик. Этот Эленоглас был довольно

мерзким эльфом, одним из тех архонтов Закатной пуши, кто стоял за вечную войну с пришлыми, да при этом не особенно скрывал свои отвратительные сексуальные предпочтения... Достаточно сказать, что пришлые называли его Ленкой или Аленой...

– Нет, не родня, и не хотел бы им стать, – ответил я сухо, но довольно спокойно. Может, это и не наезд совсем, вон и Семен застыл от удивления.

– Ты еще и не родился, когда я имел честь принимать архонта в своем замке! – торжественно объявил не слушающий меня маркиз. – Тогда я сделал для него такое же исключение, какое сделал и для тебя сегодня: разрешил войти в замок с оружием!..

– Благодарю вас, Маркиз! Я польщен! – в этот раз, чтобы не рассмеяться, мне пришлось изо всех сил сжать кулаки, надеясь на то, что ногти на руках успели отрасти достаточно, чтобы вонзиться в ладони. Ногти особо не отросли, но не рассмеяться удалось. Винтовки у нас у всех забрали в «проходной» городских ворот, но револьверы и пистолеты оставили. А кто бы их отдал? Уверен, что каждому, кто удостоивается приглашения в замок маркиза, оказывается такая же честь. И вероятно, каждому гостю рассказывается история о том, что такой чести удостоивалось некое лицо, посетившее замок задолго до рождения самого гостя...

Маркиз благосклонно покивал, но сесть не предложил. Мало того, он сам встал с «трона» и переместился за письменный стол, попутно откинув шарнирную крышку с чернильницы. Потом достал из пучка перьев одно и самым придиричивым видом осмотрел, как оно заточено. Заточено, на мой взгляд, было неплохо, но Конкруд поочередно вытянул и остальные перья, внимательно осмотрел каждое. А затем вернулся к первому, нетерпеливым движением руки сбросив отвергнутые перья в корзину для бумаг. Мы с Семеном хранили глубокомысленное молчание. В дверь просунулась чья-то красная физиономия, перемигнулась с церемониймейстером, тот, в свою очередь изобразил какую-то нелепую фигуру, выставив посох перед собой, а затем снова отставив его к правой ноге. Ну-ну, какие еще ружейные приемы нам продемонстрируют?

– Мой оружейник проверил товар, и я готов заключить сделку! – незамедлительно объявил маркиз таким тоном, как будто делал мне одолжение. Вперед без лишней суеты выдвинулся Семен и протянул мне неизвестно когда приготовленный футляр для документов, даже небольшой тубус. Тубус был сработан эльфийскими мастерами из «бронзового» дерева еще до Пересечения Сфер: он не горел в огне и не тонул в воде. Кроме того он был герметичен. Для той эпохи этих качеств хватало с лихвой. Никаких украшений на корпусе тубуса не было, но это отнюдь не умаляло его стоимости. Полагаю, он стоил примерно как полторы пушки из тех, что мы привезли маркизу. Я открыл тубус и достал из него листок векселя Беренсона с «полем» – специальным металлизированным кружком, реагирующем на прикосновение пальца. Теперь, если прикоснуться к этому кружку, заверяя подпись, то листок запомнит мою ауру, как и ауру маркиза. Такой вексель не подделаешь. Молодец Беренсон, что тут скажешь... И молодец Тимохин, хороший футлярчик подобрал, пятерка по психологии. Маркиз, по-моему, больше внимания тубусу уделил, чем векселю. Наконец-то я узнаю, что закладывает маркиз в обмен на пушки, хоть бы и формально. Не замок, понятное дело, и не душу. Остров! Вот же, черным по белому, то есть по розовому с сиреневыми прожилками, что за оплату поставки пушек маркиз ручается островом на реке Свене. Это тем самым что ли, где таможня? Похоже, им. В чем меня кинули? В чем кинули? Что кинут, я не сомневался. Тимохин мне не друг и не родственник, чтобы благодетельствовать. Вопрос был, в чем кинут и как?

Подписываясь под кружком, к которому я прикоснулся указательным пальцем левой руки, я мысленно прикинул варианты. Кроме того, что чисто теоретически я теперь могу стать собственником солидной недвижимости, никаких особых проблем для себя я не увидел. Зачем эта комбинация Тимохину? Эх, нет у меня способностей к торговле! А то б, может, чего и понял! Сделав зарубку себе на памяти, что надо бы проконсультироваться со знающим человеком, я протокольно улыбнулся в тот момент, когда маркиз закончил расписываться, ткнув пальцем в «поле» Беренсона, как будто хотел пробить вексель

насквозь.

Вексель в тубус, тубус в карман. «По рассеянности», и пусть Семен не дуется. Вот даст адресок в Гуляй-Поле, тогда и тубус получит. А нервничать не надо: у меня аж кожу на затылке стянуло, так Семен на меня глянул.

– Пришлые живут по каким-то своим странным правилам! Никак не привыкну! – маркиз укоризненно покачивал головой. – А нам, обломкам старинных родов, приходится потакать их варварским обычаям! И вот если я теперь не приглашу вас «обмыть» сделку, соседи, и особенно Афанасий Никифорович, меня не поймут!

И маркиз сморщился, как пьяница над чаркою вина, по счастливому выражению поэта. Наверняка каждый день повод ищет, как бы от своей диеты «номер 5», от протертого овощного пюре поотлынивать! Ну, наконец-то, ужин! У меня давно уже под ложечкой сосет! Полуэльфам, судя по моему опыту, перетерпеть голод не так уж сложно: это только первые три дня тяжело. Ага, шаз! Чего у меня всегда было в недостатке, так это терпения.

Маркиз, еще раз картинно нахмурившись, почти выбежал из кабинета, а к нам чинно подошел мажордом, или церемониймейстер, смешно размахивая руками, и вообще, пытаюсь больше походить на цаплю, чем на человека.

– Господа! Маркиз Конкруд Семнадцатый, по поводу успешного заключения сделки, имеет честь пригласить вас...

Не дожидаясь продолжения, я отправился вслед за маркизом, тем более, что запахи из-за неплотно прикрытой за маркизом дверцы доносились вполне аппетитные. Когда накрыть успели? Да пока маркиз расписывался, не иначе...

– ... отведать его скромное угощение! – донеслось из-за спины растерянное бление мажордома. Лучше, конечно, чтобы угощение было не слишком уж скромным!

Глава 7, в которой герой узнает, что и полукровки на что-то годятся

Стол, конечно, не ломился... И молочного поросенка с пучком зелени в пасти на столе не наблюдалось. И пельмени горкой в большой миске не лежали. Не уверен, что аборигены когда-нибудь привыкнут к такому блюду, как пельмени. Жрать хочу!

На столе стояла плетенная корзинка с хлебом, лежала доска с немаленькой головкой сыра, наблюдалось деревянное блюдо с зеленью, были выставлены глиняные кружки и на небольшой жаровне стоял исходящий паром глиняный кувшин. Пахло вином и армирскими пряностями, так что можно было предположить, что в кувшине классический глентвейн или просто горячее вино с пряностями. Что называется, простенько и со вкусом. Вздыхнув с невольным сожалением, что не будет пельменей, я решил переключиться с обозревания стола на собирающуюся в зале публику.

Церемониал церемониалу рознь, и «пир» с кнехтами, с «дружиной» считался среди дворянства обязательным ритуалом. Выглядит очень демократично, если не понимать, что иного способа сохранить верность своих людей у барона просто нет, если не считать магически закрепленной вассальной клятвы, дела сложного и дорогостоящего. Пришлым, по простоте их, нравилось, что запутанные «китайские церемонии» в среде аборигенского дворянства уравнивались такой вот совместной трапезой, когда все садились за один стол, с самим бароном во главе. Типа, он отец, а воины его дружины – его дети. Не все, ясный перец! Далеко не все... Вот и посмотрим, каких таких бойцов сажает барон за свой стол.

И куда посадят нас с Семеном? А Семен стоял в дверях «столовой» с открытым ртом и обалдевшим видом, и, проследив его взгляд, я едва не схватился за револьвер.

В зал, вместе с двумя крепкими парнягами-аборигенами и здоровенным орком вошла... фэйри!...!..!

Стойная фигурка, острые уши, короткий хвостик темно-русых блестящих волос, какая-то смуглая, чуть красноватая кожа... нет, не так – как будто у нее густой румянец...

гм-гм, по всему телу. Глаза... Вот, пожалуй, по глазам можно определить, что это не просто красивая эльфийка, на которую все смотрят сквозь ярко-розовые очки. Или сквозь кровавую пелену ненависти... Глаза у фейри меняют цвет в зависимости от настроения. От зеленовато-серых до кроваво-красных... Сейчас, например, желтые... Вообще, фейри настолько редко встречаются в Великоречье, что даже тифлингов по сравнению с ними можно считать многочисленным народом. Если тифлинги появились в результате связи демонов и людей, то фэйри – в результате связи демонов и эльфов!!! Уму непостижимо, как такое возможно! Если тифлинги-женщины красивы и источают какие-то сексуальные флюиды, тифлинги-мужчины тоже имеют какие-то природные магические свойства защитного характера, то женщины-фэйри в прибавление к своеобразной, на любителя, красоте имеют невыносимый, вздорный характер, самыми простыми чертами которого можно было бы назвать маниакальную подозрительность и стремление быть в каждой бочке затычкой. И еще стреляют они даже лучше, чем эльфы. А вот мужчин-фэйри я никогда не видел.

В мире пришлых, как я слышал, словом «фэйри» или «фэри» называли какой-то химикат. Что-то из чистящих средств. Типа, при попадании в глаза немедленно промыть большим количеством воды и обратиться к врачу. Фактически, точная характеристика этого народца.

Вот и попала в глаза... то есть на глаза... И как она одета, во что? Не знаю, плевать мне, во что она одета и какого цвета у нее глаза. В руки надо себя взять, вот что!

Эльфов, кстати, фэйри, несмотря на очевидное родство, терпеть ненавидят. Как и другие расы. А вот как фэйри к полукровкам относятся?

Маркиз Конкруд, с видом доброго папаши уже сидел в полукресле во главе стола и во все глаза пялился на нас с Семеном, едва не причмокивая от удовольствия. Наслаждался, зараза, нашей реакцией.

Вообще, чем дальше, тем больше мне маркиз подозрителен. Чтобы за одним столом люди, орк да еще фэйри! Нехарактерно для аборигенского барона. Пришлые, те так могут, но не все... Скорее, это черта политики пришлых, классическое «разделяй и властвуй». Люди за столом, впрочем, тоже все разные. Считаю Семена и меня – двое пришлых на двоих аборигенов, исключая Конкруда. Орк с фэйри, то есть два нелюдя, в противовесе. И полукровок двое: я и фэйри. Два на два и еще раз. Чистая арифметика. С маркизом – семь, магическое число. То ли просто числовые совпадения такие, то ли маркиз возжаждал продемонстрировать выдающееся мастерство дипломатического этикета, то ли затевается что-то нехорошее. Я, вообще-то, в совпадения не верю, но и нумеролог из меня никудышный. А этикет ради чего показывать? Ради полуэльфа, подставной фигуры? Как будто маркиз специально подбирал...

– Настало время для вина и беседы! – прокаркал Конкруд своим хриплым старческим баритоном и оживленно потер руки. Подбежавший сзади мажордом, уже без своего посоха, показал нам с Семеном места за столом. Надо же, по правую руку от хозяина! Почетные гости, значит, наш статус. По левую руку маркиза, прямо напротив меня расположилась фэйри, и я отметил, что мажордом даже не сделал попытки отодвинуть для девушки тяжеленный дубовый стул. Рядом с фэйри сел орк, напротив Семена, а присные Конкруда из аборигенов скромненько так расположились по одному рядом с нами и нелюдями. Противоположный от маркиза конец стола был пуст. Точно, нет хозяйки в замке у Конкруда. И фэйри в этой роли не выступит! Отлично! А чего это я радуюсь так, разве мне не все равно?

Как только все расселись, и мажордом разлил вино, Конкруд слегка приподнял свою кружку.

– Сегодня хороший день! Теперь у нас есть артиллерия! За наши новые возможности!

– За наши новые возможности! – повторили все, и я в том числе. Показалось или нет, что фэйри на меня как-то странно смотрит... Выпил, тщательно приняхавшись в содержимому кружки... Нормальный запах, вкус тоже ничего себе. Мажордом и

церемониймейстер, окончательно превратившийся в лакея и официанта, резал сыр и ломал хлеб. Слуг, похоже, здесь немного, мы видели конюхов, потом вот этого... все... Наверняка, у него здесь куча обязанностей. А что? Городок маленький, а маркиз скорее количество слуг уменьшит, чем дружину сократит. Вон он как к военному делу относится, по мундиру судя... Резать хлеб ножом во многих местах считается предосудительным. Похоже, здесь тоже.

– Вот, дорогие гости, позвольте представить, наш маг, Владеющий Рино, – узловатый палец маркиза ткнул в одного из аборигенов, сидящего справа от Семена и больше похожего на неплохо подготовленного воина, – мой лейтенант Борс Деварви, – понятно, это второй абориген, – мой оружейник, Паола Фэйри...

Я не преминул уставиться во все глаза на сердито нахмурившуюся и почему-то опустившую глаза фэйри, улыбаясь ей самой своей обаятельной улыбкой. Надо же, оружейник! Вассальную клятву, небось, не приносила, по найму работает!

– Шыреак с Оркской косы, – маркиз представил, кажется, орка, но у меня не было никакого желания отвлекаться от разглядывания фэйри. И когда она слегка наморщила носик, я даже успел удивиться, с чего бы это вдруг. А потом оказался во тьме.

* * *

Очнулся я от холода. Это на меня кто-то с полведра водички вылил.

– Живой! – голос шел откуда-то с неба, мне же он показался отголоском моих собственных мыслей. Открыл глаза, и меня немедленно вывернуло, в основном, желудочным соком. Нитка невообразимо вонючей слюны свисала с губы и, как паутинная нить, цеплялась за свитер. Во рту как собака посрала. Затылок разламывается, тошнит, башка кружится. Сотряс, вероятно. Хорошо, что не на спине лежал – мог бы захлебнуться собственной блевотиной... Все-таки подставил меня Тимохин... Где я? выяснилось, что я лежу, здесь же, почти под столом маркиза Конкруда, а вокруг творится что-то невообразимое. Стол опрокинут, кругом кавардак... Над моим телом в героической позе, то есть на коленях, с заведенными назад руками, разбитым лицом и в растерзанной одежде стоит Семен. За плечи его небрежно придерживает фэйри, упирая довольно странный нож в ямочку над ключицей. Черный трехгранный клинок, явно тяжелый, фэйри держит его на весу, иначе он воткнулся бы в Семена, да уже кожа пробита, и из-под лезвия мелкими паучками выбиваются капли ярко-красного цвета. Семен нет-нет да и косится на Паолу с некоторой тревогой: не забудет она, что заточку придерживать надо? Кроме Паолы в комнате наблюдался тот абориген, который лейтенант, Борс, кажется, да еще маг с маркизом в сторонке стоят, со своими кружками, делая вид, что не замечают ни Семена, ни перевернутого стола, ни красной лужи, в которой лежат черепки кувшина, ни лужи блевотины, в которой валяется попавший в ловушку полуэльф.

* * *

По затылку мне врезал, конечно, мажордом, который еще и лакей, а вот Семена просто так, видимо, взять не удалось. Ну хоть какое-то сопротивление мы должны были оказать! Ну хоть кто-то из нас... Вообще, на бородача посмотреть очень даже стоило. Несмотря на клинок фэйри, юшку из носа и некоторую растерянность от неожиданно прерванного ужина подручный Тимохина был спокоен, как удав, и смотрел он на Конкруда, пожалуй что, с вызовом.

– Что происходит, объяснитесь? – то, что Семен называл мерзавца на «вы», говорило не столько о его вежливости, сколько о том, что ничего еще не кончено. Я попытался прикинуть, что можно сделать без подготовки, лежа ничком, да еще пол ходуном ходит, как палуба корабля при качке. Звездочку, и встать на ноги. Приподняться на руках и кувырком вперед. Только от одной мысли затошнило сильнее. Скосил глаза на кобуру. Что??? Револьвер на месте? Нельзя так, нельзя... Рука скользнула к кобуре, но не успел я

дотронуться пальцами до рукоятки «чекана», как получил чем-то тяжелым по затылку, ткнулся мордой в блевотину, да вдобавок почувствовал, что правая рука прижата к полу жесткой рубчатой подошвой тяжеленного ботинка. Я аж ужом выгнулся, пытаюсь перевалиться через бок, и это позволило мне бросить быстрый взгляд через плечо. Ага, орк. Кто бы сомневался. Он и воду на меня лил, и сообщал «начальству» о том, что я жив, а я о нем почему-то позабыл. И значит, шансов у меня ноль. Снова удар, на этот раз в плечо, удар, пресекающий мою попытку вывернуться, и снова я ткнулся мордой в пол. Лапища орка перехватила мое левое запястье, соединила его с правым, мгновение, и руки оказались намертво привязаны друг к другу чем-то мерзким, холодным и липким.

– Лежи, мальчик, не дергайся, – прогундосил орк, как-то даже сочувственно, что вообще-то совершенно несвойственно этой расе. Тем более, по отношению к эльфам, – паутину тебе не разорвать...

И орк, вытащив мой револьвер из кобуры, поставил свою ножищу мне на поясницу...

Мыслей не было. Были какие-то реакции, по большей части, как и положено после травмы, запоздалые. Среагировал я и на слово «паутина»: обидно до слез, что и повязали меня с какой-то театральщиной. Никак нельзя было без нее обойтись... И гобелены тут из паутины, и гоблины из паутины, нет, не в ту степь... И на стекле паутина, и путы из паутины, и в гербе у Конкруда опять паутина... Разве так дела делаются? Но если не убили сразу, то что это значит? Может, убивать и не собирались?

Семен, похоже, сообразил это пораньше, чем я, отсюда и спокойствие в его голосе... Но морду ему все равно расквасили, нос, скорее всего, сломан.

– Объяснитесь, маркиз, в чем дело? – сорванный голос Семена, не забывшего на этот раз титул дворянина, был холоден, в нем отчетливо слышались «стальные» нотки, не совсем подходящие, на взгляд фэйри, к позе, в которой пребывал подручный Тимохина. Той самой рукой, в которой фэйри держала нож, она ловко ударила Семена локтем по затылку, и когда бородач начал заваливаться вперед, расчетливо насадила его лицо себе на колено. Что ж, теперь у Семена нос сломан наверняка. Зубов паренек тоже недосчитается...

Фэйри ловко вздернула обмякшего Семена в прежнюю позицию, борода его из рыжей с проседью стала красной. Челюсть сломана, не иначе, глаза закатились. Повинуясь еле заметному жесту сморщившегося маркиза, к Семену, не спеша, но и не медля, подошел маг, на ходу разминая пальцы. Пытать будут? Прямо здесь? Я корчился под башмаком орка, как земляной червяк, раздавленный «газоном». Ни хрена не смогу сделать, ни хрена...

Маг подошел к Семену, взял его левой рукой за подбородок, правую наложил на нос, хруст, неяркая вспышка, Семен открыл глаза и смог сфокусировать взгляд. Лечил? И нос вправил? Обнадеживает!

–!.....!.....!

А что еще мог сказать Семен в подобной ситуации? Да всякий бы так и сказал.

– Уговор был, что будет полуэльф! – Конкруд не смог удержаться и включился в разговор, указывая на меня брезгливым жестом, типа, что вы мне kota в мешке подсовываете?!

– А это кто...??? Нормальный полуэльф! Какого вам еще надо?

– Нужен был такой полуэльф, который наполовину «абориген», как вы выражаетесь! Наполовину человек, а не наполовину «пришлый»!

Семен лишь закатил глаза и башкой помотал от избытка впечатлений.

– Надо было уточнять, – оповестил он, наконец, Конкруда весьма ядовитым тоном, – я, сами понимаете, в ваших делах ни бум-бум. Откуда мне было знать, что вам какой-то специальный полуэльф нужен? Тогда бы уж уточнили, какая человеческая половинка нужна: из озерников, из Вираца, из Армира, с Лесного хребта, а то, может, с юга, из Хараза? Вы же не уточнили! А какие тогда к нам претензии? И чем, позвольте спросить, наш полуэльф плох? Молодой, здоровый, образованный... На разные языки учен, стреляет опять же...

– Хватит нахваливать, не на базаре! – прервал Семена Конкруд, и я с ним согласился на все сто. Как бабка, продающая семечки... Продали, значит, сволочи...

– Все ученые в один голос утверждают, что «пришлые» и «аборигены» друг от друга ничем не отличаются. Такие же люди! И многочисленные браки между ними этому прямое подтверждение!

А молодец Семен! Оратор! Прямо Цицерон! Самый сильный аргумент напоследок приберег. Маркизу крыть нечем, вон как задумался...

– Что ты понимаешь в чистоте эксперимента! – Конкруд произнес эти слова с таким выражением, что только за одно это ему можно было бы присвоить высокое ученое звание Почетного профессора Тверской Академии.

* * *

– Паола проверила пушки, но потом я попросил Рино проверить ваш груз на наличие магических сюрпризов! – от такого количества яда, которое слышалось в голосе Конкруда, угольная сколопендра лопнула бы поперек живота. – И он обнаружил кое-что интересное! Снять заклятия с орудийных замков и лафетов он, правда, не смог, но саму структуру эльфийской магии ни с чем не перепутаешь! И вот, ты приводишь эльфа, который расписывается на векселе вместо господина Тимохина! Странное совпадение, тебе не кажется?

– Я привожу ПОЛУэльфа, и он ставит свою подпись на векселе, который все равно ничего не значит, как это и было решено изначально! Вы же, маркиз, сами хотели заполучить полуэльфа – так получите! А магия на пушках – это наша гарантия, что все пойдет так, как мы договаривались! Полковник Тимохин Вам, конечно, доверяет, но...

Я давно перестал слушать пререкания Семена с Конкрудом. Надо было понять, почему я влетел, как теперь жить, одним словом, что делать и кто виноват.

Виноват, понятно, Петр Корнеев. Других кандидатур что-то не видно. Странно, но я не испытывал никаких особых эмоций. Даже особой злобы на Тимохина. То, что можно «влететь», неудачно вписавшись в чужие делишки, было понятно с самого начала, но почему-то не остановило. Что ж, теперь расхлебывай... А по отношению к Семену я ощущал даже сочувствие – приложили-то его неслабо. Злоба и бессильная ненависть придет потом – когда я буду... Где, где буду? Ну, хотя бы, в загоне для рабов, или в местном подвале, в тюремной камере... Вот тогда зубами и поскрежещим, по опыту знаю...

Сильная рука подняла меня за шиворот, толкнула, пинок придал ускорение, чья-то кисть скользнула под локоть и нажала на плечо. Я согнулся, приняв полагающееся положение при захвате, который пришлые называют «полицейским». Будут конвоировать, но куда? Учítывая, что меня не только не обыскали, но даже не разоружили окончательно, просто выведут с глаз долой высокородного маркиза, там обработают, а вот затем уже конвоирование в подвал – на нары. Надо включаться...

– Имею слово к Его Сиятельству маркизу!

Сильный тычок под ребра был вполне законной реакцией со стороны конвоира, того самого мажордома, так что на это я не обратил внимания – какой же нормальный конвоир допустит инициативу своего подопечного?

Я ждал реакции маркиза. Среагировал, однако, не маркиз, а Семен.

– Не надо лезть, Петя, когда старшие разговаривают, – сказал он мягко, но с ощутимой тревогой. Молодец, подыграл.

– Послушаем, послушаем... – рассеянно проговорил Конкруд, отворачиваясь, но я видел, как хищно скрючились его пальцы. Почуял добычу, стервятник проклятый...

– Он сейчас такие пули лить будет... – досада в голосе Семена слышалась отчетливо, но подручный Тимохина, по совместительству Похититель полуэльфов и работорговец ничего поделывать тут не может, не он здесь хозяин.

– Послушаем, послушаем... – так же рассеянно повторил маркиз, но уже нетерпеливо, со злобой.

Подручные Конкруда подошли поближе к Семену, так что тот нервно заозирался,

оборвав свою речь на полуслове. Что ж, я его понимаю: мало кто может выдержать, когда тебе сначала ломают нос, потом магически лечат, что тоже довольно неприятно, и знаешь, что в любую секунду могут сломать заново...

Вообще-то вести речи, находясь в полусогнутом состоянии, тяжело. Врать, брат на понт, хвалиться и петь дифирамбы затруднительно. Что ж, подберем подходящую цитатку...

– Любите загадки, маркиз? – вывернув шею, я бросил на Конкруда тот самый взгляд, что «искоса, низко голову наклоня», и злобно ухмыльнулся.

– Что? – недопонял Конкруд, надеявшийся, кажется, что я сейчас буду исповедоваться, а заодно и Тимохина сдам с потрохами... Ну-ну!

– Отгадай, что у меня в кармане?

* * *

– Три девицы под окном / Пряли поздно вечерком, – прогундосил Виталя из глубины зала, – ну где там эти бляди?.. Корнеев, а ты почему роль не отыгрываешь?

– Это в каком смысле?

– Ты что, текста не читал? Прямо же написано: «Дверь тихонько заскрипела, /

И в светлицу входит царь, / Стороны той государь», – ты, то есть, щепкин недоделанный... Ага, вот: «Во всё время разговора / Он стоял позадь забора»!

– Так я стою, дверь скрипит, – я ухватился за дверную ручку, петли скрипнули: в рамках театральных условностей дверной косяк был установлен прямо посреди сцены, – я вхожу!

– Дур-р-ра! – Виталя рычал как-то очень натурально, как будто именно он был «неведомой зверушкой». – Зачем возле забора останавливаются?

– Ну, устал, остановился отдохнуть...

– Ты действительно не понимаешь, или делаешь вид?

– Ты режиссер, тебе и книги в руки... – я решил не обострять ситуацию, а то Виталя как-то на взводе... Что это с ним? Всегда был таким интеллигентным, застенчивым... Как режиссером стал, совсем изменился. Вот что власть с человеком делает... Смешно: режиссер любительского студенческого спектакля по сказке Пушкина в честь очередного юбилея Тверской Академии, даже дата не круглая, а гонору, будто Большим Нижегородским театром руководит... Если б не прямой ректорский приказ...

– Подумай башкой – с какой стати именно «позадь забора», где его никто не видит?

– А что?

– Хватит придуриваться, Корнеев! Ширинку расстегивай и вперед!

– В каком смысле – вперед?

– Да посрать царь там остановился, посрать! Понял, пушкинист хренов? Так что доставай свое хозяйство и... пс-пс-пс! – вот этого не надо было ему говорить. Виталя вообще в последнее время сам не свой. Дорвался до власти и, похоже, слегка с катушек съехал, судя по его речи, отнюдь не напоминавшей речь преподавателя одного из немногих высших учебных заведений в Великоречье.

– Не буду!

– Чего-о? – в голосе Витале прорезались нотки какого-то садистического удовольствия, – Так и знал, что ты ханжа и трус! А чего тогда на семинаре вопил, что «реализм до сих пор самое перспективное направление в искусстве»? – Виталя довольно ловко передразнил меня, и я подумал, что в театре он вполне мог бы преуспеть, только не в качестве режиссера.

– Так то реализм, а то безобразие какое-то... Не буду на сцене мочиться, вам же потом весь спектакль нюхать... – я попытался свести все к шутке.

– Не надо прикрываться ложным гуманизмом, когда речь заходит о высшей правде искусства! – провозгласил Виталя, никак его на пафос потянуло... – А-а-а, вот они, голубушки, явились – не запылились!

На сцену из-за кулис гуськом вышли «три девицы», наряженные в солдатские телогрейки, огромные разноцветные рукавицы и просторнейшие шелковые сарафаны до пят, раздувшиеся парусами от быстрого шага. Ага, синий сарафан, желтый и красный. Отпад!

– Ой, простите, Виталий Олегович, в гримерке задержались: Паолу пудрили! – это самая бойкая и высокая из них, красавица Наташа. Наташа? Откуда я ее имя знаю? Ничего себе девица, только не надо было белиться так густо и румянец наводить такой свекольный. Перевел глаза на других и ахнул: эльфийки-то откуда? Одну покрасили в желтый цвет, с синими пятнами румянца, а другую в красный. Новое прочтение сказки Пушкина, чего ж вы хотите! Я поймал себя на мысли, что давно уже не видел нормального спектакля, без всяких там «новых прочтений». Чтобы, значит, без скабрёзных шуточек и глуповатого, философствующего персонажа – эльфа-извращенца. Но, видно, не судьба. Теперь вот эльфийки, и значит, наш гениальный Виталя будет разыгрывать карту лесбийской любви и ревности между разноцветными сестрами. Как оригинально!

Стоп, стоп, у последней «сестрицы» это не цвет грима, это действительно цвет кожи такой необычный. Накладной румянец у краснокожей был, наоборот, белого цвета, что, конечно же, логично, в свете всего этого сумасшествия. А бывают разве краснокожие эльфийки? С зубками, больше похожими на клыки?

– Где костюмер? Я спрашиваю, где костюмер??? – Виталя размахивал руками, цвет его рожки обогнал по насыщенности бордового кожу странной эльфийки и сравнялся с цветом румянца Наташи. – Какие были указания насчет сарафанов? На эскизах же ясно прорисовано, что на ладонь выше колена! Что за самостоятельность?? Нарушение трудовой дисциплины??? Так я ректору докладную напишу!

По поводу грима, однако, нет никаких замечаний со стороны режиссера. Так и задумывалось, вероятно. А сарафаны, действительно, какие-то не комильфо. Широкие слишком и некрасивые.

Виталя, подвывая, подбежал из глубины зала, оказавшись у ног бестолково толпящихся у самого края авансцены актрис, дернул одну из них за сарафан, та охнула, взмахнула руками и стала заваливаться на него. Отпихнув потерявшую равновесие девушку локтем, Виталя взялся обеими руками за подол ее сарафана, дернул..., дернул еще раз..., безобразно оскалился, надкусил край и только тогда с ужасающим треском сумел разорвать крепкую ткань. Подол, кстати, он почти полностью оторвал, обнажив острые коленки желтокожей эльфийки. Хм, коленки-то не желтые, а нормального цвета! Вообще-то после краснокожей всего ожидать можно было, но у этой... Очень-очень даже симпатичные коленки!

– Вот теперь порядок: строго по эскизам! А то из-за ваших подолов валенок не видно! – валенки, почему-то расшитые зелеными мартышками, должны были, наверное, символизировать... Что, интересно, они должны были символизировать?

– Следующий, сказал заведующий! – Виталя незаметно для меня обзавелся острейшими на вид когтями и зубищами. – Подходи по одному, всем подолы оборву, всем подолы заверну!

Он сунулся к краснокожей, но та вдруг, изящно присев, ухватила его под челюсть, дернула, и Виталя упал грудью на край сцены. Поворачивая кисть, девушка придержала голову режиссера и надавила коленом ему на шею. Раздался хруст, не оставляющий сомнений в том, что репетиция закончилась, и закончилась не как обычно.

Я бросился посмотреть, что там со сползающим на пол Виталей, прекрасно понимая, что если он еще не умер, так это дело ближайших секунд, когда краснокожая, не вставая с колена, крутанулась вокруг своей оси, подтягивая на себя подол сарафана и выпрямляя обнажившуюся стройную ножку в валенке. Меня ударило по икрам, пятки оторвались от пола, и я тяжело рухнул на доски сцены, ударившись сразу задницей, лопатками и затылком. Немедленно надо мной склонилось лицо краснокожей, и она в бешенстве прошипела: «А ты почему молчал, сволочь? При тебе Арквейн раздевают, а ты роток на замок, да на ляжки ее пялиться?»

Арквейн, Арквейн, женское, вроде, имя, эльфийское... Кто такая Арквейн? Имя

какое-то знакомое...

* * *

– Вляпался, гаденыш? – Виталья как ни в чем не бывало, живой и здоровый, сидел на широком подоконнике библиотеки Тверской Академии, привалившись к оконной раме и болтая ногами, – Прое. ал мои смарагдики? Не принесли они тебе счастья! А потому что на чужой беде счастья не построишь! Сколь веревочке не виться...

– А ты когда-нибудь спиной назад с третьего этажа падал? – потирая поясницу и ощупывая мерзко ноющий затылок, задал я встречный вопрос Стрекалову и придвинулся к оборотню вплотную. – Это я так, для продолжения разговора... Ашмай привет!

Но столкнуть Виталю вниз, чтобы он на своей шкуре изведal прелести приземления на пятую точку, мне не удалось. Рывок мой отнюдь не застал оборотня врасплох; злобно оскалившись, он мгновенно стал прозрачен, бестелесен, и я с разгону больно ударился голеноостопом о секцию батареи парового отопления.

* * *

Фэйри пнула меня по ноге второй раз, но я уже успел проснуться и среагировал на автомате: «подставка», как когда-то с Арквейн. Когда это было-то? Лет сто назад...

Паолу, впрочем, мое дерганье не впечатлило – даже не покачнулась. Но пальцы фэйри мгновенно сжали мое горло, сдавливая кадык. Быстро, очень быстро...

– Очухался? – тон, которым был задан вопрос, можно было бы считать доброжелательным, с поправкой, конечно, на рычащие нотки в голосе.

– Да, спасибо... – прохрипел я, усилием воли заставляя себя не дергаться. Я мог бы, даже со сна, попробовать провернуть несколько вариантов: ну, например, перехватить правой рукой кисть фэйри, сбивая ее с кадыка и одновременно прижимая к себе, а левой, совершив кругообразное движение, выломать локоть Паолы. Освобождение от захвата: основа основ обучения. Намертво вбитые в мышечную память движения... У меня даже ладони стали гореть: правая уже почти чувствовала тонкие пальцы девушки, а левая – ее острый локоток...

– Умный мальчик... – промурлыкала фэйри, снимая руку у меня с горла. Не дурак, это точно... И провалами в памяти не страдаю, если не пью... Помню, как сидящая напротив меня девушка оказалось с заточкой за спиной Семена. Возможно, ее сейчас и послали именно затем, чтобы я «ломанул»... И, задергавшись, увяз в этой паутине еще глубже... Только вот какой моментик: я и сам не раз пользовался тем, что меня не воспринимают всерьез. И такой очевидной ошибки я не допущу. А сон-то какой был – двухсерийный! Или двухъярусный?

* * *

После моего немудреного вопроса про «кармашек» и некоторого слегка нервического перестроения присутствующих лиц, когда Конкруд юркнул за спину Семену, лейтенант маркиза ломанулсЯ ко мне, а орк и фэйри синхронно обнажили клыки в недоверчивой ухмылке, все разъяснилось. Конечно, никакой гранаты с вырванной чекой в кармане у меня не было, и весь мой расчет строился на вполне понятном чувстве какой-то неестественности происходящего, охватившем меня с того момента, как я попал в замок к Конкруду.

Странные дела в этом замке творятся, но вот по части странностей я как раз большой специалист. Как, впрочем, почти любой эльф, даже если у него все с ориентацией нормально... Значит так: если позволить себя обыскивать, то все, найденное в моих карманах, будет воспринято как законный трофей. Поэтому надо проявить инициативу. Ситуацию это, скорее всего, не изменит. Но возможны нюансы. А нюансы, вот ведь какая

штука, в некоторых щекотливых делах имеют значение не меньшее, а то и большее, чем сама суть дела.

Конечно, когда лейтенант маркиза достал из моего кармана увесистый кошель со всеми моими козырями и разложил прямо на столе смарагды, золотую коробочку от «Крема», записную книжку Витали, которую тот называл Журналом эксперимента, тубус с векселем самого маркиза и прочие мелочи, я смотрел не на стол, а на Семена. Очень меня его реакция интересовала. При виде смарагдов этому продавцу полуэльфов явственно поплохело, и у меня затеплилась надежда на то, что господа коммерсанты при дележке трофеев не найдут общего языка. Закон парного случая в действии – вот что мне нужно. Была же у меня проблема с Арквейн: никак поделить трофеи, с алху взятые, не могли. Значит и здесь можно будет замутить...

Впрочем, губу мне закатали обратно быстро и сноровисто: все тот же мажордом вывел меня из зала, привел в какой-то закуток, больше похожий на шкаф, чем на камеру, и, ударом под коленку заставив осесть на пол, удалился. Надеюсь, именно ему придется убирать мою блевотину в зале. Пустячок, а настроение поднимает. И еще кое-что поднимает настроение: в подвал меня не отвели. Не люблю камер в подвалах, без окон и сырых... Так что еще пошуршим...

С этими благодными мыслями я попытался просунуть задницу между скрученных рук. Хорошо, что паутина – «природный» материал, она все-таки чуть-чуть растягивается. Никогда бы не подумал, что у почти что эльфа, соответствующего роста и веса, может быть такая здоровенная жопа. Сам себе я всегда казался стройным, хм-хм, астеником. Многие называли меня, хм-хм, дистрофиком. Промучившись минут пять, едва не выдирая руки из плеч, я все-таки перевел руки из-за спины под колени. Фууу! Теперь ноги, одну за другой, – все! Хоть рассмотрю паутину, пока есть время... В камере было темно, поэтому идею рассмотреть все в подробностях я оставил. Ну, паутина, мутно-белая, как та, которой детеныш паучка захомутал кролика. Липкая, но уже начинающая подсыхать дрянь.

Все-таки процедура обыска у Конкруд был поставлена куда хуже, чем в той же ярославской контрразведке. Изогнувшись, я сумел добраться большим пальцем правой руки до закрепленной на обратной стороне пояса стальной струны. Дальше все было просто. Снять сапог, носок, закрепить за большой палец ноги одно кольцо на конце струны, перекинуть струну через нить паутины. Скоро все было кончено. Паутина лопнула с тонким стеклянным звоном, обвисла, я с гадливостью сорвал ее остатки с рук. Размял кисти, спрятал струну на место, привалился к стене и задремал: приложили меня неслабо, хорошо бы «заспать» травму. Надо будет, разбудят... И хорошо бы, это был мажордом...

* * *

Вот и разбудили. Ла. Разбудила, фэйри разбудила. Жаль. Ладно, послушаем, как маркиз выражается, послушаем, что она скажет!

– Пойдем, дурила, Конкруд зовет...

Немного. Понятно, что Конкруд зовет, не по своей же инициативе она тут меня конвоирует. Выходя из камеры, я попытался оглядеться по сторонам. Фэйри не препятствовала, но особо нагнать я и не пытался: слишком очевидно было, чем такая попытка закончится.

Моя клетушка и по размерам, и по расположению – в нише, точно, напоминала шкаф, иначе этот закуток и не назовешь. Или даже сейф, учитывая толщину двери. Сюда хорошо на месячишко засунуть, а на выходе топор в руки дать: прямо инкубатор для Раскольниковых. Старушки в ужасе разбегаются... Зачем, вообще, в замке такие вот камеры? И что в подвале, если камеры на жилом этаже?

Фэйри ролью конвоира не тяготилась, потому, видимо, что всерьез ее не воспринимала. Руки не заламывала, банальности про «шаг вправо-влево, прыжок на месте» не говорила, не угрожала, даже не смотрела на меня... Не сказать, что я так уж требую внимания к своей

персоне, но «обычно, да?»... Что ж, попробуем установить контакт.

– Куда направляемся, прекрасная Фэйри? – осведомился я самым нейтральным тоном.

– На минус два, куда ж еще, – лениво ответила Паола.

– Минус два – это подвал? – похоже, кое-какие мои нехорошие предчувствия сейчас сбудутся. – А что у нас в подвале? – задал я вполне предсказуемый вопрос, оценив легкий кивок своей спутницы.

– Увидишь, тебе интересно будет, – тут фэйри слегка усмехнулась, – на минус первом, кстати, вампир содержится... ну, еще зверинец там.

– Зачем вам вампир??? – в голове сразу всплыли все известные мне истории про способы использования подвала аборигенскими властителями. Втолкнуть туда пленника и посмотреть, как его сжирает упырь, вампир или еще какая гадость и гнусь. Хорошее считалось развлечение, аристократическое. Чем гнуснее гадость и гадостнее гнусь, тем аристократичнее...

– Ну, мы у него третьего дня половину позвоночника вырезали, спинной мозг доставали... Весело было!

– Так он мертвый у вас тут или живой? – удивлению моему не было предела. Фэйри слегка ткнула кулачком мне в почку, но не утерпела: поболтать-то хочется, а, видать, не с кем. Не будешь же с орком разговоры разговаривать... С ним, как и с любым другим орком, можно только базары базарить...

– Живой вампир – это смешно, – фыркнула фэйри, – какой же он живой, если вампиры – нежить? По лестнице спускайся давай, да за стенку держись, – добавила она, заметив, как я чуть не кувыркнулся вниз, не заметив очередную ступеньку.

– Да, оксюморон получился, – согласился я с фэйри, восстановив равновесие, – а как его прикажешь называть? Целый? Так сама говоришь, что вы у него половину позвоночника вырезали, чтобы спинной мозг достать...

– Мы его называем объект номер восемь.

Опаньки! А кто же предыдущие семь? И я, значит, номер девять?..

– Сложно вампира ловить было?

– Да не знаю, не я ловила. Конкруд какую-то команду нанял, давно уже, много золота отсыпал...

– Подожди, так ведь вампиры со временем сильнее становятся! Не боитесь, что сил накопит, путы перегрызет и всех вас на куски порвет? Тебя, впрочем, оставит... – я заложил большие пальцы рук за пояс, всем своим видом показывая, что сейчас скажу комплимент... Ага, только дотянусь до колец на концах стальной струны, закрепленной с внутренней стороны пояса.

– Не боимся! – фэйри повернулась ко мне, и я увидел, как блестят в ее прелестном ротике зубки. Или клыки? – У нас теперь «однофунтовики» есть, и стреляем мы метко! – стволом неизвестно как оказавшегося в ее руке вороненого «аспида» фэйри ткнула мне под ребра, мягко намекая, что она все видит, – А почему меня в живых оставит?

Женщинам надо говорить комплименты. Особенно когда они на комплимент прямо-таки напрашиваются. Нарываются. Набрасываются на комплимент как на амбразуру. И все ради того, чтобы где-нибудь за чайком-кофейком-коньячком-водочкой похвастаться перед подругами: «А мне сегодня Корнеев полдня комплименты говорил! На колени падал, утверждал, что я самая пре-кра-стная, ныл, что он без меня не может!» И это после того, как я, например, говорил, что у девушки платье красивое, то есть самые избитые банальности. Или банальные избитости? Хм-хм, вот по поводу избитости: надо все-таки Паоле комплимент сказать, и плевать, что моя жизнь отчасти в ее руках.

– Тебя оставят, чтоб мучительно любить!

Короткая серия ударов по корпусу, завершившаяся небрежным движением согнутого указательного пальца, средней его фалангой, мне по носу, снизу вверх. Нормальный такой ответ, в стиле восточных школ.

– Ты чего, это ж комплимент!? – прохрипел я, когда ко мне вернулась возможность

дышать, а выступившие из носа кровь и сопли, а заодно и слезы были утерты рукавом свитера. – Любить и мучиться от неразделенной любви! – я изобразил ту самую неразделенную любовь, вытаращив глаза и повращав глазными яблоками, – А ты что подумала?

Спрашивать я постарался без всякой язвительности, но со всей возможной серьезностью.

– Комплиментчик! – вот тон фэйри вряд ли можно было назвать серьезным, – Жаль только, хлипенький какой-то... А вообще-то я тебя по-хорошему предупреждаю: будешь трындеть, до нижних уровней самостоятельно не дойдешь...

– Отворите мне темницу, / Дайте мне свободу дня!..

До черногривого коня с девицей я не дочитал. Просто не успел. Затрещина, которую я получил от фэйри, бросила меня на пол, так что я едва успел подставить руки, чтобы окончательно не разбить рожу о каменный пол. Ну и девица – ощущение, будто лошадь лягнула! Что ж меня все дамы бьют последнее время? Еще немного, и у меня комплексы нехорошие разовьются... Последние слова я, кажется, проговорил вслух, потому что фэйри засмеялась. Надо мной, понятное дело... Что ж, рассмешить девушку – значит наполовину соблазнить ее. В голове уже начал потихоньку вырисовываться сценарий вроде «Кавказского пленника», когда молодая черкешенка влюбляется в русского пленника...

А то, что фэйри дерется, так это ерунда. Любая женщина, по крайней мере, из тех, с кем я был знаком, даже самый невинный комплимент незнакомого мужчины воспримет в штыки, не знаю уж, почему. Привычки нет?

За всеми этими мыслями я и не заметил, как мы спустились к основанию башни, а затем, через ту самую дверь, которую я оценил еще на входе в замок, зашли в подвал и начали спускаться на нижние уровни. Минус первый, тот, что с вампиром, мы пролетели быстро, к минус второму приблизились галопом. Фэйри едва не скакала по ступенькам, и я никак не мог решить, то ли она от природы такая прыгучая, то ли посчитала наш короткий разговор задержкой в пути, за которую может нагореть от начальства. Я усердно гнал от себя простую и здравую мысль, что фэйри ускорила лишь оттого, что я попросту ей неинтересен.

Впрочем, насчет своей «хлипкости» я не заморачивался: примерно так, если не хуже, меня во времена оны оценила некая разбитная девица из пришлых, «академик», причем такая уничижительная оценка не помешала этой же девице немедленно сделать мне предложение сожительства с ней. К счастью, это предложение было не из тех, от которых нельзя отказаться. Я и отказался, но не из-за гордыни, а от некоего обалдения: в голове никак не умещалось, что стопроцентная женщина-«пришлая» может легко «совместить» критический взгляд на мужчину, трезвый расчет его карьерных и прочих возможностей, несколько даже циничный, с готовностью безрассудно жертвовать собой, особенно когда этой жертвы никто не требует. И все это сдобривается розовыми соплями, бурными страстями, приличествующими полудиким жителям Оркской косы и кристально-четким планом ближайших действий, не пятилетки даже, а всей жизни, планом, исключаящим даже намек на романтику...

А вот и дверка на «минус два», по выражению прекрасной Паолы. На минус три, скорее всего, морг – не верю я, что дилетант, даже с возможностями аборигенского владельца, может успешно решать задачи, которые не в состоянии решить профессионалы из Тверской Академии и других вузов Великоречья. А результаты неудачных экспериментов должны же где-то храниться...

* * *

Белый кафель, довольно яркий свет, но не электрический, а слегка оранжеватый, от магических светильников, длинные столы, закрытые простынями, стеклянные шкафы с инструментами, наподобие тех, что стоят в зубо-врачебных кабинетах пришлых, тигли,

немаленькая печь, автоклав, провода и шеренга стоек для капельниц – все это говорило о том, что на минус два у Конкруда лаборатория, совмещенная с операционной.

Но привлекал внимание, конечно, стоящий в центре комнаты высокий стол, к которому был на совесть прикручен мертвый худой серокожий человек. Абориген.

И еще в воздухе почему-то стоял ощутимый запах дерьма. И не моего. Кто-то от ужаса обоссался? Мне тоже страшно. Штаны, что ли, пощупать?

Я подошел к столу, прикрывая глаза от яркого света ладонью, тем более, что рядом сидели на стульях Семен, Конкруд и маг. Договорились, значит, да кто бы сомневался...

– Что же ты, скотина... – начал Семен, но Конкруд прервал его неожиданно «добрым» голосом:

– Зачем же все три камня портить, молодой человек? Это ведь расточительство в чистом виде!

– По мне, лучше расточительство, чем жлобство! – буркнул я тоже «добрым» голосом, еще и улыбаясь.

Конкруд побледнел так стремительно, что я даже удивился, а лежавший на столе мертвец вдруг зашелся сухим тихим кашлем или, скорее, смехом. Я аж назад отпрыгнул от неожиданности. А! это ж вампир с минус первого! Совсем сдал, бедолага. Здесь ему не тут, как военные выражаются. Не пожирешь на чужой кровушке.

– Я очень бы хотел провести с тобой пару-тройку экспериментов, а потом подбросить монетку и разыграть: на корм умруну ты отправишься, или мои паучки тобою полакомятся! – Конкруд был действительно зол, и я несколько запоздало сообразил, что «жлобство» он принял на свой счет. Ну конечно, паучков местных «жлобами» называют, вряд ли это название прошло мимо ушей владельца! Завершить логическую цепочку, учитывая своеобразный герб маркиза, было проще простого. Вот ведь незадача! Не объяснять же Конкруду, что я жадность имел в виду, жадность, причем безо всяких намеков на конкретные личности... – Но Рино убедил меня, что убивать тебя будет еще большим расточительством!

Сидящий рядом с Конкрудом маг только кивнул, не спуская с меня пристального взгляда небольших каре-зеленых глазок. Интересно, он же вообще пока ни слова не произнес. Немой?

– Но проверить действенность кровавых смарагдов все равно не мешает! – высказался маркиз вполне равнодушным тоном, словно речь шла о рутинной проверке оборудования. Проверяйте, собаки...

– Поразительно, как тебе это удалось! Сколько факторов совпало! Кто же знал, что для активации смарагда нужен полукровка с эльфийской кровью и кровью пришлых?! Все источники утверждали, что либо вампир, либо оборотень!!! А тут... – Конкруд махнул рукой, в мою сторону махнул, будто я на «газоне» через его замок переехал, а он этот замок весь день из песочка строил, ровиком окапывал, из щепочки подъемный мост делал, из спичечки флагшток...

– И ни капли ведь магического таланта, только букет невнятных эмоций, в котором преобладающим элементом будет ДУРОСТЬ! – Конкруд все кипел, но мне не совсем было понятно, чего он так заводится.

– Ну вот ты, Рино, мог предположить, что активация кровавых смарагдов зависит и от эмоционального состояния их хранителя? – на вопрос маркиза Рино только покачал головой с самым понурым видом. – Ты понимаешь, что мы не сможем повторить инициацию, даже если найдем еще смарагды?.. Что тесты показали?

– Тесты провалились, – отрапортовал Рино слегка гнусавым голосом, показавшимся мне в тот момент прекрасным и мелодичным, – все как один! Показывают невероятное! На оборотничество реакцию дают, на магию – дают, а один, – тут Рино хихикнул, – на вампира и на женщину одновременно, причем женщина – не вампириша.

– Не может быть такого! – воскликнул потрясенный Семен, но Рино смотрел не на него, а на Конкруда.

– Может, этот, – тут маркиз некультурно показал на меня пальцем, – эмпат?

Дождавшись отрицательного ответа мага, Конкруд продолжил, напряженно о чем-то размышляя:

– В карманах-то его сам черт ногу сломит!.. Что у тебя в штанах было, кроме того барахла, что мы изъяли? Липкое, коричневатое?

Хотел было я предложить Конкруду подумать самостоятельно, что может быть в штанах липким и коричневатым, но подхалим Рино немедленно ответил, быстро выговаривая слова, чуть не плюясь ими:

– Удалось выяснить путем химической реакции! Шоколад! Несъедобен! В смысле, срок годности давно прошел!

Точно! Конфета «Гуливер» у меня там была! Года два как! За подкладку кармана залетела, наверное, а и раздавилась где-нибудь в пути! Это что же получается? «Крем», тетрадь Витали, смарагды и... старая шоколадная конфета, размоленная в труху? Все вместе – катализаторы для активации кровавых смарагдов?

Только я успел это подумать, как сперва Рино, а потом Семен с маркизом произнесли эту версию вслух. Рино, правда, упирал на эмоциональную составляющую, Конкруд – на то, что я полукровка, а Семен – на мои умственные способности, в том ключе, что дуракам – счастье.

– Первый известный случай успешной активации кровавых смарагдов за последние восемьдесят лет, – печально произнес Конкруд, признавая свое поражение, – хоть как пользоваться камнями знаешь? – взвизгнул он, неожиданно сменив тональность. Интересно, с Локтевым они знакомы? Или маркиз обиделся на невнимание кровавых смарагдов к его персоне? Вот был у нас такой преподаватель в Академии, из старичков: задавая вопрос, он возвышал тон до такой степени, что все старались ответить как можно быстрее и правильнее, потому что у всех студентов было ощущение, что если ему не ответить, так он попросту взорвется! У его коллег, преподавателей, было то же ощущение, поэтому с ним никто никогда не спорил. Поразительно, но у этого старикана не было честолюбия. Ни на грамм. А мог бы дойти до степеней известных, с таким-то талантом. Парадокс...

У Конкруда, судя по артиллерийскому мундирчику, честолюбия хватило бы на всех преподавателей Тверской Академии.

– Нет, не знаю, – сокрушенно развел я руками, отвлекаясь от ненужных воспоминаний.

Конкруд и Рино прямо задохнулись от негодования, Семен посмотрел на меня куда как злобно, а безымянный умрун опять зашелестел и захоркал на своем прокрустовом ложе – смеялся так.

– Объясню, – гнусаво проговорил Рино, – сжимаешь камень в ладони, думаешь о противнике и его магической атаке, выставляешь камень в сторону противника так, чтобы он оказался между тобой и противником. Камень должен поглотить заклинание противника. Если бы ты был магом, смог бы произвести ответное магическое воздействие, используя поглощенную энергию... Да, при отсутствии результата, или если процесс поглощения враждебного заклятия прервался, нужно активировать смарагд заново и продолжить.

– Это как, заново? – спросил я, начиная уже потихоньку въезжать.

– Кровью, конечно, – фыркнул Рино, а лежащий на столе вампир заволновался и начал издавать какие-то чмокающие звуки.

– Скотина ты эдакая! Два патруля по три человека в Сеславине! Шестеро! Шестеро, блядь! Дочка Ванина! – «взорвавшийся» Семен осекся на мгновение, надеюсь, его сбило с толку неуместное соседство трех последних слов, но все-таки не выдержал, продолжил. – Надо было тебя сразу при встрече порешить! Недоглядел я, старый дурак!

Как это Семен мне Аристарха не вменил? И Свечникова? О! Еще по поводу Витали и алху посокрушаться можно! Рино порывался что-то сказать, но Конкруд потянул его за рукав, и тот замолчал, давая возможность Семену показать себя во всей красе.

Не сказать, кстати, что я испытывал триумф. Радости или там счастья тоже не испытывал. Злорадство – да, испытывал. Но Семена, несмотря на то что он меня Конкруд

продал, я в своих врагах не числил. Надо было бы, а вот нет на него злости, и все тут. А то, что он сокрушается так, вполне можно понять. Самокритичные высказывания вообще редкость, так что уважаю. Верно, он виноват, но немного не в том, в чем себя обвиняет... Да он почти всегда попадает пальцем в небо, а я даже позлорадствовать толком не могу. Сермяжная правда есть, скорее, в словах Конкруда: если бы я мог, то, действительно, покропил бы своей кровушкой не все камни, а один только, который поменьше, на девять, если не ошибаюсь, карат. Из чистой экономии. Да только выбора у меня особо не было, и виноват в этом как раз Семен. Так что пусть не плачется.

– Камни принадлежат Ярославлю! – продолжил Семен, отвернувшись от меня и глядя прямо в глаза Конкруду. – Этот клоун тоже теперь принадлежит Ярославлю, как бесплатное приложение к смарагдам! Ему теперь в штрафниках до смерти ходить! И мне, идиоту, тоже, с ним за компанию!

То, что Семен наслышан о камешках, меня не очень удивило. Как сказал еще в Сеславине пристав Иван Сергеевич, смарагды будут искать все службы Ярославля. А Семен, конечно, не частное лицо, да он это не очень и скрывает... Конкруд, впрочем, начал крикливо торговаться, выставляя себя в самом благоприятном свете, а Семена с Тимохиным – в самом невыгодном. Приплел и свою незыблемую репутацию при деловых сделках, и нарушение предварительных договоренностей со стороны Семена, и магические «непонятки» на пушках, и то, что у него отбирают полуэльфа, меня, то есть.

– Не знаю, маркиз, зачем вам «неправильный» полуэльф, из-за которого мне не дали поужинать, – усмехнулся Семен. – Я даже сочувствую вам, но ситуация несколько изменилась... Надеюсь, вы не будете ссориться с Афанасием Никифоровичем из-за такого пустяка, как полуэльф. Тем более, он вам не подходит, сами сказали...

Я хотел было ответить, но фэйри бесцеремонно схватила меня за воротник, дернула, и мне пришлось отойти от спорщиков, точнее, отлететь.

– Не мешай им, дурила, – промурлыкала фэйри мне на ухо, – глядишь, сухим из воды выйдешь. Конкруд – трус, а Семен за тебя подписывается, почему-то. Почему? Мне интересно!

Это «мне интересно» было сказано таким великолепным наивно-самодовольным тоном, что я чуть не расхохотался. Вот уж действительно – раз фэйри что-то интересно, так она уверена, что у всего мира нет иного выхода, кроме как удовлетворять ее любопытство.

– Так почему? – нетерпеливо спросила фэйри, нетерпеливо тряхнув гривой распущенных темно-русых волос, как чистокровная лошадь. Мне, если честно, хвостик больше нравится. С распущенными волосами какая-то она «демоническая»!

– Это потому, – проговорил я замогильным шепотом, – что я знаю самый страшный секрет Семена!

– Какой, какой секрет? – вот ведь женщины! Сколько бы лет не было этой полуэльфийке-полудемонице, как бы опытна и опасна она не была, женское любопытство ей свойственно в такой же степени, как и какой-нибудь пятнадцатилетней школьнице.

– Он страшно влюблен... в тебя! Я тоже! – будь тут все вояки женского полу, мне бы стоило попытаться захватить «замок» маркиза без оружия!

Фэйри, наверное, была другого мнения... Я не заметил, когда она нанесла мне удар в печень, но ножки у меня самопроизвольно подогнулись, и я рухнул на кафельный пол, выпучив глаза и хватая ртом вязкий, не пролезающий в глотку воздух.

– Ты зачем, мерзавец, такие вещи говоришь? Не верю, что Семен тебе все рассказал... Вызнал же откуда-то, шакалюга! Так и молчал бы в тряпочку! Знаешь ведь, какой у вампиров слух острый! – злобно прошипела девушка мне на ухо, косясь на прикрученного к столу умруна, снова зашедшегося в приступе то ли кашля, то ли смеха. – Сам-то когда втрескаться успел? Неужто «с первого взгляда»?

Дышать. Дышать. Дышать совершенно не хотелось. Хотелось то ли ржать, то ли плакать. Это ж надо, как все запущено! И какое самомнение! Впрочем, если фэйри – единственная женщина на всю «дружину» маркиза, то ее самомнение понятно. Даже если не

одна – тоже понятно. Что я вру, если бы во всей дружке Конкруда был только один мужчина, а остальные «должности» занимали длинноногие золотоволосые белокожие красотики, фэйри все равно была бы уверена, что этот единственный мужик влюблен исключительно в нее. А что, например, молчит и не признается – так это от стеснительности. Потому что фэйри – это фэйри!

Переговоры Семена и Конкруда тем временем подходили к концу. Это можно было заключить по множеству признаков, но главным было то, что маг, Рино, начал спешно чертить на клочке бумаги какие-то схемы, если зрение мне не изменяет, и предъявлять их поочередно Конкруду и Семену. Консенсус и взаимопонимание, выражаясь словами приснопамятного Витали Стрекалова. Я не сомневался, что в итоге победителем будет Семен. Конкруд, несомненно, не прожил бы столько, если бы не умел договариваться и идти на уступки. Вот, в глазах фэйри он трус. Почему? Женщинам, насколько я их понимаю, как-то проще бросаться такими обвинениями. Я бы не решился...

Что я знаю про Конкруда? Разложим по полочкам... Штаб маркиза состоит из людей, орка и фэйри. Это сразу бросается в глаза, это необычно, это может иметь сколько угодно объяснений. Но не означает ли это, что Конкруд опасается среди своих приближенных, например, заговора? Орку с фэйри и людьми почти невозможно вступить в сговор... Что еще известно? Любовь к показухе – один «мундир» чего стоит! Стремление прожить подольше, раскрыть, так сказать, секрет долголетия... Уверен, что «эксперименты» на минусовых этажах подчинены именно этой цели... Вампир, у которого вырезают позвоночник, но при этом опасаются, что он будет «стучать» Конкруду на своих вивисекторов, то есть атмосфера всеобщей подозрительности... Все по отдельности – чепуха, но вместе... фэйри не обычная тетка-домохозяйка, чтобы не принимать во внимание ее мнение. А если так, то против Семена у Конкруда нет шансов... Интересно, меня фэйри тоже как труса рассматривает? Все-таки то, что я камни к себе «привязал», во время ночного дежурства по пути в замок, можно по-разному оценить...

– Подведи... – Конкруд нетерпеливо махнул рукой, и фэйри подтащила меня поближе к спорщикам.

– Не могу я его отпустить, – огорченно проговорил Конкруд, обращаясь к Семену. – хотел бы, но не могу! Он лабораторию видел, разболтает...

– Конечно, видел, вы ж его для этого и привели, чтоб он все увидел... – ядовито ответил Семен, скаля зубы. – Об «отпустить» никто не говорит. А отдать его мне – придется. Что он болтать не будет, так то моя забота и ответственность...

– Ну, чтоб вам поспокойнее было, Рино заклятье наложит, – продолжил было подручный Тимохина, но осекся, вспомнив о камнях. Какое уж тут заклятие, высосут подчистую! – а если камни экранировать, и попытаться все-таки заклятие наложить?

– Проще этого убить и посмотреть, возможна повторная инициация смарагдов или нет... – Рино был настроен скептически. – Реакцию смарагдов можно выяснить только опытным путем. Это неделя работы, не меньше...

– Тороплюсь, – вздохнул Семен, – а то бы попробовали... Что вы там хотели от него – выполняйте, да нам собираться пора, с рассветом отправляемся.

Рассвет! Жаль, что из подвала его не увидать. Значит, всю ночь будут надо мной опыты ставить, а с рассветом отдадут Семену? Полуживого или полудохлого? Опытов над собой не хочется как-то. Такая вот причуда!

– Что ты щемишься? – насмешливо спросил меня Семен, вставая со стула и явно собираясь уходить. – Очко на минус? Ни-чо, живым оставят, а там оленем молодым поскачешь!

Конкруд скривился презрительно, а я только восхитился способностям Семена – командный тон старого солдата был рассчитан не только на меня, но и на Конкруда.

* * *

– Этого снимем, эльфа положим, или пусть на стульчике посидит? – спросил Рино у маркиза самым деловым тоном, когда шаги Семена затихли.

– С паршивой овцы хоть шерсти клок, – в задумчивости произнес Конкруд, игнорируя вопрос мага. Понятно: Рино хотел «переключить» маркиза, но не очень-то получилось, – стоило заставляя меня по лестницам карабкаться!

Голос у Конкруда был самый недовольный, и я вспомнил, как он тяжело всхлипывал, поднимаясь по лестнице, как останавливался «подышать»... Да... подвальная лестница – это не курорт, и чистого воздуха здесь не найти.

– Возьмем, как обычно, и отпустим? – вот этот вопрос мага иначе как провокационным я не могу назвать...

– Да, как обычно, триста пятьдесят. Ну ладно, четыреста, больше не надо – товар все равно порченный... – Конкруд скривился, а я задумался... Триста пятьдесят чего? миллилитров? Как при переливании? При переливании крови и пятьсот берут...

– Садись вот на стул, рукав закатывай, – Рино кивнул на стул, стоящий вплотную к закрытому белоснежной простыней столу, а затем, как фокусник, одним движением сдернул и саму простыню. Трубки, трубки, какой-то совершенно бесшумно работающий агрегат, равномерно толкающий поршни внутри, опять же, каких-то полупрозрачных трубок. Магические кристаллы, рукава экранированных шлейфов, колдовские руны... О! старый знакомый, паучок-жлоб! Точнее, чучелко паучка, или просто высушенная оболочка. Не таксидермист, не знаю. Уютненько так расположился под потолком, но с живым не спутаешь...

Неплохо, повторюсь, для захудалого маркизата! До лабораторий той же Тверской академии не дотягивает, вроде бы, но я в этом не шибко разбираюсь. Виталю бы сюда, не к ночи будь помянут...

– Отольем чуток сладкой кровушки на нужды науки, – Рино в своей лаборатории оказался куда как разговорчивым, – и смарагды найдем! Теперь хоть варианты есть, а то раньше как котята слепые!

Подготовил все для переливания крови маг, впрочем, довольно быстро. Чувствовался нешуточный опыт. Конкруд не мешал магу работать, сидел тихонько в стороне и даже не смотрел в мою сторону. Фэйри вообще любовалась маникюром на левой руке, но заметив мой взгляд, тихонько погрозила пальчиком. Что ж, разумному, то есть тому, кто разумом еще и пользоваться умеет, и этого довольно. Сапиенти сат, так сказать. Хотя идея разгромить подпольную, в прямом смысле, лабораторию Конкруда приходила мне в голову, сначала следовало задать пару вопросов.

– Это что за агрегат? – с любопытством спросил я, указывая на стоящую в углу машинку с головоломно переплетенными трубками, переливающимися никелем, чистым серебром и хрусталем. О! и золото есть, не пожалели ради науки. Продать такую на лом и всю жизнь работать не надо!

– Это наша гордость! Такого нет ни у кого! – маг просто раздувался от гордости. – Ни в каких Новых княжествах! Это аппарат совместимости! Группу крови может изменить, если нужно, главное, параметры точно настроить!

– Эликсир молодости делаете? – прямо спросил я мага, разворачивающего какой-то шланг.

– Пытаемся, – буркнул тот, ничуть не удивившись моей догадке, – умруна вот на периодическую таблицу Менделеева-Бэраха раскладываем...

– «Крем», случайно, не ваша продукция? – бухнул я напрямую. А чего стесняться? Молодость возвращает? Возвращает... Магическая составляющая есть? А как же... Только вот запах специфический, здесь не так пахнет... Ну, может они его в соседней комнате делают, а там вентиляция на пять с плюсом...

– Не болтай глупостей, – сурово оборвал меня Рино, беря мою руку и втыкая в вену длинную иглу, соединенную шлангом с неким агрегатом, настолько холодным, что его покрывала не только «роса», но и туманная дымка, вроде как от сухого льда, – кулаком

лучше поработай...

Я послушно несколько раз сжал и разжал пальцы, как вдруг дверь отворилась, и в лабораторию влетел Семен с вытаращенными глазами. Увидев наш мирный союз во имя науки, он гулко сглотнул, подошел к нам с магом и сказал, отвечая на невысказанный вопрос Конкруда и Рино:

– Что-то долго вы, я уж волноваться начал... От этого ведь, – тут Семен кивнул на меня, пробуя на прочность фиксаж моего предплечья, – всего можно ожидать!

Ух ты, он тоже старый анекдот знает! И вообще, приятно, когда тебя ценят... Вовремя Семен подсуелся, я как раз собирался выдернуть руку из ремней, вырвать иглу у себя из вены и плеснуть кровью на тихо лежащего на столе вампира. Метра три всего, безделица. А то, затылком чую, извелся болезный, пытаюсь порвать путы. Чем это его так прикрутили? Неужто все той же паутиной? А вдруг порвет после допинга?

Впрочем, все эти варианты перекрывались доводами рассудка. Пока перекрывались...

– А ты, Семен, знаешь, кто «Крем» делает? Не твои ли друзья, которые из меня последнюю кровь выпили?

– Не бойсь, Петя, кровь мы тут все сдавали. В качестве ответной услуги за гостеприимство...

– Что, все ребята? И ты сам, и Леха-фермер?

– Все, – подтвердил Семен.

– Какое благородство! – немедленно включился Конкруд, – со мной, значит, можно не церемониться, а какого-то паршивого полуэльфа надо утешать, как малого ребенка?

– Полуэльф, по крайней мере, не дерется! – резонно, но несколько не в тему, на мой взгляд, ответил Семен, – и вот что, маркиз, векселек пожалуйста! Где камни, там и вексель... Да и тубус старинный, дорогой... антиквариат! Знаете же, спросят с меня...

Вот теперь я точно убедился, что Семен откуда-то из «конторы», или как там пришлые называют такие ведомства. Там, где они чувствуют силу, они совершенно не церемонятся. И только они могут работать так грубо, быть такими жадными, отталкивать потенциальных союзников, исключительно по глупости плодить врагов и недовольных, да еще похвалиться своим барскими замашками.

Конкруд аж как-то по бабьи сплеснул руками – от такой наглости. Я бы на месте маркиза поинтересовался, не дать ли Семену ключ от квартиры, где деньги лежат. Но Конкруд свой замок с квартирой равнять не станет. Не по чину ему.

– Странные у вас с Тимохиным предпочтения, – скривился маркиз, то ли решив огрызнуться напоследок, то ли завершая неизвестный мне спор с Семеном, – но если дадите мне котенка манула, я все прощу...

Котенок-охранник для маркиза, интересно, бальзам на его истерзанную страхами душу, или дрова в костер его тщеславия? Тут важно не ошибиться...

– Котятя нонче дороги, – ответил Семен шутливо, но мне показалось, что он слегка смущен. – Я замолвлю словечко!

– Может ваш умрун знает, кто «Кремом» занимается? – я решил донимать вопросами Рино, все равно он без дела стоит. – Глядишь, и вы бы что интересного для себя узнали, по части технологий.

Рино лишь досадливо поморщился, но Конкруд опять влез, и на этот раз, как мне показалось, не без удовольствия. Ответ Семена, похоже, его устроил.

– «Крем» этот, действительно, занятная штука! Но он только на женщин действует! Не пойму я гуляйпольских! Выгода же у них всегда на первом месте стояла, и вдруг они по половому признаку начали наркотики делать! Прямой убыток!

– Так это гуляй-польские? – решил уточнить я у маркиза, и как раз процедура выкачки крови закончилась, Рино бинтовать мне руку начал. Жаль, теперь Конкруд может потерять интерес к разговору...

– Запомни, мальчик, все наркотики делают в Гуляйполе! И, как ты говоришь, технологии? да, технологии там все отработаны.

Слово «технологии» Конкруд произносил чуть не по слогам, с заметным пиететом. Маг нахмурился и с чего-то решил перехватить инициативу.

– Технология «Крема» довольно сложна, как я понимаю, – быстро проговорил Рино. – И главное, чтобы приготовить небольшую порцию наркотика, нужно затратить огромное количество Силы. Такое количество, что я не могу представить себе колдуна, тратящего Силу так беспечно! Такой колдун и так должен бы как сыр в масле кататься, зачем ему «Крем» какой-то делать?

– Главное не Сила, а именно технология! – Конкруд воздел вверх указующий перст, и стало понятно, хотя бы по гримасе Рино, что без лекции не обойдется. Я ж говорил, профессор!

– Сила пришлых – в технологиях! Точнее, в технологическом мышлении... Пришлые изменили этот мир безвозвратно... – Конкруда тянуло поучать. Боевой старичок, что и говорить. – Дело не только в огнестрельном оружии и автомобилях. Дело в мышлении. До того, как появились пришлые, ремесленник занимался своим ремеслом, крестьянин работал на земле, купец – торговал, воин – воевал, дворянин – правил. И все были при деле, все были довольны своей судьбой, нет, не так – никто не мыслил себе другой судьбы. А пришлые появились – все смешалось! Дворяне торгуют, и не зазорно им! Купцы покупают себе гербы и родословную, мастера идут в солдаты, крестьяне становятся купцами!

Самое главное, пришлые показали нам, что такое технократическое мышление! Вы показали нам, – Конкруд перешел на обличительный тон, в его глазах я олицетворял всех пришлых, – что можно добиться практически всего, верно подбирая средства и выстраивая технологическую цепочку! Непреступный замок? Из штурмовой артиллерии его! Сильный маг? Из снайперки его, да с глушителем! Правитель? Сбросить на его замок бочку с напалмом! С дирижабля!!! Воин? Посадить его за один стол с простолудином!

Что стало с честными солдатами? Вместо мундира, которым можно гордиться, заляпанный грязью камуфляж, сам похожий на грязь. Вместо блестящего караула или конной лавы – переползание на брюхе от ямки к ямке, вместо доблести – занятия по тактике. А пулеметы??? Это же ужас, что такое!

– Испугал ежа голым задом! – зевнул Семен. – Минометный огонь, вот это, действительно, жопа!

– Ошибка пришлых в том, что они породили моральных уродов! – отмахнувшись от Семена, продолжил Конкруд. – Половинчиков! Пограничников! Вот эта секта новая – Орден Приграничья – что делает? Уже и церберы у них на службе, призывают и приручают, а то, что этим расширяется дырка, через которую в наш план демоны всех мастей лезут – им все равно!

Я морщился от логических нестыковок и неудачного пересказа старинной повестушки Уильяма Голдинга, писателя из пришлых, в исполнении маркиза, но слушал с интересом. Про Орден Пограничья я слышал когда-то, но ни целей, ни смысла его существования так и не уяснил...

– Пришлые сделали из нас всех таких людей, которые ни во что не верят! Верят только в технологии! Так и вампиры для нас скоро образцом для подражания станут, а потом и с личами союзные договоры подпишем! Если раньше надо было обладать особым складом характера, чтобы добровольно впустить в себя демона, то сегодня – ерунда! Вздор! Никто и не сомневается! Это же просто технологическая цепочка такая: впускаешь в себя демона, и на основе долговременного взаимовыгодного сотрудничества становишься нежитью! Добиваешься своих целей, становишься младшим партнером – тьфу! – какого-нибудь купца Баранова! Все равно, что торговый контракт заключить! Вот дождетесь: будут на вашу голову не один лич на эпоху, а по десять штук!

– А пускай, – согласился Семен, вяло пережевывая какой-то зеленый фрукт, вроде авокадо, выуженный из шкафчика с бутылками, – пережрут друг друга, как пауки в банке!

– Нет в тебе, Семен, государственного мышления, – переключился вдруг «на личности» этот «отец народа», – так и будешь весь свой недолгий век на посылках бегать... А мне не

все равно, что с миром будет! Мне здесь жить еще!

Семен ничего не сказал, но посмотрел скептически, и Конкруд, вскипев, разарзился еще одной тирадой:

– А что? Я не хочу умирать... Веришь, нет, у меня душа молодая. И чувствую я себя лет на двадцать пять! Как не жил! Только по лестницам подниматься тяжело...

– Лифт заведите, или хоть корзину с лебедкой...

– Болтаться в корзине не к лицу дворянину! – наставительно проговорил Конкруд. – в корзине на кухне картошку поднимают, а объедки вниз спускают!.. Всегда было так: эльфы бессмертны, если их не убить, гномы живут лет по пятьсот, еще есть расы долгожителей, вроде тифлингов – и это предопределено! Но вы, пришлые, все изменили! И я задумался – не может быть, чтобы не было технических средств к достижению бессмертия, раз уж оно возможно!.. Взять хоть вампира – по сути, это мертвое тело. Но оно функционирует, и оно бессмертно. Само тело не живет, и как только вампир оказывается повержен, тело рассыпается в прах. Но как действует это тело? Вот он – тот вопрос, который я никогда бы не задал себе, если бы не вы, пришлые! Вампир не дышит, легкие его не работают. Но обмен веществ происходит. Самое сложное – сердце. Оно бьется, трудится, качает кровь. Кровь у вампира циркулирует, и вампирами-то становятся те, кому вампир даст выпить своей крови. Теперь... Вампир не чувствует вкуса пищи, но регулярно ест – чтобы не ослабнуть с голода. Значит, желудок работает, желудок вырабатывает какое-то вещество, которое заставляет пищу усваиваться... Пища питает тело, химические реакции в теле происходят... Надо только выяснить, какие! И катализатором для обмена веществ является кровь. Больше крови – лучше обмен веществ, больше вкуса к жизни! А если кровь нескольких людей – так вампиры вообще с ума сходят! Им кажется, что они рукой схватят луну с неба, мыслью заставят остановиться время, одним пальцем пробьют броню «виверны», зубами поймут пулю...

– Тут их охотники и валят! – заметил я, чтобы слегка остудить зарвавшегося маркиза.

– Вот это вещество – этот желудочный сок вампира меня очень заинтересовал! – Конкруд не умел слушать, или умел, но только себя. Сделать из вампира «собаку Павлова», истекающую желудочным соком – идея оригинальная, хотя, на мой вкус, дурная.

– Мне кажется, слишком велик риск стать вампиром! – Семен все же решил поучаствовать в дискуссии.

– А вот этого надо избежать любой ценой... – Конкруд благосклонно взглянул на полручного Тимохина, – Ты прав, нельзя напрямую использовать желудочный сок вампира. Надо его перегнать. И использовать такую основу для перегонки, чтобы его свойства, дарующие вечную жизнь, сохранились. Для этого лучше всего подойдет кровь не человека, а такого существа, которое живет вечно, но вампиром не является... Эльфы подходят. Экспериментальным путем удалось выяснить, что кровь эльфов не годится для перегонки по множеству причин. А вот кровь полуэльфа... Ну, что ж, ты, кажется, уяснил суть нашего эксперимента.

Ну, что ж, экспериментаторы вы мои, щаз я вам как научный консультант и подопытный кролик в одном лице:

– Идейку вам, маркиз, подкину, так сказать, из научной солидарности: в теле вампира из жидкостей есть не только желудочный сок, есть и суставная жидкость...

– Синовиальная... – поправил меня маг, который, как выяснилось, внимательно слушал излияния Конкруда, – думали уже об этом, но там одна из составляющих – кровяная плазма, так что риск стать умруном слишком велик...

– Вот-вот, синовиальная, – улыбнулся я ободряюще, – но самое главное, конечно, в организме вампира есть урина! Вы, Конкруд, мочу вампирскую пробовали? Уринотерапия для Вас – самое то!

* * *

– Тубус твой – довольно интересная вещь. Примерно сто – сто пятьдесят лет до Пересечения Сфер! – это Конкруд про тубус, в который был закатан вексель самого маркиза. – Посиди минутку, эльф! Пойдем, Семен, я тебе такое покажу!..

Сидеть одному в комнате было скучно. Вид из окна я уже успел оценить, действительно, неплохой и с эстетической и со стратегической точки зрения.

Осторожно, чуть не на цыпочках, я пробрался к лестнице, дверь не заперта, этим надо воспользоваться! Стрелой спустился на минус второй. Что тут с дверями, вообще? Тоже открыта!

Есть тут один, так сказать, потенциальный источник информации...

Вампир так и лежал, прикрученный к столу, как я его оставил полчаса назад. Приподняв простыню с ближайшего стола и пошарив глазами по разложенным на стеклянной столешнице инструментам, я без особого удивления усмотрел осиновый колышек и осиновый же молоток-киянку. Они лежали поближе к вампиру, чтобы, значит, помнил...

– Слышь, болезный, кто «Крем» делает?

Я наклонился над прикрученным к столу вампиром с целью пополнить образование.

Умрун рассматривал меня своими потухшими глазами, но молчал, стеснялся, наверное... Я приложил осиновый кол к груди вампира, поднял киянку, тот закрыл глаза, ожидая удара. Удар последовал. Киянкой по груди, а осиновый колышек я заблаговременно убрал.

– Промахнулся, – с непритворным огорчением признал я. – Всегда промахиваюсь... Что дома по гвоздям, что теперь... Ну, хоть потренируюсь...

Несколько ударов во всю силу. Пару ребер я ему поломал, к гадалке не ходи... Вампиры чувствуют боль, может, не так, как люди, но чувствуют.

Во время экзекуции умрун не проронил ни звука, а у меня уже закончились «наработки». Пытать, все-таки, я не умею. Не то что покойный Аристарх...

– Я задам тебе всего несколько вопросов, – сказал я вампиру, – уверен, такие же задавал тебе Конкруд. Уверен, ты на них ответил... Не мог не ответить... И уверен, хотел бы отомстить...

При моих последних словах умрун лениво поднял правое веко и прошелестел:

– Отсюда поподробнее!

Есть! Месть – это святое! Вот ничего святого у нежити проклятой не осталось, а месть осталась. Говорят, остается еще любовь, но там столько условий должно совпасть, что просто труба!

– Так отвечай, голуба, кто «Крем» делает?

Если бы вампир мог смеяться, он бы расхохотался.

– Ты хоть представляешь, сколько я тут лежу? – спросил он, – Какой «Крем»? Я не знаю, кто сейчас в половине княжеств правит. Только и слышу, какой-то Владимир Красныч, Владимир Красныч!

– Кириллович, – автоматически поправил я умруна, удивляясь, – не годами же ты здесь лежишь? И почему у вас тут пахнет так?

– А ты под стол загляни! – вампир аж шипел от злости, паутина на его запястьях, ногах, шее, пояснице и груди опасно натянулась.

Я приподнял простыню, спускавшуюся почти до пола, посмотрел под днище стола и увидел стоящую прямо под столом парашу, к счастью пустую. Но запах-то, запах! В столе, соответственно, была вырезана дыра, чтобы умрун мог облегчаться лежа.

Вот это пытка! У меня аж волосы дыбом встали! Кто ж придумал такое! Да теперь мне умрун все тайны раскроет за самое великое изобретение человечества – рулон туалетной бумаги! Только где его взять-то?

Не успел я предложить нежити самую удачную в моей жизни сделку, даже видение короткое в голове промелькнуло, вот я бросаю рулон связанному вампиру на грудь, со словами «На, пользуйся!», как по лестнице быстрым ручейком зазвенели шаги, и в подвал

ворвалась фэйри с пистолетом в руке.

– Зачем ты это? – указала она стволом на так и зажатый в моей ладони осиновый колышек, – Положи на место, не балуйся!

Прям заботливая мамаша, увидевшая гусеницу в кулачке у малыша, играющего в песочнице.

– Хотел вот жизни дать вашему дохлику!

– Бросай все, и идем к маркизу, пока тебя не хватились... Не усугубляй... – тон у фэйри был вполне беззаботным, даже сочувственным.

Хотелось бы посмотреть на нее в другом настроении...

– Скажешь, где Ашмаи искать, помогу! – обратился я к вампиру.

– Ашмаи тебя сам найдет, не беспокойся! – умрун осклабился, и мне захотелось сделать ему что-нибудь приятное. Точнее, не только ему.

Я с размаху ткнул вампира колышком под шею, так, чтобы он лежал на нем, как на подушке, показал фэйри пустые ладони и улыбнулся. Со стороны это должно было выглядеть так, будто я проткнул умруна. Надо же, сам меня найдет! Побystрее бы, заждался уже...

Одним прыжком покрыть расстояние от лестницы до стола с пленником Конкруда мне бы не удалось. А вот фэйри легко преодолела это расстояние, изящно вписавшись между мной и вампиром. Выдернула колышек, посмотрела на меня укоризненно, заодно увернулась от дернувшего головой и клацнувшего зубами вампира, подставив ему под клыки деревяшку. Уж на что вялый был умрун, а взвыл во весь голос.

– Пойдем быстрее, шутник, – шуточка была так себе, но по взгляду фэйри я чувствовал, что понравилась...

* * *

Вино было разлито по чашам, но мажордома нигде, к счастью, не было.

– Впечатлен? А это не вся коллекция, между прочим! И еще оцени, Семен, если разбираешься! – маркиз прям предвкушал какое-то развлечение, развязывая завязки некоего продолговатого футляра.

На меня маркиз не обращал никакого внимания, благо, мы с фэйри успели заскочить в комнату за секунду до возвращения «приятелей».

– Пусть эльф сыграет и споет, тогда оценишь! – заявил Конкруд, поглаживая кончиками пальцев деку старинной эльфийской лютни, настоящего шедевра мастеров прошлой эпохи.

– Он не совсем эльф, может, и играть не умеет, – высказал свое мнение Семен, которому едва ли пошла впрок пол-литровая чаша вина, выхлебанная залихватски, одним глотком. Речные долины, вроде той, где обосновался Конкруд, обладают своим микроклиматом. На южных склонах холмов здесь даже виноград вызревает, так что рислинг здесь свой. И он может быть достаточно коварным, а то что-то у Семена вид слишком залихватский, словно не вина выпил, а подвиг совершил...

– Он эльф! – маркиз был непрекаем. – Это вы, пришлые, верите всему, что вам наплетут. Потому что вы на этой земле без году неделя! Вот и заладили, полуэльф, полуэльф! Он эльф-полукровка, а это еще гаже, чем если бы он был настоящим чистокровным эльфом! Только и умеет, что вино лакать, из лука стрелять да песни горланить! И всякими гадостями заниматься! И смотреть на него надо не как на человека с пятьюдесятью процентами эльфячей крови, а как на эльфа!

Что на такое ответить? Маркиз лицемерит, как всегда, ему и нужно-то, чтобы я настроил лютню и сыграл для того только, чтобы инструмент дольше сохранялся. Известно, если долго не играть на инструменте, то он портится начинает. Так что никакой романтики, голый прагматизм. Но про «гадости» он мощно задвинул! Я лишь покачал ушами – сперва правым, потом левым... Конкруд аж сплюнул. Семена такой поворот беседы заставил

задуматься, но думал он недолго.

– А пусть споет! Спой нам что-нибудь трогательное, Петя! Что-нибудь заветное, чтоб за душу брало!

«Меня схватили за бока два здоровенных паренька, / Играй, паскуда, пой, пока не удавили!» Было искушение пропеть им всю эту песню старого людского поэта, но настроения веселиться никакого...

– Обойдетесь...

* * *

Виталя был в черной мантии и смешной шляпе, с квадратным плоским верхом, выходящим за ее края. Типа поля шляпы пришили не к ее основанию, а наоборот, к верху шляпы, еще и кисточку на один из уголков квадрата привесили. Где-то я такие шляпы видел, не помню где... Кисточка все время падала Витале на лицо, и он сдувал ее в сторону, но она, согласно всем законам физики, всегда возвращалась на место.

– А теперь, тьфу-тьфу дамы и господа, тьфу-тьфу (это он так кисточку сдувает), с приветственным словом нашему новому, тьфу-тьфу почетному профессору Его Светлости маркизу Конкруду Арсайлскому выступит Член Совета тьфу-тьфу Попечителей Петр Андреевич Корнеев!

Вот это да! Когда это я членом совета попечителей стал? Поднялся, огляделся кругом. Конференц-зал Тверской Академии был полон, первые ряды слепили глаза шитьем парадных мундиров и бриллиантовыми украшениями дам, дальше располагались скромные костюмы преподавателей. Студенты сидели на галерее, их было довольно плохо видно из-за мощных прожекторов, бьющих на сцену.

– Когда я увидел маркиза Конкруда в первый раз, – начал я выстраивать риторический период, – я подумал, что имею дело со спятившим старикашкой...

Галерка грохнула от хохота, «начальство» на первых рядах застыло в недоумении, даже привычное «тьфу-тьфу» перестало раздаваться под правым ухом.

– Когда маркиз потребовал, чтобы я сдал кровь для его научных опытов по составлению эликсира молодости, – продолжил я, подняв руку, чтобы утихомирить беснующихся студиезов, – мне показалось, что шансы на успех его исследований крайне малы, а сам он ничем не отличается от вампира, которого постоянно препарирует в своем подвале, все в тех же благородных целях...

Что творилось на галерее, ни в сказке сказать... Даже среди первых рядов началось какое-то шевеление, и раздался долго сдерживаемый мелодичный смех.

«Наташа!» – с благодарностью подумал я и продолжил, завершая:

– И вот, здесь, в этом собрании ученых мужей я вижу Конкруда в третий, и надеюсь, последний раз!..

Договорить мне не дали. Виталя вместе с каким-то седоватым господином выводили меня со сцены под руки, ректор бежал сзади и все пытался в прыжке дать мне пинка по пятой точке, но неизменно путался в длинных полах своего одеяния, падал на Виталю, говорил «Простите!», получал возмущенное «тьфу-тьфу» в ответ, и снова устремлялся в погоню за мной...

* * *

Дверь моей камеры открылась резко и совершенно беззвучно. Только я уже не спал и даже знал, кто за дверью. Отдельной вентиляционной системы в камере-шкафе не предусматривалось, и я давно уже «принюхался» как к коридору, так и к самой башне маркиза. Странная башня, и запах странный. Ощущение, что на старинном фундаменте было построено что-то хоть и добротное, но чужеродное этому месту... Фэйри, неизвестно по каким причинам, предпочитала духи с очень резким ароматом, оставляющим у меня

ощущение энергии и, одновременно, тревоги. Хотя... почему неизвестно по каким причинам? Эти эмоции очень характерны для таких созданий...

Как ни странно, духи больше соответствовали своим букетом именно фундаменту, а не позднейшим надстройкам. То ли совпадение, то ли Конкруд сильно ошибается, считая, что знает причину, по которой фэйри согласилась стать его оружейником...

Дверь распахнулась, но в камеру никто не вошел. Только влетел какой-то ком, размером со старинное пушечное ядро, мягко ткнулся мне в лицо и распался, оказавшись моей одеждой. Спасибо, конечно, что не каблуком по лбу, но вот вкладывать белье в сапоги, а их заворачивать в свитер как-то нехорошо! Где ж она, трам-тарарам, женская аккуратность? Сама фэйри не зашла, постеснялась раздетого догола полуэльфа?

Конкруд в ответ на мою «научную консультацию» по поводу жидкостей в теле вампира, а также за непокорство и нежелание настраивать лютню приказал кинуть меня в камеру раздетым. Семен, не знаю уж по какой причине, не среагировал, словно впал в оцепенение. Не знаю, как другим узникам, а мне без одежды очень не понравилось. И холодно, и неприятно, и напрочь лишает уверенности в себе. Долгую жизнь прожил Конкруд, очень долгую, и ведь научился, зараза, определять, кого что цепляет. Почти уважаю...

Оделся я быстро, необъяснимая злость на фэйри придала ускорение. Вот кажется, на маркиза надо злиться, чего ж я на полудемоницу? Скользнул в открытую дверь и успел уловить мелькнувшую возле лестницы тень, призывно махнувшую рукой. Как это она так бесшумно проскочила такое расстояние? Ломанулся было за фэйри, но сразу остановился, снял сапоги и дальше побежал уже в носках. Теперь она заругает меня за то, что надевал сапоги – делал лишние телодвижения, и будет совершенно права... Злость усилилась, а это плохо.

Фэйри метнулась по лестнице вверх, я за ней, мы проскочили этаж Конкруда, этаж с оборудованными огневыми позициями, где устанавливались привезенные нами с Семеном «однофунтовики», железная отмазка для самой фэйри, случись чего, а затем по железным скобам забрались на «чердак» замка. Там, на небольшой площадке перед узким окном-бойницей, затянутой рыболовной сетью, нас уже ждал Семен, виновато косившийся то на Паолу, то на меня. Сволочи! Еще немного, и я наорал бы или на Семена, или на фэйри, или сам на себя. Взять себя в руки удалось только невероятным усилием воли.

Семен махнул мне рукой, начал что-то втолковывать, спешно обвязывая меня куском стропы и пытаясь сделать что-то вроде альпинистской «страховки». Еще бы шлем предложил... Я постарался не выказывать никакого удивления таким поворотом событий, только изо всех сил сжал зубы. Фэйри, не говоря ни слова, нырнула в темноту, причем, по ощущениям, заскочила наверх и так же быстро спрыгнула с какого-то помоста, таща за собой паука-жлоба потрясающих размеров, жлоба-патриарха. Паук, ходячее воплощение маразма у ракообразных и членистоногих, и рад был бы не упираться, но его восемь ног все никак не могли приспособиться к упругому шагу фэйри, и он падал бы каждый раз, если бы полудемоница не поддерживала его за загривок. Нет, не за загривок. За то место, где голова-грудь переходит в брюхо. За ним тянулась толстенная веревка, которую я сперва принял за поводок, и лишь потом сообразил, что и поводок, и сеть, закрывающая окно – все одна и та же паутина. «А если б у меня был паучок, то я б его водил гулять на па-ва-дочке!»

– Как прошло? – спросил Семен, вручая мне патронташ с кобурой, ножи и кистень. А мешок мой где?

– Без проблем, – белозубо усмехнулась фэйри, – другого варианта точно нет?

Мне как раз удалось распахнуть законное имущество по законным же местам, когда мотавший головой Семен протянул мне кошелек и до боли знакомый мешочек из бородавчатой кожи какого-то речного монстрика. Заглянув внутрь, я увидел там все три камня. С чего такая щедрость? Службист должен был бы «соломки подстелить», то есть хоть один камень себе оставить. Который побольше. Для отчета...

И коробочка от «Крема» здесь. И записная книжка Витали, чего я ее таскаю, все равно

расшифровать не могу... А «тарана» моего с СВД не было, и это уже к Паоле вопрос, раз она тут оружейник.

– Винтовка моя где? – почему-то шепотом спросил я Паолу, хотя заговорщики не стеснясь, говорили в полный голос.

– Вон чехлы, слева. побыстрее давай!

Я схватил длинный чехол – СВД, не иначе, сдернул с крюка короткий. Легкий слишком? Показалось, наверное... Фэйри достала откуда-то изогнутый ятаган, на лезвии которого мне почудились характерные для «дамасской» стали волны, рассекла паутину, закрывающую окно, и пинком отправила паука в долгий, но беззвучный полет. Вместо паука орал я, но тоже беззвучно, про себя.

Семен закрепил карабин моего снаряжения на той самой нити, отходящим от паутины. К моему стыду, мне только сейчас удалось сообразить, к чему велись все эти приготовления.

– Если он вверх полезет, пинай его по башке и продолжай движение! – Семену, похоже, самым решительным образом хочется заставить меня цепляться за паутинную нить и сломать шею. Веревки, что ли, нет обычной?

– Нить липкая, скользить не будет!

– Будет, будет, – успокаивающе пробубнил Семен, протягивая мне перчатки, и щедро поливая из небольшой бутылочки какой-то гадостью вроде кукурузного масла сам пучок нитей. Никак не могу назвать эту ерундовину тросом.

– Руками за карабин, ногами отталкиваешься! Зажмешь – едешь, отпустишь – останавливаешься! Пошел!

Вид из окна был впечатляющий! Контролировался довольно большой кусок реки, вплоть до ее изгиба, и практически вся речная долина. «Мой» остров, на котором стояла серая коробка форта, был виден прекрасно. Ну, Конкруд, ну, пфальцкий барон!

Перчатки велики...! Но, конечно, не только в этом была причина, что спуск прошел так себе. Один раз я даже стал беспомощно болтаться на зажатом карабине, прокручиваясь по оси, пока не догадался наступить на башку лезущего вверх по нити паука. Это помогло мне сориентироваться в пространстве, а паук сорвался и полетел вниз. Я за ним. Каждый раз, когда паук прекращал выпускать нить, цеплялся за стену замка, или «подтягивался» по нити, мой сапог оказывался у него на голове, я зажимал карабин, а потом продолжал движение, отпихиваясь от стены не только ногами, но и локтями, спиной, плечами и задницей. Всего-то стены было метров тридцать пять, да потом еще пятьдесят примерно скалистого берега. Там можно было опираться ногами на скальные выступы, пружинить от кустов и стволов небольших уродливых деревьев, вроде сосенок... Над водой поднимался пар, ощущение было, что я опускаюсь в облако, а из него попаду прямо в воду Свены. Это не могло не нервировать, но эта парочка, Семен и фэйри, довольно сильно рисковала, чтобы хотеть так вот запросто угробить несчастного полуэльфа. Да и камни бы Семен не отдал... Уже перед тем, как я «вошел» в дымку, меня пронзила догадка, что Семен мог подменить камни! А что? Я не ювелир, меня надуть плевое дело. Подменить камушки, убить полуэльфа, а чтобы потом, при вызове духа невинно убиенного, выяснить... Слишком сложно, да и засветились они... Нет, накручиваю себя, накручиваю. С этими мыслями я снова пнул настырно лезущего вверх по скале паука – уйди, мерзкое животное! – и погрузился в туман, укрывающий Свену.

Впрочем, в реку я, в отличие от паука, не попал. Удалось приземлиться на пологий участок скалы, размерами с кухонный стол, скользкий от влаги и тумана, как раз над обрывом, вертикально уходящим в воду. Да тут тропинка! Хорошо, что рассвет уже... В ледоход и по ранней весне эту тропинку, несомненно, заливало водой, но сейчас она была отчетливо видна. Из окон замка ее заметить невозможно, кусты и прочая растительность прикрывают, с другого берега Свены?.. Сомнительно... Входит эта тропинка в оборонительные сооружения замка или нет? И какие диверсанты ее протоптали? Выяснять не время, надо просто довериться интуиции и бежать быстрее. Конкруд далеко не молод, а у стариков бессонница – обычное дело. Нехорошо получится, если он меня заметит, из

окошка, например.

Тропинка огибала замок маркиза и выходила на дорогу, ведущую вдоль реки. Что ж, прогуляемся по дороге, русло реки, тем более, довольно прихотливое. Снайперу нужно примерно три секунды, чтобы прицелиться, так что двигаться буду небольшими рывками от укрытия к укрытию, благо, прибрежных валунов, кустов и деревьев предостаточно. И еще – нужно проследить, чтобы с острова, который, по идее, почти что в моей собственности, меня же и не подстрелили.

* * *

По холодку я отмахал километра два, теперь снайперов можно не опасаться. Бегом, бегом, на шаг не переходить! Пешедралом до Гуляй-поля я не дойду, схарчат по дороге. И не обязательно звери, да нечисть с нежитью. Есть еще хищник, поопаснее. Человек называется. Но надо надеяться, что дорога приведет туда, куда обычно ведут дороги – в населенный пункт с крепкими стенами, трактиром и возможностью набиться в попутчики к торговой колонне. А с Конкруда станется погоню пустить по моему следу. И придет она как раз туда, куда я и собираюсь – дорога-то одна!

С дороги поэтому надо через километрика два-три уходить... Да оружие надо расчехлить, а то к бою только «чекан» готов.

Все-таки сидение в маленькой камере хотя бы несколько часов как-то угнетающе действует на разум – подсознательное желание вырваться из каменного мешка, пробежаться, почувствовать рвущий одежду ветер совершенно вытесняет всякое чувство самосохранения. Никакого расчета, одни эмоции... Неудивительно, что большинство спонтанных побегов из мест заключения заканчиваются полным провалом. СВД я повесил на грудь, а вот с застежкой от чехла «тарана» пришлось помучаться. Странно, но при слабом свете занимающегося утра я отчетливо видел, что это не мой чехол! Похож, но не мой. Это вообще какой-то неправильный чехол, не от ружья! Рванув тугую застежку, я вытащил на свет...эльфийскую лютню, ту самую, сыграть на которой меня так просил Конкруд. Ах ты ж зараза! Это я о фэйри. Весьма, весьма своеобразное у дамочки чувство юмора! Я оценил. Выругавшись для порядку, я огляделся, и сразу заметил то, что нужно – большую вербу, раскинувшую свои ветви так широко, что они нависали над рекой. Чуть поодаль были и другие вербы. Присел на минутку спиной к стволу... Реки, реки, велико-реки. Вербы, растущие по берегам. Ну и всякие, сидящие под вербами, полуэльфы, например.

Что ж... Застегнув чехол самым тщательным образом, я повесил лютню на одну из ветвей вербы. Спрятал, так сказать. Кому нужно – найдет...

Глава 8, в которой герой узнает, что картина мира не всеми разумными видится одинаково

Пробежав еще пару километров, я решил, что дальше по дороге не пойду, тем более, что вон тоже какая-то тропинка, не слишком уж хоженная, нарисовалась. Ведет она вглубь треугольника, образованного изгибом Свены и Велагой, то есть примерно туда, куда мне нужно... Это если не учитывать коварства большинства лесных тропинок, обычно изгибающихся под самыми немыслимыми углами. По лесу разумные ходят не напрямик. Напрямик – никакого здоровья не хватит...

Через триста метров я и в самом деле пожалел о своей затее свернуть на эту тропу, потому что она совершенно терялась в колючем кустарнике, среди высокой травы и в нагромождении разноцветных гранитных валунов, многие из которых имели столь правильную форму, что я даже пару раз останавливался и начинал вертеть головой, пытаюсь сообразить, не было ли здесь каких-нибудь развалин... Но никакой геометрии не наблюдалось. Переносом их сюда занесло, ледник ли прошел, дело ясное, что дело темное. Если фундамент замка Конкруда сохранил свой запах, то от этих валунов ничем кроме

сырости не пахло. Разве что мхом...

Ладно, дальше. Вдоль валунов я двигался осторожно, намечая не только путь вперед, но и путь, по которому мог бы отступить, случись чего. К полудню удалось продвинуться примерно на семь-восемь километров, что было неплохо даже для дневного перехода по незнакомой местности. Никаких особенных чудовищ мне не встретилось, хотя среди валунов легко прятаться и подстерегать добычу. Уж какие-нибудь хищники тут должны быть... А так смотри только под ноги, да перепрыгивай змей, во множестве переползающих тропинку. Ерунда, все равно ни одна не прокусит мой сапог, даже если я решу пройти по их головам. Нет, спасибо, с меня хватит...

Интересно, как там Семен и фэйри – успели пройти по ушам маркиза? А если успели, то поверил он им?..

Эту тварь я заметил случайно. Она просто чуть отличалась по оттенку от красноватого цвета оставшейся чуть позади гранитной стенки, усеянной зеленовато-коричневыми островками мха. Кое-где эти островки были содраны, и это заставило меня насторожиться. Глаз твари я так и не заметил, может, их и не было. Ощущение опасности и присутствия чего-то чужеродного волной прошло по всем чувствам, я прыгнул вперед, и темно-красное «зубастое» щупальце с какими-то наростами по краям не сумело захватить мою ногу. Я рванул по тропе, хотя возможно, надо было отступить. Скоростью тварь не отличалась, но надо было торопиться, чтобы иметь возможность для маневра. Серебра у меня на этот раз не было, да и не помогло бы оно, а куда стрелять обычными пулями в здоровенную ящерицу, было непонятно. Щупальце было не чем иным, как языком твари, выстреливающим довольно далеко, метра на два с половиной. Не знаю таких чудищ, чтобы у них было только одно щупальце. Пара, как минимум. Так что язык, который не то что до Киева доведет, так еще и пол-Киева обовьет... Но бег по пересеченной местности явно не был любимым видом спорта этой твари. Тем более, у нее была какая-то проблема со зрением, потому что ящерка остановилась на месте и так и сидела с раскрытой пастью. Не знаю, что побудило меня нырнуть в колючий кустарник, который тропинка огибала по довольно широкой дуге. Может, чувство противоречия. Или желание срезать дорогу. Или... Только спринтерский рывок ящерки не достиг цели. Ловка, демоница: подбегает и язык бросает одновременно. Скорости складываются, инерция движения и скорость выброса самого языка. Такой язык не только обовьет любого, но и ударит не хуже кнута.

«Чекан» давно уже был в руке, я выстрелил раз, второй, пули только рикошетили от толстой шкуры ящерицы, а в пасть или по языку попасть нечего было и думать. Пришлось положиться на силу ног, да на удачу. Среди вымахавших на высоту человеческого роста кустов боярышника начали появляться островки деревьев, очевидно было, что я прямым ходом прусь куда-то в лес, но что делать? Тропинка как-то выпрямилась, но мне некогда было размышлять, куда она ведет, поэтому я просто ускорился, надеясь, что магические атаки нечисти переживу с помощью смарагдов, а уж от зверей уж как-нибудь отобьюсь. Ящерица чуть отстала, снова устроила небольшой спурт, уже без надежды на успех, но все еще пыхтела сзади и, судя по всему, собиралась взять меня измором. Короткие перебежки и короткие остановки – вот стиль охоты этой твари. Лапки маленькие, тело большое, что уж тут придумаешь... Пусть у меня ноги не от ушей растут, как у той же Паолы, но длинны их пока хватает, чтобы держать тварь на безопасном расстоянии. Лес, а вокруг был уже настоящий лес, начал густеть. Подлесок был довольно высоким, вокруг меня начали сгущаться тени. Марш по лесу в Великоречье – всегда напряжение всех сил, но мне чуть легче: эльфийское чувство леса помогает... «Земную жизнь пройдя до половины я заблудился в сумрачном лесу...» – нет уж, пусть это будет не про меня...

* * *

А это что? Частокол, точно ж, частокол, и довольно высокий. Ящерка такой не перепрыгнет! Вот Виталин оборотень – запросто. Это я к тому, что и мне частокол не

перепрыгнуть, придется вокруг обегать...

Дверь! Дверь была небольшой и чрезвычайно узкой – двое не зайдут. Но у нас везде двери такие – все, лишь бы сохранить тепло и безопасность.

– Открывай, открывай! – адреналин уже из ушей лился, до боли хотелось прибавить что-нибудь непечатное, но я сдержался: неизвестно, как отреагируют на мою брань насельники этого странного подворья. Со своим уставом, как известно, в чужой монастырь... Повернувшись спиной к воротам, я вскинул винтовку.

– Да откройте уже, пожа-а-луйста-а! – тварь приближалась довольно быстро, пули на нее действовали не совсем так, как мне бы хотелось, но я все равно в быстром темпе высадил полмагазина. Попал, но шкуру пробил раза два только, наверное... А затем раздался скрип петель, и чья-то рука схватила меня за шиворот и могучим рывком втянула внутрь частокола. Дверь мгновенно захлопнулась, лязгнул засов, и в ту же секунду, с той стороны, снаружи, в дощатую преграду гулко ударил кнутом язык твари. Ящерица дико завывала, заставляя меня морщиться и закрывать уши руками, потом вой стал отдаляться... Ушла... Пора и на спасителей своих посмотреть. Я бы еще трижды подумал, прежде чем открывать двери вооруженному незнакомцу, хоть бы его целое стадо мантикор загоняло...

– Здравствуйте! – передо мной стоял толстый и красивый парниша, по выражению одного писателя, из пришлых. Лет так шестьдесят с хвостиком, парнише. Сивая борода до пуза, на голове остроконечный колпачок, который когда-то был черным, на плечах обычная армейская телогрейка. Телосложение, как у вольника-тяжеловеса... Ряса под телогрейкой какая-то, или как эта хламида-монада называется? Оружие? А оружие где?

– Спасибо, что открыли! Я Петр Корнеев, полуэльф, как видите... Если вы хотите меня как-то проверить, я готов!

– Заходи, как раз самовар вскипел! – дед махнул рукой на небольшую хибарку, притулившуюся к срубам побольше. Сруб венчала смешная фигурная крыша, конусовидная, но, видимо, просевшая, так что по форме крыша стала походить на луковицу. Венчалась она крестом аж с тремя перекладинами, длинной посередине и двумя короткими, сверху и снизу, причем нижняя была прибита криво. Если смотреть со стороны входа, то видно, что правая сторона коротенькой нижней перекладины опущена вниз, а левая задрана вверх. Специально сделали? Христиане, вот кто это! Да не просто христиане, монахи! Вот уж редкость диковинная! Как же я сразу не догадался!

* * *

Домик, куда пригласил меня старик, надо сказать, не поражал воображение размерами. Табуретка Глоина сюда бы вряд ли поместилась, в двери бы точно не прошла. Спит дедушка, скорее всего, на полу, укладываясь наискосок – гипотенуза, потому что, больше катета. И чтобы лечь, ему надо будет переставить столик и стулья...

– Не ожидал я, что вы меня так беспечно привечать будете. Думал, не пустите в дом, пока проверку какую-нибудь не проведете, как полагается... – чай был, что называется, зеленый, из каких-то трав, не слишком искусно подобранных, зато к нему полагались свежие медовые соты... Спасти от нечисти разумного – одно дело, а в дом приглашать – совсем другое!

– Это спасибо скажи свитеру своему. И, пожалуй еще, своей манере здороваться! Большинство прочему-то любит чешуей блеснуть – смотрите, какие мы вежливые, и чуть что, так сразу «Милость богов! Милость богов!»

– Боги, они разные бывают, – высказал я свою точку зрения, – мне, например, милости какой-нибудь Кали и даром не нужны. И кто мне «милость Кали» пообещает, сильно рискует нарваться.

– Странно, что не все это понимают. Наверное, традиционный ответ «Над вами милость!» подразумевает, что те милости, которые кто от богов призывает, пусть сперва на себе испробует! Но мы так здороваться не можем. Нам, как бы это помягче, – тут старик

замаялся, – «религиозные предрассудки» не позволяют. И я тебя встретил так попросту, потому что знак креста на тебе и поздоровался ты нормально – для нас нормально!

– Так почти все эльфы здороваются – маэ гованен, например, что значит «добрая встреча!» Можно просто сказать «Зюйлад!», то есть «привет!» и не заморачиваться. В любом случае, чтобы эльфы каких-то богов или божков поминали – не было такого никогда. Что на «высоком», что на «лесном» языках. Ну, максимум, сообщат, что солнце, звезды и луна осияли час нашей встречи. Но это если вы на очень вежливого эльфа попали, или протокол ведется. А не ведется, так просто «Аайе» скажут. С вежливостью, вообще-то, у эльфов проблемы... А свитер этот я в Ярославле купил... Крестики на нем так, для красоты, в основном... Так что, считай, совпадение...

– Это у тебя совпадение, а у нас – воля Божья. И без нее не добратся бы тебе до нашего скита! А уж раз добрался, так значит есть у тебя к нам дело, ты уж мне поверь! Случайностей не бывает! – и старик многозначительно воздел указующий перст.

– Сейчас чай допьем, с дорожки, а потом знакомиться пойдем! – продолжал монах, оказавшийся Паисием. – Мы тут скитничаем... Кроме меня еще двое спасаются: Тихон да Александр. Я навроде выборного скитона начальника, да и по возрасту старший.

Тут Паисий посмотрел на меня так, как будто увидел впервые и сказал:

– А ты некрещеный ведь? У нас через часок Утренья, хочешь, вместе пойдем! Некрещеным можно!

Пришлось вежливо отказаться – не люблю камлания всяким там...богам. Да и какие у меня боги? По материнской стороне или по отцовской? Людские или эльфийские? А если людские, то аборигенские или боги пришлых?

– Ну, на нет и суда нет! значит, что-то другое тебя к нам привело. Может, на душе что имеешь, так вываливай, не стесняйся!

– Что, прямо вот так? – если они тут так каждого случайного путника пытаются, то это называется нездоровое любопытство.

* * *

– Да что ты мнешься, говори уже, я ж вижу – накипело!

Ладно, действительно, накипело, кое-чего расскажу из вежливости, не думаю, что мне это как-то повредит, да и истинную причину того, что я почему-то же оказался здесь, надобно скрыть. А врать лучше всего правдоподобно:

– Есть у меня проблемка одна: снится мне пакость всякая, избавиться хочу...

– А есть, есть от этого хорошее средство, – ты вот работать не пробовал? Чтобы ручонки такие были? Это знаешь что? Мозоли! – сидящий на самодельной лавке дед показал мне ладонь, больше похожую на неоструганную дубовую доску, даже не доску, а полешко, расколотое молодецким ударом топора и кое-как зашкуренное.

– Поработай ручонками, чтоб тебя седьмой пот прошиб, и сразу сонные мечтания исчезнут!

– Стар ты, дед, – озвучил я очевидный факт. – И с молодежью редко общаешься. И в городе был последний раз давненько уже, судя по всему... А то бы знал, что на такие слова теперь принято отвечать. Но из уважения к твоим седидам – промолчу.

Старик не обиделся, только хитро усмехнулся, ногой, не вставая, распахнул дверь наружу и натужно закричал, но не на меня, а куда-то в сторону большого сруба:

– Тише! Тише!

Да вроде и не орет никто!

Потом повернулся ко мне и сказал, все с той же хитринкой, делавшей его похожим на Деда Мороза, как его прищипывают на праздничных открытках.

– Давно, говоришь, с молодежью не общался? Будет тебе молодежь! Вот тебе отец Тихон, у него и спрашивай, что ты там такое хотел, раз старика уважить не хочешь.

Понятно. То, что мне «Тише» слышалось, было «Тиша», то есть Тихон...

На окрик старика из-за угла сруба высунулась уморительная фигура. Долговязый, худой, как скелет, но при этом сильно сутулящийся молодой парень с землистым лошадиным лицом и тонкими, слабыми соломенными волосами до плеч, собранными в жидкую косицу, производил впечатление больного. Причем не только физически, но и душевно.

– Да, батюшка? – откликнулся он тонким и одновременно сиплым голосом, запахивая затрапезного вида серый подрясник и прижимая подбородком к груди рваный шарф, который едва не слетел с его тонкой шеи от легкого порыва ветра.

– Разберись, отец Тихон, тут с рабом Божиим, помощь ему требуется...

– Ничей я не раб, – буркнул я. – Тоже мне, раба нашли. Сперва ошейник наденьте, потом командуйте! Только, смотрите, не надорвитесь, когда надевать будете...

– А-а-а, ершистый, эт хор-р-шо! – с этим нелогичным заявлением дедок с кряхтением поднялся на ноги, с достоинством поправил широкий кожаный пояс, благодаря которому его можно было определять не как «вольника», а как заправского штангиста, и побрел по каким-то своим делам, сбавив меня «болезному».

От приближающегося ко мне Тихона я меньше всего ожидал, что тот сможет со мной «разобраться». У него даже оружия нет... Хотя ладони, как я посмотрю, шире моих раза в три. Не нахлебничает парень, ничего не скажешь... Но будет ли он сколько-нибудь опытен в таких делах, как у меня? Если не врут про монахов-христиан, про обет безбрачия, в частности, то ему-то в силу закона о единстве противоположностей и, самое главное, возраста должны только голые девки сниться во всех ракурсах. Вон рожа-то какая прыщавая... И как объяснить ему такое «личное» дело, как сон, в котором некто Виталья наглеет и ведет себя вызывающе... Как объяснить, что это вызывает иногда такой необъяснимый страх, какой живой Виталья никогда на меня нагнать бы не смог, даже если бы являлся в компании всех своих вооруженных до зубов зеркальников в «полнолунном» обличье... Почему я Витале каждый раз то в зубы, то по яйцам... Страшно потому что... И история с «голосом», случившаяся в заповеднике «манулов» мне совсем не нравится. Не хотелось бы, чтобы какой-то голос во мне «жил». И для обсуждения таких дел постарше кто-то нужен... Да и вообще, не слишком-то я рвался свои сны с кем-нибудь обсуждать...

* * *

– Ты у него что-нибудь из рук брал? О чем-нибудь с ним договаривался? Может время оговаривал, когда ему «приходить»?

– Нет, не помню такого. И что значит «время»? У меня ж с ним не сеанс связи по расписанию. Как засыпаю, так он тут как тут.

– Ел с ним вместе? Пил? Во сне, я имею в виду.

– Не ел и не пил... Да я с ним вместе срать не сяду – такая сволочь. Но раньше был другим...

Монашек расслабленно выдохнул, и только тут я заметил, что во время нашего разговора он непроизвольно задерживал дыхание, дожидаясь моих ответов.

– Да чего ты так волнуешься? – непонятная забота со стороны совершенно незнакомого человека меня всегдастораживает.

– Недаром тебя отец Паисий ершистым назвал! Повезло тебе! – монах едва не светился от счастья, а я вообще уже ничего не понимал. Вот так за пару минут разговора сделать кого-нибудь почти абсолютно счастливым – вот бы с девками так! И что такое «повезло»? Надо «Божья воля!» Сказал же Паисий, что в случай и судьбу они не верят! Вот я, всего ничего в монастыре, а лучше молодого разбираюсь!

– Если бы ты хоть что из его рук принял, ел бы с ним, пил, очень сомневаюсь, что сохранил бы свободу, – сбил меня с мысли Тихон.

– Типа, во сне бы на каторгу отправили? – попытался я пошутить, но уже от полного обалдевания – вроде по-русски человек говорит, только я ничего не понимаю.

– Свободы воли у тебя бы не было. Или осталась бы исключительно в бытовых вопросах, если демон очень сильный. А так был бы ты «ведомым». Проще – одержимым. Или бесноватым, как мы говорим...

– Погодь, не торопись, так Виталия – демон? Не смешите мои тапочки – я его давно знаю. Оборотень – да. А вот насчет демона – сомневаюсь.

– Зря сомневаешься. Вот скажи, можешь ты поручиться, что к тебе в твоих снах приходит именно твой приятель, по имени Виталий, а не кто-то, натянувший его личину? Сравни: в какой бы город или село ты не заехал, везде амулеты понатыканы, да на воротах колдуны стоят – проверяют, человек идет, или тварь какая, под человека маскирующаяся.

А хорошая аналогия. Что-то раньше я об этом не подумал.

– Так то в жизни, а то во сне! – возразил я, но уже без прежнего апломба. – И сон-то мой, а не чей-нибудь! А что мое, то мое. Чужого мне не надо, но и пролезть в мой сон никому не дам!

– А тебя кто-то спросит? Или ты, значит, сны свои и себя в своих видениях полностью контролируешь? Хорошо получается? – удивительно, но в голосе моего собеседника, которого я про себя назвал «блаженненьким», прорезался какой-то горький сарказм, и хоть смотрел он по-прежнему как-то искоса, и большая голова его на тонкой шее по-прежнему смешно покачивалась, выдаваясь вперед из-за сутулости, несерьезным человеком, не отвечающим за базар, он теперь не выглядел. Видно, что в «вопросах» парень разбирается. Это заставило меня задуматься над его словами всерьез. Насколько подконтрольны мне мои действия во сне? Да ни насколько! То я Витале по суслам, то подхожу, как дурак, на дистанцию удара и в дырку на его костюмчике заглядываюсь, отчего меня туда и утягивает. Вот, например, когда я после пьянки в Ярославле на полу гостиницы очнулся – разве я себя контролировал? И револьвер у меня тогда в руках сам собой выстрелил... Одно хорошо: вряд ли меня монахи с позиций доктора Фрейда и его последователей «анализировать» будут. Этого уж никто не выдержал бы...

Ну, я и рассказал монашку пару своих снов – ничего не преувеличивая, но и не преуменьшая. Говорил и сам себе удивлялся: что за бред!

– Вот я об этом и говорю... – хмуро ответил молодой скитник.

– Подожди, подожди! – я схватился за голову, – Значит ты думаешь, что в образе Витали ко мне приходит некий демон из низших планов, и если я с ним выпью, то все – он во мне поселится, и я стану одержимым?

– Почти так, – ответил мой собеседник серьезно и печально. – Хорошо формулируешь... На самом деле, даже если ты с ним хоть в чем-то согласишься, или попросишь у него хоть что-то – не обязательно там денег в долг, а просто вроде как посоветуешься с ним – совета попросишь, то почти наверняка он в тебе пропишется... А поскольку гарантий никаких, что тебе отбояриться удастся – ты ведь, как любой нормальный человек, себя во сне не контролируешь, то рано или поздно он тебя обманет. Или ты считаешь себя хитрее демона?

– Я ему специально противоречу, из принципа. И буду противоречить, потому что он все время врет, или какую-то ерунду несет – уши вянут.

Тихон мельком посмотрел на мои уши и продолжил:

– Если демон сильный, он речь свою так построит, что ты правду ото лжи не отличишь. Смешает правду с ложью, часть правды скажет, остальное приврет, на нюансах сыграет, запутает. И пойми, чем больше вы с ним общаетесь, тем лучше он тебя узнает!

* * *

– На каждого демона найдется свой калибр! – сказал я, похлопывая рукой по кобуре с «чеканом», но как-то уже без огонька, по инерции. В чем-то парень прав: когда Виталия про совесть мою и Глоина говорил, казалось, на аршин подо мной землю видит... Странно получается: я про Виталию рассказывать стал, чтобы дурацкие вопросы не задавали. Не

люблю врать людям, которые меня спасли, нечестно это как-то. А пришлось бы – не рассказывать же, как я на Тимохина поработал да с какой целью в Гуляй-поле еду... А теперь выясняется, что сны мои вовсе не забавны, как я сам полагал, а очень даже зловещи. И означают какое-то не очень хорошее дело.

А вот насчет того, что я «нормальный человек», монашек погорячился. И есть пара рецептов. Как всякий эльф, я могу впасть в «полудрему». Но в отличие от эльфа нормально спать мне все равно нужно. И есть еще один фокус – «волчий сон» называется. Но это на крайний случай. Пять суток без нормального сна – не считая пятнадцатиминутные «быстрые» фазы через каждые четыре часа – и сутки минимум отсыпаться потом придется. И еще неделю на стенки наткаться буду. Как ни крути, а встречи с Виталей не избежать.

И что делать-то теперь? Неохота, если честно, одержимым становиться. Ходишь под себя, не понимаешь ни фиги, на звериные голоса орешь, не узнаешь никого. Просветления если и бывают, то на день, на два, а то и на пару часов... Лучше сразу пулю в лоб, чтоб не мучиться. Но вроде можно колдуна позвать, чтоб демона изгнал. А еще лучше – некроманта. О! идея! С некромантом надо поговорить!

– Скажи-ка, Тихон, а некромант в этом деле помочь может?

– От некроманта зависит, – занял вполне разумную позицию Тихон. А что? Взвешенный ответ. А что внешность у парня такая, кто их знает, до чего эти христиане себя довести могут? Детей на алтарях не режут, как Созерцающие, – уже хорошо!

– Вот, допустим, ты к целителю обратился. А квалификации его не знаешь. Как можно гарантировать, что он тебе поможет?

Тьфу ты, только похвалишь собеседника, как выяснится, что у него есть некая дрянная черта, например, во время разговора в носу ковыряется, или ложечкой по краю стакана стучит... Тихон, мракобес такой, все время аналогии приводит.

– Еще некромант некроманту рознь, потому что по-разному люди свой талант используют. – Тихон, смотрю, решил проблему со всех сторон обсосать. Уважаю, правильный подход, да и время пока терпит. – Есть, говорят, в Тверском княжестве в городе Великореченске некромант великой силы, отзывается на христианское имя Василий, так вот он, еще младенцем неразумным, свою карьеру с того начал, что своего умершего кота оживил. И представь, нежить оказалась для человека неопасной, ни на кого не набрасывалась, а все почему?

– Почему? – мне и впрямь было интересно, никогда такого не слышал, чтобы нежить себя «хорошо вела».

– Мотивом и причиной поступка некроманта Василия была любовь. Любовь! Хоть бы и к коту. Ну, еще он, наверное, всегда кота под контролем держал. Это не сложно: задал последовательность команд – и вперед... Такому некроманту можно и довериться. Но это скорее исключение, чем правило...

Тихон неожиданно резко замолк, и я подумал, что он слишком много о некромантах знает: и по имени Васю какого-то, и подробности карьеры, начиная с детства. Для любителя нехарактерно, для профи – естественно. Или у меня приступ параноидальной подозрительности?

* * *

За обедом меня усадили чуть ли не во главе стола, налили грибного супчика и дали ломоть хлеба. Дедок, который «отец Паисий», наскоро благословил трапезу, и с аппетитом начал наворачивать тот же супчик с тем же хлебушком. Судя по тому, что за непродолжительное время умял он где-то с полбуханки, монашеский обед был не показушным, и история про жареную оленину, случившаяся с королем Ричардом Львиное Сердце в монашеской хижине брата Тука, здесь не повторится. Да и нюх мой никаких особо аппетитных мясных запахов не улавливает. А жаль.

За едой я попытался разговорить монахов, задавая вопросы о их житье-бытье, но они

почему-то на простенький и безотказный психологический прием «человек может бесконечно долго говорить о самом интересном – о себе самом» не повелись, так что пришлось, наоборот, им рассказывать о новостях в мире. И как-то они, кажется, расстроились, узнав о войне Твери с эльфами Закатной пущи. Эльфов пожалели наравне с людьми... Удивительно, вроде они не должны эльфам симпатизировать. Все ж из пришлых... В ответ подарил им обе гранаты – больше все равно дарить было нечего, не смарагды же...

* * *

– Про вампиров что тебе известно? Известен мотив их поступков? Когда они не кровь пьют, а «выпивают» человека и затем превращают его в такую же нежить? – мы разговаривали с Паисием уже не первый час, он пригласил нас с Тихоном остаться в трапезной, и, надо сказать, озадачил меня серьезно. Но это хорошо. Редко бывает так, чтобы некие «ответы» полностью исчерпывали вопросы. Наоборот, чем полнее и убедительнее ответы, тем глубже вопросы... Так что мы с Тихоном сидели, открыв рты и слушали «мудрые» речи Паисия, привыкшего, как я уже понял, к жанру «вопрос-ответ».

– Да какой может быть мотив? Кол осинового им в глотку – и все дела!

– Петя, ты думать вообще пробовал? Тебе на что голова дадена? Шляпу носить? Да ты и шляпу носить не сможешь – уши мешаться будут!

– Голова мне нужна! Я в нее ем! – с достоинством произнес я известную присказку, но монах даже не улыбнулся.

– Попытайся представить мотивы нежити. Зачем вампиру создавать себе подобных?

– Продолжение рода? Нет. Чушь собачья... – я решил попробовать ответить на вопрос, причем не халтурно, а по совести. – Ненависть к людям? Типа, чем меньше людей, тем веселее? Люди ведь не являются их кормовой базой. Им кровь не для сытости нужна, так ведь?

– Так, все так! Только ты вглубь загляни – а с чего такая ненависть у вампиров к людям? У людей к вампирам – понятно: кому ж понравится, когда у тебя кровь пьют. А вампиры-то чего людей ненавидят?

Тут я задумался. Нет, не решается этот вопрос с наскоку. Надо бы в библиотечке посидеть, историю копнуть, да подумать как следует. Послушаем, однако, что монах совет...

* * *

– Ненависть базируется на очень простом чувстве – на зависти. Видишь ли, демоны черной завистью завидуют людям. Да и гномам, эльфам, оркам, короче, всем разумным, всем, у кого есть тело. Даже животным... И демоны жаждут тело получить. У них, в нижних планах, жизнь-то, видимо, не сахар... Вот вампиров взять... Вампирами становятся те, чье тело захвачено демоном. Захвачено силой, и само тело по факту мертвое. Но есть вариант, когда тело вампира – не мертвое, но и не живое...

– Это что за вариант? – удивился я.

– Самый ужасный вампир, вроде бы, лич. Он появляется, когда человек, да непростой человек, колдун, добровольно предоставляет свое тело демону. Вот ты представляешь, какую магическую силу надо иметь, какую колоссальную подготовку проделать, чтобы добровольно подселить в себя демона, но хотя бы отчасти сохранить свою жизнь, разум, память и индивидуальность?

Ах ты ж, пенек старый! Какие слова знает! А я его за простака держал!

– Не отвлекайся, отец Петр! – призвал меня к порядку старик, и я окончательно понял, что «отцами» тут друг друга люди зовут просто в шутку. А не то что ранг какой, как я сначала думал...

– Если мы считаем, что вампир, превращая разумного в нового вампира, вливая жертве свою кровь, подселяет в нее, то есть в тело жертвы, демона, то кто остается в теле старого вампира?

– Остаточный фон? Другой демон? Или?..

– Вот именно! Видишь, Петр, простая логика подсказывает, что в одном вампире много демонов! Как у нас говорится, «Имя им – легион»! Потому-то так сложно вампиру остановиться. Что такое «вампирский пир» знаешь? А кто такие вампиры-наркоманы? Это легион демонский хочет новой кровушки, чтобы каждому досталось – не остановить их!

– Кое-что из этого я слышал, – ответил я, попутно отметив, что мы непонятным образом перешли на «ты», – о прочем спрошу, но ты лучше вот что скажи, если не секрет, конечно, – ты-то сам откуда все так хорошо знаешь?

– А я, отец Петр, не всегда рясу носил. Было время, и камуфляж поносить пришлось, и на вампиров поохотиться.

Вот это номер! Бывший охотник! По моему сугубому мнению, охотникам кроме оружия, военных и отчасти полицейских умений больше всего нужны знания. Поэтому более информированных о повадках нежити людей, чем охотники, сложно себе представить. И заявление «отца» Паисия выглядит в этом свете очень весомо. А задам-ка я ему вопрос на засыпку – вопрос, который ставил в тупик всех моих знакомых, и ответ на который не знаю я сам.

– А скажи, Паисий, что ты про «вампирскую любовь» знаешь? Про «сайрос» слышал, поди?

– Что за привычка, Петя, подлавливать, а? На студентах своих тренируйся! – Паисий ворчал лишь для виду, понятно было, что ему самому не терпится выложить свои соображения по этому вопросу. – Ну, так и быть, любопытство не порок! «Любовь», Петя, сама по себе тайна. И все, что с ней связано – таинственно. Можно бы на этом закончить, но есть у меня кой-какие догадки. Учти, только мои, и именно догадки...

Поерзав на стуле, выпрямившись и придав лицу выражение торжественной таинственности, если, конечно, таинственность бывает торжественная, монах продолжил:

– Смотри, какая странность: из «молодых» вампиров никто сайре не имеет. И именно молодые – чаще всего «наркоманят» и «пиры» устраивают. А старые вампиры наркоманят редко. Вывод? Демоны в старых вампирах с течением времени выстраивают некую иерархию, или, как мне кажется, один демон, помощнее, поглощает остальных. И тело, доставшееся ему, бережет. А тело связано с душой неразрывно. И помнит многое. И сопротивляется демону. И демон ничего не может противопоставить силе любви. Отсюда и зависимость сайрос друг от друга.

– Не сходится... – заметил я, почесывая в затылке, – но зерно есть, особенно, если объяснишь, чем один демон, который других «поглотил», слабее множества. Сильнее должен быть! И как ему сопротивляться можно, если он такой сильный?

– А ты что предпочтешь: гнездо диких ос или волка?

– Чего сразу на волков? Нормальные животные... Понятно, волка предпочту, вдруг он сытый, и меня есть не будет!

– Так и с демонами: с одним в каком-то смысле проще ратоборствовать, чем со множеством. Они, бесы мелкие, отвлекают, под руку лезут, мешаются все время...

– Ты так говоришь, будто о себе, – заметил я Паисию, недоуменно наблюдая его раздражение, он еще и рукой начал размахивать, будто мух разгоняет... И предпочел продолжить побыстрее, увидев, как сердито монах нахмурился, – демон все-таки не человек, усталости не знает, не спит, не ест, внимание его не ослабевает, какая разница, много их или один – все равно все под контролем...

– Верно, Петя, демон не знает усталости. Но его можно обмануть, переиграть и обхитрить. В конце концов, при всей их демонической силе, эти гады не обладают слишком уж острым умом. Многие люди, да и нелюди их поумнее...

Ладно, будем считать, что убедил. За рабочую версию сойдет! Но есть еще кое-что...

– И второй моментик, отец Паисий, – есть же полудемоны. Многие из них вполне приличные, антропоморфные, с ними что?

– А что с ними? Нормально все. Полудемонов в чистом виде нет, есть какие-то их отдаленные потомки, вроде тифлингов. От демонов они отстоят так же далеко, как и все прочие... – Паисий прищурился, посмотрел на меня задумчиво и исправился, – ну, может, чуть поближе... Способности у них занимательные...

– Так что с тифлингами? я тут с одним познакомился – вполне приличным оказался! И насчет свободного выбора – уверен, он мог выбирать...

– А мы против тифлингов ничего не имеем. И против алху тоже.

– Причем тут алху? – никогда не любил «зелененьких», что орков, что алху. Но женщины алху, говорят, красивы, а вот про «орок», то есть орочьих особей женского полу такого и подумать нельзя!

– Кем считаются алху? Народом, произошедшим от людей и дриад. А кто такие дриады? Духи леса. Духи, так стремившиеся получить человеческое тело, что смогли вступить в некую связь с людьми. Никого не напоминает? Те же демоны, только зеленые, да в лесу живут...

– Зато природу уважают, и не гадают в нее... – автоматически прокомментировал я заявление Паисия. Что-то многовато информации на мои бедные мозги сегодня свалилось. Со скрипом уже ворочаются.

Вот, кстати, ничего себе! А то все вопят: алху то, алху сё! И бедные и разнесчастные, и так их эльфы забирают, что аж с родной земли согнали! У демонов какая земля своя? Только та, в которую их закопают!

– А тифлингов только уважать можно... – продолжил Паисий, – смотришь на рожки их и понимаешь – аккуратнее надо с ними, аккуратнее... Не люди они, совсем не люди... Это как предупреждение тебе такое. А если предупреждают, не маскируются, то есть ведут себя по-честному, значит, уважения достойны. По мне – так.

– Многие из них теперь тюрбаны носят, на манер маранийцев, – просветил я Паисия, припомнив внешний вид поэта Игана.

– Ничего, женщину-тифлинга увидишь, не только в тюрбане – в парандже опознаешь, если не дурак. Она уж позаботится! – и старец, отпустивший, по его мнению, соленую шутку, гулко хохотнул.

– Последний вопросик, отец Паисий! – задержал я монаха, считавшего, видимо, что наша беседа закончена – даже пошутить напоследок соизволил, – а нечисть, по-вашему, это...

– Да, конечно, – Паисий мигом сообразил, о чем речь, и закивал косматой башкой, – низшие демоны, вселившиеся в животных. Почему, как ты думаешь, они на разные голоса хором вопят?

– Опять «Имя им легион»? – процитировал я самого монаха. Это уже не вопрос, а утверждение получается.

Монах ничего не ответил, только махнул рукой на прощанье – мол, и сам все понимаешь, не маленький, чай. Так и ушел, бормоча себе под нос: «С животных что взять? Тямы нет, инстинкты одни...»

Ладно, келью мне отвели, надо укладываться. Проявится Виталя, не проявится сегодня?

* * *

За ломберным столом, покрытым зеленым сукном, сидели четверо. Я особо не удивился, сообразив, что один из них Виталя Стрекалов, а остальные – его двойники. Каждый был одет в смокинг, на шее каждого висела золотая медалька на красной ленточке – тот самый «Бэрах».

– Мы тут в вист сели, – Виталя призывно махнул мне рукой, и я подошел – любопытно стало.

– Последний роббер играем, – уточнил Виталя, – зацени, какие ставки!

Я взял лежащие посередине стола «векселя», или лучше назвать их «долговыми расписками», то есть листки бумаги. «Нога», – было написано на одном. Я быстро перетасовал все и убедился, что на клочках листов из Виталиного блокнота, прямо поверх цифр, которые мне так и не удалось расшифровать, были написаны: «рука правая», «левая рука», «почка», «левое легкое», «ребро 1–6»... Где-то и латинские названия попадались...

– Вот, Корнеев, решили пятого сваять – теперь сбрасываемся... – пояснил Виталя таким тоном, будто они с приятелями «сбрасывались» на бутылку гномьей водки. Ничего себе, заявление! – Будет такой надменный потомок известной подлостью прославленных отцов...

– Зачем вам пятый, извращенцы? Вчетвером скучно стало?

– Аты-баты, шли солдаты, выжил только каждый пятый! – фальшиво запел Виталя, обнажая клыки, – может, тебя пятый прищучит? Нас пока четверо всего, но будет больше, много больше...

Тут Виталя сделал многозначительную паузу, подняв к небу поредевшие брови. И сам он какой-то выцветший. Выдыхается, как спринтер на длинной дистанции. А двойники его, наоборот, живее всех живых – румянец во всю щеку, глазки блестят... Прав был в чем-то малый, который «отец Тихон». Очень трудно удержать в голове то, что намертво зазубрил, заучил в состоянии бодрствования. Да и чего учить-то? одно движение, простенькое, привычное, многократно повторяемое изо дня в день... Но абсолютно недостижимое здесь, в мире снов. Сознание плыло, я балансировал на грани полной обездвиженности, но, хоть и с трудом, мне удалось поднять руку, в которой неожиданно для меня оказался нож. Двумя резкими перекрещивающимися движениями я «пописал» пространство перед собой, как на тренировке. Крест Животворящий, как объяснял Тихон.

Виталя и его карточные партнеры оказались разрезаны – каждый как минимум на три части, как будто в моей руке был волшебный огненный меч невероятной длины. Изменилась и обстановка – пространство, казалось, начало сворачиваться в трубочку, и при этом издавать такой запах горелого, что я во сне закашлялся, а на глаза навернулись слезы. Пламенем занялось все: Виталя, стол, карты в руках полыхающих, как факелы, зеркальников, сам воздух, наконец. Листки из блокнота – «ставки» в этой дурацкой игре – метались в дыму каплями огненного дождя. Один из них спланировал прямо мне под ноги, и я прочитал надпись, выведенную латиницей – «Musculus gluteus».

– Неприличными словами не выражаться! – гаркнул я известную цитату в багровое зарево, окончательно поглотившее Виталя и его развеселую компаху.

* * *

Мы снова сидели вчетвером: я, Паисий, Тихон и Александр. Последний, впрочем, с момента нашего знакомства не произнес не слова, присутствуя на разговоре в качестве «мебели». Только глазами туда-сюда зыркал, из чего можно было сделать вывод, что разговоры наши он слушал, и слушал внимательно...

– Понимаешь, – продолжал Тихон затронутую вчера тему, – в нашем мире много одержимых. Судя по всему, гораздо больше, чем в том, что был до Переноса.

– А я бы и не так сказал, – вмешался Паисий, – в нашем мире кто не одержимый, так в борении находится... И выигрывают это борение единицы...

– Вы, понятно, выиграли уже... – я специально сделал паузу, дожидаясь продолжения. Ясно, сейчас меня будут наставлять в вере. Отточат на мне свои проповеднические способности. Последователей любого культа хлебом не корми, дай кого еще в свою веру обратить, или с проповедью выступить...

– Почему «уже»? – с удивлением откликнулся Паисий.

– Так ведь вы, я полагаю, последователи единственно верного учения? – ядовито усмехнулся я. – И это помогло вам выиграть все битвы этого вашего... боренья! И у тех, кто

к вам присоединится, не жизнь будет, а...варенье!

Нехорошо, конечно, за хлеб-соль ядом платить, но если они думают, что меня за грибную похлебку купить можно только потому, что я вежливый и воспитанный полуэльф...

– Насчет единственно верного учения – тут ты, хочется верить, не ошибся. А насчет того, что мы чем-то от всех остальных разумных отличаемся – вот тут ты пальцем в небо.

Удивили. Неправильные какие-то монахи. Особенно меня «хочется верить» напрягло. Что он подразумевает?

– Не по-онял... – протянул я.

– А чего тут не понять, сказано же тебе – кто не бесноватый, тот, за редким исключением, скоро будет, и мы не это самое исключение.

– А как же вы живете тогда?

– Милостью Божией.

Сказано это было так просто, без рисовки и надрыва, что стало понятно – да, Паисий действительно верит в то, что жив он, сидит со мной балакает на околофилософские темы, а, скажем, не катается в корчах по полу единственно милостью своего Бога.

– Уточни, пожалуйста, я вот – бесноватый? – решил прояснить я свое положение.

Все равно не сходится. Если все бесноватые, то как же свобода воли? Вообще, что ли, нет ее? А чего тогда есть?

– Ты в борении! – просветил меня Тихон. – То, что в твоих снах к тебе приходит демон, да неслабый – для меня очевидно. И «голос» этот – прямое подтверждение.

– Да миллионы людей, не говорю о прочих разумных, живут и в ус не дуют! И в игры ваши не играют! Я от вас за полтора дня столько всего о демонах наслушался, сколько за всю жизнь не знал!

– Не кипятись, Петя, – Паисий был само спокойствие, – миллионы разумных о демонах только потому не слышали, что в открытую борьбу с ними не вступали. И не вступали по одной причине – они уже ее проиграли.

– Это как, проиграли? – не понял я.

– Мы верим, что поклоняясь не Создателю, а разным богам или божкам, разумные поклоняются демонам, – все с тем же непоколебимым спокойствием заметил Паисий. – И именно поэтому не имеют особых проблем, сохраняя свободу воли... и даже свободу встать на путь борьбы... до самой смерти. А потом, – тут Паисий вздохнул, – потом... Потом – это потом... Почти не имеют проблем и атеисты – чего демонам с ними бороться, если они никак со стороной не определятся, за кого они... Демонам, как и нам, грешным, лишние враги ни к чему... А вот те, кто привлек к себе особое внимание надмирных и подмирных сил – те в борении. Как мы. И как ты.

– Вы чего, светлых богов тоже демонами считаете? – я обалдеваю от такой наглости!

– Точно! Нам все равно, четверка светлых богов, или Молох, Кали и ее демоны. Раз поклоняешься не Создателю, – значит, демону.

– Врете, и я могу это безоговорочно доказать, – заметил я в «солидной» манере, как на семинаре, – про Мардога, бога Солнца, что скажете? А его знак вампирам очень не по вкусу. А сами же говорили, что вампир – это демон, захвативший чужое тело! Как же демон на демона ополчится?

– Ничего подобного! Не Мардога это знак. Крест – он везде крест. Именно креста боятся вампиры. Называй его знаком Солнца, знаком Мардога, коловратом или свастикой, как хочешь! Не суть. Он – Крест... И по милости Божьей дано было оружие против демонов простым людям. Но спасибо надо не какому-то там Мардогу говорить. У многих народов тот же крест, но имени Мардога они и не слышали. И бога-солнце многие зовут по-своему. И вообще, это нормально для язычников – обожествлять стихии. Ветер, воду там... Солнце – уж обязательно!

– Там еще загогулилки, у креста!

– Не валяй дурака, Петя: с загогулилками, без загогулинок – все равно крест.

– А святая вода? Ее ведь если в серебряном сосуде со знаком солнца светлым богам

посвятить, то она вампирам – как серная кислота!

– Святая вода, говоришь? – Паисий начал даже слегка паясничать... – а если в медном сосуде? Или оловянном? А если на сосуде знака креста не будет?

– Нет, не получится ничего... – пришлось признаться мне, – не слышал о таком...

– Так может, дело не в богах, а в кресте или в серебре? По логике если рассудить?

* * *

Спорить с религиозными фанатиками – увольте! Хотя, должен признать, что-то в их словах есть, какая-то система. Богословие, если честно, никогда не было моим особым коньком, да и народ вокруг меня колени, на молитве стоячи, в кровь не стирал. Принято было, что колдуны, в основном, поклоняются Арру, против вампиров хорошо знаки Мардога действуют, а всякие чудеса – это не богов дело. Колдунов – пруд пруди, и почти каждый воду в вино превратит, если напряжется, конечно...

Примерно об этом я и сказал монахам. Они только потупились и признались мне, что очередной их церковный раскол из-за того и произошел, что один ретивый неопит с неслабыми колдовскими способностями начал на каждой службе такие фокусы выделывать, из лучших побуждений, вероятно.

Странные монахи... Нормальные служители культов в леса не отселяются. Только если уж человеческие жертвы приносят и не хотят, чтобы их видели. В чем-чем, а в этом христиане никогда замечены не были. Они и к колдунам относились всегда очень настороженно. Нормальные служители нормальных культов в городах храмы строят, денежку в кружку собирают, силы копят, а затем рационально их используют. А чтобы христиане какие-то чудеса творили – не было такого. Скорее наоборот, они кудесника из своей среды на пинках вынесут. И чтобы нормальные монахи из какого ни возьми ордена каждому встречному признавались, что они почти что одержимые, но это не мешает им веровать и молиться – не бывать такому никогда.

Разговор был довольно откровенным, и Александр, молчащий до того в тряпочку, потихоньку стал отмокать. Видно было, что он тоже хочет высказаться, но стесняется товарищей. Надо бы его подтолкнуть...

– А давно скит существует? – задал я вопрос, который просто невозможно было не задать. И отношения монахов с Конкрудом, равно как и с гуляй-польскими бандитами надо бы выяснить.

– Он вообще-то давно построен... – вздохнул Паисий, – но мы здесь недавно, года не прошло. А до нас и вообще никого не было.

– Это как так? – удивился я, – и не растащили по бревнышку?

– Далеко тащить, да и хранит нас милость Божья, – опять заладил свое Паисий... – но я, если честно, не уверен, что еще год выдержим... Возможно, двери заколотим, да отправимся отсюда подальше... Рядом с бандитами жить – все равно что на вулкане... Если б не храм... Он освящен был чин по чину, мы на это много надежд возлагали...

Совсем ничего непонятно. То, что жизнь здесь не сахар и не варенье, и без лишних слов понятно. Место глухое, бандиты под боком.

– Да уйдите, где бандитов нет, на ярославские земли, к примеру, и все дела!

– А храм освященный бросить? – не выдержал Александр. Выиграло ретивое! – Где мы другой найдем? Ты хоть знаешь, как храмы православные сюда, в Великоречье, «проваливались»?

– Кусками? Как города? – предположил я, заподозрив подвох в вопросе.

– Кусками! – передразнил меня Александр, впад в крайнюю агитацию. – А что за куски? Много храмов православных провалилось? Сколько священников провалилось? Я о священноначалии не говорю! – молчаливого Александра словно прорвало. Долго парень терпел, но не вытерпел. Аж побагровел весь... – Ты скажи, где Ильинская церковь в центре Ярославля? Та самая, которую Ярослав Мудрый построил? В честь которого сам город

назван? И что на ее месте? Дворец светлейшего князя, Владимира Кирилловича, два весла ему в рукав!

Не только я, но даже Паисий с Тихоном заинтересовались «веслами». Смущаясь и отводя глаза, Александр объяснил, что весла можно вставлять в рукава для создания «царственной» осанки. Но он просит прощения за то, что не сдержался...

Монахи все-таки скромные и стыдливые люди. Они ничего не стали уточнять...

– И монастыря ни одного не провалилось... Как воду в вино превращать – так сколько угодно желающих! А как хоть одного священника рукоположить – так совсем никого! – Александр снова набирал обороты. Судя по безучастным ромам Тихона и Паисия, такие концерты им не внове. А тут новое лицо – то есть я. Что ж, послушаем. И тема интересная, и долг свой гостевой выполнить надо...

* * *

Стволом СВД-П я отклонил выброшенное в длинном выпаде лезвие – не то нож, не то кинжал, и надульником – в глаз нападавшему. И пырой по голени, и прикладом в низ живота.левой рукой захватить падающего вражину за одежду и толкнуть его в нужную сторону – туда, откуда уже неся на меня второй. И прикладом этому в челюсть, в ухо ли – ниже черного тюрбана. Нападавшего уносит влево, и он заваливается набок. Оглянувшись, посмотрел – Паисий, захвативший третьего в борцовский захват, удерживал его очень нежно – аж смешно. Но если бы он держал этого худосочного паренька с востока, судя по иссиня-черным волосам, чуть менее нежно, то голова этого бойца, загнутая под углом в 90 градусов к толстому плечу Паисия, не удержалась бы на его нешироких плечах, покрытых камуфляжной накидкой-пончо.

– Отпусти его, – миролюбиво посоветовал я Паисию, и тот послушно разжал руки. Послушание, первый из обетов монашеских... Ох-ох-ох, правильные вы мои... Парнишка в тюрбане, не веря, что просто отпускают, резко отпрыгнул от Паисия спиной вперед и напоролся на мой нож, который я вынул левой рукой, и от резкого движения инстинктивно вскинул перед собой. Как там у христиан в их священном тексте: подставь левую... Я и подставил.

– Что ж ты, Петя? – укоризненно спросил меня Паисий, когда парнишка захрипел и осел на землю.

– Да я его конвоировать собрался... – растерянно ответил я, – воткнул бы в трицепс ножик и рулил до скита... Сходили, нах, на пасеку!

Не успел Паисий слова вставить, как нам пришлось отбиваться от неожиданно резво дернувшихся двух других. Тот, который должен был бы лежать на земле с раскрытым черепом от моего удара прикладом, подскочил из положения лежа и ткнул мне в челюсть кулаком. Хорошо, я успел чуть отшатнуться, потому что в руке у паренька был зажат кастет. Пришлось ударить его прикладом снова. Ну и еще разок, для ровного счета, чтоб уж не поднялся. Гад приложился башкой о камень, лежащий на краю тропы, окрасив его кровью. Не жилец! Третий, почти и не пострадавший, наоборот, решил уползти по земле, как змея. Странно! Молодые совсем, вооружены неплохо, на черные рубахи накинута камуфляжная накидка-пончо. Неудобно же! Паисий вовремя оказался рядом с лежащим и вдавил локоть вражину в землю молодецким притопом. Пистолет доставал, гаденыш! Два притопа, два прихлопа я тоже добавил. Окровавленный нож воткнул в землю возле глаза пленного, так, что лезвие слегка оцарапало ему щеку.

– Кто такой и откуда? – надо бы ему представиться, а то нехорошо: только мы с Паисием по лесную тропинку ступили, собирались на скитскую пасеку заглянуть, а тут эти появляются, откуда ни возьмись!

– От медведя бежали, – с южным, хазарским акцентом, растягивая гласные, проговорил лежащий на земле мальчишка, пацан совсем, в школу бы ему ходить, да в одноклассник влюбляться!

– Внутрь, и ворота закрываем! – тихо прошетал Паисий и подхватил мальчика на руки. Я посмотрел туда, куда обращен был взгляд монаха, и охнул: к нам подваливал хозяин здешних мест, серый медведь. Двигался он бесшумно и быстро, но мы бы, конечно, убежали, потому что перед забором осталось и первое и второе для обеда хищнику. Все испортил харазец: он угрем вывернулся из рук Паисия, и в два прыжка оказался нос к носу с медведем, жадно принимающемуся к телу того, кто напоролся на мой ножик.

– Аскер! – крикнул наш пленник и упал. Мы даже не заметили, как медведь сломал его: удар лапой был быстр и силен.

– Паисий, бегом! – у меня было плохое предчувствие, случайно оказаться здесь эти ребята в черном не могли. В черном, конечно, кто только не ходит, но если эти ребята – туги, то от этой секты поклонников Кали ничего хорошего ждать не приходится. Напасть на мирный монастырь и разграбить его для них дело не только обычное, но и «богоугодное». По-моему, зуб мне выбили, и крови во рту довольно, и больно, и в башке звон, да и хруст какой-то подозрительный был...

Не успели мы подбежать к калитке монастыря, как услышали выстрелы. Стреляли по нам, по заревевшему и вставшему на задние лапы медведю и по монастырю из самозарядок, а в монастыре были только две двустволки, да старенькая трехлинейка. Хорошо хоть, не попали, да и из-за частокола в ответ послышались два выстрела из Мосинки. Закрыв калитку, мы бросились бежали к храму, и тотчас упали на землю, исключительно на всякий случай. Треск ручного пулемета с одиночным выстрелом не спутаешь! Хорошо, что частокол усилен земляным валом – не всякая пуля пробьет. Подбежали на четвереньках к двери храма, юркнули внутрь.

– Чего медленно так бежал? – задыхаясь, спросил Паисий, сжимая сорванную с плеча двустволку в своих немаленьких ладонях, – крутость свою хотел показать?

– Я пока бежал, зуб придерживал... – объяснил я, тоже задыхаясь, – отвлекало...

По бревнам небольшой церкви как будто стучали молотком. Это из пулемета нас поливают, не жалея патронов. Под прикрытием пулемета и на штурм можно решиться!

– Как придерживал, руками? И зачем? – заинтересовался монах, прикидывая, можно выглянуть из узкого окна-бойницы, или лучше подождать...

– У меня зуб выбили, но не до конца. Пока бежал, он во рту болтался, ужасно неудобно... Пришлось языком придерживать... А в руках у меня винтовка была, жить-то хочется...

Положение наше аховое. Мы заперты в срубе, который «храм». Бревна толстенные, крепкие, гнили нет. Это хорошо! Дверца через частокол и вход в храм на одной линии – а это плохо! Кто так строит? Хоть какой-нибудь захаб – и нападавшим пришлось бы туго. Саша на колокольне что-то делал – у него там прекрасный вид, там же и винтовка монастырская должна лежать, да и гранаты мои именно Саша прибрал – я видел! Только он не торопится открывать огонь, потому что сам под плотным обстрелом. Хорошо хоть дал пару выстрелов, отвлек от нас стрелков, пока мы внутрь частокола запрыгивали. Вырваться без потерь – ноль процентов. Заперты и заблокированы. А не забежать сюда нельзя было – смели бы из пулемета, как метлой. Здесь хоть стены толстые, из винтовки да пулемета не прострелишь.

Взрыв прозвучал оглушительно, и как раз со стороны дверки. Понятно, там земляного вала нет, слабое место. А где тонко, там и рвется.

– Во-во, мне тоже жить охота... – прокряхтел монах, и неожиданно гулко заорал, перекрикивая выстрелы, – Саша! Саша! Давай!

И немедленно за стеной раздался взрыв.

Вжавшись в стену, я переждал, пока громыхнет второй – Александр просто воспользовался моими гранатами, а их было всего две, – и быстро выглянул в окно. Мгновенно нырнув обратно, я встретился глазами с отлипшим от другого окна Паисием, который тоже умел считать, и, конечно, прекрасно знал, откуда у Александра гранаты.

– Беда, Петя, – спокойно проговорил монах, – Саша неплохо отметал, но теперь они точно не уйдут.

Как же им уйти, если по двору в сторону пролома на месте дверки в частоколе ползет и кричит так, что закладывает уши, человек в изорванной и залитой кровью камуфляжной накидке. Еще двое лежат и не двигаются. Пулемет рядом валяется, МГ нижегородский. Тройкой прошли: пулеметчик на прикрытии и два штурмовика. Дверь взорвали в вошли... Почему только тройка? И вторая волна где? И почему за раненым не идут? Только проблема в том, что сначала нас надо убить, а потом раненого вытаскивать. Иначе не канает. Дистанция короткая совсем. Но подходить им надо обязательно.

– Захват не удался, так что или гранатами закидают, или колдовская атака пойдет, пулемета-то у них нет... Пожгут огненными шарами вместе с храмом... А давай я тебя покрещу? Все равно погибать... Мы-то, с ребятами, надеюсь, в рай попадем, а твоя судьба – под вопросом. Ты в загробную жизнь веришь? – Паисия хлебом не корми, дай попроповедовать.

– Спасибо за предложение, – буркнул я, – обойдусь пока...

– Ну, не хочешь водой – в огненной купели покрестишься, все же храм православный защищаешь! – удовлетворенный новой мыслью, Паисий даже соизволил поулыбаться.

Вот утешил, так утешил, святой отец!

Мерзавцы за частоколом засели, не видать их. Винтовочная пуля вряд ли пробьет и частокол и земляной вал – стрелять бесполезно. А то бы выстрелил: наверняка по обе стороны ворот засели, зуб даю, все равно он на нитке болтается.

Так дело не пойдет! Сейчас раненого вытаскивать будут, он до ворот дополз почти уже, так что или атака или ложная атака...

Выскользнув из двери храма, я бросился вперед. От храма до частокола расстояние было небольшое, и я надеялся, что подстрелить меня попросту не успеют. Последнее дело сидеть в здании, подвергаясь обстрелу и магическим атакам. Нет ни маневра, ни надежды отсидеться. А мне ведь многого не надо. Только момент затишья между огневой подготовкой и магической атакой... Если бы нам противостояло армейское подразделение, такого момента не было бы даже в теории, но с бандитами могло прокатить. Зажав в правой руке «чекан», а в левой нож и самый крупный смарагд, я одним рывком покрыл расстояние до ворот, надеясь прижаться спиной к частоколу и получить такой сектор стрельбы, который дал бы мне возможность стрелять в тех, кто подойдет к пролому. Походя бросил ножик в извивающегося червяком раненого. Сверху вниз бросать – тут и ребенок, хот раз игравший в «ножики», не промахнется.

Добежать до частокола я не успел. В него выдвинулась фашина, похожая на кусок обшивки то ли с катера, то ли с автомобиля, бронелист какой-то. За раненым, точно! Из-за бронелиста неожиданно ударила ветвистая молния, изогнувшись, ткнувшись в середину смарагда и обжигая мне пальцы, развернулась красивой дугой обратно, пробежалась короткими сполохами по людям, сгрудившимся за бронелистом, они обгоревшими головешками попадали на землю, а сверху упал тот самый лист, став бойцам надгробной плитой. Мне оставалось только стрелять по обгоревшим, один из которых активно шевелился и уже подтягивал к себе новенькую СВД-П, прям как у меня. Амулет был против молнии, не иначе. Но полусдохший уже, или слабенький! Выцелив затылок третьего и хладнокровно нажав на спусковой крючок, я на всякий пожарный спрятался рядом со снесенными воротами, но лес вокруг скита был пуст и тих. Мало их было во второй волне, совсем мало... Почему? Ждал долго, нападающие столько менжеваться не должны – потеря инициативы это. Только когда чуть поодаль засвистала нежной переливчатой трелью какая-то птица, я почувствовал, как меня отпускает напряжение боя, встал и пошел посмотреть, что за гости к нам пожаловали. Дверь сруба распахнулась, я оглянулся и увидел картину, от которой у меня отпала челюсть. Паисий выводил, нет, выносил стонущего и плачущего Александра. Ранили? Крови нигде не видно. Я подбежал к монахам, Паисий знаком показал мне, чтобы я помог опустить Сашу на крыльцо.

– Ник-огд-а-а! Ни-ик-когда! – рыдал и икал Саша, а я попытался въехать, что там никогда? Никогда не убивал? У нас в Великоречье и такие бывают. Но все когда-то

случается в первый раз. Никогда не отстроить обратно ворота этого скита? Ерунда!

– Что никогда? – осторожно спросил я Паисия, а то монахов этих сложно иногда понять бывает.

– Думает, никогда не стать ему иеромонахом, – с горечью сказал Паисий.

– ???

– Священником никогда не быть. Убийцу не рукополагают. Он бы сперва иеромонахом стал, потом игуменом, и наш скит, монастырь бы возглавил, затем архимандритом, это уж другой уровень – ректор семинарии...

– У вас и семинарии есть? – мне всегда казалось, что в вопросах образования я большой спец... Только поэтому я позволил себе перебить Паисия, который, как я догадывался, строил градацию.

– Нет, но могла бы быть... – досадливо отмахнулся от меня скитоначальник, – у нас и архимандритов нет... А вот стал бы он архимандритом, сразу и семинария бы появилась... А потом стал бы Саня епископом, архиепископом, даже митрополитом, и наконец, патриархом! Карьера! – С каждым новым словом голос Паисия приобретал все более и более насмешливое и язвительное звучание.

– Ты вспомни, брате Алесандре, про осаду Соловецкого монастыря, да про то, как от поляков монахи в Троицкой Лавре отбивались! Читал же! Вспомни и устыдись! И найди Тишу, где он там, вдруг его ранили? – психолог Паисий, как есть психолог.

Пристыженный Александр, утерев слезы рукавом подрясника, бросился бегом вокруг церкви на поиски Тихона, который преспокойно вылезал из подвала, а я собирался посмотреть на трофеи, когда Паисий, обернувшись ко мне, произнес:

– Зайдем ко мне, Петя!

В его голосе было что-то такое, что я невольно подчинился. Идти-то тут... Ввалившись в «келью» Паисия, я хотел было усесться на чурбачок, на котором уже сидел, когда Паисий спас меня от «гранитной» ящерицы.

– Подожди садиться, Петя, я на тебе свитер разрежу! – Паисий повернулся ко мне, в руке его блеснул нож.

– Это с какой стати? – поинтересовался я, отодвигаясь от монаха и кладя руку на рукоять «чекана». День сюрпризов, не иначе.

– Так ранил тебя, Петя, – буднично ответил Паисий, – вон, кровь стекает... А ты, видать, на адреналине не чувствуешь.

Я оглядел критическим взглядом свое одеяние, там, куда показывал Паисий. Точно, вот на боку дырка и края кровью попорчены. Погиб свитер, погиб... или зашить можно?

– Не дам свитер распарывать! Так тащи, через голову, полегоньку!

Паисий только крикнул. Поняв, что толку от него не добьешься, я сам рванул свитер. Больно! Больно-то больно, но сознания я не теряю и не собираюсь терять. Бельевая рубашка, снятую одновременно со свитером – ума хватило не снимать шмотки по одной – хоть сразу на выброс, заляпана кровью, а вот сам свитер – нормально выглядит, пуля сделала не такой уж и большой... разрыв или разрез? Дырку, короче! Паисий немедленно нагнулся, изучая мою рану и распрямился с посветлевшим лицом. Даже картинно покряхтеть изволил, разгибаясь.

– Везунчик! Царапина только! Клок кожи снесло, и все дела! – сказал монах, – Сплюнь!

А я уже плюнул, не дурак, рассмотрел слюну и знал, что легкое не пробито.

– Даже ребро не сломано, хоть пластырем заклеивай... – продолжал радоваться монах, – Пластыря-то и нет! Придется бинтовать... А крови-то, крови!

А что крови? У меня ее и так после Конкруды немного осталось!

– Погоди, может, у тебя пластырь есть? – спросил Паисий, и мне пришлось признаться, что у меня нет даже зубной щетки, не говоря уже о такой роскоши, как патроны и запасные носки, не то что ИПП. Семен, зараза, смарагды выдал, а сумку мою дорожную зажулил, почему-то... Что его там могло привлечь? Убитая в контрразведке рубашка? Паисий только головой покачал.

– Ты, Петя, разбинтовываться будешь, делай это в одиночку, – посоветовал он мне, – позору не оберешься, засмеют.

Но все-таки начал меня бинтовать, облив царапину перекисью водорода. И упаковку медицинского бинта расшуровал.

– Патроны сейчас собираешь, не бойсь, – сказал он мне, в минуту закончив бинтовать, – пошли, мародерствовать поможешь.

Монахи-то они монахи, а как до мародерки дело доходит, так что проще – один уводит свидетеля прочь под видом оказания медицинской помощи, другие обшаривают тела, а потом делают удивленные лица...

Как оказалось, подозрения мои были беспочвенны. И зареванный Александр, и Тихон занимались не мародерством и собиранием трофеев, а первейшим делом для того, чей дом стоит в лесу – налаживанием временных ворот. Серого медведя теперь стоит опасаться – злопамятный зверь, а нападавшие его подранили. Монахи принесли пару бревен, а теперь с уханьем, но, что поразительно, без мата кантовали тот самый бронелист с катера, который накрыл попавших под разряд нападавших бандитов. Нам с Паисием досталась почетная роль убрать трупы, пока ими не заинтересовались все окрестные падальщики. Знакомства с большинством из них хотелось бы избежать.

– Надо бы похоронить их, да своя рубаха ближе к телу, – Паисий оглянулся на надрывающихся уже под тяжестью немаленького бревнышка монахов и обратился ко мне:

– Посторожи тут, Петя, ты все равно работать не сможешь... А я ребятам помогу... А потом этих в чашу унесем, да в какой-нибудь яме прикопаем! Не хоронить же их на освященной земле!

– Вы чего, белены объелись, или контужены на всю голову? – мой вопрос я постарался сформулировать повежливее, – Эти же не просто так пришли! У них катера или лодки! Там кто-то у берега караулить остался! Надо быстро бежать мочить их, пока они не пришли, да нас не замочили! Или за подмогой не поплыли! – досадно, что такая разумная мысль пришла мне в голову только сейчас, а то б потерпел с перевязкой.

Невзирая на кольнувшие бок иголки боли я подхватил СВД-П, лежащую на земле, вытянул из подсумка убитого бандита пару магазинов и оглянулся на монахов, поджидая, когда они ко мне присоединятся. Не тут-то было.

– Даже если ты прав, и там действительно лодки... – начал Паисий раздумчиво и неторопливо, – убивать мы никого не пойдем! Этих мы убили, но они напали на наш скит, и тут мы в своем праве!

– Те, что у лодки, тоже напали на ваш скит! – Вы хотите задать логическую задачку Петру Андреевичу Корнееву? Преподавателю, пускай и бывшему, Тверской Академии? Ну-ну! – Именно напали! Но роли у всех нападавших разные! Кто-то тащит бронелист, кто-то стреляет, кто-то молниями швыряется! А эти лодки караулят! Разные роли, одна задача и намеренье! Одна цель и командование! И поэтому разницы между ними нет!

Паисий ничего не ответил, только с суровым видом начал шуровать топориком, освобождая от древесных обломков створ ворот. Тихон с Александром яростно ему помогали... Ну что возьмешь с таких людей? Им же все растолковано и в рот положено! Объяснено и разжевано! Вот упрямство-то ослиное... Я уж плюнул и собрался идти в одиночку, когда Паисий оторвался от работы и сказал:

– Зря ты, отец Петр, сердисься! Ты почти правильно рассудил, только вот какая тонкость: объясни-ка мне, почему эти, – тут он бесцеремонно указал топором на лежащих мертвецов, – тут лежат, а те, – лезвие взметнулось вдоль тропинки, – там стоят? Про роли ты все верно говоришь, только почему роли так распределились? Почему кто-то жечь нас пошел, а кто-то у лодки остался? Можешь ответить на этот вопрос?

– Да что отвечать-то! – вступать в философские дискуссии? А время? Время утекало сквозь пальцы, и хотя я тщательно прислушивался к обычной жизни леса, пытаюсь вычленить непривычные, человеческие звуки и запахи, умом я понимал, что проигрываю. – Могут быть тысячи причин! У лодки оставят главаря, или слабых, или самых трусливых, или

раненых...

Раненых и трусливых? – это и есть мой шанс! Не слушая Паисия, к воплям которого присоединились голоса Александра и Тихона, я почти бежал по тропинке, не забывая, конечно, насколько возможно при такой скорости движения, осматривать окрестности.

То, что эти клоуны пришли от реки, я не сомневался. По Свене сплавлялись, или против течения шли, от Велаги? Если по Свене, но тогда получается, плыли в Гуляй-поле, а откуда они плыли? И проплывая мимо Конкруда, заплатили налог, или получили от него задание поймать зарвавшегося полуэльфа? Пардон, эльфа-полукровку? А если через Велагу, то какой тогда крюк серьезный! И еще крюк, чтобы по суше попасть к скиту? То есть либо случайно вышли, либо нападение на скит было заранее запланировано... Что ж результаты такие скромные? Или шли они именно к Конкруду? Как раз когда у того появились пушки? Странно все это, и совпадений многовато, на мой вкус.

Лодок у берега не было. Точнее, они были, но не на поверхности воды, а искусно затоплены в этаким бочажке, где могли бы водиться сомы, а теперь вот лежат две шестиметровые лодки. Не знал бы, что искать, не нашел бы... Даже не лодки это, а лодка и катер – для лодки бронелист не является привычным элементом обшивки. Отодрали, а сам катер затопили... Очевидно, что поднять его можно, можно и починить. А вот со второй посудиною, по моему мнению, и возиться не надо – пулями изрешечена до полной неузнаваемости. И то ли взрыв был на борту, но борта исхлестаны так, как не всякий имп водяной свою жертву раздерет. А катер можно поднять, можно именно на нем с шиком отправиться в Гуляй-поле. Но это потребует времени, сил и средств. Как раз дело для монахов, а потом пусть забирают, не жалко...

Когда я вернулся, чтобы сообщить монахам радостную весть, что теперь у них есть свой флот, правда, подводный, то застал всю честную компанию в глубокой задумчивости перед одним из мертвецов, ничем не примечательным пожилым мужичонкой, кисти которого были исколоты какими-то воровскими татуировками.

– Никого не было у берега, – миролюбиво заметил я, подходя к монахам. Да их голыми руками можно было брать – шагов моих они не слышали!

– Взгляни, отец Петр, – прокряхтел Паисий, он единственный не вздрогнул от звуков моего голоса, – знаешь сего молодца?

Ишь, как заговорил, скитоначальничек!

– Нет, не знаю, – ответил я, скользнув взглядом по простецкому лицу мужичонки, – знаменитость местная?

Александр и Тихон прыснули в кулак и тотчас виновато оглянулись на Паисия – перед лицом смерти не положено тут веселиться. Но и Паисий не отстал, он лыбился во весь рот, тщетно пытаясь придать своему лицу приличествующее скорбным минутам выражение.

– Точно, знаменитость. И действительно, местная! Кроме этой местности его, я думаю, нигде в лицо и не знали. Это Слива, Григорий Слива! Или кто-то весьма похожий на него... Все-таки я с ним за руку не знакомился и на брудершафт не пил... Но похож, сильно похож!

Тут Паисий замолчал, давая мне возможность проникнуться. А чего тут проникаться?

– Ну слива... Да хоть вишня... Я что, Чиполлино, чтобы меня этот фрукт повергал в ступор? – тут я позволил себе насмешливо оглядеть скитников.

Услышав такие речи, монахи и вовсе потеряли дар речи.

– Ничего не слышал о Сливе? О Федоре Сливе? – с подозрением спросил Тихон.

– Откуда? – с непритворным удивлением ответил я. – Спросите меня имена поэтов Озерной школы, из пришлых, отвечу! Французских символистов конца XIX века, отвечу! Эльфийских сказителей второй эпохи, тоже отвечу! Но про сливу вашу ничего не знаю, виноват! Просветите! И кстати, вы же о Григории говорили?

– Федор Слива – глава одного из бандитских кланов в Гуляйполе, Григорий – его брат и ближайший помощник, – ответил Александр. Он, как я посмотрю, все-таки большей доверчивостью отличается, чем даже Тихон, хотя по возрасту и старше, – Клан Сливы – один из сильнейших! Наркотики, оружие, рабы – все это они контролировали. И еще Федор

привечал орден Созерцающих. О них-то слышал?

– Об этих слышал... – ответил я задумчиво. Не сходится. Не сходится, хоть режь! Не мог Слива, если он брат предводителя «клана», так глупо погибнуть...

– А как у них там, в Гуляйполе, перевыборы предводителей происходят? Как у нас, в Тверской Академии выборы ректора – раз в четыре года, или чаще? Может, время пришло?

Это было одним из самых простых решений этой задачки. Если «перевыборы» предводителя бандитов хотя бы отчасти похожи на ту грызню, которая устраивается в Тверской Академии, то проигравший Слива со всей родней запросто мог отправиться или на корм рыбам, или в изгнание. На пенсию, так сказать... С небольшой свитой, например. И напороться на скит. Решил, по бандитской привычке, взять, что плохо лежит, знал ведь, что христиане всегда «левую» подставить готовы... Да только сам остался лежать под бронелистом собственного катера.

Проследивший нить моих рассуждений Паисий только согласно кивал головой.

– Мы к чину анафематствования Созерцающих приписали, – прокричал он. – И не только их, конечно, все эти Ордена. Согрешили, переправили тексты, но как иначе-то? Ариан проклинаем, а этих? «Созерцающих», по моему сугубому мнению, надо каленым железом!

– Паисий, если этот Слива из Гуляйполя сбежал, то, может, погоня за ним будет? Не пора ли валить на заранее подготовленные позиции?

– Какие позиции? – удивился монах, – Мы никаких позиций не заготавливали...

– Что, и землянок в лесу не отрыли, на всякий пожарный? – не поверил я.

– Тут землянку отроешь, на следующий день придешь, а в ней уже серый медведь живет, – рассмеялся Тихон, – да и не пойдем мы никуда от храма...

– Ну хоть казна у него, – я невежливо ткнул пальцем в покойника, – с собой богатая была?

Слова мои едва не оказались сигналом для монахов. И для меня самого, понятное дело. Но всех остановил Паисий.

– Стоять! стоять, я сказал! – теперь вот веришь, что монах этот не всегда рясу носил, а когда-то и камуфляж успел... Не иначе, до унтер-офицера дослужился.

– Слива был бандитом! И непростым! А еще хитрым, жадным и злопамятным человечком! Наверняка, если мы начнем его потрошить, то окажемся под магическим проклятьем!

– Так мы его убили, – с сомнением ответил Тихон, – может, мы уже...

– Не-е-ет! – со старческой хитринкой протянул Паисий, даже прищурился, так что все лицо его пошло тонкими морщинками, – Его собственный маг прикончил, который цепную молнию пустил! Она по Пете ударила, а у Пети амулет какой-то, а потом отскочила на тех, кто ближе! А ближе как раз Слива с присными оказался! Так что на маге и проклятье!

– А вот вещички его лучше не трогать, – Паисий сказал это безо всякого сожаления, и я его понял – жизнь-то дороже! Это во-первых!

– Что, и во-вторых есть? – удивился я.

– Во-вторых то, что большинство амулетов божкам посвящено! Или знаки божков на них, или от алтарей этих божков запитываются! А Слива кому поклонялся? Кали! Нам такие амулеты нужны? А тебе, Петя?

– Оружие с патронами можно собрать, да и прочее, – я крепко надеялся на то, что проклятья, если они есть, будут утянуты в смарагды, – только я сам буду собирать, вы не лезьте! Амулеты, ладно, трогать не буду...

Обыск бандитов особых результатов не дал. Нет, патроны я выгреб, оружия тоже насобирал, но денег было – кот наплакал. И то не у Сливы, а у его спутников. Сам «брат предводителя» давненько, видать, в руках налички не держал... Не считать же добычей расчетные книжки банков Новых и Старых княжеств, они на ауру конкретной личности завязаны, мне не светит ничего. Собрав их целую горку, я задумался, что было бы, если бы я был колдуном. Например, смарагд захватывает часть ауры Сливы, а потом я, управляя

смарагдом, работаю с расчетными книжками... Озолотился бы... Мечты, мечты...

Помрачневший Александр, видя, как я осматриваю трупы, задал, немного насупившись, вопрос, который очевидно постеснялись мне задать Паисий с Тишей:

– А у тебя амулет какому демону посвящен?

Видно было, что ему неприятно считать себя обязанным жизнью какому-то там божку. Рискнуть, не рискнуть?

– Это не амулет, а редкий природный минерал, кровавый смарагд называется! Больше ничего сказать не могу, и вам советую никого никогда о нем не спрашивать для вашей же безопасности!

Повеселевшие монахи пообещали...

Все оружие я решил оставить скитникам, взяв себе только все патроны для СВД, которых оказалось совсем немного, парочку гранат, взамен потраченных Александром, да плащ-палатку старинного военного образца, скатанную в валик и притороченную к рюкзачку одного из спутников Сливы. Потом подумал и выбросил эту плащ-палатку. Не лежит душа к мародерке. Патроны с оружием выгрести – это святое, а вот вещи... Хотел посмотреть ножи погибших – я вообще к холодному оружию уважительно отношусь, но тоже бросил – своих два, куда ж больше?

Этот день мы почти полностью потратили на восстановление ворот, потом оттащили тела погибших в лес, бросили в небольшой овражек, скорее, яму, которую почти наполовину забили хворостом, и устроили всем коллективное огненное погребение. Сожгли, то есть. Тихон предложил амулеты с тел насобирать, да в Свену забросить, но я отказался: если б амулеты были действующими, вряд ли бандиты погибли бы от какой-то молнии. Похоже, амулеты были разряжены, Кали как-то сплеховала, сами бандиты изрядно потрепаны, а их «последний рывок» вообще был образцом глупости. Ни разведки, ни плана атаки. Передовой дозор из мальчишек, который оказался не в состоянии справиться со мной, медведем да с Паисием. Принцип «умри ты сегодня, а я завтра»... Зуб мне, правда, выбили, да свитер прострелили. Вот и все потери с нашей стороны. Только ворота в скиту выбили еще... Что особенно смешно, над телами бандитов христиане молиться отказались. На мой законный вопрос, как же так, я услышал, что в заупокойных молитвах христиане молятся о единоверцах, а вот о язычниках, особенно поклонниках Кали, им не положено просить своего Бога. Впрочем свое «правило» монахи все равно отстояли. Пока они молились, я обдумал, как зашить свитер, и вплотную занялся швейным делом.

Одно дело, если плетение магически обработанных нитей, не сработавшее, конечно, в моем случае, было по всему свитеру. Другое дело, если только по груди. Я как-то не удосужился проверить... Точно, по груди только! Эх, опять я лоханулся! А Волобуев-то, вот ушлый лавочник! Скидку огромную сделаем! А магическая нитка-то по плечам, по груди да по брюху только! Ну и ладно! По крайней мере, зашивать прореху на боку можно, не опасаясь, что нарушу сложную систему переплетения магических потоков...

Идея поднять затонувшие лодки монахами воспринялась на ура. На реке лодка лишней не бывает. В Гуляй-поле они не плавали, но иметь возможность перемещаться по реке, может, даже пройти по Великой, упустить не могли. Сделать флот из подводного самым обычным, «речным», решили завтра.

* * *

Лебедку сделали из пары блоков, подцепили за нос и за корму, ручным воротом стали вытягивать. Со дна сорвали катер легко, не успело его сильно засосать, к поверхности тоже подтянули на раз, а вот дальше пришлось туго. Пришлось связать пару бревнышек на манер плотика, подойти на нем к катеру вплотную и поработать ведром вместо черпака – дно у катера было целехоньким. Бандиты хотели, видать, сами поднять потом, да не судьба...

Откачав большую часть воды и перепрыгнув в катер, я занялся осмотром мотора, и при этом был приятно удивлен: мотор, упакованный в непромокаемый мешок изрядных

размеров, лежал на дне катера.

Через полтора часа катер уже сносно держался на поверхности воды, мотор был распакован и осмотрен, его можно было устанавливать, чем и занялся Паисий с Александром. Мне досталась почетная роль охранника, которую я выполнил с удовольствием, растянувшись на берегу на охапке хвороста.

Мотор казался вполне рабочим, но топлива в нем было только для того, чтобы он, прочихавшись, неожиданно сильно рыкнул и заглох. Выяснилось, что был перебит бензопровод, и не будь на моторе каких-то защитных заклинаний, которые просто обязаны были быть, по утверждению Паисия, весь агрегат давно бы взорвался.

– Ничего, Петя, до Арсайла на веслах дойдем, хоть и против течения, а там починимся и топлива купим! – даже при таком раскладе ценность катера и мотора была достаточно велика, чтобы не попробовать его починить.

Пришлось признаться, что в Арсайд мне совсем не надо, Конкруды повторно навещать в мои планы не входило.

– Ну так до Гуляйполя тебя по течению сплавим, у бандитов починимся, заправимся, а там уж поднимемся вверх по течению.

– Вы же не хотите к бандитам ехать, я правильно понимаю? – что общего может быть у бандитов и этих чудаков... Но Паисий уверил меня, что цепочка рассуждений: «я покупаю бензин у бандитов, даю им деньги, а потом на мои деньги они снаряжают рейд по Великой, так что я тем самым оплачиваю бандитский рейд» верна лишь отчасти. Все равно механики и мастера по починке лодок, катеров, яхт и хаус-ботов в Гуляй-поле живут. То, что эти мастера в своих мастерских получают немного денег от монахов, не означает автоматического спонсирования бандитского рейда. Хотя, если доводить все до логического конца, не надо бы в Гуляй-поле ничем пользоваться... но есть долг благодарности, и он важнее... В принципе, можно было бы отправить монахов в Арсайд, но мне почему-то не хотелось и думать об этом.

Глава 9, в которой главный герой добирается все-таки до Гуляй-поля

В Гуляй-Поле я плыл королем: катер был готов еще к вечеру, его подлатали, даже бронелист попытались приладить на место, но потом отказались от этой идеи. Зато заново покрасили верх быстросохнущей краской и чуть-чуть нарастили борта с помощью досок и гвоздей, варварским способом. Это было нужно в первую очередь для того, чтобы катер не расстреляли те, от кого так улепетывал Слива. Конечно, такие детские уловки никого обмануть не могли, но я был уверен, что главного мы добьемся – нас не расстреляют, не спросив имени-отчества. А уж дальше, если будут выяснять, откуда катер, то монахи от нового ректора, тьфу ты, предводителя бандитов, могут и премию потребовать. За Сливу.

На катере установили весла, и с рассветом Александр сел «впередсмотрящим», я уселся рядом с ним, немедленно задрал ноги на обшивку, Тихон сел на заднюю баночку, а вот Паисий оттолкнул нас с берега, да остался в монастыре на хозяйстве. Александр ловко управлялся со своим веслом, я смотрел на лениво пробегающие лесистые берега Свены, даже не делая вид, что готовлюсь к отражению возможной атаки, Тихон же, несмотря на свой болезненный вид, ворочал тяжеленным рулевым веслом, как заправский речник. Парус решили не поднимать, мачта все равно была самодельной, а сам парус не заслуживал и рядом лежать с лоскутным одеялом. Пошит он был самолично мной из той самой надоедливой плащ-палатки, всякой ветоши и моей подпорченной натальной рубахи, и, если честно, я был только рад тому, что парни постеснялись его ставить. Белеет, понимаешь, парус одинокий...

Переход по Свене был недолгим. Плыли по течению всего-то часа три с половиной, до впадения ее в Велагу. Тихон держал катер прямо посередине течения, и я совершенно не почувствовал, что мы перешли из одной реки в другую. Но ноги с борта убрал и стал более внимательно смотреть по сторонам, потому что, в отличие от Свены, к Велаге вело большое количество проток, а в разросшемся камыше между ними можно было спрятать всю ярославскую конницу и всю ярославскую рать. Еще через два часа мы подошли к бую, который информировал лодки, спускающиеся по течению, что впереди нас ждет Гуляй-Поле. Дальше буи стали попадаться едва ли не через каждые двести метров. Прихотливые отмели у Велаги, весьма прихотливые...

Швартовка на пассажирском причале Гуляй-поля произошла буднично, как будто в самом обыкновенном порту любого из Новых княжеств. Шустрый друэгар, закреплявший конец, что-то втолковывал монахам, Александр, лихо сбив на затылок свой колпачок, именуемый скуфейкой, начал даже торговаться, а я уже выскочил на причал и, махнув на прощанье скитникам, пошел по пристани, во все глаза рассматривая этот город-республику, где воплощалось правило «Анархия – мать порядка».

Конечно, попрощаться с монахами можно было бы и сердечнее, но мы заранее договорились, что никаких соплей не будет – мало ли кто наблюдает за катером. Скорее всего, мы переосторожничали: вряд ли Слива позволял кому-нибудь даже один взгляд бросить на катер, который должен был, в случае чего, спасти его шкуру.

Каблуки моих сапог выбивали по деревянной пристани бойкую дробь, я любовался на огромные хаус-боты, вальяжно стоящие у причала, который иначе чем «золотой милей» нельзя было назвать.

– Корнеев! Корнеев! Петр Андреевич! – позвали меня с террасы одного из домов, пardon, с верхней палубы хаус-бота.

Что мне стоило не побежать, а спокойно оглянуться, не знает никто.

«Неужели так быстро поймали?» – этот вопрос чуть не заставил меня рвануть со всех ног вдоль причала. Но, к счастью, удалось узнать голос.

Выпускники, бывшие студенты и слушатели Тверской Академии встречаются порой в самых неожиданных местах. С палубы мне весело махал один из дворянских недорослей, которого рассудительный папаша некогда засунул в Тверскую Академию, заплатив, конечно, кругленькую сумму.

Когда ректор Академии едет к Великому Князю выклянчивать очередной грант на самонужнейшие исследования, я лишь удивляюсь его способности лицемерить. Денег у Академии довольно. «Платные» места, в отличие от «бюджетных», с удовольствием занимают отпрыски аристократических аборигенских родов, у них и программа чуть отличается, и спецкурсы свои. Все студенты на «Тактику малых групп», например, ходят, а аборигены-«платники» на другие спецкурсы, под них разработанные. Спецкурс по поэтическому искусству, который я и вел, как раз для аборигенов был в свое время состряпан. Потому что истинный аристократ может не уметь читать и писать, но обязан уметь сопрягать слова в поэтические созвучия.

Впрочем, многие из «бюджетников», то есть «пришлые» с удовольствием посещали мой спецкурс, пока люди из номерного отдела Академии не обратили внимание на этот прискорбный факт и не решили, что идеологическое воздействие на неокрепшие умы аборигенских дворян и студентов из пришлых нужно поручить более проверенным товарищам. Проваренным в чистках, как соль. Чтобы, выйдя из стен Академии, выпускники проводили «политику партии». Это было разумно, и это был закат моей карьеры. Не найди наши «агенты» повод выкинуть меня из Академии раньше окончания срока действия договора, дождались бы конца учебного года и просто не стали бы договорчик продлевать. Ненавижу!

Вар-Эймин, вот фамилия этого дворянина. Рыцарь. Из богатеньких.

– Рад приветствовать, блистательный рыцарь! – я изобразил нечто вроде глумливого поклона, обмахивая ноги несуществующей шляпой, и бывший студент с удовольствием

поддержал мой высокопарный тон.

– И я вас, о высокоумный толкователь древних текстов! – и ржет, как лошадь. – Какой вид у вас воинственный... – Рейнс указал на чехол с СВД, небрежно повешенный на плечо, но его замечание, конечно, касалось и того, что никаких носильных вещей у меня с собой не было. Зубная щетка, выделенная мне из стратегических запасов «отца» Паисия, помочь в этом, увы, не могла.

– Что ты, какой из меня воитель? – рассмеялся я, – Вот в библиотекарю бы пошел с удовольствием.

Мой ответ тоже был с двойным дном. Когда Рейнс учился, его папаша попросил меня за небольшую мзду составить сыну библиотеку. Слово за слово, я предложил вкладывать деньги в старинные фолианты. После нескольких довольно удачных операций удалось подобрать очень неплохую библиотечку, да и выгадать чуток на книжном обмене. Я даже предпринял попытку восстановить несколько утраченных старинных текстов, исходя из кусочков рукописей, черновиков и прочего хлама, спешно скупаемого Реймсом и его многочисленной родней где угодно, даже у старьевщиков, предлагающих бумагу для растопки, после чего Вар-Эймины преисполнились ко мне иррациональным уважением. Через некоторое время, когда мы уже стали считать себя специалистами в вопросах торговли книжными раритетами, выяснился факт, поставивший нас в тупик. Кто-то начал без разбору скупать древневилларские тексты, посвященные магическим ритуалам. На коротком совещании я высказал предположение, что дело не обходится без спецслужб, и предложил придержать имеющиеся в наличии тексты, предназначенные для обмена и продажи, чтобы получить большую цену. Самое время узнать, как дела на «букинистическом» фронте.

– Зайдете, Петр Андреевич? – Реймс, кажется, уверился из моего ответа, что проблем со мной не будет. Мне б его уверенность...

А чего б не зайти, зайду. Высоченный, грузный и какой-то рыхлый охранник-абориген с ККС-ом при сходнях держал морду кирпичом и не соизволил даже шевельнуться, когда я подошел к нему вплотную, так что мне пришлось протискиваться мимо него боком. А я не гордый, я повернулся и попытался просочиться мимо этого героя. Как всегда, в самый неподходящий момент ремень чехла винтовки соскочил с моего не такого уж и широкого плеча, и я втянул в голову в плечи, представляя, как приклад грохнет о доски палубы. Не выношу резких звуков! Странно, но звук был совсем не громким, как будто винтовка свалилась на что-то мягкое, а охранник почему-то выругался и заглянул себе в ноги. Пузо слегка мешало парняге, поэтому он слегка качнулся вперед, а я как раз рывком подхватывал винтовку, упавшую бедолаге точнехонько на сапог. И, какая жалость, ствол винтовки слегка боднул охранника в глаз. Вот незадача, хорошо хоть винтовка в чехле была! Так что если и будет фингал, то маленький, незаметненький. И нечего смотреть так злобно, ничего страшного не случилось...

– Ой, простите, пожалуйста, – равнодушно бросил я охраннику, улыбаясь веселящемуся Реймсу. Черноволосый и светлоглазый молодой дворянин из маленького баронства близ Астрахани располагал к себе широкой улыбкой и выверенными жестами потомственного правителя. Черный свитер военного образца, из-под которого высывался ворот белоснежной рубахи, был украшен бронзовым с бело-синей эмалью «поплавком» выпускника Тверской Академии. В отличие от Виталиной платины, равно и всех прочих драгметаллов, бронза означала, что выпускник отнюдь не маг. Ну и что? И без магических способностей некоторые очень неплохо живут... Вон какой хаус-бот имеют... И самое обидное, безработного препода юнгой не возьмет, постесняется...

– Ну как вы, Петр Андреевич? – Рейнсу действительно было приятно меня видеть, хотя мой вид не мог не вызывать у него вопросов. – Развлекься сюда? Все там же, в Академии, служите?

– Спасибо, неплохо, почти, ушел, – все-таки ответил я, да еще и последовательно, на град вопросов, которыми рыцарь забросал меня, продемонстрировав полное нежелание слышать ответы. Поразительно, студентов каждый год Академия выпускает, судьбы их и

деяния неудобосказуемы бывают, но каждая сволочь, протиравшая штаны в «поточках» Академии и на ее «сачках», искренне считает, что преподаватели должны оставаться все там же на тех же местах, желательно с тем же выражением лица, как привязанные. Поэтому мой ответ о том, что я «ушел» из Академии, должен пойти мне не в плюс, а в минус, если я что-нибудь понимаю в людях.

– Время ланча! Чайку попьете со мной? Заодно и поговорим? – предложил Реймс, и я энергично закивал головой. Еще бы!

* * *

Горячий душ, чистое белье, белоснежная скатерть, серебряный чайный набор вкупе с тончайшим «ломоносовским» фарфором, горячие булочки, масло, сыр, несколько сортов джема, ветчина, что еще нужно от жизни! Улыбчивая девчушка, черноглазая и черноволосая, с длиннющей косой и голым мускулистым животом, в широчайших шароварах, подчеркивающих ее тонкую талию, накрыла на стол и осталась в комнате, выжидательно глядя на Реймса. И плечи у нее, гм, плечи... Я бы махнулся не глядя. Телохранительница из маранийек, что ж, неплохой выбор. Довольно симпатичная, надо признать. Маранийки, они ведь почему ценятся? Потому что прекрасные телохранители, обученные сражаться с людьми, нелюдью, нечистью, чудищами всякими и тэ-дэ? Не только за это! Они ценятся, потому что их кодекс предписывает выполнять все пожелания нанимателя. Все-все-все! И поэтому они довольно популярны у состоятельных мужчин... Я бы не взял такую, голенастая очень, что шароварами и прикрывает. Понятно, при ее-то профессии... С другой стороны, денег нет. Были бы деньги, может, мне бы голенастые нравились? Философский вопрос, на засыпку...

– При ней будем говорить? – мне-то сказать нечего, а вот ты не боишься секретами при телохранительнице делиться? Хотя какие тут секреты?

– А чего, при ней вполне безопасно, вы же знаете... Не курит, не пьет, матом не ругается, еще и крестиком вышивает, – Реймсу, похоже, было приятно нахваливать девчонку.

– Крестиком? – оживился я, – а свитер зашить может?

– Да запросто, – уверенно ответил дворянин, – да выбросите его, я вам новый организую...

– Не-ет, – протянул я, – этот мне дорог как память! Посмотри-ка, милая, я его, конечно, зашил, но вообще-то я больше по парусам специализируюсь... А тут надо петли подтягивать, работа тонкая, математическая...

* * *

– Так вот, книги все еще в цене, но службы Новых княжеств, пожалуй, не при чем... – заверил меня Реймс, после того, как приказал своей... зашить мой свитер. На мою просьбу девчонка даже не прореагировала, – Это они в начале Эпохи Переноса зверствовали, рыскали, тащили все, не разбирая. Потом поняли, что обучение магии по учебникам не слишком продуктивно, и просто наняли всех серьезных колдунов, включая Бэраха и Ас-Пайтора. Так что сейчас суетиться им ни к чему. Все схвачено. Есть вариант, что книги собирает новый игрок, если появление такого вообще возможно. Мы навели справки. Ни в промышленности, ни в армиях, ни на рынке вооружений ничего такого, если, конечно, не считать войну тверичей против эльфов Закатной Пуши и прочие заварушки.

– А если считать? – мрачно буркнул я, крайне раздосадованный тем, что моя догадка оказалась ложной. Понятно, я был озлоблен на наших «академических» агентов, вот и решил, что «контора» виновата. А надо было подумать сначала...

– А если считать, то в Тверском княжестве что-то нехорошее делается, – нахмурился Реймс. – Восстания сипаев, многие местные присоединяются. Все кипит, все бурлит...

Меньше всего на свете меня интересуют сипаи и их восстания. Ради чего они восстают? Ради повышения жалования?

– Кто такой Ашмаи, знаешь?

Реймс беспомощно пожал плечами, и я просветил его:

– Чую, селезенкой чую, что это имечко мы еще встретим, когда разговор зайдет о новом игроке...

* * *

Устроившись со всем возможным комфортом в роскошной гостевой каюте на хаус-боте Реймса, даже отдохнув полчаса, я решил прогуляться по городу. Вот припрячу здесь, в каюте, смарагды и пойду. Ладно, один возьму, на счастье... Коробочку из-под «Крема» по здравом размышлении решил не прятать, а взять с собой – в Гуляй-поле запрещенных наркотиков нет, так что буду я в этом городе самым-пресамым добропорядочным гражданином... Зайду куда-нибудь в кабак, музыку послушаю, на девок поглазею. Выпью по маленькой, развеюсь... Семен перед тем, как скинуть меня со стены Арсайлского замка, все же шепнул мне адресок некоего кабачка в Гуляй-Поле... Вот туда и зайду...

Улицы города мне не понравились. Цитадель разврата и порока почему-то не захотела поворачиваться ко мне своей парадной стороной. Пыльно,людно, или пыльно и безлюдно – зависит от того, по какой улице пойдешь. И в таких «перепадах» есть что-то неприятное. И детей нет на улицах. Вот ни одного... Искусственный город, иначе не скажешь. Очень много нищих и калек, сидящих на обочинах дорог, перекрестках улиц и просто приваливших к чьему-нибудь забору. Все возможные виды жалостливых поз, трясущиеся руки и подбородки, мутные взгляды, язвы, струнья, лохмотья...

Нет, я, конечно, понимаю, что в Великоречье много калек: и войны случаются, и вооруженные конфликты масштабами поменьше, и бандитов куча, и от нежити с нечистью многие страдают, да и от хищников, но чтобы столько и вот так напояз... Почти все нищие были или пьяны или под кайфом, что придавало им неуместно возбужденно-агрессивный или совсем уж бесстрастный вид каменных статуй. Горгулий этаких. Центр города, то есть улицы, ближайшие к пристани, еще ничего, в том смысле, что нищие все куда-то подевались. Здания... Кабаре на казино сидит да гостиницами погоняет. Вышибал полно, много частных охранников, много заборов с «колючкой» поверху, с насупленными вертухаями у ворот, и вообще, вид у большинства прохожих такой, что чисто рефлекторно за револьвер хватаешься. Знал бы заранее, обязательно бы подписал ту петицию ярославскому князю о «скорейшем уничтожении рассадника», что у Волобуева лежала. Мой свитер, кстати, вычищенный с помощью какого-то полезного амулета и починенный телохранительницей Реймса, невозможно было заподозрить в том, что он побывал в драке. Очень респектабельный свитер... И очень помогает, как оказалось, в таких вот местах. Несколько мутных личностей, заступивших мне дорогу в одном тупичке, куда я свернул исключительно от незнания местной географии, посмотрели, как им подмигнул крестик из магически обработанной нити, и рассосались куда-то, решив не связываться. Странно, я бы щеголя в такой «шмотке» не пропустил. Или дело в моих ушах? И усах? Я уж на гранате усики разогнул... Как разогнул, так и загну... И в переулки больше заходить не буду, от греха.

* * *

Вот, кстати, кабак, тот самый, по внешнему виду не из дешевых... Чинно пройдя мимо вышибалы, подмигнул бармену, назвал Семена, упомянув для верности и Тимохина... И только потом сообразил, что сам Тимохин вряд ли знаком с этим аборигеном, стоящим за барной стойкой. А что теперь сделаешь? Теперь уж ничего... Я кратко изложил насторожившемуся «шпиону» свою просьбу свести меня с теми, кто объяснит мне происхождение «Крема». В ответ получил исполненный подозрения взгляд да

проговоренный быстрым шепотком другой адрес. Тоже кабака, между прочим. Что ж, сходим, чего б не сходить. Заказал кружечку темного царицынского пива, чтобы выпить прямо у стойки. Не выбегать же немедленно, привлекая всеобщее внимание! Во я какой конспиратор! Присел на высокий вращающийся стульчик, оглядел зал кабака.

Да-а! это хороший кабак, дорогой. Не надо бы мне здесь зависать, да и пить не надо, совсем не надо... Надо допить кружечку до половины, повернуться и выйти. Пойти погулять, воздухом подышать...

– Петя? – вопрос был задан знакомым мужским голосом, острая игла застарелой боли кольнула над правым ухом, пробежала холодной стружкой пота по позвоночнику, заставив стиснуть зубы, в памяти всплыло смеющееся лицо с такими же, как у меня, острыми ушами и светло-русыми, но не белыми, как у всех эльфов, волосами. Затолкав себе обратно в глотку то ли крик, то ли стон, я обернулся к бывшему жениху своей погибшей сестры. Улыбка вышла слегка кривоватой, но, надеюсь, искренней. Обнялись. Просто день встреч какой-то.

– Ишь, как вырядился, не узнать тебя! Богатым будешь! – колдун внимательно, чуть ли не с профессиональным интересом оглядел меня.

– Твоими устами! Здравствуй! Те! – он был не один, впрочем, как всегда. – Вот так встреча! Ну, как ты? – спросил я, хотя и сам прекрасно видел: Пантелей нежно улыбался молодой светловолосой женщине, рядом с которой постоянно находился кто-то из охраны – пару рослых пареньков из пришлых невозможно было идентифицировать как-то иначе. Уж больно повадки характерные...

– Женился вот... Знакомься, Петя... Настенька! Это Петя Корнеев, самый глупый полуэльф Великоречья. Остальные как-то крутятся, деньги зарабатывают, а он виршеплетству недорослей из аборигенов учит. Из тех, что в рыцарей не наигрались.

– Учил... – поправил я Пантелея, – Приятно познакомиться, Анастасия! Прекрасно выглядите! Поздравляю с замужеством! И ты неплохо выглядишь, Пантелей! Рад за тебя!

Анастасия вежливо поулыбалась мне, махнула рукой со здоровенным браслетом замысловатой формы, и отошла вместе с охраной к зарезервированному столику. Хозяин заведения бежал впереди, услужливо показывая путь и кланяясь...

– Ты вот что-то осунулся, случилось что, Петя? – Пантелей был, как всегда, внимателен, он этим отличался. – Раньше все скакал...

– Бывший студент мой, сволочь, во сне все приходит, – свалить все на Виталию, да и точка.

– Во сне?

– Приходит мерзавец такой, всякие гнусности предлагает...

– Ко мне иногда тоже... приходит... – Пантелей зябко поежился, совершенно произвольно, – черная такая, смотрит жалобно... скулит...

– Демоница? – скулящая демоница, надо же! Пантелей – колдун сильный, и меня не удивляет, что у него демоны скулят. Как бы боги не заскулили.

– Собака... маленькая такая шавка, хвост бубликом. Вроде сижу я в доме, за окном дождь, а она подвывает за дверью...

Да, непросто все. На каждого Ерёму свои погоны. Или прогоны? Нет, как-то по-другому поговорка звучит. Короче, Пантелей тоже в борении. И если он дверку откроет...

– Ты дверку-то не открывай, на всякий пожарный... – посоветовать Пантелею мне нечего, разве что... – и вот что, Пантелей, ты не пожалей времени, проконсультируйся с христианами. Слышал про таких?

Пантелей только плечом повел. По лицу его прочитать ничего нельзя было, но я нутром чувствовал, что словам моим он особого значения не придал. Что ж, мое дело прокукарекать, а там...

– А что ты врал, что я самый глупый полуэльф? Ты где умных-то нашел?

– Да была история, – хмыкнул Пантелей, – тут же, в Гуляйполе, недавно совсем, в частном игорном доме один полуэльф в карты играл, причем ставил на кон магические амулеты. Редкие, дорогие, старинные и очень, очень опасные. Бхут-арир, например. И

заметь, все время проигрывал... Вот это умный полуэльф!

– С чего это он умный? – я никак не мог взять в толк, чем это проигравшийся в карты лох заслужил право называться умным. Да и название амулета слышал в первый раз.

– С того, что не успел я там появиться, как он смотал удочки. Так и ушел, с концами...

– И мне пора уже... – было очевидно, что приглашать за свой столик Пантелей меня не будет. Да и знакомство у меня с ним не то чтобы близкое. Все-таки он на сестре хотел жениться, а прочие родственники, то есть Петр Корнеев, имели только призрачный шанс пожрать салатиков на свадьбе, да выпить на халяву. Общаться ближе Пантелей никогда не изъявлял желания. Глупая смерть сестры нас сблизила, но ненадолго. У меня своя жизнь, у него – своя. И она на месте не стоит. Вот и светловолосая колдунья с кольцом Мирои, покровительницы браков, на пальце – прямое этому подтверждение.

* * *

– Рассказывай, во что вляпался... хотя нет, не рассказывай, глупости опять какие-нибудь, вроде алиментов... – Пантелей все же пригласил меня за свой столик, где уже расположилась его молодая жена. Охранники заняли второй, поблизости.

Сидя за столиком с Пантелеем и Анастасией, я подивился про себя на охранников колдуна. Вроде люди как люди, симпатичные даже парни, подтянутые, а мне в их присутствии не по себе становится. Ощущение, что смертью от них пахнет... Жизни в их глазах не вижу, даром что отбивные трескают так, что за ушами трещит... И икрой заедают... А икорки, кстати, я давненько не ел... Так вот сделаю: я густо намазал бутерброд осетровой икрой, перевернул его в ладони и начал намазывать таким же слоем икры обратную сторону. Тут главное, чтобы масло хорошим было – иначе икра, та, что снизу, упасть может. А за это в правильных компаниях дают в ухо без разговоров.

А вообще, зря я сделал, что принял приглашение Пантелея. Тот из чистой вежливости пригласил, думал, наверное, что я откажусь. И надо было отказаться. Теперь ни им поговорить нормально, ни мне поесть... С другой стороны, сейчас они от меня устанут, и, когда я соберусь уходить, на радостях откровенно ответят мне на один маленький, простенький вопросик...

– Вот, Настенька, я тебе говорил, что Петя лучше всех в Великоречье в виршеплетстве разбирается? – колдун точно устал уже, повторяется. И говорил-то, вроде бы улыбаясь, но глаза не улыбались, они его выдавали: мыслями Пантелей был далеко отсюда... Кем бы он мне приходился, если бы... Деверем или свояком? Смешное такое слово – деверь... Не то дерево, не то дверь...

– Говорил, говорил, – Анастасия только махнула рукой, с удовольствием наблюдая, как я расправляюсь с мошеническим двусторонним бутербродом.

– И еще раз скажу! – Пантелей, похоже, мог быть страшным занудой.

– Петя, а слово «Великоречье» зарифмовать можете? – Анастасия спрашивала от скуки, Пантелей беседу поддерживать решительно отказывался, а я перед ней был как шут гороховый после такой характеристики, да только мне не привыкать...

– Великоречье... Оплечье, овечье, наречие, за печью, должен беречь я... – чисто на автомате ответил я. Все-таки мастерство не пропьешь.

– Прям-таки должен? – восхитилась жена Пантелея, – и от кого же?

– От темных сил, понятное дело, – симпровизировал я, все-таки надо поддерживать беседу, – выступим смело, гадам дадим по роже!

Таким образом болтать языком я могу бесконечно. Особенно, когда ни я не интересен собеседнице, ни она – мне, а молчать неприлично. А вообще-то Анастасия и на «печь» должна была среагировать, не зря же я ее прямо перед «должОн» поставил...

– А лучше так: сидя за печью, буду беречь я Великоречье! – Анастасия прищурилась, всем видом давая понять, что стишки писать каждый дурак может. Я и не спорю. Такие – только дурак и может. И с «печью» я не прогадал. Теперь полагается поаплодировать в

наигранном восторге и предложить послать эти вирши в местную газету... в раздел «Патриотическое». И беседа по накатанной пойдет...

Тут, наконец, Пантелей соизволил отвлечься от раздумий и прислушался к нашему пустотрепству...

— Так вот, Петя, по поводу стишков, я как тебя увидел, так сразу вот что подумал: от одного моего знакомого, даже друга, кое-чего осталось, вроде как наследство... А кому отдать, не знаю... — с этими словами колдун передал мне потрепанную тетрадку, почти такую же, как та, что осталась «в наследство» от Витали. Машинально я взял тетрадь — она распахнулась, как всегда, на той странице, где ее часто открывал хозяин... Кое-что, значит... Четыре строфы... Размер, та-ТА-та, та-ТА-та, та-ТА-та, амфибрахий, «Однажды в студеную зимнюю пору...», едрить, но трехстопный, в отличие от некрасовского четырехстопника! Значит, поэнергичнее... Заветное, судя по всему...

Еще от себя не устал я,
Но плыть по теченью не стану, —
Свобода отточенной сталью
Откроет чудесные страны.

Пусть разум привычно отметит
От Норлага прямо до устья
Буйками, как латигом-плетью,
Все то, что обычно боюсь я...

Пусть росчерком Алой кометы
Очертит Дурные болота,
Баронскую жадность и кметов
Беспомощность... Треск пулемета...

Расчетливость пришлых, и моря
Безбрежность, и «бездну» вампира...
Прощайте. Я с вами не спорю.
Я карта не этого мира.

Нормальные стихи. Не Пастернак, но что-то есть. Привкус графоманства, но без него куда же? И угловатые стишки какие-то, вроде как ученические... А почерк-то я знаю, видел уже такой, тоже ученический... Это Игана-тифлинга почерк, точно!

— Что с Иганом? — спросил я враз осипшим голосом, подсказывая и уже заранее зная ответ. Пантелей только глаза отвел. Потом взял графинчик, набулькал мне рюмку и вздохнул:

— Помянем, Петя...

Выпили не чокаясь. Вкуса водки я и не почувствовал — как воды хлебнул, даже закусывать не хочется.

— Откуда ты-то Игана знаешь? — я заметил, что колдун не говорит о тифлинге в прошедшем времени. Не привык еще...

— Он мне, Пантелей, жизнь спас... — и я, как мог, пересказал нашу беседу о поэзии, прерванную недоброй памяти Аристархом.

— Вот оно как... — задумался Пантелей. — Про палача, значит, в женском роде?.. Судьба-а...

Колдун как-то тревожно посмотрел на меня, хлопнул по плечу и глухо проронил:

— Все-таки скачешь, Петя... Смотри, голову сломишь... Ну, горбатого могила

исправит... Забирай тетрадь! И кстати, ты ведь торопился куда-то?

Показалось, или после того, как Пантелей меня коснулся, как-то свитер потяжелел? Или это я сам от коктейля «Пиво без водки – деньги на ветер» отяжелел, как всегда?

– Иду, иду, только скажи мне напоследок: ты про Ашмаи что знаешь?

* * *

Вылетел я из кабака как пробка из бутылки. Пантелей ничего плохого мне, конечно, не сказал, но тяжесть его взгляда заставила шевелить булками поактивнее. А на вопрос мой Пантелей так и не ответил, зараза.

И Настя смотрела очень уж тревожно... Причем не на меня, а на мужа. Что-то все это мне не нравится...

Ладно, нечего расслаживаться, другой адресок пробить надо: предприятие общепита с оригинальным названием «Гусь». Назвали бы «Гусь лапчатый», или уж «Ян Гусь», но это на любителя истории нарваться надо... А то «Гусь» просто. Краткость, может, и сестра таланта, но не в названиях же кабаков!

Дорогу выяснять пришлось у вышибалы какого-то дешевого кабака, в котором полным ходом шла уборка. Бегали растрепанные пожилые тетki, носили ведра с грязной водой, переругивались пропитыми голосами, не выпуская изо рта сигарет. Что значит, пожилые? Да большинство из них мои ровесницы, помладше даже! Карьера «звезд» кабака в перспективе: девицы, легкомысленно крутящие задами на сцене могут полюбоваться, что их ждет в недалеком будущем, когда свою молодость и красоту они продадут по сходной цене посетителям...

«Гусь» находился в подвале мрачного кирпичного здания, похожего на казарму. В здании был ломбард, контора по оценке всякого имущества и какие-то склады. Новенькая вывеска кабака не предполагала надписи, но птичка, давшая название заведению была прорисована с тщательностью, характерной для любителя: и шею-то гусь вытянул, и каждое перышко... тьфу!

Спустившись по лестнице, я оказался в небольшом предбанничке, где, к моему удивлению, не было ни одного охранника. Толкнул дверь, темновато здесь после улицы, светильники по случаю дневного времени выключили, что ли? Ничего, скоро привыкну...

– Здрас...

Глава 10, в которой герой знакомится с неким дворянином

Очнулся я от боли. Под ребра, значит, ботинком...

– Что тут у нас? Полуэльф? Полусухое, значит... Фи, как примитивно... – сказать, что дамочка, пнувшая меня, была одета вызывающе, означало погрешить против истины. Она была одета, как это... эпатажно, но в каком-то смысле стильно. Очень короткая зеленая переливающаяся юбчонка из магически обработанной ткани, черные лосины из тянущейся эластичной кожи виверны, жутко дорогие, красная шелковая мужская рубаша и жилетка из грубой беленой кожи. Завершали наряд огромные солдатские ботинки, надраенные, впрочем, до зеркального блеска, и желтая соломенная шляпка с зеленым бантом. Девочка-радуга такая... – Лучше взять нескольких человек, да чтобы разные группы крови... Коктейль, как я люблю, надо делать из крови высокого брутально-волосатого пузанчика лет сорока пяти с большими такими залысинами и молоденькой блондинки субтильного телосложения...

Стоящий рядом с ней худой и невысокий вампир лишь иронически усмехался – на него откровения подруги впечатления явно не производили... Или она с ним заигрывает так?

– И не полусухое, а полусладкое. И не просто полусладкое, а полусладкое игристое, – буркнул я, исключительно чтобы не молчать, – насыщенное углекислотой для скорейшего седативного воздействия! И сероводородом для изысканности фруктовых оттенков! Выпьете – не пожалеете!

– Игрисное?.. Я люблю поиграть! – из-под губы вампирши показались похожие на иглы клыки, – и я с тобой поиграю, мальчик, перед тем как выпить, обещаю!

– Ага, жду! – подойди ко мне поближе, милая, и увидишь любимую шутку Петра Корнеева, которую он воспроизводит, только когда у него связаны руки и ноги...

Вампиры явно развлекались. Не знаю, что там у них происходит, но есть стойкое ощущение, что я попал на «пир», и его твари устроили неспроста. И слишком много народу притащили. Со своего места я видел еще, по крайней мере, с полдюжины человек, сваленных как дрова и связанных, как и я, по рукам и ногам. Многовато для ночной охоты. Точно, «пир». Учудить такое – значит сразу признаться, где у вампиров гнездо. Вычислят моментально. Придут – и всех осиновыми колями... У меня даже пальцы ног в сапогах сладострастно подсогнулись, когда я представил, как опьяневших от крови и ничего не соображающих вампиров протыкают насквозь...

Похоже, вампиры собираются отсюда ноги делать, и напоследок решили развлечься. Кто их знает, по каким причинам они выбирают место для гнезда, как происходят у них выборы мастера гнезда... Да и выборная ли это должность? Сомневаюсь... Но факт один – если они не полные идиоты, то должны после сегодняшнего пира бежать без оглядки. А это проблематично – после такого разнообразия крови, «коктейлей», как дамочка говорит, они правую руку от левой не отличат.

Лежащий рядом со мной мужичок из аборигенов тоже пришел в себя, стрельнул глазами направо, налево, пошевелил руками, попытался выпрямить ноги и подмигнул мне. Или это нервный тик был?

Заросший объемистой черной бородой, широкоплечий и жилистый, мужик производил довольно приятное впечатление. От его прищуренных глаз, постоянно перебегавших с предмета на предмет и обрамленных целой сеткой морщин, казалось, не могла укрыться ни одна деталь происходящего. Не такой взгляд должен быть у беспомощной жертвы вампиров, не такой...

То подтягивая колени к груди, «то вытянувшись, как налим», по выражению одного старого поэта, я подполз поближе к мужичку, усмехающемуся в бороду. Усмеяться и подмигивать он мог по тысяче причин, но я очень надеялся, что эти причины весомее того заряда хорошего настроения, который он получил от моей перепалки с вампиршей.

– Я рыцарь Бонс Ингельмийский, – с готовностью сообщил мне мужичонка, подмигнув сразу двумя глазами, я так и не понял, как у него это получилось.

На вид он был простым арендатором, не слишком образованным, но ловким и плутоватым. Такой «некондицию» за первый сорт впарит, потом догонит, скажет, что ошибся, второй сорт, не первый! второй! перерасчет сделает, деньги вернет, частично, и ты ему спасибо скажешь, удивляясь, что есть еще такие честные и благородные люди!

– Вы учились в Тверской Академии? Мы знакомы? – кажется, я повторяю ошибку другого рыцаря, Реймса, задавая слишком много вопросов одновременно. Но знакомство через Тверскую Академию казалось единственным разумным предположением, почему мужик соизволил делать мне знаки.

– Я не учился в Академии, но мы знакомы, – шепотом признался мужик, косясь на вампиров, по счастью, увлеченных беседой, – друзья детства! Ты сын знаменитого эльфийского мага Лиинуэля Огненного, единственный, кстати, его наследник, хоть и полукровка.

– Позвольте, – я был несколько ошарашен, – я сын Андрея Корнеева и вижу вас в первый раз в жизни...

Потом я пригляделся к бегающим глазкам своего собеседника:

– То есть вы хотите сказать, что если вы рыцарь Бонс Как-его-там, то тогда я сын и наследник Линуэля...

– Точно, – посмотрев, наконец-то, мне прямо в глаза, произнес мужичок, – приятно иметь дело с умным полуэльфом, – Ли-и-нуэля Огненного, запомни, это очень важно...

Когда к нам подошли вампиры, мы с мужиком, хм-хм, с рыцарем Бонсом, по-прежнему были единственными, кто находился в сознании. Естественно, что именно на нас умруны и обратили внимание. Удовольствие должно быть полным, чтобы жертвы мучились и боялись. Чтоб адреналинчик кипел... Я боялся и кипел.

Они специально подходили медленно. Наверное, улыбались... Мы не обратили на вампиров ровно никакого внимания, чем слегка их фразпировали. Мы были заняты «принципиальным» разговором.

– На сипаев нет надежды, они и нужны-то только ради минометов с пушками!

– Что вы говорите? Обученные войска, оказывается, никому не нужны? Крестьяне, ремесленники, контрабандисты, от них, значит, больше толка?! – Я начал распяляться. – Да от одного батальона сипаев больше толку, чем от пяти тысяч вашего сброда! И дружина твоя – тьфу! Дай мне полроты сипаев, и я разделаю твоих дружинников под орех!

Умрунов тоже было двое. Дамочка, та самая, только уже без жилета, рубаха слегка заляпана кровью, но красное на красном почти незаметно, глаза безумные, идет и подергивается вся, как под неслышную музыку... Полной ее противоположностью был уверенный в себе паренек из пришлых, лет тридцати по виду. Ровесник. Был. Сколько лет вампиру, я не знал, и не стремился выяснить. Странно, но главным, то есть сильнеешим в этой паре оказался именно мужчина. Постарше? Когда «девочка-радуга» шагнула вперед, он остановил ее, приобняв за талию, и знаком попросил дать ему дослушать.

– Так дружина не только моя! Еще два рыцаря, у одного копье воинов, у другого – два! Четверо копейных оруженосцев обученных! Полное вооружение, пулеметы, две полковые пушки!

– Все они побегут, увидев «громовержец»!

– Смотри-ка, любители политики! – не мог не вмешаться вампир, поблескивая желтоватыми глазами, – о чем разговоры ведете? О заварушке в Твери?

– Об этом, – солидно подтвердил я, только сейчас замечая его в «пылу» спора – и еще о том, что с вами Ашмаи сделает, когда узнает, кого вы схарчить собрались...

Вампир аж вздрогнул. Не знаю, как там с другими эмоциями, а вот страх никуда не делся. Боялся он, очень боялся... Кто ж такой Ашмаи, что его вампиры боятся?

– Вы знаете Ашмаи? – вампир едва не поперхнулся именем этого загадочного человека, и я мгновенно вспомнил Виталия Стрекалова...

Бонс не ответил на вопрос. Даже головы не повернул. Боюсь, переигрываем мы. Я бы точно уже заподозрил розыгрыш.

– Спросить по-другому? – вампир не угрожал, он, скорее, размышлял вслух.

– Ты обзовись для начала, все же с рыцарем говоришь... – елейным голосом проворковал Бонс, и мне стало смешно – вспомнил татуировку на руке пирата в «Острове сокровищ» Стивенсона. Сейчас мой подельник предъявит вампирам наколку «Удачи Билли Бонсу», и этим докажет, что он рыцарь Бонс Как-его-там... Ингельмийский. А я предъявлю уши, доказывая, что я потомок славного эльфийского мага Лиинуэля Офигенного... Огненного, простите мой эльфийский...

Прокололись мы, прокололись сразу и по всем пунктам. Не может рыцарь сказать «Обзовись». Рыцарь скажет «Назовитесь, сударь!» или еще что-нибудь в том же роде.

Мой дурацкий смех только накалил обстановку. Вряд ли вампиры привыкли к тому, что их жертвы ехидно хихикали перед тем, как стать очередным блюдом на их вечеринке. Видно было, что верить нам – никто не верит, но имя Ашмаи, вставленное мной в разговор из чистого хулиганства, неожиданно произвело на нежить определенное впечатление.

Вампир из пришлых махнул рукой, к нам подтянулось сразу несколько тварей, но после короткого перешептывания позиция наша не прояснилась. Зато сразу стало видно, что вампиры в этом кабаке не представляют некий единый коллектив. И вампир-пришлый не является «мастером гнезда», если я точно помню звания и чины нежити. Их тут две группы,

скорее, две компании. В одной – вампиры одетые удобно, практично и неброско, «местные», как я окрестил их для себя, зато в другой! «Девочка-радуга» и еще несколько «гламурных» умрунов могли бы с полным правом претендовать на звание новогодней елки. Прямо туристы, приехавшие развлекаться в «город греха»! Это у них от «человеческого» осталось, или благоприобретенное, вампирское? Если из меня вампира сделают, ни секунды, увы, не сомневаюсь, к какой группе примкнет мое неживое-немертвое тело...

Единственный плюс, праздник нежити мы подпортили. Умруны стали нервничать, кто-то побежал что-то выяснять, «девочка» попыталась вякнуть, требуя продолжения банкета, но ей дали такой подзатыльник, что она улетела куда-то вглубь помещения. Без сантиментов тут у них. Наконец, трое умрунов сгрудились вокруг того самого вампира из пришлых и начали вполголоса совещаться. Я ничего не слышал, потому что эти заразы использовали какие-то свои чары, чтобы заглушить голоса, да и смарагд остался в кошелье. А кошелек отняли умруны поганые... Мои шмотки, как и шмотки лежащих вповалку людей, лежали на барной стойке, их, конечно, вампиры между собой поделят, когда пир будет в самом разгаре. Рядом со стойкой ничком лежал тот, кто должен был мне помочь, – бармен этого заведения. Общипали «Гуся», выпотрошили и съели!..

* * *

Когда в расстройстве вернулся посланный, плотный такой и пожилой вампир-абориген с характерной внешностью коммивояжера, еще и обряженный в длинный, не по погоде плащ, стало ясно, что жизнь мы себе если и не сохранили, то хоть продолжительность ее на некоторое время увеличили.

– Этот с Белым говорил, – произнес незадачливый вестник, с ненавистью глядя на меня. Хотелось послать ему воздушный поцелуй, но руки были связаны. Хотел еще спросить как специалиста, почему нынче кубометр осиновых колец брутто и нетто, без тары, но не решился, опасаясь испортить Бонсу игру.

Рыцарь Бонс, впрочем, смотрел на меня с не меньшим удивлением, чем умруны. А я пытался сообразить, кого имеет в виду вампир. С кем я говорил? Монахи отпадают. Реймс, трактирщик, но с тем два слова всего, Пантелей, жена Пантелея. Настя и Пантелей отпадают. Реймс – «Белый»? С чего он белый? Не блондин, в родовом его гербе есть что-то белое? Серебряное, то есть. Нет, ничего нет. Да и знаю я его порядком. А вот хорошо ли знаю? И не потому ли он «белый», что как раз брюнет?.. Вполне в духе службистов. Но службисты и вампиры вряд ли заодно. Трактирщик? Трактирщик – это плохо, это значит Сеня с Тимохиным в этом деле по уши замазаны... Нет, я не питал никаких иллюзий по поводу высоких моральных качеств чиновников Новых княжеств, особенно силовиков и контрразведчиков, но личности Василия Васильевича и вот Тимохина теперь, как выясняется, укрепили меня в мысли, что Новым княжествам нужна встряска.

– Ладно, эльфа на закуску, а вот рыцаря надо через маленькую терочку пропустить... – это один из умрунов, черноволосый и горбоносый абориген в прошлом, высказал мнение, которое меня в общем-то устраивало. Правда, моего напарника оно не устраивало совсем. И вполне возможно, это высказанное вслух мнение было очередной проверкой мне на шивовость, поэтому я, прекрасно понимая, что самый тихий шепот не ускользнет от тонкого слуха нежити, успокаивающе пробормотал «рыцарю» на ухо:

– Не волнуйся, все выяснится... Ашмай тебя в обиду не даст.

Главный вампир вежливо дождался конца моей пафосной речи, потом отпихнул меня ногой и указал своей девочке на моего напарника. Та, блеснув магической нитью на коленках, равно как и белками глаз, в которых не было уже ни одной мысли, подхватила Бонса за шиворот. Рывок, и «рыцарь» задергался в руке нежити сломанной марионеткой.

– Рыцарь, значит? – в голосе вампира звучало неприкрытое презрение. – И кто ж тебя в рыцари посвятил?

– Военная тайна! – неожиданно твердый, даже торжественный ответ мужика не мог

понравиться нежити, а я зауважал крестьянина: молодчага! Раз уж решил идти ва-банк, так не сворачивай! Ну, мальчиш, ну, кибальчиш!

Вампириша пару раз небрежно дернула кистью, словно в руках у нее был не живой человек, а половичок, который нужно было вытряхнуть – «модная» внучка, прямо в своем навороченном прикиде, решила-таки сделать старенькому и полуспятившему дедуле одолжение, помочь по хозяйству...

У меня бы, точно, от таких рывков содержимое прямой кишки с мозгами смешалось, вот и мужичок только зубами заскрежетал, да по бороде у него поползла алая струйка. Не иначе, язык прокусил. Или из носа хлынула?

– А-а-а! – заорала вампириша, не смогла сдержаться при виде крови, потянулась к шее Бонса острейшими зубами, но была мгновенно отброшена от своей жертвы сильным ударом. Это их главарь вступил в дело. Вот тебе и дедуля. Железный малый, даже на кровь не повелся... Мой приятель мешком свалился на пол, от перелома шеи его спасло только то, что от его куртки оторвался воротник, оставшийся в руках вампириши-«радуги».

– Ты что?.. Я бы тебе оставила! – визгливый голос девочки-вампириши был исполнен нешуточной обиды. – Ты же сам их мне обещал!

Вампир-мужчина даже не посмотрел на свою «подружку», ужасно напоминая мне многих моих знакомых, на лице у него отпечатались сакраментальная фраза «обещал – не значит женился». «Радуге» этот ответ явно был знаком, может, еще и по «невампириской» жизни, потому что она надулась как мышь на крупу.

«Старший» вампир присел на корточки, его отсутствующий взгляд, упершийся в Бонса, чем-то напоминал мне взгляд Аристарха. По счастью, не меня, а моего напарника вампир посчитал слабым звеном. Странно, а по моим ощущениям, слабым звеном был именно я.

– Где замок твой, рыцарь? Где гордый стяг?

Где щит твой, рыцарь, где острый меч?

Голос вампира был что называется «потусторонний», в самый раз для таких вот строк. Неужто из образованных, вампир-то! Это ж «Баллада о мести»! Древневилларская, и перевод, конечно, не мог дать той неизъяснимой заунывности, которой славились именно древневилларские баллады. Но неплохой перевод, под Жуковского. Выполнен Анатолием Александровичем Валюшиным, «Избранные баллады», издательство, само собой, Тверской Академии, там еще эквиритмические варианты перевода были, год издания не помню, лет двадцать тому, страница... да кто ж ее знает? В начале где-то...

Все это промелькнуло в моем мозгу мгновенно, сбивая меня, впрочем, с какой-то важной мысли... Вот тут и проклянешь все на свете... Но Бонс не собирался отмалчиваться. Прямо глядя на вампира, он бодро закончил строфу:

– Где сотня веселых и злых вояк?..

Точнее, попытался закончить. Последний стих Бонс прочитать не успел, вампир закрыл ему рот рукой, оказавшись типом гордым и самолюбивым. Еще и оглядываться начал с самым вороватым видом. Не понравилось ему, что какой-то мужичишка рыцарские баллады знает? А вот Бонс удивляет меня все больше и больше.

– Так в какой стороне твой замок? – что за странный вопрос вампир задает? Перефразируя балладу? Я бы на его месте не церемонился. А на этот вопрос я лично могу привести пятьсот вариантов, где может находиться замок... Скажу, например, что при Переносе развалился. Что враги захватили, что заложен за долги, да мало ли...

– Там! В Тверском, пока еще, княжестве, – Бонс паскудно усмехнулся, кивнув головой куда-то на север, в сторону Твери, а заодно с помощью кивка высвобождаясь из-под руки вампира. Крепкий орешек. Сейчас его убьют и выпьют, потом займутся мной. Как же я сразу не догадался: убей сильного, слабый сломается сам, – такая вот тактика будет.

Но вампир не проявлял признаков нетерпения. Он вопросительно и пристально смотрел на Бонса, а тот, ничуть не смущаясь, продолжил:

– Нам было обещано, что часть земель Тверского княжества будет разделена между рыцарями, получившими посвящение от... военная тайна, я же говорил...

То ли Бонс с вампиром знали что-то, о чем не имел представления я сам, – вид у обоих был заговорщицким, то ли мозг у вампиров в их мертвых телах ссыхается до размеров грецкого ореха. Ответы Бонса не удовлетворили бы и глупца Локтева из ярославской контрразведки, а вампир доволен, лыбится...

– Тогда почему ты здесь? – удивился вампир, – Почему не там? – вампир издевательски повторил кивок Бонса. В сторону Твери.

– А из-за него, – «рыцарь» скосил глаза на меня и замолк с видом человека, честно выполнившего свой долг.

– Еще интереснее! – умрун повернулся ко мне, но не успел он продолжить свой идиотский допрос, как Бонс включился снова:

– Я должен был встретить сына Лиинуэля Огненного и отвезти его... куда сказано.

– Это вот этого, что ли? – с брезгливой миной проговорил вампир, рассматривая меня с интересом, который я не рискнул бы назвать профессиональным. Скорее, гастрономическим. Жадный был такой взгляд и...липкий, что ли. Если бы на меня таким взглядом девушки смотрели, я и то бы сбежал, скорее всего. Даже не хочется думать, становятся педики вампирами, или не становятся. И сохраняются у них...пристрастия, или им не нужно уже ничего?

– Точно! – если бы Бонс мог ткнуть в меня пальцем, он бы это, несомненно, сделал.

– Сын самого Лиинуэля – полукровка? – а ведь фальшивит нежить, фальшивит. Я прям чую, словно подгоревшей яичницей воняет. Он знал заранее.

– И в этом была основная трудность! Узнали об этом случайно! – Бонса распирало от гордости. Вот этот играет – не придерешься! Плевать, что рожа на блин похожа, этот и Бориса Годунова сыграет в Нижегородском театре! Борода позволяет... Вроде бы Борис Годунов не носил бороды, брился, как европеец, а бороду придумал уже сам Федор Иванович Шаляпин, для оперы Мусоргского...

Главный умрун ненадолго задумался, кивнул своим мыслям, и я уже мысленно поздравил Бонсика с прекрасно проведенной комбинацией. То, что наша кровь не достанется вампирам, я был почти уверен. Умрун усмехнулся, он принял уже какое-то решение, хотел распорядиться насчет нас, но неожиданно за его плечом оказалась молодая вампирша, и из груди старшего проклюнулось грубо и криво заточенное острие деревянного колышка.

Вид у девчонки был совершенно безумный. Кровью ее рубаха была заляпана теперь уже полностью, да вдобавок и пуговицы оторваны до пупа, так что нам с Бонсом открывался неплохой вид. Только оценить его по достоинству мы не могли, не в настроении были. Мы были в ужасе: наши ухищрения, тонкая игра Бонса, мои удачные импровизации – все пошло насмарку. «Радуга», очевидно, уже выпила нескольких человек, кабатчика и официанток, так что море ей было по колено.

– Ашмай?! – на губах «радуги» пузырилась розовая слюна, – да знает ли Ашмай, что творит Белый? Знает?? Знает???

На каждое «знает» она втыкала кол в тело умруна. Если тот и знал ответ на этот вопрос, то скрывал это успешно. Партизан... Чуть поодаль слышались яростные крики вампиров, у «радуги» как-то неожиданно нашлись соратники, «гости» начали убивать «хозяев» и «пьяная драка» мгновенно переросла в «бытовуху». Умруны дрались друг с другом по всему залу кабака, причем «гламурные» как самые беспринципные беспредельщики не брезговали осиновыми кольями. Или беспредельные беспринципники? Без осины соратники «радуги» проиграли бы моментально: хоть они и были в большинстве, но по силе не могли тягаться со своими старшими товарищами. Но и осина не всегда помогала: опьяненная кровью молодежь нарывалась на трезвых опытных бойцов, чьи удары и мгновенные передвижения сложно было даже разглядеть. Пока за спиной молодой нежити рычали бьющиеся насмерть вампиры, летали тела от наносимых умрунами тяжелых ударов, «Радуга» с животным подвыванием тыкала и тыкала своего бывшего приятеля осиновым колом, причиняя ему раз за разом страшные раны, совсем не чувствуя, видимо, сопротивления мертвой плоти. Мертвый вампир – это смешно, помнится, говорила одна фэйри. Ничего смешного в

многократно проткнутом умруне не было.

– Мы поклялись найти Белого! Нас никто не остановит! Никто! И я сама его обращаю! – вампирша не замечала, что ее жертва рассыпается прямо на ее руках могильным прахом. Наклюкалась! Скорчиться и замереть, – авось, не заметит! Пусть с другими вампирами дерется, нашим легче! Это было мое первое инстинктивное желание. У Бонса, как я успел мельком заметить, реакция была такая же. Только он успел картинно закатить глазки и грохнулся в обморок от избытка чувств. Притворяется, ловкач. Что называется, «в образе». Упал он так, чтобы оказаться поближе к рассыпающемуся телу вампира. Если он совсем развалится, то как раз упадет на Бонса. А у вампира на поясе кольт военного образца в закрытой, правда, кобуре, а слева нож. Нож нам очень пригодился бы.

Вампирша раскрыв пасть в страшной ухмылке, отбросила, наконец, тело своего бывшего напарника, так, что он, перелетев через Бонсика и сводя на нет все его расчеты, упал на наших товарищей по несчастью, так и не пришедших в сознание. Отбросив в угол покрытый черной кровью колышек, словно он жег ей руки, красотка надвинулась на нас. А может, и вправду ручки жег?

Двое связанных мужчин и одна свободная, но безоружная девушка. Я так думаю, пятьдесят на пятьдесят. Если мужики «сработанные» и привыкли действовать в паре, то у них преимущество. Если девушка умеет не только шляпку носить и на каблуках ходить, чтобы ножки в коленях не подламывались, то преимущество у нее. В Великоречье все девушки умеют стрелять, но рукопашников из них сознательно редко кто воспитывает. Дочь ненормального эльфа Кемменамендатура Арквейн – единственное известное мне исключение. Мараниек, фэйри и прочих полудемонов в расчет не принимаю. Но если девушка не совсем девушка, а вампирша неизвестного возраста, то два связанных мужика для нее просто мясо. Вот как мы с прилавка магазина забираем кусок грудинки или шинки, так и вампирша сейчас заберет наши жизни... Или скорее, как в винном отделе два бутылки красненького по ноль тридцать три... Пока в голове промелькнула эта не совсем радостная мысль, я успел переглянуться с Бонсом, согнувшимся так, что борода его почти касалась коленок. В эту же секунду раздались выстрелы: кто-то из вампиров «опустился» до огнестрела. Попасть даже под «дружественный» огонь никому не охота, поэтому «Радуга», как ни пьяна была, а оглянулась, инстинктивно пригибаясь. Этим не замедлил воспользоваться Бонс. Разогнувшись, как стальная пружина, он всем корпусом ударил вампиршу под коленки, и мне ничего не оставалось делать, как выгнуться снизу вверх эдаким «прыжком лосося», только без копыя между пальцами ног, в надежде зацепить тварь сапогами. Лососем, а может и воблой, но в грудь я ей конкретно заехал. Получилось! «Радуга» завалилась назад, а я, оттолкнувшись от нежити, скользнул к выброшенному девкой осиновому колышку. Бонс, как я заметил краем глаза, попытался добраться до умруна из пришедших, чье тело так и лежало на связанных людях, предполагаемом «обеде». Не тут-то было. Меня потащило обратно с такой скоростью, что я чуть не зарыдал от бессилия. Проклятая нежить, с недостижимой для нормального человека скоростью вскочив на ноги, ухватила левой рукой меня за каблук сапога, а правой рукой безошибочно схватилась за весьма потрепанный кирзач «рыцаря». Проклиная тугую шнуровку своей обуви, я попытался выдраться из цепкого захвата нежити, закручиваясь всем телом по часовой стрелке, по направлению к большому пальцу девчоночьей руки. Повезло, что вампирша «молодой» была, потом повезло, что она была правшой. И что девчоночьи ручки довольно-таки изящны... И еще повезло, что ловкий Бонс просто вынырнул из своего разношенного говнодава, сверкнув далеко не белоснежной портянкой, а нежить потянулась за ним вправо, пытаясь поймать желтую пятку «рыцаря» голенищем. Ну, за двумя зайцами погонишься...

Я снова, уже спиной вперед, толкнувшись пятками, рванулся к возжеленной деревяшке, врезался затылком в обшитый деревом угол, так что перед глазами заплескали золотистые искры! Но связанными за спиной руками я уже ухватил липкое от крови вампира оружие. Ухватил, чтобы немедленно выпустить его из онемевших пальцев. Слишком долго

руки были связаны! Судорожно нашаривая колышек, я попытался окинуть взглядом схватку.

Пятка, конечно, не клинок, который мастер фехтования, якобы, может поймать ножнами... Уверен, «постановочная» схватка, в исполнении Паолы Фэйри и тифлинга Игана, к примеру, могла бы включать в себя такой фантастический элемент. Но в «жизни» такого не бывает: вампиша промахнулась, вызвав у меня острый приступ злорадства, а потом с силой метнула злосчастный сапог точно в затылок ловкому рыцарю. Тот «поплыл», потерял темп, «Радуга» бросилась к нему, а мне что делать? Я далеко, и руки связаны... Помощь пришла откуда не ждали. В стрельбу, раздающуюся со всех сторон, влился голос нового ствола. Видать, не только мы с Бонсиком умные. И не все, кто лежит без движения, так уж обязательно находится без сознания. Времени все-таки порядком прошло, и у одного из аборигенов, давненько уже, видать, очнувшегося смуглого харазца, предназначенного, как и мы, для вампирского «пира», хватило сообразительности, терпения и артистизма не проявлять себя до нужного момента. А когда прямо на пленника свалился мертвый умрун, харазец сперва снял нож с пояса нежити, а затем завладел его «кольцом». Вот гаденыш! Он стрелял, опираясь на локоть, сжимая пистолет вампира тремя руками! Третья рука принадлежала самому вампиру, а вот поверху ее придерживал харазец, даже указательный палец вампира на спусковой крючок положил, защищаясь от «пост-посмертного» проклятья нежити. Да ведь не из аборигенов вампир, не стал бы он заклать на оружие ставить... А все равно, молодец харазец! Предусмотрительность и опыт! Меткости особой так не добьешься, но на двух шагах промахнуться невозможно. Пули рвали рубаху молодой вампириши, отбрасывая ее в сторону от Бонса. Ваш выход, Петр Андреевич! Я кувыркнулся вперед, меня вынесло на колени, еще кувырок, а вот теперь – прыжок спиной. Не слишком удобно, но если упаду неудачно, так покачусь и попробую кувырок назад, но сейчас главное – не останавливаться! Закручиваюсь вдоль своей оси, спиной в неизвестность, в руках зажат злосчастный колышек, который я попытался установить перпендикулярно телу, и одна только мысль в башке: пусть кровь первого вампира не помешает осине сработать! Упал на мягкое, выгнулся, опираясь на затылок и пятки, снова плюхнулся. Руки, вроде бы, оросило что-то теплое и липкое, так что еще раз, и еще, и еще! Если «Радуга» протыкала своего дружка, дрожа от наслаждения, как маньяк, то основной моей эмоцией был ужас. Вдруг она жива! А я даже не вижу, попадаю я или нет! Вот сейчас тонкая рука в золотых браслетах перехватит меня за шею, оттянет подбородок, к артерию воткнутся острые клыки, и...

– Да хватит, хватит уже, сваливаем! – это Бонс, которому безымянный харазец перерезает веревки на запястьях. В нашу сторону тоже стреляют, но меньше, чем друг по другу, надеются, видать, на продолжение банкета! Кабак уже заволокло сизым дымом от частых выстрелов, запах сгоревшего пороха был невыносим, но перестрелка не унималась. «Молодые» тоже перешли к огнестрелу, укрывшись за баррикадами из столов и стульев. Прямо как дети, занятые новой игрушкой. Скоро им надоест дырывать друг друга почем зря, или они выбьют парочку особо ретивых, решат, что численное преимущество достигнуто, а затем какая-нибудь группа пойдет в атаку. Нам бы вот тут желательно оказаться подальше. И всего-то нужно проползти до входа, а затем по ступенькам вверх... Нереально...

Входная дверь влетела в кабак с ужасающим грохотом, все здание вздрогнуло от взрыва, нас ударило тугой плетью воздуха, оглушило и запорошило пылью глаза. «Молодых» вампиров, сгрудившихся как раз у входа, разметало в стороны, чем не замедлили воспользоваться их противники. Странно, но нежить не торопилась забывать собственные разногласия перед лицом новой опасности, «старички» продолжали отстреливать своих врагов, оказавшихся в невыгодном положении. Поэтому-то и прозевали стремительный рывок тонкой фигурки вдоль стены. Одним летящим прыжком покрыв расстояние между искореженным дверным проемом и баррикадой «старичков», девушка просто промчалась вдоль нее, изящно маневрируя между обломками мебели, и вампиры, мимо которых она пробегала, осели на пол ссохшимися мумиями. Если и было в руках нашей неожиданной спасительницы какое-то оружие, то я его просто не видел, с такой скоростью она им работала. «Молодые» не успели воспользоваться неожиданной подмогой, как в дверях

показалась коренастая фигура мужчины в пыльнике с коротким помповиком в руках. Стрелять он начал, кажется, еще до того, как вошел в помещение кабака, и задача у него была только одна: отвлечь внимание нежити от фэйри. Ее я не сразу узнал – богатой будет, но вот Семена ни с кем не перепутаешь. Зря я, что ли, присматривался к нему всю дорогу от Кемменамендатура, все решал, как валить буду, случись чего... А теперь даже рад, да что там, счастлив его видеть!

– Сеня! – заорал я от избытка чувств, размахивая освобожденными руками. Семен отвлекся, пытаясь рассмотреть в дыму и пыли, что делается в нашем углу, к нему тотчас метнулся какой-то хлюст в некогда розовой, а теперь серой от пыли рубаше. Под ухом защелкал «кольт», вампир на секунду остановился, и опомнившийся Сеня разрядил в него остаток обоймы «тарана». Потом рядом оказалась Паола и хлюст упал на пол, окончательно посерев, но не превратившись в мумию – молодой был, точно.

Легким прогулочным шагом фэйри прошла вдоль изрядно потрепанных «молодых», легко приседая над каждым, и сразу стало понятно, что бой окончен. Семен засунул помповик куда-то под пыльник, а я обернулся к «рыцарю» Бонсу. Тот сидел, сгорбившись, на корточках, положив руки на колени, а перед ним лежал почерневший труп харазца. Ошибся я: не на пистолет, а скорее, на нож убитого «радугой» вампира было все-таки наложено проклятье. Харазцу не помогло и то, что он держал на рукояти кольца ладонь «мертвого» вампира. Да и что там от ладони оставалось? Косточки одни, да и те рассыпались, небось, от первого же выстрела. Так, для собственного успокоения держал... Нож-то все равно пришлось просто так вытаскивать... А что ему было делать? Он же не знал, что Семен и Паола нас спасать будут. Знал бы, так лежал бы тихо и жив бы остался. А вот мы с Бонсом – вряд ли.

– Даже имени не узнал... Жаль парня... – огорченно сказал Бонс, поднимаясь. – Это твои друзья?

Догадаться было несложно: Семен шел прямо ко мне, набычившись и воинственно топорща свою рыжеватую бороденку, которая, кстати, и по размерам, и по объемам проигрывала черной бороде Бонса вчистую.

– Друзья, – подтвердил я, – с такими друзьями никаких врагов не надо!

Фэйри стояла, уперев руки в боки, и шевелила губами, подсчитывая поверженных умрунов. «Радуга» и вампир-пришлый за нами, четверо молодых и трое «старичков» за ней. Странно, мне казалось, что вампиров было больше в разы. Никто не удрал? Нет, вроде бы. У страха глаза велики, вот что это значит.

– Ты что, опух, салажонок?! – начал Семен в своей характерной манере, – тебе что сказано было? Сидишь по адресу, нас ждешь! А ты где целые сутки шарился? И что потом сделал???

Нет, не может быть. Не мог я прослушать. Ну да, я в первый раз спускался с девяностометровой высоты по паучьей нити, так что был слегка обалдевшим, перед этим почему-то Паолы застеснялся, но вот такого мне Семен не говорил. Или говорил?

– Брось, Сеня, – вмешалась Паола, подходя и кладя руку Семену на плечо, – забыл, с кем дело имеешь? Эльфу надо три раза сказать, заставить повторить, тогда только спрашивать. Они же с головой не дружат!

– Зато они с рыцарями дружат, – пробормотал я, глубоко уязвленный. Если отдать фэйри и Семену «рыцаря Бонса Ингельмийского» на съедение, авось с темы прыгнут.

«Рыцарь» выпрямился, приосанился, выпятил грудь и, изобразив неуклюжий полупоклон, подбоченился. Рта он предусмотрительно не раскрывал. «Нормальный» рыцарь, тот же Реймс, уже предложил бы мне представить его «даме», то есть Паоле, и горячо благодарил бы ее, не скупясь на комплименты, но Бонс предпочитал пыжиться, так высоко он ставил свое «рыцарское» достоинство. Пришлось представлять рыцаря безо всяких просьб с его стороны. Бонс только кивал на мое несколько цветистое представление, и не смог скрыть улыбки, явно впервые слыша, как звучит его титул из чужих уст.

– Хорош! – заключил Семен, бесцеремонно ощупывая взглядом «рыцаря», особенное

внимание заслужили ноги героя. На одной ноге Бонса красовался порыжевший от времени кирзовый сапог с подвернутым голенищем, другая нога сверкала желтой пяткой: сапог-то с «рыцаря» вампира сняла во время драки. Семену было очевидно начихать на «титул» Бонса, он больше глазам доверял, а Бонс своего вида ничуть не стеснялся, полагая титул явлением самодостаточным.

– Охотники? – несколько высокомерно спросил он, оглядывая в свою очередь подручного Тимохина и Паолу, оружейника маркиза Конкруды, – Варвара и Кудин? Вот этих, – тут Бонс прям-таки царским жестом указал на останки вампира-пришлого и «радуги», – мы уделали. Наша добыча!

Мне эти имена ничего не сказали, но в глазах Семена мелькнуло понимание.

– Нет, не охотники, – ответил он, усмехаясь, – и не знаю, понравится ли Арраве, если ее будут называть Варварой. Что по второму вопросу, то на награду мы не претендуем. Бери себе все, не жалко... Пошли, Петя.

Довольный рыцарь нагнулся и начал искать свой второй сапог, мне уже охота была выйти с Семеном на свежий воздух, тем более, что фэйри закончила освобождать от пут прочих бедолаг, «заготовленных» вампирами для их пира. Досадно, но одному из них, высокому и худому армирцу с длиннющими черными усами, помощь уже не требовалась. Пленники были свалены, как дрова, армирец лежал сверху и во время перестрелки поймал не менее пяти пуль. Случайных пуль, понятно, что никто в него не целился. Целились, скорее всего, в нас с Бонсом. А стрелки из умрунов аховые...

Разложив уцелевших на полу, Фэйри бегло осмотрела каждого, покачивая головой. Всем нужна была помощь целителей, только двое очухались и завертели головами, когда Паола поднесла к их носам небольшой флакончик зеленого стекла. Нашатырь или что ядренее? Я нашел на барной стойке свой кошель среди прочих, проверил, на месте ли смарагд и коробочка с «Кремом», оттер рукавом от пыли обе тетради, Виталину и сборничек Игана, перебрал валяющуюся тут же снаряду, ага, гранаты, и пошел искать свой «чекан» по залу. Револьвер обнаружился возле неприглядных останков «молодого» упыря. Судя по обтягивающей кости коже, этот был обращен лет семь-восемь назад, не раньше. Весело было бы сгнуть от собственного оружия. На удивление, из «чекана» умрун успел выстрелить всего один раз. Рядом валялся собственный револьвер вампира, и было ясно, что мое оружие гад захватил про запас. Ну и еще чтобы «старички» до него не добрались.

Дозарядив «чекан», я решил полюбопытствовать, каково настоящее имя Бонса, да и распрощаться с ним, потому что чувствовал себя обязанным Семену, недвусмысленно сигнализировавшему «на выход».

– Как тебя зовут на самом-то деле? – протягивая руку для прощального пожатия, спросил я.

– Да Бонс! – как-то даже обижено ответил чернобородый, пожимая мне руку, – я ж говорю, Бонс Ингельмийский, рыцарь!

Вот упрямый какой! Все никак с образом не расстанется! Ну и ладно, «рыцарь», счастливо оставаться!

Наскоро пожелав своему бывшему уже товарищу по несчастью доброго здоровья, я шагнул в развороченный дверной проем вслед за Семеном и, поднявшись на пару ступенек, наткнулся на его спину. Фэйри, замершая еще на две ступеньки выше, вдруг выставила вверх сжатый кулак, обтянутый новенькой лиловой перчаткой, а потом развернула кисть, указывая «назад». Назад? Да что такое? Пришлось скатиться вниз по лестнице и занять позицию за той же барной стойкой. Бонс, стоящий там же и прилаживающий патронташ, явно чужой, не подходящий ни по цвету, ни по качеству к его потертому поясному ремню, вопросительно посмотрел на меня и спросил, поблескивая глазами:

– Ну что там, доблестный сын Лиинуэля?

Я чуть языком не подавился от смеха. А вот Семену и Паоле Фэйри было не смешно.

– Собрались у входа, заняли позицию, – доложила фэйри. – Много их, входить не собираются...

– Все ты, Петя... копался тут! – не удержался от шпильки Семен, у которого во всех его жизненных неприятностях был виноват, конечно, один-единственный полуэльф!

– Так давайте мы выйдем! – мое предложение показалось мне самому образцом логики, но фэйри только отрицательно покачала головой. Семен не протестовал, он, кажется, смирился всегда быть при девушке на вторых ролях. И это заставляет задуматься... Что ж, я тоже на рожон не полез, и вообще, раз Семен так обо мне заботится, то стоит проверить, до каких пределов простирается его забота.

Подручный Тимохина со своей экстравагантной спутницей заняли позицию за баррикадой «старичков» и о чем-то тихо переговаривались. Вид у обоих был не слишком радостный. Я напряг слух и услышал кое-какие обрывки разговора, прерываемые ужасными стонами – один из аборигенов, лежащих на полу кабака, как раз очнулся и начал стонать, пребывая, очевидно, в состоянии между явью и бредом. Но то, что я расслышал, не дало мне ответ на действительно занимающий меня вопрос: влюблен Семен в фэйри, или ловко притворяется? Или фэйри разыграла меня там, в подвале у Конкруда? В этом подвале парочка действовала заодно, понимая друг друга с полуслова. А какие чувства испытывает к бывшему унтеру Паола? Помоложе не нашла? Или есть у Семена какие-то скрытые достоинства? И почему она ему нос у Конкруда разбила? Или у них «любовные игры» такие? С полудемоницы станется. Вообще, все: их жесты, то, как фэйри подходит, как касается Семена, – не оставляло бы сомнения в том, что эти двое знакомы... очень близко, если бы не одно «но». Я многого не знаю о фэйри и нормах поведения этого народа. Так что поостережемся делать выводы... Ни о чем таком интересном Сеня с фэйри не говорили, отношений не выясняли, а пытались сообразить, кто из гуляй-польских бандитов «крышует» кабак, в котором мы застряли, и чего от них можно ожидать.

Бонс тем временем полностью экипировался, понятно за чей счет. Приятно посмотреть на хозяйственного человека, эльфы, даже очень старые, в таких вопросах перед людьми как младенцы... Дорогая кожаная куртка, принадлежащая раньше одному из «модных» вампиров, абсолютно целая, без единой дырочки, только запорошенная пылью от взрыва, оказалась Бонсу почти впору, если не застегивать ее на груди, деньги достойный рыцарь ссыпал себе в непомерно раздувшийся кошель, не обошел вниманием и кассу кабачка, справедливо полагая, что мертвецам деньги ни к чему – с собой в могилу не заберешь... Оружия у него теперь было столько, что он свернул в мешок какую-то скатерть и ссыпал стволы туда, не забыв отложить для каждого из наших бывших «товарищей» по вампирскому «меню» пистолет или револьвер. Оказалось, Бонс прекрасно помнит, что у кого было. Талант. Сомнительно, конечно, но он заслужил, пусть пользуется.

Нагруженный богатой добычей, этот «рыцарь» бесстрашно шагнул в дверной проем и заорал, обращаясь к кому-то сверху:

– Здесь рыцарь Борс Ингельмийский со свитой! Мы уложили девятых вампиров! С нами раненые, им целитель нужен! Шевелитесь! – последнее слово он произнес с такой одушевляющей интонацией, что я вышел из-за стойки – ноги сами вынесли! Не иначе, талант такой у человека. Я даже засомневался на мгновенье, может, Бонс, действительно, рыцарь?

– Про Бонса я слышал, – голос на верхних ступеньках лестницы был глухим, но властным, – пусть выходят по одному... целителя позовите!

Семен, дернувшийся было остановить «рыцаря» во время его речи, затормозил, ощутив на своей руке железные пальчики насторожившейся Паолы. Я тоже сбавил обороты, хотя собирался сделать ровно то, что не успел Семен – заткнуть рот новоявленному аристократу, пока бандиты с нас не потребовали выкупа по «дворянскому» тарифу. Хороши бы мы были! Я не против дерзкой шутки, только за, если кто-то что-то приврет или приукрасит – без этого вся жизнь была бы серой и скучной. Но врать безо всякой причины, по моему глубокому убеждению, глупо. А на шизофреника Бонс не похож. Что он опять задумал?

– Окажемся в заднице из-за твоих шуточек, пеняй на себя! – очень нейтральным тоном пообещал мне Семен, полагая, видимо, что Бонс тоже моя шутка, – Что собираетесь предпринять? – это уже к Бонсу, но тот только досадливо дернул плечом. А неплохой

получился жест – и не похоже, что рыцарь тренировался перед зеркалом. Я попытался вспомнить, известно ли мне что-нибудь о рыцарях из Ингельма, но нет, ничего неизвестно.

– По одному выходите, на счет! – новый голос, молодой и задорный, был усилен магически, – Руки над головой, оружие за ствол держать! Над головой! Первый!

Не успели мы посоветоваться и принять оптимальное решение, как Бонс воздел над головой руки с крепко зажатой в них «скатертью-самобранкой» и поскакал вверх по ступенькам.

– Второй!

А выхода-то нет... Не глядя на Семена, я подмигнул Паоле и не спеша выбрался из подвала, едва не ставшего мне могилой. Солнце било в глаза, от яркого света они стали слезиться, но я не делал попытки вытереть слезы, с любопытством осматривая гоп-компанию, организовавшую нам встречу. Не то чтобы людно – толпа! Впереди всех люди «бандитской внешности»: смесь камуфляжа и черной клепаной кожи, шляпы, банданы, кепки всех фасонов, злые, какие-то рубленые лица, наколки на пальцах. У всех самозарядки, особенно много СВД-П, даже обидно.

Некий толстячок, в балахонистой куртке направил на меня магический жезл и комбинацию из хитро скрученных пальцев. Типа, фига от сглаза. Колдун щелкнул пальцами, ничего не произошло, и меня сразу же оттеснили от входа, уверившись, видимо, что я не вновь обращенный вампир. А то незаметно было... Нормальный некромант за десять шагов бы отчитался, что «живых» вампиров в округе нет, но этот то ли этот в коленках слаб, то ли перестраховаться решил...

Главный среди набежавших бандитов, мордатый такой парень, похожий на поросенка-убийцу, что-то обсуждал с здоровенным норлингом, в гномьей кольчуге со знаками солнца на зеркалах, и арбалетом в руках. Охотник? Он предводительствовал целой компании разношерстно вооруженных норлингов, загружавшихся в грузовичок с кунгом. А что, их работа сделана... В кабине уже сидела отменно некрасивая коротко стриженная черноволосая девица, во внешности которой отчетливо проступали причудливо смешанные черты сразу нескольких рас. Эльфы точно начудили с ее предками, хотя уши и не того-этого... Девица окинула меня неприязненным взглядом и поджала губки, узенькие и невыразительные. Не знаю почему, но меня потянуло сказать ей гадость. Может, потому, что до сих пор эльфийка Арквейн и полуэльфийка Паола вызывали у меня исключительно теплые чувства, как, вероятно, и у всех окружающих их мужчин. Старинная иллюзия: красивая девушка обязательно должна быть доброй, честной, умной и талантливой – и тут попыталась предательски толкнуть меня в спину. И ведь ничего плохого девица мне не сделала!

Решив начинать избавляться от иллюзий и жить «настоящей жизнью», я, как благополучно прошедший «медосмотр», оказался в непосредственной близости от Бонса, приветливо махнувшего мне рукой. Рот «рыцаря» не закрывался ни на минуту, вокруг него толпились люди, и Бонс...распоряжался! Точнее, это было что-то вроде импровизированного митинга, посвященного, как выяснилось, чудесному спасению Бонса из лап нежити. Неожиданное внимание бандитов, жадные взоры набежавших откуда-то людей, внешне похожих на самого Бонса, то есть на крестьян-арендаторов с одностволками или даже бывших крепостных из всевозможных приречных баронств, пытающиеся пробраться поближе калеки и уроды всех возрастов, – у меня, если честно, голова пошла кругом.

– ... и тогда коварная нежить, устроившая засаду на рыцаря Бонса Ингельмийского, была повержена, а сам он спасен! – некто узкоплечий, с лицом, как топор, оттопыренными нематыми ушами, в длинном, до пят пыльнике стандартного серого цвета, завершал явно не обогащенный подробностями рассказ. Голос тоненький, но как верещит-то вдохновенно, сам верит, наверное!

Толпа взорвалась приветственными криками и залихватским свистом, и я было решил, что это они Паолу увидели, радуются. Нет, не Паолу. У меня как-то и воображения не хватило представить, чтобы клакеры, просочившиеся в современность еще из античности,

были востребованы не в Нижегородском театре, а на улицах далекого от искусства Гуляй-поля. Народец орал, вылезший из подвала Семен только шурился, а вот Бонс, сдержанно раскланявшийся на все стороны, неожиданно поднял руку, призывая к молчанию. Затем взобрался на капот «полевичка», служащего в Гуляй-поле чем-то вроде такси.

«Это что за большевик
Лезет к нам на броневик
Он смешную кепку носит
Букву „р“ не произносит
Он великий и простой

Угадайте, кто такой...» – вполголоса продекламировал я неудачный агитационный стишок пришедших, посвященный одному из самых отвратительных предателей в их истории. В разгар войны с немцами этот персонаж призывал к поражению русской армии... Стоп, стоп, стоп, неужели я «разгадал» Бонса? Шпион, предатель и провокатор? На кого работает «рыцарь»? На Нижний Новгород?

– Что стало с верой наших отцов?! – спросил Бонс с горечью, почти не возвышая свой слегка глуховатый, «проникновенный» голос прирожденного оратора. Эх его кидануло! Недооценил я Бонсика, недооценил... – Где храмы Четырех богов? Что стало с храмовыми школами? Где жрецы? И почему все они такие толстомордые?

Публика сгрудилась вокруг нового «Иеремии» поплотнее: если кто-то взялся за жрецов, то это дорогого стоит... Неужели и здесь кризис веры... Познакомлю Бонса с Сашей из христианского скита, во взаимных горестях они найдут взаимное же утешение! Типа, у соседа корова сдохла: пустячок, а приятно!

Переждав ропот «митингующих», Бонс продолжил:

– Когда в Гуляй-поле пришли слуги Кали, где были жрецы Четырех богов? Втянули животы в позвоночник, а языки в жопу, да попрятались по норам, как мыши! А потом пришли Туги! И стали брать на рынке детей для жертвоприношений! наших детей!..

Папаша, прям, многодетный... Отец народа...

Бонс раскраснелся, в ярости сорвал с себя «вампирускую» куртку, с размаху бросил ее на капот «полевичка» и придавил ногой. Прям как некий французский маршал, топтавший в приступе ярости свой маршальский берет. С утра, правда, этот герой требовал от лакея подавать ему старый берет...

– Все молчали и смотрели! А почему? Потому что не осталось веры! Так куда она подевалась? Не знаете? Я вам скажу! Она ушла, потому что сейчас правит это! – в вытянутой руке «рыцаря» блеснул золотой, не иначе, из кассы кабака. С этими словами Бонс опять-таки с размаху кинул под колеса «полевика» тот самый злосчастный рубль. Вся толпа проследила взглядом этот бросок, сам «бессребреник» тоже. К монете моментально подкатил безногий калека с всклокоченной полуседой шевелюрой на небольшой тележке. Вида он был самого разнесчастного: полы надетой на худое голое тело засаленной телогрейки волочились по земле, пустые штанины были, в противовес, аккуратно подколоты и уложены по краю тележки на всеобщее обозрение... От земли убогий отталкивался двумя рогульками, зажатыми в кулаках, и сам вид этих рогулек внушал мне почему-то смутные опасения. Судя по тому, что другие нищие не решились оспаривать этот куш, не только мне...

Удивляюсь я Бонсу: не мог найти другого места, чтобы проповедовать. В Гуляй-поле разрешено все, и то, что туги, «слуги Кали», покупают детей для жертвоприношений, никого смутить не должно. Или должно? Вполне может быть, что недовольство было, что называется, подспудным, и Бонс умело этим пользуется... Бежал же из города этот овощ, Слива, а он со слугами Кали напрямую был связан, как Паисий утверждал... А чего бежал? Брата почикали? Тугов прижали? А Бонс оседлал новый тренд?

– ...и пока мы позволим пришедшим приносить наших детей в жертву их новому идолу – Золотому Рублю, не будет на нашей земле вольной жизни! Все мы будем рабами рубля, если не встанем грудью за нашу веру!

Как это Бонс рубли, пришедших и жрецов Кали связал, я не понял даже, прослушал.

Нелогично же! А к деньге «рыцарь» явно с пиететом относится – если не по речи видно, так по поведению...

Народишко заволновался, и Бонсу пришлось вновь поднять руку.

– Я верну старую веру! Я дам вам волю! – произнес он глухим торжественным голосом в наступившей тишине. Стенька Разин, в натуре! – Но воля стоит дорого! Уж дороже, чем ваша дырявые шкуры! Хэй!

– Хэй! – ответили «рыцарю» добрых две дюжины глоток. Еще дюжина сурово молчала. Охотники, как ни странно, не уезжали, а девица в кабине грузовичка смотрела на Бонса так же презрительно, как и на меня. Эдакое «приклеенное» выражение на лице...

– Сегодня я иду на Тверь! Я возьму волю и землю силой оружия для себя и для тех, кто пойдет со мной!

Мне оставалось только удивляться такой наглости. Если Бонс такой дурак, что хочет присоединиться к восстаниям сипаев в Твери, то должен же он отдавать себе отчет, что восстания эти не могут окончиться ничем кроме полного разгрома. Ведь это не просто грызня за власть, это вызов всем «пришлым». Всему народу, то есть. И все это в пределах одного княжества, оккупантов нет. Значит, гражданская война, даже не война, а так, попросту, заварушка. Рассчитывает погреть руки? Несомненно, учитывая, как он наварился на вампирах.

Бонс не по-рыцарски спрыгнул с капота «полевика», перемигиваясь с «топором», и тот, вспрыгнув на подножку все того же многострадального автомобильчика, немедленно возвысил голос:

– Рыцарь Бонс Ингельмийский набирает дружину! Айда за рыцарем на Тверь! Погуляем!

Э, нет, так мы не договаривались, надо прощаться с Бонсом, по второму разу уже и навсегда. И сделать это надо по-английски. Я решительно собирался наплевать на правила приличия и тихонько слинять, как подошедший сбоку Семен прошипел мне в ухо:

– Останемся, Петя, посмотрим, что дальше будет...

Налетевший порыв по-весеннему теплого ветерка не оставил сомнений в том, что за моей спиной стоит фэйри, да и она не стала отмалчиваться, просветив Семена:

– Двое на чердаке. Зеленый дом на конце улицы.

Ну и я услышал, понятное дело. Бросил только быстрый взгляд на чердак капитального дома, шестого, по счету от нас, на противоположной стороне улицы. В нем расположились, судя по вывескам, аж два казино и кабаре. Но угол острый, сектор узкий, неудобный выстрел будет... Никого на чердаке я, конечно, не увидел, но раз фэйри говорит, что там сидят, значит, сидят. Только с чем сидят? Одно дело с винтовкой со скользящим затвором, другое – с «максимкой» на станке. Ливанут очередь – прощай, Петя! Говорят, лучшие телохранители этого мира – тифлинги – могут определить степень опасности для клиента по таким признакам, о существовании которых обычный человек и не догадывается.

Тифлинги чувят ауру жизни, поэтому могут сообразить, сколько противников им противостоит, даже если враг за углом. Скорее всего, фэйри тоже обладают схожими талантами. Но напрямую спросить как-то неудобно...

Пока я размышлял, как реагировать на полученную информацию, Семен действовал.

– Снайпер на чердаке! – заорал он, толкая Бонса в спину. Тот завалился вперед, а «глашатай» сверзился с подножки маленького внедорожника, зажимая рану в плече. Винтовочный выстрел, самозарядка, не перепутаешь. По чердачному окну немедленно открыли огонь, но особенно отличилась та самая не понравившаяся мне девица из компании охотников. Из ее тяжелого маузера вырывались серебристые молнии, бьющие в цель, или летящие мимо, не знаю, но, без сомнений, слепящие всех остальных стрелков. Спасибо... Никогда такого не видел. Интересно, мои смарагды ее молнии остановят, или нет? Если заклинания на пули наложены, то значит и пуля там, и заклинание. И значит, не остановят. Умно...

Разбираться, что там случилось, у моих спутников не было ни времени, ни желания. В

кого стреляли все-таки? Паола ткнула меня кулачком в плечо, разворачивая, и мы рванув в противоположную от стрелка сторону, сразу же завернули налево, за первый попавшийся дом, с высоким глухим забором, украшенным аж тремя рядами «колючки». Прошли вдоль здания, свернули и столкнулись нос к носу с Бонсом, и еще двумя аборигенами, похожими на арендаторов, тащивших матерно ругающегося «глашатая», прижимающего к плечу окровавленную тряпку. Видимо, они тоже нырнули за угол, но с другой стороны дома.

– Судьба постоянно сталкивает нас, сын Лиинуэля, – высокопарно заявил Бонс, – и твои спутники уже дважды спасают мне жизнь! Давай со мной на Тверь! Не пожалеешь!

Смешно, но Семена встреча с героем не вдохновила, вон как нос воротит. Хотел, чтобы Бонс наградил его орденом? Пусть Тимохин наградной лист подписывает. Смотрел Сеня волком, и мне ничего не оставалось делать, как сказать Бонсу деловым тоном:

– Как до комплекса Тверской Академии доберетесь, дайте знать, я вам схемку системы обороны нарисую!

Глаза Бонса смеялись, но голос его был сух и торжественен:

– Мы будем в гостевом доме «Черный дрозд». Вам я всегда буду рад, приходите!

Легкому прощальному кивку «рыцаря» мог бы позавидовать сам Владимир Кириллович, отпускающий делегацию гномов, прибывшую с дружественным визитом. Потом эта компаха обошла нас по широкой дуге, а раненый, зараза, все продолжал материться при даме, при Паоле, то есть.

Семен кривился, но фэйри легкомысленно заметила:

– Душка! И борода такая... большая. Интересно, женат?

Я думал, Семен выпадет в осадок, но он лишь пожал плечами и предложил пойти перекусить, а то приключений слишком много, не по возрасту ему.

Глава 11, в которой герой обретает нового родственника

Что ж, можно и зайти, вот например, неплохо из дверей заведения пахнет... сметанкой свежей. К моему крайнему удивлению, кабак, попавшийся нам по дороге, специализировался на чем-то...кисло-молочном, диетическое кафе такое оказалось. Всего пять столиков с белыми скатертями, венские стулья с гнутыми спинками и круглыми сидениями, колокольчики в вазах. Идиллия. Даже обязательная надпись над входом, гласящая, что тот и виноват, кто оружие первым из кобуры вынет, была стилизована под гжельский сине-голубой узор по белому фону. Посетителей было всего трое, всем им было далеко за шестьдесят, и занимали они столик у стены. На землистых лицах старичков не было, что называется, печати порока. А если эта печать там когда-то и стояла, так была стерта прошедшими годами. Просто старики, каких можно встретить во всех городах Новых княжеств... Что же здесь они делают? В их взглядах сквозил какой-то испуг, они как по команде прекратили разговор и уставились на Семена. Обидно! Я-то полагал, что самый опасный персонаж в нашей компании – Паола Фэйри, а мы с Семеном делим второе и, гм-гм, почетное третье место. Но может, испуг касался не конкретной личности? У стариков, как я заметил, такое выражение испуга можно встретить довольно часто. Почему? Большинство из них жизнь хлебнули полной ложкой, воевали, видели такое, что мне и не снилось... Я тоже буду всего шугаться, когда разменяю седьмой-восьмой десяток? Если доживу, конечно...

Слезящиеся глазки, дрожащие то ли от выпитого кефирчика, то ли от возраста кисти в пигментных пятнах с деформированными суставами, вполне опрятная одежда, обязательные кобуры с оружием, еле уловимый запах медикаментов и сильный запах старости... Перед дедами стояли высокие бокалы с какими-то помоями болотного цвета, по запаху – в таких хорошо ноги отпаривать, стояли тарелки с окрошкой, заправленной не квасом, а кефиром, явно без колбасы, но с отварным мясом, блюдечко с галетами, песочные часы и фарфоровая доска в бело-голубую клетку, уставленная довольно искусно вырезанными из поделочного камня фигурками. Быстрые шахматы, не иначе... Синие против белых, поэтому ставлю рупь за сто, что доска принадлежит заведению... И само заведение, значит...

Не успели мы усесться за стол, как подошедший официант из пришлых, с одутловатым лицом мясника, положил на стол такую же, как у стариков, шахматную доску и расписную фарфоровую коробочку с фигурами.

– Что будете заказывать? – тон у официанта был почти что оскорбленный, как если бы мы, чужаки, грубо нарушили некие неписанные, но всеми почитаемые здесь правила. Меню «халдей» нам не предложил. Возможно, здесь, как и в большинстве аборигенских кабаков, не принято.

– А что есть? – откликнулся Семен с живейшим интересом, оголодал, вероятно...

– Кисели разные, гороховый рекомендую, капуста тушеная, окрошка свежая, котлеты на пару, фрикадельки, суфле из моркови с творогом, – тут официант сложил губы пельменем и причмокнул, да еще и пальцами пошевелил, обозначая небесный вкус этого суфле, – суфле из гречки с творогом, пудинг творожный, кнели рыбные, бефстроганов с тушеной морковью, пюре овощное, пюре фруктовые, разные, супы из овощей, протертые, суп...

– Хватит! – выкрикнул Семен таким свирепым голосом, что из «предбанника» выглянул вышибала, оказавшийся не стариком, а молоденьким норлингом, с решительно выдвинутым вперед подбородком. Косица на его виске была украшена исключительно человеческими зубами, числом не меньше трех. Старичкам бы Конкруда в председатели, в главного судью турнира, так сказать... От выкрика Семена лицо официанта, как и вся его расплывшаяся фигура совершили героическую попытку вытянуться в струнку.

– А ряженка у вас есть? – обратился я к халдею, спасая его от унтерских замашек Семена. Ряженка в отличие от простокваши была продуктом «от пришлых», и ее не всегда можно было найти в меню аборигенских кабаков.

– Конечно! – выдохнул официант, и лицо его вернулось в прежнее состояние.

– Тогда даме гоголь-моголь с красным вином, мне ряженку и пюре персиковое с сахаром, пятьдесят на пятьдесят, в большом бокале, а этому господину все-таки котлеток паровых, штук семь... Нормально, Паола, Семен?

Фэйри и не слышала меня, увлеченно расставляя фигуры, а Сеня только махнул рукой, посмотрев на меня так, что я понял: припомнит при случае. А я виноват в том, что в Гуляй-поле мы в диетическое кафе попали? Что ж такое? Не везет, так не везет: ни полуголых девчонок на сцене, ни жареного мяса... Ну, может, эти старички-шахматисты – главари бандитских кланов на пенсии? Работоторговцы в прошлом? Робинзон Крузо был работоторговцем до того, конечно, как попал на необитаемый остров... Нет, пожалуй, на пенсию бандиты не выходят, того же Сливу взять...

Из-за занавески, отделяющей кухню от «залы», отчаянно жмурясь, вышел чернуший кот самого бандитского и бомжеватого вида, с надорванным в драке ухом и огрызком черного, как сажа, хвоста. Хвостик он держал, впрочем, трубой. Из всех присутствующих только кот казался типичным представителем Гуляй-поля.

– Играешь, Петя? – фэйри потребовала от официанта песочные часы на двадцать секунд и немедленно выдвинула белую пешку вперед. «Закрытый гамбит», – выплыло откуда-то из глубин памяти, и я ответил, вытаскивая за линию пехтуры «черного всадника» глубокого синего цвета:

– Играю, но скверно... Поэтому больше десятки не поставлю, так и знай.

– Нет в тебе полета, – вздохнула фэйри, выдвигая вторую пешку. Ожидаемое начало, она будет бороться за центр доски до последней фигуры, или я ничего не понимаю в фэйри...

– Лошадью, лошадью ходи, – произнес Семен ритуальную фразу всех шахматных болельщиков, проглатывая очередную паровую котлетку. Размерами котлетка едва ли превышала «фрикадельку». Если здесь котлетки такие, то какие же фрикадельки?

– Ты действительно бы продал свою Академию? – вопрос Семена застал меня врасплох, я чуть не подавился принесенным напитком.

– А тебе, Семен, никогда свою школу поджечь не хотелось? – задал я встречный вопрос.

– Школу я давно уже закончил... – вздохнул Семен, – а ты все никак повзрослеть не

можешь, чисто эльф...

– Это ты потому такой добрый, что в школе просто учился. А вот если бы учителем работал...

Старики в углу доиграли свою партию и теперь косились на нас с фэйри, едва удерживаясь, очевидно, чтобы не выступить с советами и комментариями. Семен косился на стариков, а кот давил косяка на котлеты Семена. Я и сам косился на всех так, что у меня чуть головокружение не началось. Проигрывая фэйри одну позицию за другой, я думал, как бы начать разговор с Семеном.

С фэйри говорить было бесполезно – азарт был написан не только у нее на лице, но и на всей фигуре. Она, кажется, даже не сидела на стуле, а висела на локтях над столом с доской.

– Конкруд благословил вас?... Поймать меня и привести обратно в клетке? – улучив момент, задал я Семену волнующий меня вопрос. Паузу между первым и вторым вопросом я постарался сделать легкой, ненавязчивой...

– Угу, – недовольно ответил Семен, снова начиная жевать, – в клетке и кандалах...

Фэйри только фыркнула, съедая моего слона.

Кот проводил фигурку долгим задумчивым взглядом и нервно облизнулся. Сидел он точно в центре кафешки, словно кто-то определил ему место с помощью геодезических инструментов.

– Куда теперь? – спросил я, совершенно случайно смахивая рукавом половину фигур на пол. – Ух ты, простите, я нечаянно!

– Не думай, я все помню! – злобно сказала фэйри, – У меня все ходы записаны!

– Не надо так расстраиваться! – задумчиво пробормотал я, приседая на корточки и собирая фигуры. Кот помогал, как мог, закатывая ладью лапой под соседний столик. Молодца! Ладья не конь, катилась она хорошо, весело... Пришлось нырнуть туда, не оставляя же Паолу без ценной фигуры. Приподняв край скатерти стволем «чекана», я увидел именно то, что ожидал увидеть: две пары высоких кавалерийских ботинок и наколенники из свиной кожи. Запах дешевой сапожной ваксы неприятно диссонировал с запахом свежей ряженки, и это меня слегка нервировало.

– Позвольте представиться, Тавор из Лощины и мой спутник, Логан Черепаха, мы представляем отряд капитана Ворта... Разрешите присесть... – спокойно произнес вежливый голос уверенного в себе мужчины. И без капли угрозы. Затем последовала недолгая пауза: Паола наклонилась за очередной пешкой, игнорируя вновь зашедших посетителей...

– Извольте, – ответил Семен, очнувшись, и я услышал, как гость уселся на мой собственный стул, слегка отодвинув его от стола. Вторая пара ботинок, сместившись, оказалась позади стула.

– Наше дело не отнимет много времени: просто мы были бы благодарны за разъяснения... Сегодня мы видели самого необычного «рыцаря», какого только можно представить... А смею вас уверить, за время существования отряда мы видели очень много рыцарей, пеших и комонных, кредитоспособных и не очень, с замками и...

– Ближе к телу, – скрипнул зубами Семен. Чем занималась Паола, мне было не видно, но, судя по звону фарфора, расставляла фигуры на доске.

– Извольте, – повторила ответ Семена невидимая верхняя половина Тавора, – вы некоторое время сопровождали этого «рыцаря», еще полуэльф был, он, кстати, разве не с вами?

– Здесь он, под столом прячется... – невозмутимо сдал меня Семен, и я замер, скорчившись в самой невероятной позе: колени на сидении одного стула, плечо и локоть – на другом, задница перевешивает, но я ее упорно притягиваю к столешнице. Будь мне лет на двадцать поменьше, этот фокус удался бы гораздо лучше... Только б не увидели, позору не оберешься...

– Нас, в общем-то, не он интересует... – продолжил наемник после небольшой паузы, – Мы хотели бы знать, что это за рыцарь, Бонс Ингельмийский, и откуда у него деньги...

А Бонсик-то, прям метеор! Комета! Но откуда у него деньги на наемников? Это не полусотня золотых из кассы разгромленного кабака.

– Баш на баш, – немедленно отозвался Семен, – что за задание он вам дал, какой гонорар обещал, сам договаривался или кто-то помогал, какой задаток, какие гарантии платежа?

Эй, Семен, я так долго не продержусь! Завершай беседу, да поскорее!

– До окончания контракта мы никогда не раскрываем тайну нанимателя... – начал было Тавор, и был немедленно перебит Семеном, зевнувшим наемнику прямо в лицо:

– А я не справочное бюро!

Некоторое время гости сосредоточенно думали: справочные бюро есть только в столицах Новых княжеств, и не все аборигены осведомлены, что это такое. Но потом они сообразили и немедленно откланялись, не говоря худого слова. Фууу!

– Надо было их в разговор вовлечь, – объявил я недовольным тоном, вылезая из-под стола и расставляя собранные фигуры на нужных полях, – проболтались бы... Да и не взяли же они заказ пока, так что словом не связаны! Просто хотели о нанимателе справки навести!

– У тебя слон на месте короля, – довольно сухо ответила мне фэйри, – ты не болтай, ты играй!

– Надо же! – удивился я, – фигуры перепутал! Тебе, кстати, шах!

Семен на мое замечание только поморщился, он явно считал, что разговорить наемников не удалось бы. Репутация в наемнической среде дорого стоит... Но кое-что все равно прояснилось. Бонс продолжает удивлять, вот теперь он еще и Ворта попытался нанять...

– Семен, а ты знаешь, дорого этот капитан Ворт берет? Сколько у него бойцов?

– Сабель тридцать отряд, и берет дорого. На Тверь не пойдет, не дурак...

То есть, надо понимать, интересы Бонса не только на Тверские территории распространяются. Удивительно разносторонний человек...

Паола все-таки выиграла, что не могло не сказаться на ее настроении. Она даже потребовала плошку сметаны для кота, который без разбега вспрыгнул ей на колени, как раз в тот момент, когда она благодушно откинулась на спинку стула, принимая от меня десять золотых кругляшов. Почему коты любят сидеть на коленях у красивых девушек? И у кого на коленях любят сидеть красивые девушки? И что скажут эти самые, у кого на коленях сидят девушки, если у девушки на коленях сидит кот?.. Все, хватит, куда-то меня не туда заносит...

– Придется в «Черного дрозда» заглянуть, – вывод Семена был мне непонятен, сам же от Бонса морду воротил.

– Пойдешь с Бонсом на Тверь? – с удивлением спросил я подручного Тимохина, – это же верная смерть...

– Надо этого «рыцаря» разъяснить, – пробормотал Семен, – непростой он товарищ...

– Хочешь, разъясняй, ты его от смерти спас, а у меня своих дел полно, – пожал я плечами, – и тех, кто «Крем» производит, я так и не нашел! А твой контакт, в «Гусе», вампиры выпили... Новый адрес давай!

– Зря ты из-под стола вылез, – Семен попробовал пошутить, но видно было, что дается ему это с трудом, – пока ты там сидел, я душой отдыхал...

– Если бы я вылез из-под стола в разгар вашей беседы с наемниками, так просто они бы не ушли, – не согласился я.

– Он прав, Семен, – тихо подтвердила Паола, – они за ним приходили. И не факт, что они из команды Ворта. Наем отряда – дело не одной минуты. Слишком быстро нас нашли, как будто следили.

– Кому еще дорожку перешел, рассказывай! – со вздохом согласился Семен, а мне только и оставалось, что пожать плечами. Никому я никакой дорожки не пересекал! А то, что Наташу пообещал Ивану Сергеевичу разыскать, так ведь и не приступал еще, а все почему? Нет, правильно будет спросить, из-за кого?

Не успел я высказать все это Семену, как фэйри коршуном накинулась на меня,

опрокинув вместе со стулом назад. Голову я чисто инстинктивно притянул к груди, так что затылком не ударился. И вообще, падение на пол было совершенно безболезненным, только дух захватило от неожиданности. Почему-то по всему телу прокатилась волна жара, ну не от того же, что Паола меня практически обнимает! В ту же секунду в зал влетел норлинг-вышибала с «Молотом Тора» наизготовку и начал стрелять прямо сквозь окно кафешки, на месте которого осталась теперь только расщепленная рама. Стол, за которым мы сидели, превратился не в обломки, а просто в какую-то кашу, пулей так не сделаешь, да и выстрела я не слышал. Заклинание типа воздушного молота. Семена отбросило к старикам, как раз начавшим новую игру. Я приподнялся, удивляясь своей вялости и осторожности фэйри, не желавшей подниматься с пола, точнее, с меня, направил «чекан» в сторону окна, но с моей позиции ничего не было видно. «Хулиганы» испарились, да и вообще, покушение это было, или, скажем... предупреждение? Никто ведь не пострадал, зря фэйри вцепилась в меня мертвой хваткой.

– Рота, подъем! – я попытался симитировать хриплый голос Семена, без особого, впрочем, успеха, потом стал разгибать тонкие пальчики девушки, но неожиданно возникший рядом дедок-шахматист тонким «интеллигентным» голосом произнес:

– Не советую, милейший, если, конечно, вы дорожите жизнью вашей спутницы!

Семен как раз очнулся и подошел, слегка пошатываясь, к нам, на ходу отмахиваясь от норлинга, попытавшегося что-то у него выяснить по поводу случившегося. Конечно, проще нам претензии предъявить, мы вот они тут, а неизвестных злоумышленников след простыл.

– Паола, Паола! – Семену очень не понравилось, как лежит фэйри, он потянулся потрясти ее за плечо, но и его остановил шустрый дедок, – А ты чего разлегся? – Это Семен мне уже. Может, мне приятно лежать под красивой представительницей народа фэйри неизвестного возраста? Может, я предаюсь изнеженности нравов?

– Я лежу по совету доктора Офейма!

Тут и Семен сообразил, куда мы зашли и что за старичок вышел из-за шахматной доски. Известный целитель, «лепила Ефим», на местном гуляй-польском наречии; на самом деле его имя звучало Офейм, и специализировался он на ранах и повреждениях, полученных магическим путем. Но характер у доктора был премерзким, больных он предпочитал лечить по собственной методе, основанной на том, что болезнь не беда, а вина пациента. Или, скорее, наказание за вину со стороны неких высших сил. Может, потому он и выбрал местом своего пребывания Гуляй-поле. Представляю себе: мечется какая-нибудь «Слива» по койке от боли, света белого не видит, а Офейм сидит рядом и наставительно приговаривает: «Терпи, терпи... заслужил, значит, терпи!» А чтобы обезболить – так это после долгих уговоров, просьб и молений. Да и обезболивание при ранах, нанесенных магическим путем становится делом едва ли не таким же сложным, как само лечение. Угрозы своей жизни и здоровью со стороны гуляй-польских пациентов Офейм, кстати, игнорировал... Как это странно не вяжется с тем стариковским испугом, который я видел у него на лице, зайдя в помещение кафешки! Понятно, при такой репутации, пациентов у доктора было не так много, но он не огорчался, а основал почему-то в Гуляй-поле шахматный клуб. Шахматный клуб! Как если бы христиане в своем скиту поставили стол, затянутый зеленым сукном, для покера или штоса.

Но специалистом Офейм был первостепенным, и мой приятель из Академии, мотаясь в Гуляй-поле за консультацией по сложному вопросу, каждый раз смешил меня рассказами о чудо-докторе и о том, как ему очередной раз не удалось совместить приятное с полезным, закусывая простоквашу гречневым суфле, вместо того, чтобы заедать армирское «бордо» куском жаркого, и плясь вместо гладких ляжек молоденьких танцовщиц на морщинистые рожи любителей шахматных баталий.

Так вот именно этот дедок стоял над нашими телами и совершенно без эмоций, но с профессиональным интересом рассматривал нас с Паолой.

– Раз вы доктор, так сделайте что-нибудь! – Семен рычал и скрежетал зубами. Понимаю я его, переживает человек... – Ваши труды будут щедро оплачены!

– Уже делаю, молодой человек! И первое, что тут нужно сделать, так это подумать! И вы мне не мешайте лучше!

Вот как человек меняется, стоит затронуть сферу его профессиональных интересов: только что чуть голову в плечи не прятал от взглядов Семена, орла нашего... степного, а теперь вона как распетушился!

– А вы, молодой человек, лежите, лежите! – это Офейм мне уже. – Вы ощущаете дыхание девушки?

– Да, щекой! Редкое, но размеренное...

– Протяните руку, прощупайте пульс и определите частоту!

На руке пульс не прощупывался. Я положил руку на шею девушки, но тоже ничего не почувствовал. Ну не ноги же ей щупать!

– Безымянный палец на ключицу, средним, подушечкой, сразу и почувствуешь! Да не дави, это тебе не кнопка!

Пульс был. Слабый, не знаю уж «нитиевидный» или кому какой еще «видный», но был. Во! Наполнение слабое, едва-едва! Так и сказал зависшим надо мной Семену и Офейму.

– Прекрасно! – доктор заметно расслабился, выпрямился и начал с интересом рассматривать «место происхождения».

Семен едва сдерживался, чтобы не начать орать на доктора, но Офейм не обращал на него никакого внимания.

– Посмотри, Гренор, какой удар! Ты и лучшие свои годы так не смог бы!

Второй старичок, открыл рот, чтобы ответить, да так и застыл, и я уж испугался, что он может сказать только сакраментальное «Чемберлен – это голова!», а это никак нам не поможет.

Впрочем, Офейм не нуждался в ответе. Полубовавшись на вывернутую раму, он вперил в меня пронизывающий взгляд.

– Амулет! – Офейм направил на меня палец, словно ствол пистолета. – У тебя амулет, поглощающий магию! Ты жив-здоров, чего и всем желаю! А девочка жива по двум причинам: фэйри народец крепкий, регенерационные способности прекрасные, да и держалась она за тебя, поэтому удар вы частично разделили! Прижми ее к себе крепче, пусть амулет поработает! А еще лучше, поцелуй-ка ее! С языком! Чтобы слизистые соприкоснулись! Давай-давай! Нет, стой! Снимай с нее и себя штаны и... ее!

Тут доктор загнул неприличное слово, которым активно пользуются подростки, с подростковым же энтузиазмом.

– Не смей, сволочь! Убью! – Семена точно кондрашка хватит от такого уровня медицинского обслуживания. Как будто я всю жизнь мечтал трахнуть бесчувственную фэйри. Хотя, положив руку на сердце...

– Доктор, амулет на кровь завязан! – решил я частично раскрыть секрет смарагда. Что ж я, совсем гад какой?

– У-у-у! – разочарованно промычал старик, – досадно! Ну, что ж поделаешь, придется работать с тем, что есть... Обряд кровного родства проводить придется... подправить его слегка только...

Доктор заметно увял, и я понял, почему он огорчается: в его врачебной практике случай, когда лечение от магической атаки проводится с помощью полового акта, был бы редким, гм-гм, смарагдом! Такой «поцелуй принца» для «спящей царевны», с учетом специфики Гуляй-поля. А обряд кровного родства – никакой изюминки...

Семен времени не терял. Вытащив из ножен свою финку, а из кармана бензиновую зажигалку, он начал прокалывать лезвие.

– Ты бы еще саблю достал, – поморщился Офейм, – или меч двуручный! Отойди от пациента, дай профессионалу закончить работу! Жорик! Саквояж с инструментами!

Знакомый уже нам официант мигом притаранил черный «докторский» саквояж, Офейм достал оттуда спиртовку и скальпель с тонким лезвием. Нет, ланцет, поуже он, чем скальпель... Зачем в таком деле ланцет? Офейм начал водить руками над ланцетом, и я

позвоночником ощутил, как на лезвие накладываются какие-то неслабые чары. Нос мой никак не мог опознать запах, разве у Конкруда в его подвале пахло похоже возле агрегата для переливания крови.

Надрез на руке фэйри, надрез на моей руке, наложить руку на руку, чтобы кровь смешалась... Хорошо хоть без обрядовой стороны, камлания и посвящения богам обошлось: фэйри без сознания была, а сам я сильно сомневался в силе «богов» после разговоров со скитниками.

— Пару капель на губы... хорошо! — доктор возился с фэйри, что-то подколдовывая и наблюдая, как моя кровь капает ей в рот. Сглотнула? Радужка глаз фэйри была абсолютно черной, когда она открыла глаза. Я даже за нее испугался. Но вот зрачок девушки из кошачьего, вертикального, стал нормальным, круглым...

— Не многовато ли себе позволяешь, Петя? — прохрипела фэйри, очнувшись. Речь давалась ей с трудом, но разве это может остановить настоящую фэйри? Такая вот благодарность. Припомним, сестричка! — Жесткий ты какой-то... девушке и лечь-то на тебя неудобно! Хоть бы пузо себе наел... мягкое...

Семен, просиявший при первых словах Паолы, опять взглянул на меня с подозрением. Ну, каждый понимает ситуацию в меру своей испорченности.

Офейм, намешавший в бокал из-под кефира каких-то снадобий, и, как мне показалось, опять поколдовавший над ним, заставил девушку выпить эту гадость до дна. Меня чуть от запаха не вывернуло, а на вкус не представляю даже! Глаза фэйри закатились, и она снова рухнула мне на грудь, пребольно двинув лбом мне по челюсти.

— Что ты ей дал? Что дал?! Абсорбент? — взревел очнувшийся Семен. — У нее аллергия на большинство абсорбентов! На все, где магическая составляющая!

— На абсорбент реакция? — удивился доктор, — Да ты путаешь что-то, абсорбенты и есть антигистаминные препараты! Как раз против аллергии!

— Нет, ничего не путаю, это последствия проклятия! Аллергия жуткая, вплоть до комы!

— На что еще аллергия? — доктор морщился, ему и в голову не могло прийти, чтобы у фэйри могла быть аллергия вообще... — На уголь активированный?

— На отвар медуницы... — Семен беспомощно смотрел, как Офейм отламывает головку небольшой ампулы с густой желтоватой субстанцией, и эта дрянь постепенно наполняет небольшой шприц.

Как Офейм кольнул Паолу, я не заметил. Я только-только сел на стул, отдуваясь, посадив фэйри на колени, и тоже оказался не готов к тому, что у фэйри могут быть какие-то слабости, типа аллергии. Вроде стройная, а тяжелая, зараза! Все ноги отдавила! Укол Офейма, кстати, никакого благоприятного эффекта не произвел. Да и сам доктор быстренько собрал свой саквояж, сунул Семену визитку и посоветовал обратиться к нему, когда пациентка придет в себя. То есть где-то через сутки-другие... После этого доктор откланялся, а стоящий поодаль официант, наоборот, приблизился и сообщил нам, что мы должны оплатить счет, куда он включил разбитое окно, стол и, видимо, всю простоквашу, выпитую всеми посетителями этого заведения за все время его существования. А-а-а! это доктор сюда же свой счет вписал! Не завершив лечения? Хорошо это или плохо? И ведь включил в счет кафешки, оригинал!

* * *

Я бежал впереди, бежал трусцой, и ноги у меня подгибались. Еще бы! На закорках я тащил Паолу, которая так и не пришла в сознание, сзади широкими шагами отмахивал переулком за переулком Семен, прикрывая пыльником семизарядный «таран». Надо было поджечь заведение, тогда можно было бы не опасаться погони. Ну, не было бы в Гуляй-поле диетического кафе, великое дело! А так Семен только стул о лицо Жоржика-официанта сломал, ну и норлинга-охранника за косичку оттаскал. Удобно: оказалось, она к виску прям как ручка чайника крепится, надо взять на вооружение! А мне и похулиганить особо не

удалось: Паола оттягивала руки, а переложить ее на Семена я не решился, вдруг ей хуже станет! Еще очень кстати стал накрапывать дождик. Хотя пыль прильет, а то в Гуляй-поле ее слишком много. Ни деревца, ни травинки! Ненавижу этот город!

– Сеня! – прохрипел я, – Давай в укрытие! Дождь же идет! И чем ее Конкруд кормил???

Но Семен и сам уже сворачивал куда-то к незаметному крылечку непритязательного серого домика. Прямо, как Гоголь писал: каменные дома желтые, деревянные – серые. Если на второй этаж тащить, то я пас! Точно, на второй! В другое время я утешился бы тем, что угадал, но сейчас меня качало так, что если бы не шатающиеся перила, то завалился бы точно. На площадке между первым и вторым этажом я совершенно серьезно прикинул, как надо будет упасть, на руки, или на Паолу, на спину. Если на руки, тогда Паола вниз по лестнице покатится, если на спину – оба покатаемся... Значит, на морду, не отпуская фэйри...

* * *

Оклеенные бумажными обоями стены, потолок с черными пятнами грибка, две кровати не самого лучшего качества, аж с панцирными сетками! Я-то думал, такие давно уже никто не делает. Или это антиквариат?

Кроме кроватей в комнате стояла пирамида для оружия, пара колченогих стульев и письменный стол, усаженный чернильными пятнами. Тумбочек и шкафов никаких, только железная штанга, похожая на турник, на которой болтались скрученные из стальной проволоки плечики для одежды. Из удобств – ведро с водой, жестяной рукомойник системы «толкни вверх штырек», хорошо хоть, толчок нормальный. Сложно было раковину какой-нибудь гофрой с канализационной трубой соединить? Или, лучше, со сливным бачком, которого здесь нет и в помине... А то стоит под рукомойником второе ведро. Двойник-зекралка первого... Я с удовольствием сбежал бы с этой конспиративной квартиры куда-нибудь в более цивилизованное место, к Реймсу, например, в прекрасную каюту на хаус-боте. Тюремная камера в Новых княжествах примерно так же обставлена. Кстати, номерок – двушка. А нас трое. Жаль, Паолу не бросишь...

Я упал, точнее, мы с фэйри упали на ближайшую кроватку и попытались отдышаться. Смешно, за сегодня это уже вторая особа женского полу, на которую я падаю спиной. Первой была вампирша.

– Чего делать будем, Семен? Не могу же я с Паолой в обнимку все время сидеть?

– Посидишь... – Семен был не в настроении. Думаю, он раскаялся в том, что не сдержался в заведении Офейма. Доктор теперь вряд ли захочет продолжать лечение Паолы. С другой стороны, налечил уже Офейм так, что больше не надо. Проблема: что делать, когда целителю не доверяешь, а к кому обратиться – не знаешь...

– Ты из целителей здесь знаешь кого? А то кроме Офейма мне ни о ком не рассказывали... Светило здесь только он... – тяжело дыша, спросил я. Мой вопрос ударил по больному, Семен зыркнул на меня не по-доброму.

– Откуда здесь «светила»? Бандитский город, здесь самая распространенная болезнь – дырка в затылке!.. И хватит Паолу тискать: у нее реакция на абсорбент, а магическую атаку она пережила.

– Раньше не мог сказать? – возмутился я. – Я чуть не сдох, пока тащил ее! -

Семен лишь криво усмехнулся. Понятно, что оборонные функции он бы мне никогда не доверил. – Слышь, Семен, если это реакция на абсорбент, так я пойду потихоньку, вот и кровати здесь только две!

– Посидишь, – так же мрачно буркнул Семен, – это из-за тебя все началось! Вот и посидишь!

– Из-за меня? А кто Бонса требовал слушать, развесив уши?

О! Рифма! И тут мне в переносицу уперся «кольт-дефендер». Пришлось сделать некоторое усилие, чтобы не смотреть в ствол оружия, а спокойно и пристально взглянуть на разбушевавшегося Семена.

– Ты... – старого унтера душила ярость, он шипел, как змея, глаза были бешеными, – из-за тебя одни неприятности, одни беды! А ведь я мог положить этому конец...

– Не обольщайся, Сеня! Ты маленький винтик в большой машине ярославских спецслужб! – я дергал тигра за усы, и мне это нравилось. А что? Тигр сам на себя намордник надел, чего теперь рычать? Это вам не покойный Аристарх, вечная ему память...

– Не такой уж и маленький, – глаза Семена нехорошо блеснули, – мне довольно было шепнуть Тимохину пару слов, и ты бы никогда не покинул наш «заповедник»!

– Но ты же не шепнул... Ты решил, что все будет в ажуре, что надуть меня легче легкого, потом продать Конкруду, потом отпустить – в кавычках! – и завернуть в Гуляй-поле под предлогом моей поимки, выдернув под это дело фэйри из замка! Ты поставил на меня, как на лошадь... Лошадь получает клок сена, а игрок с букмекером загребает миллионы! Чего я не понимаю, так зачем вы игру с островом да векселем затеяли, почему смарагды мне оставили и почему...

Семен шутливо замахал на меня руками, но посмотрел злобно, и я решил зайти с другой стороны, удивляясь про себя, как это он за «букмекера» не вступился, за Афанасия Никифоровича Тимохина, и стараясь говорить «проникновенным» голосом:

– У тебя раньше все получалось, Семен. Служба в армии, «полукомандная» должность, потом тебе сделали предложение, от которого ты не смог отказаться... Ты удачлив, уверен в своих силах, с тобой считаются... Интрижка с фэйри, на зависть прочим... Знаешь, ведь это ты во всем виноват. И если Паола умрет, виноват будешь тоже ты...

Выражение лица Семена изменилось, я уж решил, что окончательно перегнул палку и мне конец, но Семен внезапно опустил оружие.

– Я знаю, кто ты... – сказал он мне вконец усталым голосом. – Ты рыба-подлипала! Ты подлипаешь к любому хорошему делу, язвишь, остришь, портишь все, мешаешься под ногами. Все, кто занимается этим делом, начинают испытывать чувство гадливости, что работают вместе с тобой. Ты всегда врешь, ничего не можешь сделать до конца, по сорок раз на дню меняешь свои планы, всегда всем недоволен, все у тебя дураки, один ты умный... Тебе приходится все объяснять по сорок раз, и нельзя быть уверенным, что ты все усвоил правильно... А когда все идет насмарку, оттого что именно ТЫ напортачил, ты начинаешь читать всем лекции на тему: «Как и что надо было сделать...» И не махай головой, отвалится!

– Не маши, – поправил я Семена и немедленно надулся от гордости. Наконец-то кто-то меня понимает. Теперь я не буду депрессовать, что я непонятый гений! Очень даже я понятый... Но чего он к числу сорок привязался? Все у него по сорок раз!

– Вот! Я и говорю: зануда и подлипала...

– Прилипала, – опять поправил я Семена, очень-очень мягко, даже голос понизил.

– Рыба, она, может, и прилипала, – парировал он, ничуть не обидевшись, видимо, успокоился, пришел в себя, – а вот ты подлипала!

* * *

Так вот поговорили. «Подлипала» или нет, а фэйри мне теперь получается кровная сестрица... Сестрица, да! Опять не к месту вспомнился Пантелей, и я вскочил на ноги:

– Есть человек, который нам поможет! Колдун, сильный колдун! Я щас!

Я метеором сорвался с места, Семен хотел схватить меня за ворот, но промахнулся, взревел и в каком-то футбольном прыжке захватил мои ноги. Пробежать я успел два шага, хотя ни тени сомнений в том, что легко удеру от подручного Тимохина у меня не было. Такая легкость во всем теле была, после того как Паолу с себя на кровать переложил.

– Сядь, успокойся! – Семен отпустил меня, давая возможность подняться с пола, и предусмотрительно занял позицию поближе к двери. – Офейм сказал, через сутки очнется! Я, дурак, даже не спросил у него, что за гадость он Паоле вколол...

– И чего, сутки ждать будем, пока она очнется? Здесь?

– Лучше здесь переждать, чем по городу бегать, – подручный Тимохина провел основанием ладони по лбу, словно стирая пот, – кого ты звать решил, рассказывай.

Я рассказал про Пантелея, осторожно рассказал, ссылаясь на случайное знакомство. В случае чего – все равно нас вместе бармен, «контакт» Семена, видел, так что секрета никакого.

– Уверен, что найдешь его в городе? – Семен был угрюм, но не противоречил, – как искать будешь?

– Обойду дорогие кабаки, – пожал я плечами, – в казино даже заходить не буду, не тот характер у Пантелея, может, в гостиницах поспрашивать?

– В гостиницах здесь не принято о постояльцах осведомляться, не скажут ничего, – просветил меня Семен, – а в кабаках попробуй. Здесь именно в кабаках дела делают. В «Аквариум» зайди и в «Оленину». Ну, и в «Священный Аэрбол» можешь заглянуть. Сразу предупреждаю: в «Аэрболе» эльфы собираются, не напортачь с родичами... Если там не будет, смело возвращайся. Нет, погоди! Может так случиться, что нас с Паолой здесь не будет...

– ...тогда на подоконнике будет горшок с цветком! – закончил я предложение. Глаза у Семена стали круглыми, как блюдце. Почти такими же круглыми, как когда он имя Пантелея услышал.

– Ну, Семен Семеныч, ну нельзя же так! Это же классика!

Впрочем, Семен делал круглые глаза не на меня: это Паола встала с кровати и подошла к окну. Глаза у нее были закрыты, а движения были естественными и плавными, словно она танцевала. Ловко высадив локтем стекло, она мгновенно оказалась на подоконнике, неизъяснимым образом не оцарапавшись острыми осколками, торчащими из рамы, как зубы из челюсти астраханской белой акулы. Накрылась наша конспирация жестяным рукомошкой. Семен бросился за фэйри, отшвырнув меня с дороги, но и секундная задержка обошлась ему дорого: фэйри уже вылезла из окна и пошла по карнизу, как по шоссе, не глядя ни влево ни вправо. Да и что можно увидеть закрытыми глазами? Потом влезла на ставень, с него перепрыгнула на крышу, и уверенно зашагала по краю черепичного ската.

Что такое не везет, и как с этим бороться? Почему симпатичные девушки то наркоманки, то аллергики, а одновременно и лунатички, то бойцы-рукопашники?

Пока Семен тупо пялился на фэйри из окна, не решаясь окликнуть ее, явно опасаясь разбудить, я потихоньку подошел к двери, оставшейся без охраны. Открыл дверь и спросил Семена свистящим шепотом:

– Семен, она у Конкруды по башне «ходила»? Если «ходила», то вернется! И я вернусь, не ссы!

Посетителей в «Оленине» я срисовал с порога, потому что дальше меня не пустили охранники. Дрес- а может и фэйс-контроль не прошел. Но чем люблю пафосные заведения – охранники все довольно вежливые. Просто сказали, что все столики заказаны и свободных мест нет. Пойди, проверь. Впрочем, мне не нужно было заходить внутрь, и так было понятно, что Пантелея тут нет. Единственно, развлекся тем, что спросил, каково имя-отчество той женщины, чья фамилия дала название ресторану. Пока громили тщились придумать остроумный ответ, мне и удалось заглянуть внутрь. Все-таки охранники – какая-то особая каста лакеев. Не знаю, почему я всегда вызываю у них раздражение и почему они всегда глядят на меня свысока и разговаривают через губу... После неудачи в «Оленине» пришлось тащиться в «Аквариум». Еще немного, и я стану знатоком кабаков Гуляй-поля.

«Аквариум» был, на мой вкус, покруче «Оленины». Эдакое пафосное заведение для дворян и толстосумов. Пол и потолок был забран заговоренным стеклом, и сквозь них было видно, как в воде плавают всевозможные рыбы, начиная от окуньков и заканчивая небольшими акулами из Южного моря. Собственно, под полом, как и над потолком, были аквариумы, давшие название этой забегаловке.

Каждого гостя встречала полуодетая девица в «рыбьей чешуе» или, скорее, русалка, и

со всеми подобающими ужимками, покачивая перламутровыми бедрами, провожала к столику. К заранее заказанному столику... Меня бы не пустили, в моих-то мятых штанах и свитере, собравшем всю пыль с пола в «Гусе», но отменно вежливый и нарядный охранник пообещал выяснить, не находятся ли в ресторане Владеющие Силой Пантелей и Анастасия из пришлых, и, на всякий случай, рыцарь Реймс Вар-Эймин. Сам не побежал, но через полминуты из дверей выскочила очередная нереида и прошептала ему что-то на ухо. Из этого «что-то» удалось выяснить, что ни рыцаря, ни колдуна с женой в кабаке не было. Хотел было уже откланяться, но та же девушка неожиданно низким голосом сообщила, что меня ожидают... Меня? Кто бы это? Войду, заодно своими глазами... Вот если бы в ресторане сидел Бонс, уж я бы посмотрел бы, как будет держаться этот «рыцарь» среди настоящих дворян. Но скорее всего, за одним из столиков я увижу Ивана Сергеевича, и сказать мне ему будет нечего... Отпустит его Аля одного в Гуляй-поле, или с ним заявится?..

В роскошном вестибюле какой-то старикан, по виду вылитый Нептун, с окладистой белой бородой, только без трезубца, попросил меня задержаться. Старик был магом и алхимиком, у меня чуть нос не заложило от тех запахов, которые его обволакивали. Что ж, никто ничего и не говорит: такому заведению, как «Аквариум», маги-охранники очень нужны. Он достал из рукава своей куртки живого угря и опустил его на мою кобуру. Угорь вмиг обернулся какой-то дрянью, похожей на кусок... пластилина, только совершенно без запаха, полностью залепившей рукоять «чекана», а дедок удовлетворенно причмокнул губами и ловко почистил мой свитер небольшой щеткой со специальным амулетиком. Фокусник! Почистить-то он почистил, но без особого успеха, заряд амулета был слабоват и явно не справился с поставленной задачей. Тогда старикан, оказавшийся своим в доску парнем, то есть шутником и хохмачом, предложил мне весьма своеобразный выход из ситуации... Забежав в подсобку, он вернулся с...половичком. Тоже с магической начинкой половичок, такой же перед входом в залу лежит. А без него бы натоптали, и пол кабака, являющийся, собственно, крышкой громадного аквариума, давно перестал бы быть прозрачным. Так вот, маг предложил мне завернуться в половичок, что я и проделал, с соответствующими ужимками, как француз, отступающий из заснеженной Москвы, чем доставил дедушке несравненное удовольствие. К счастью, именно в этот момент никто мимо нас не проходил...

Пока я шел от двери, вертел башкой на триста шестьдесят. Интерьерчик кабака был прост и ненавязчив, лампы на столах были сделаны из ракушек, скелетов экзотических рыб и кораллов, круглые стеклянные лже-колонны не поддерживали потолок – они тоже служили аквариумами, и я удивился, как много разноцветных рыб водится в наших морях и океанах. Разноцветные, вроде бы, несъедобны – или я что-то путаю?

Но самой несъедобной из всех рыб выглядел рыцарь Бонс Ингельмийский, в красной-то льняной рубахе с синими ластовицами за одним из центральных столиков! Мимо не пройдешь! Многоцветный тканый пояс рыцаря сделал бы честь любой деревенской ярмарке, новые смазные сапоги распространяли острый запах дегтя, на боку висели казацкая шашка, серебряный кинжал и огромный маузер в лакированной кобуре красного дерева, служащей прикладом. Основательная кобура! Еще бы топор заткнул за спину, так вообще! Волосы Бонс расчесал на прямой пробор, бороду распустил, отчего башка его стала какой-то квадратной. От обильной еды и выпивки лицо «рыцаря» покраснелось, но глаза отнюдь не были мутны, наоборот, на фоне красной рожи они как бы посветлели, появилась в них такая опасная прозрачность, которую можно заметить перед удачным выстрелом в глазах убийцы... Я в очередной раз удивился ловкости мужика. В костюме, привычном для дворян, с таким арсеналом он был бы смешон, но в своей рубахе-голошейке казался представительнее многих тузов, восседающих за столиками. Впрочем, и Бонс был не один: напротив него сидел неприятной внешности лысенький человечек, маленького роста, с маленьким же круглым пузиком, в сюртуке мышиного цвета, немного похожий на побритого для отправки в места не столь отдаленные Наполеона Бонапарта, и, шурясь, оглядывал ресторан покровительственным взглядом. Маргиналов с ружьями и плохо одетых фанатиков

«старой веры» рядом с Бонсом не наблюдалось, из чего я сделал вывод, что сидит с ним не соратник, а, скорее, инвестор. Заведение-то как раз для таких встреч: пыль в глаза пустить, чешуей блеснуть... Похоже, именно этим было вызвано спонтанное решение Бонса «продемонстрировать» меня этому дядечке. Как объяснял мне бухгалтер из Академии, бухгалтерия должна быть тройной: для инспектора, для инвестора, ну и для себя, конечно. Инспектировать Бонса рановато, а вот вкладывать в него – самое время!

– Падай! – Бонс указал на стул, а я отметил, что, по крайней мере, он не изменил манеры выражаться. – Это сын Лиинуэля Огненного, полукровка! – представил он меня,

Бонапарт, как я окрестил «инвестора», посмотрел на меня с прищуром, потом спросил, безо всякого интереса:

– И что же, вся коллекция папаши досталась вам, полностью?

Я не знал, что ответить, потому что ни о коллекции, ни о «папаше» был ни слухом ни брюхом. Горделиво вскинув голову, я не удостоил «инвестора» и взглядом, зловеще прошептав при этом Бонсу:

– Отойдем, потрещать надо!

И тут же с улыбкой повернулся к собутыльнику «рыцаря»:

– Вы позволите?

Бонс бросил на своего приятеля умоляющий взгляд, типа, «сумасшедший, что возьмешь!», и мы с ним вышли во внутренний дворик ресторана, утопающий в зелени. Деревья, правда, в кадках, но газон сделали нормально, не придерешься. С серым песком улиц Гуляй-поля этот внутренний дворик составлял сильный контраст.

– Не сердись, Петя! – нападение – лучшая защита, а повинную голову меч не сечет. – Куда делся сын этого Лиинуэля, ума не приложу! А он мне позарез нужен!

– Слушай, Бонс, перед вампирами мы комедь разыграли на «отлично», но сейчас ты за рамки перешел конкретно! Мне не улыбается влезть в ваши разборки, стать самозванцем, а потом ответить за это перед «большими пацанами»!

– Брось, Петя, отвечать ни перед кем не придется! Этот парень уже проиграл и пропил пол-коллекции, и это всем известно! Будут лезть, ори «Лаве нанэ!», скандаль и посылай всех на... Вполне в духе сынка этого!

– Коллекции чего? – сумрачно спросил я Бонса, понимая, что «рыцарь» отнюдь не считает, что втравил меня во что-то нехорошее. Ощущение, что все для него игрушки!

– А? Да не бери ты в голову! Мамою клянусь, никому ни ты, ни он, ни еще какой полукровка даром не нужны! Так, понты дешевые! Серьезные люди все в курсе, никто тебе претензий не предъявит! Случись чего, вали на меня, как на мертвого!

– Не премину, – заверил я Бонса, и повторил вопрос, – Так что за коллекция, я спрашиваю?

При этом я слегка надвинулся на «рыцаря», нащупывая в кармане кистень. Вряд ли получилось угрожающе, но Бонс все же ответил:

– Да остынь ты, Петя! Безделушки всякие, амулеты какие-то старые, чуть не ком земли и протухшее гнездо воронье, червяки ползают, гадость, тьфу! – тут «рыцарь» сплюнул на какой-то бонсай, или не знаю уж, какое карликовое деревце в кадке.

– И по бхут-ариру тоже ползают? – ядовито уточнил я, начиная догадываться, кого искал Пантелей. Если хоть еще один колдун уровня Пантелея этого сына Лиинуэля ищет, то все это не игрушки, как Бонс говорит! Нам такого счастья не надо!

– Что за бхут-арир? – вид у Бонса был честнейший, но этим меня не провести!

– А амулет это магический, который проиграл твой... как его зовут-то?

– Да не знаю я... – Бонс, кажется, был смущен. – И никто не знает! Узнаешь, скажи, денег заработаешь!

Я чуть не поперхнулся от такой наглости.

– Время, Петя, человек ждет, выпьешь с нами, хлеба кусок съешь! Угри копченые, устрицы самолетом доставлены, вкуснотиш-ша страшная!.. Не говори только, что ты не сын Лиинуэля, все равно не поверят: он всегда свое родство отрицает, не любит, чужак,

известности!

Мне показалось, что Бонс лицемерит, но бежать и доказывать какому-то Наполеончику, что я не я и лошадь не моя, и фамилиё моё вовсе не «Лиинуэль-швили», а просто Корнеев, совершенно не хочется. Самому-то Бонсу плюнь в глаза – все божья роса, да и после истории с вампирами, где он проявил себя просто здорово, нет у меня сил с ним воевать. И вот ведь зараза, переодеться успел! А я, если бы не половичок, так и был бы...

Не успел подойти к столу Бонса, как его товарищ снова спросил, немного «напирая»:

– А у вас ничего с собой нет, из коллекции?

– Да, кажется, в карманах завалилось что-то, – нарочито небрежным голосом ответил я, выставляя на стол «черных всадников». Только их и успел я стырить из шахматного клуба «лепилы-Ефима». Один «всадник», как раз с нашего стола, раскололся при магической атаке, но остальные, с других четырех столов, были целы.

– Девять всадников... – на лысине «Бонапарта» аж конденсат выступил. – Какой знак...

– Нехороший? – обрадовался я, но толкователь знаков меня не услышал. Знал бы он, кто лучший в мире толкователь знаков, после Карлсона, конечно. Эльфы из Полуденной пущи знают...

– И явятся знаки и знамения, и поднимется знамя четырех богов! – прокаркавший нечто «пророческое» Бонс сиял, как начищенный пятак. – Девять вампиров искали крови рыцаря, и пали! Девять всадников присягнули ему на верность!..

Не удивлюсь, если только что самолично и пророчество придумал. Ему хоть какой знак, всякое лыко в строку пойдет! Пришлось откланяться, пожелав «Билли Бонсу» удачи, пить с «рыцарем» и его мутным приятелем мне не хотелось совершенно. Настроение было отвратное...

Осталось заглянуть в «Священный Аэрбол» и несолоно хлебавши пойти к Бонсу, тьфу, зараза! К Реймсу, к Реймсу пойти на хаус-бот, в уютную каютку, пропади все пропадом!

* * *

У эльфов был не просто кабак, а клуб, кабак в квадрате, с танцполом и многочисленными помещениями непонятного назначения, даже с библиотекой. Народу было еще немного, хотя время было уже вечернее. В ночи, значит, будут тусоваться... У охранника, из людей, что характерно, записался на имя Мак-Лиинуэля. Пантелея нигде не было видно, и я по пути назад, к выходу, зашел в библиотеку, не иначе, по привычке... Там стояли массивные кресла, так называемые, вольтеровские, с огромными спинками, в таких спать хорошо... Подошел к шкафам с книгами. Подшивки газет каких-то на журнальном столике... Эх, посидеть бы здесь... Одно из кресел, впрочем, чем-то мне не понравилось... Ага, затылки и уши. Две пары? Я помешал чьему-то свиданию? Хотел уже развернуться и зайчиком, на цыпочках, побрести восвояси, как над креслом материализовалась башка эльфа с синими волосами. Синими? Синими бороды могут быть, и то не у эльфов. Магически окрашены. А кто у нас волосы красит? Женщины и.... Правильно, они самые. Наверное, мыслительный процесс отразился у меня на роже, потому что синеволосый выпрыгнул из-за спинки кресла, как солдат из окопа, разве что «Ура!» не заорал. Вместо этого он встал передо мной и произнес весьма недовольным тоном:

– Чего надо?

Тон был хамским, вопрос, по сути своей, тоже. И когда ко мне так близко становятся, я это как угрозу воспринимаю...

– Человечка одного ищу, – прищурился я, – колдуна из пришлых... Жена молодая, красивая, светленькая, тоже колдунья, тоже из пришлых...

– Курьер, что ли?

Тон синеволосого не стал вежливее, из-за спинки кресла показалось второе лицо, с розовыми, на этот раз, волосами, и лицо это было не женским...

Не пойми с чего я обиделся на «курьера», хотя работа как работа, самая обычная... В нормальных городах, правда, курьерами мальчишки подрабатывают, но здесь – другое дело. Здесь детьми на базаре торгуют, а на улицах их днем с огнем не сыскать. Здесь взрослые, вполне состоявшиеся мужики запросто могут курьерами работать. У всякого своя судьба, это дело ясное, что дело темное. Короче, выходя из «Аэрбола», я ругал себя на все корки и привел множество доводов, почему не нужно было делать того, что сделал я, глупо сорвавшись. И погорячившись... Стыдно... И ведь можно было не коленом в промежность... Зачем вот нужно было так жестоко?

Ну, когда «розовый фламинго» на меня набросился с диким визгом, защищая своего милого, там уж ничего нельзя было поделаться – поднырнул под правую, коротко ткнув кулаком мальчишке в пузо, и захватив за шиворот, ударом под колено посадил паренька на жопу. Немного подвел проклятый автоматизм: когда пацаненок шлепнулся на пятую точку, мое колено пришлось ему точно под затылок. Опять скорости сложились – ну что ты будешь делать! Надо отдать синеволосому должное: он не завершал, призывая охрану, а бросился на меня по-гномьи, захватывая ноги, не делая даже попытки разогнуться. Молодец, мало кто из эльфов пользуется борцовскими приемами! Я резко дернул тазом назад, принимая почти горизонтальное положение и наваливаясь на противника сверху. Ну, по привычке, слегка локти воткнул ему в спину. Один из локтей попал в почку, ну и что? Сколько во мне килограммов, смех один... На гнома и орка это бы не подействовало, а на человека или эльфа – ничего так. Синеволосый охнул, растянулся на полу, и я захватил его кисть на болевой, вдавив колено эльфу в позвоночник. Как всегда, после удачно проведенной схватки, я почувствовал, что могу рассуждать особенно беспристрастно. Сейчас это точно не помешает...

– Отпусти, гад, полукровка, на куски порву! – прохрипел синеволосый, вжимаясь от боли в пол. – Ты хоть знаешь, кто я? Тебя весь город искать будет!

Хоть я и контролировал дверь, но долго это продолжаться не могло.

– Сомневаюсь, – откликнулся я на заявление грубияна. – Ты же пидор, и блатные с тобой контактировать не будут!

– Проверим? – синеволосый был уверен в своих связях, и я подумал, что с «активным» не запахло, если я правильно помню блатные законы... И если крашенный не врет, сейчас я нажил себе нового врага. Проклиная свой характер, я поплотнее вдавил колено в этого «умирающего гладиатора», нащупывая в кармане кистень... Оба эльфа остались лежать в библиотеке, а я с достоинством, не спеша, вышел из «Аэрбола», сунув пятерку привратнику, открывшему мне дверь и свистом подозвавшему «такси», то есть неспешный «полевичок» с пожилым усатым шофером. По короткому обмену взглядами я понял, что именно таксист платит привратнику за клиента. И значит, скоро привратник, а с ним и синеволосый будут знать, куда меня отвез этот «зеленый огонечек», как сам себя охарактеризовал таксист, очень романтически. Тоже из этих? Нет, кажется, просто дурак. Что ж, ни к пристани, ни к Семену не поедем, поедем развлекаться... Водила сходу предложил мне девочек, крэк, мальчиков, кокаин, постепенно воодушевляясь по мере продвижения к экзотическим наркотикам и откровенно незаконным удовольствиям. Виноват, ничего незаконного в Гуляй-поле нет, потому что самого закона тоже нет... Я поинтересовался «Кремом», чем поставил дядечку в тупик, а затем потребовал отвести меня туда, где небедные дамочки могут побаловаться наркотиками с магической составляющей... Водила задумался, но вскоре предложил чудное место с характерным названием «Магические ароматы», и я согласился, отметив для себя, что название подходит, скорее, общественной уборной или канализационному коллектору. Парняга, в предвкушении чаевых от «Ароматов» и подобно большинству «таксующих», молчать за рулем не мог, расписывая достопримечательности городка, мимо которых мы проезжали. Как будто я мог запомнить, чем колючка на заборе Биляза Резаного отличается от колючки на заборе Карима Гвоздя.

По мере продвижения по улицам Гуляй-поля, откровенно наплевав на докучливую болтовню водителя, я попытался обобщить все, что знал про этот город. Кабаки, гостиницы, бордели, кабаре, казино и арены для гладиаторских боев были верхушкой айсберга, они предназначались для обычных, то есть самых непритязательных клиентов, даже если эти клиенты были богаты и имели титулы. Клубы и «курильни», то есть притоны, были уже следующей ступенькой для тех, кто, как говорится, достиг высот гуляй-польского дна. Гораздо интереснее было на гуляй-польских биржах, невольничьих и блошиных рынках, на аукционах, куда гуляй-польские ростовщики выставляли порой уникальные вещи, а также в экзотических лавках, где продавалось, наверное, абсолютно все, были бы деньги.

А вот самым «смаком» были, конечно, закрытые вечеринки у местных воротил, «смотрящих», как их назвал водила. Туда даже продавались билеты – по две тыщи золотом за штуку, и то, только проверенным личностям. Все крупные сделки вроде раздела сфер влияния проворачивались именно на таких вечеринках, для которых «специально обученные люди» писали целые сценарии... Были даже конкурсы сценариев, с неплохими денежными призами. Не удивлюсь, если среди лауреатов есть и мои бывшие ученики...

Самым страшным сценарием для меня было бы узнать, что Наташа прошла через невольничий рынок. А что? Молодая и очень красивая девушка из «пришлых», при этом на наркоте... Продадут в бордель и не поморщатся. Обычная практика: посадить девчонку на наркоте и сделать из нее проститутку. Но тогда ноги у истории с «Кремом» из ярославского города Сеславина растут. И Виталя при чем тут? А в Новых княжествах с этими штуками строго. Желтые билеты не просто так выдуманы, и статью «За принуждение к проституции» никто не отменял. Судьи в Новых княжествах добрые: приговорят к повешиванию с конфискацией, и все. Ни тебе пыток, ни тебе страданий... Если палач – незнакомый человек. А если знакомый, то могут быть варианты: мылом, например, веревку плохо смажет, еще чего в таком же роде... Да и кто в Сеславине мог такое придумать, чтобы дочку станового пристава – в бордель? Полгорода сваталось, сказал Иван Сергеевич, всем отказала. Полгорода, значит...

Детектив из меня никудышный, это надо признать и не суетиться. Но одно ясно: на невольничьем рынке Наташу искать нечего. Если и было что-то в этом роде, то для стандартной схемы слишком дорого, «Крем» уж больно средство специфическое, одна золотая коробка чего стоит... Значит, или спецзаказ, или что-то совсем заковыристое. Я предпочитаю заковыристое, потому что из гарема неизвестного, но небедного сластолюбца похитить Наташу не смогу...

Очнулся я от того, что интонации водилы изменились. Теперь он что-то спрашивал.

– Анекдот свежий хотите? – оказывается, «зеленый огонечек» с настойчивостью автомата повторял этот вопрос уже пару минут.

– Валяй! – разрешил я, не надеясь услышать в этом жанре хоть что-то новое.

– Купил рыцарь Бонс новую «чайку», – оживленно начал рассказывать водила, – отдал на тюнинг. Приходит в мастерскую, и говорит: «Что за дела, я столько бабла отсыпал, на весь фарш, а у меня из прибамбасов только лебедка на кенгурятнике!» А сын Лиинуэля, эльф-полукровка, который все бабло скрысил, да в картишки продул, говорит: «Чепуха, зато я тебе такое поставил, чего ни у кого другого нет!»

Я чуть не поперхнулся. И не от старого несмешного анекдота про «бибику», то есть про четыре дырки в руле, куда крутые пацаны засовывают «козу-распальцовку», а от того, что таксистам, оказывается, уже проплатили рекламную компанию... Быстро тут дела делаются...

Глава 12, в которой герой нападает на след Наташи и узнает много нового о своих спутниках

Мы остановились перед домом с ярко освещенной витриной, где привычно рекламировались услуги мальчиков-девочек, а ядовито-зеленая светящаяся надпись гласила,

что кайф будет, а вот последствий, в виде привыкания – не будет. Потому что магия! МАГИЯ!

Оставалось только удивляться, где они видели таких наивных людей и нелюдей, чтобы этой заведомой чуши поверили. Магия может усилить ощущения наркотического кайфа, может продлить его, может быть суррогатом наркотика, может из обычного сухаря сделать «улетайку», но гарантированно избавить от «зависимости», если именно в «зависимости» вся выгода банчилов?

Я толкнул дверь в полуподвальчик и остановился – не люблю я подвалы и полуподвалы с единственным входом-выходом. И почему именно сегодня я должен по ним шариться? Увиденное заставило меня изменить свое мнение о наркоторговцах: знают они и людей, и нелюдей, и полулюдей, и не-очень-людей, и совсем-уже-не-людей, и даже совсем-уже-не-нелюдей в достаточном количестве, если один прямо на лестнице кантуется, кайфует, видимо. У входа на ступеньках полусидел некто со стеклянным взглядом и поникшими остренькими ушками. Не многовато ли полукровок на квадратный метр? С нижней губы полуэльфа струйкой стекала белая пена, и это давало основания предположить, что сегодня у парня был первый заход к «опятам», в смысле, к опиатам. Так уж невыносима была его жизнь, что ему требовалось срочно отключиться от реальности любыми путями? Успокаивал ли он себя надписью на вывеске, или ему было все равно? И почему у входа? И охранник где?

Если опять вампиры, то это уже ни в какие ворота! Не бывает так, просто не бывает!

* * *

Когда я проходил мимо, уши бедолаги дрогнули, и я, хоть и стараюсь всегда обходить обдолбанных десятой дорожкой, почему-то наклонился к нарку.

– Не ходи туда! – Глаза у нарка были все такими же стеклянными, но пена изо рта почему-то отдавала абрикосами. Люди, гномы и орки всякие ничего бы не учуяли, но вот со мной такой фокус... Просто шипучка? А очень натурально выглядит! Я продолжал спускаться по лестнице, ничем не выдавая того, что слышал предупреждение сородича. Предупреждение? Пожалуй, да.

Распахнув дверь ведущую уже не на лестницу, а в сам притон, я наткнулся на выбегающего охранника, судя по невзрачной однотонной одежонке и черненной пластинчатой кольчуге. Вышибалой оказался другар, он довольно невежливо отстранил меня с дороги и почему-то выматерился. Оглянувшись, я понял, что мой странный собеседник исчез, и немедленно оказался на прицеле сразу двух пистолетов. Другары вообще любят по два пистолета носить, и не на бедрах, а один, скажем, на пузе, а другой под мышкой. Или один на бедре, а другой за спиной.

– Что случилось? – недовольно поинтересовался я у другара. Чтобы охранник клиента на мушку взял, должно было что-то экстраординарное случиться.

– На свет выйди! – потребовал другар, и я заозирался: где тут, на подвальной лестнице, свет?

На улицу выйти, или наоборот, внутрь зайти? На улице вечереет, но света довольно. А мне внутрь надо, так что дорога одна.

Внутри «Магических ароматов», которые я незамедлительно окрестил Магарами, было, действительно, шумно. И гарью пахло. И всякой гадостью воняло, оправдывая название притона. Своими силами, без магии, такого запаха не добиться. А еще возле стенки, почти у выхода, было черное пятно сажки, внутри которого белел женский силуэт. Сгорела какая-то дамочка, а ореол остался? Жуткая картинка, только где пепел, кости, все такое? Другар, зашедший за мной, оглядел меня критически и, буркнув себе под нос что-то невразумительное, отвернулся, убрав оружие. Обознался, видать... Извиниться он не удосужился, но мне было плевать. Я никак не мог сообразить, чем меня так привлекает это опаленное пятно на стенке притона. Надеяться на вразумляющие комментарии со стороны

посетителей не приходилось. Большинство из них были женского полу, поэтому прятались в отдельных кабинетах. А иначе никак. Обдолбанную дамочку в Гуляй-поле просто так не пропустят. Или ограбят или что похуже... Смешанные же компании, сидящие в общем зале, были в той или иной стадии наркотического опьянения, а отцеживать их глюки от реальных событий у меня не было ни времени, ни желания. Оставалось побеседовать с местным «обслуживающим персоналом». За стойкой, которую при некотором допущении можно было бы назвать барной, стояла пожилая полноватая женщина с неприятным грубым лицом, из пришлых, с начесанным осветленным хаером, энергично накручивавшая рукоятку ручной кофемолки. Когда я подошел, она уже открыла нижний «ящик» своего агрегата, куда сыпался малинового цвета порошок, ничего общего с кофе не имеющий. Запах у порошка был ужасный, так подгнивший лист дикой вишни пахнет, если его в пальцах размять. Осторожно высыпав результат помола в непрозрачную стеклянную емкость, дамочка уперла в меня вопросительный взгляд.

– Что там произошло? – ни «здрасьте», ни «пожалуйста» я не мог из себя выдавить. Настроение было препоганое.

– Что брать будете? – равнодушно поинтересовалась продавщица, не обратив внимания на мой вопрос. Вот ведь какая странность: охранники и продавщицы мне при контакте почти всегда хамят. Можно пари заключать или на тотализаторе ставки делать... Полицейские, мужчины-продавцы, «темные личности» и шлюхи со мной, в основной своей массе, вежливы... Почему? Никогда не понимал, какая тут закономерность...

– Что у вас там, – я некультурно ткнул пальцем в пятно гари на стене, – произошло? – повторим попытку. Тетка за стойкой смерила меня недобрым взглядом и неожиданно «металлическим» фальцетом позвала охранника. Когда тот нарисовался, тетка немедленно указала ему на меня и нажаловалась:

– Ничего не заказывает и спрашивает, что там у нас было!

Пока охранник сверлил меня пронизывающим взглядом, я сообразил, что в разговоре с ней мог проявить элементарную догадливость. Сунул бы ей золотой, и проблем бы не было. Как говорится, задним умом все мы крепки...

– У нас заказ нужно сделать, – заметил мне тем временем друэгар, с нажимом, но почти вежливо.

– Я ее заказываю, – кивнул я на «сферу обслуживания», наслаждаясь двусмысленностью ситуации.

– У нас не веселый дом, – довольно спокойно отреагировал друэгар, – это салон «Магические смеси и ароматы». Заказывай или выметайся!

– На витрине девочек предлагали! – вспомнил я вывеску «магаров». Если смеси еще, тогда «магары» выходят.

Тетка почему-то оказалась агрессивнее друэгара. И комплимент, которым я думал разрядить обстановку, она не поняла, отреагировав на него как «порядочная», что совершенно не соответствовало истине. Она перегнулась через свой «прилавок», вцепилась мне в рукав свитера и дернула меня по направлению к выходу, истерически завопив своему приятелю-друэгару «Выведи его! Что, так и будешь стоять, пока меня тут оскорбляют?!»

– Свитер растянешь, на счетчик поставлю! – пригрозил я тетке, удивляясь двум вещам: если она хочет, чтобы меня вывели, так чего вцепилась своей клешней и держит, и, во-вторых, с чего это она себя так высоко ценит. Сама наркоту отвешивает, а при этом шлюх вторым сортом полагает. Наверняка, при разговорах называет себя «лаборантом-алхимиком», искренне почитая свой притон алхимической лабораторией с «доп-услугами». По моей собственной оценке, она стоит гораздо ниже тех, кто торгует своим телом.

– Это не к нам относится, это на втором этаже... – растерянно пробормотал друэгар, наблюдая, как я вырываю свой свитер из неожиданно цепких лап «хозяйки салона». Тетка – колдунья, тут думать нечего, – браслетов и браслетиков характерных слишком много. В каждый залито какое-то заклинание, но если бы не производственная необходимость, тетка

все равно бы их нацепила: такие носят по пять-семь колец на каждой руке, надевая по два кольца на палец. Еще тяжелые серьги, две-три цепочки и ножной браслет. Ага, на пальцах ног еще колечки, это уж обязательно!

Тут до меня потихоньку стало доходить, почему тетка так нервничает, а друэгар стоит как ушибленный. Тетка меня наверняка каким-нибудь заклятием попробовала пробить, а не тут-то было, смарагд заклятье «съел». А не почувал я ничего, потому что тетка – колдунья слабая, бесталанная.

– Я уйду, – пообещал я, – если расскажете, что тут было. Или уж останусь, – при этих словах я улыбнулся продавщице самой своей зверской улыбкой, но та не испугалась. Она, упрямо задрав подбородок, схватилась за телефонную трубку, вылетевшую откуда-то из-под прилавка. И телефон здесь есть! Прямо как в «Розовом какаду» в Сеславине, только там обычный был, а здесь, наверняка, магический, с преобразователем голоса. Тетка звонила «крыше» и мне ничего не оставалось делать, как пожать плечами и излишне торопливо направиться к выходу. Торжествующее верещание «порядочной женщины» с четко оговоренным трудовым расписанием, плановым отпуском и прямым процентом от продаж я пропустил мимо ушей. Все-таки что-то мне это пятно напоминает... Точно! Так Наташа из Сеславина уходила: след от портала это с «опаленными» краями!

Друэгар не ждал, что я, в двух шагах от двери, развернусь и пойду обратно. А я вот ждал, что этот тип потащится за мной, «проконтролирует», так сказать. Поэтому мой кистень ударил охранника точно над ухом, а еще через секунду я направил «чекан» на удивленную «алхимию», только-только отложившую трубку телефона.

– Отвечать быстро и правду! – приказал я, в одно касание перепрыгнув через стойку и заскрежетав на бабищу зубами, – пристрелю как собаку!

Тетка даже визжать не стала, поняла как-то сразу, что по морде я ей смажу легко, в целях предотвращения «женской истерики», только повод дай... Я, если честно, и без всякого повода нацелился...

– Как она здесь оказалась? – спросил я, указывая стволом «чекана» на след от портала.

– Просто пришла, заказ сделала... – проблеяла тетка. Плакать она не плакала, но косметика с нее текла ручьем. Потеет сильно.

– Потом? – поощрил я дамочку.

– Этот к ней подошел... такой же, как ты, полуэльф...

– Дальше! – прорычал я, едва сдерживаясь, чтобы не задушить тетку.

– Полуэльф ушел... А она исчезла! Скорчилась на стуле, вспышка – и она исчезла! Я такого никогда не видала!

– Что она заказывала?

– «Красного дракона», одну порцию...

– А полуэльф?

– «Сыроежку»... – перехватив мой недоумевающий взгляд, тетка услужливо пояснила, – Грибной отвар, восстановительный.

Надо же, какой сервис в этом шалмане!

– «Крем» кто-нибудь спрашивал?

Тетка замотала головой так, что серьги начали хлестать ее по щекам, на которых оплывали остатки румян:

– «Маргариты» у нас нет! Ее нигде не достанешь!.. Да это же ужас, что такое! Своим клиентам я бы никогда...

Врет или не врет? Продавать что-нибудь из-под полы в Гуляй-поле не принято. Здесь просто нет запрещенных к продаже товаров. Поверим... А что он там бормочет?

– ... «Дракон» же скоропотрящийся! А кто заплатит? Ты заплатишь? Она-то, сука, свалила!

Тут тетка схватилась за морду и, наконец, разревелась. А не надо было Наташу обзывать.

– Базар фильтруй, – попросил я эту «магсарку» и продолжил импровизированный

допрос:

– Она употребила «Дракона»?

– Нет, не успела, я только сейчас его готовить закончила! – с этими словами тетка кивнула на результат своего помола.

Ага! Это тот малиновый порошок – «Дракон»? Да кто сказал, что он красный? Малиновый он... Схватив стеклянную пиалку, в которую колдунья ссыпала готовый к употреблению продукт, я высыпал эту гадость «магсарке» на голову со словами:

– Припудрись, а то тушь с помадой смешалась!

После этого я побрел к выходу, пытаюсь переварить полученную информацию. Наташа здесь была! Придя я на пять минут пораньше, столкнулся бы с ней нос к носу! И Полуэльф! Такой же «сын лейтенанта Шмидта», как и я, или, действительно, сын Лиинуэля? Поставщик, занявший место Витали, или просто Наташин знакомый? Нет, это я претендую на то, чтобы быть ее знакомым полуэльфом. С другой стороны, передавать «дозу» в «курильне» глупо. Все равно что прийти на бесплатную дегустацию вина со своей «табуреткой». Наташа исчезла, но полуэльф от меня не уйдет, не спрятаться ему от меня! Салон бы этот надо прояснить, но сейчас надо сваливать, да побыстрее!

С этими словами я побежал вверх по лестнице, толкнул дверь и вывалился из «Магсаров».

Как там в песне: «Тут кто-то свистнул, я на крыльцо, Двенадцать шпалеров уткнулись мне в лицо». Стволов было не двенадцать, всего два, но мне хватит. Это не тетку-продащицу кошмарить. Два человека, пришлые, с колючими цепкими взглядами, профи. Они меня ждали, и значит, «крыша» «ароматов» решила подсутиться, доказать, что не зря свой хлеб ест и ароматическими маслами его намазывает.

– Руки в стороны разведи, аккуратно и медленно, – приказал один из «контролеров», широкоплечий и высокий, с откляченным задом и кривой улыбкой человека, лишённого чувства юмора.

Я начал разводить руки, но не успел второй подойти ко мне, как по нашей компании ударил свет фар. Странно, я не слышал, как машина подъехала. Оба бандита сразу порскнули в стороны, оставив меня пригвожденным в стенке пятном света. Прикрываясь рукой, я смог рассмотреть, что в «козlike» сидит еще один человек, страховавший, очевидно, первых двух клоунов, а вот рядом с ним сидит...эльф?

Что-то в их позах мне не нравится... Ну, конечно! Эльф сидит спокойно, даже вальяжно, развалившись, а вот человек словно кол проглотил, да еще обе руки на руле держит. Выпрямленные в локтях руки, кстати говоря... Эльф поманил меня пальчиком, и я подошел. Эту рожу даже лояльно настроенный к эльфам человек лицом с «тонкими чертами» не назовет. С «мелкими чертами» – это еще туда-сюда. На хорька похож. Причем, на хорька, которого мучают глисты. Вооружен... Что это у него? Неужто АПС? Не заводской, это точно. Не клепают таких зверей на заводах. Гномская работа, али друэгары постарались? Я такие только в оружейке «академического» тира видел... Пострелять, естественно, не дали. Не по Сеньке шапка...

Судя по всему, серьезный дядечка... Чем-то он был похож на Кемменамендатура, и лет ему я навскидку определил триста-триста пятьдесят, еще до Переноса он родился.

Все это вихрем пронеслось в моем мозгу, пока я подходил к машине. Боковым зрением отметил, что два бандюка, перехватившие меня на выходе, стоят навытяжку перед другим эльфом и, кажется, отчитываются перед ним...о достижениях народного хозяйства.

Думай, думай, соберись, не расслабляйся! Кто в Великоречье круче всех в «ароматах» разбирается? У кого самый тонкий нюх? У эльфов, у кого еще-то. Может салон им принадлежать? Да запросто. А люди, получают, в роли «мускулов» выступают?

Сегодняшний денек явно затянулся, устал я зверски, поэтому и не заметил Синеволосого, стоящего рядом с «козлом». Тот прожигал меня взглядом, не обещавшим ничего хорошего... Влип. Заметь я его раньше, бежал бы без оглядки...

– Кто ты, полукровка? – спросил сидящий в машине «пассажир» тонким и скрипучим

голосом.

У меня было довольно много вариантов ответа. От прозаического, про коня в пальто, до поэтического, есенинского, про «уличного повесу». Одних промежуточных штук пять... От проблемы выбора меня избавил Синеволосый: он заверещал, что узнал меня, что я на него напал и еще подписался в гостевой книге клуба чужим именем. А это самозванничество, и эльфы этого очень не любят.

– Хамить не надо было!.. – начал я, но «хорек», не слушая, спросил у кого-то, стоящего в тени, принесли ли гостевую книгу из «Аэрбола». Книга была немедленно передана «начальнику», который стал листать ее с самым бюрократическим выражением лица. А я понял, что эльфов вокруг много... Слишком много, чтобы ломануться напропалую...

– Имя свое назови! – «хорек» не повысил голоса, но я понял, что жизнь моя на волоске.

– Тот, кто спрашивает чужое имя, должен представиться сам! – не то, что мне нечего терять, мне теперь есть что терять: я Наташу почти нашел, но стоять эдаким двоечником у доски...

– Можешь называть меня Ваша Милость Судья-Архонт, – с усмешкой произнес эльф. Если я не ошибаюсь, на такие должности выбирают таких эльфов, которые «чуют» правду. Будь я чистокровным эльфом, да пройди я соответствующее обучение, тоже мог бы претендовать. Но если я ложь как подгоревшую яичницу чую, то этот товарищ как что? По виду понятно, что крючокотвор и законник. Важная шишка, вообще-то. Снизолел... Почему? Пулю мне в голову в темном переулке, раз уж Синеволосый меня выследить смог, и все дела! Что за судопроизводство? Вывод один: тут игра по-крупному...

– Петр, сын Андрея, по прозвищу Корнеев! – представился я в свою очередь, – Приятно познакомиться!

Судья фыркнул, последних моих слов он явно не ожидал.

– Ты расписывался? – эльф развернул ко мне книжный разворот, где на толстых разлинованных листах виднелись имена и даты, накарябанные самыми различными почерками. Ага, вот и мой «полуустав». Неплохо я расписался в книге посетителей эльфийского клуба «Священный аэрбол».

– Я, – ответил я с улыбкой.

– Самозванец! Ты не маг Лиинуэль! Лиинуэля Огненного я знал лично! Уже почти год, как его убили Алху! – прокрипел хорек. Что ж, хорошая шутка, она и в Гулай-поле хорошая шутка!

– Я не маг и не самозванец. И написал я не «Маг Лиинуэль», а «Мак-Лиинуэль». Разницу чувствуете? Дефис там, и что, букву «г» от «к» уже отличить не можете? – спросил я судью, рассматривающего злосчастную надпись.

– Что значит, не можем? Просто слово с ошибкой написано!

– По себе, что ли, судите? Слово написано правильно. Мак, по-шотландски, обозначает принадлежность к клану.

– Это язык, шотландский? – встрепенулся судья. – И кто на нем говорит?

– Точно так, Ваша Милость! Язык! Говорят на нем пришлые из государства, которое к нам не перенеслось. Или перенеслось, только мы о нем ничего не знаем, потому что оно находится за границей известных земель!

– Значит, ты из «клана» Лиинуэля? И как это понимать? Объяснись!

– «Клан» в Шотландии – это родичи, собирающиеся на войну под одним флагом, – здесь я тоже не соврал. Ну, может, не всю правду сказал, но почему бы не принять такое толкование «клана» у шотландцев?

– И много ты навоевал? – вопрос вроде бы презрительный, но судья явно мне благоволит. Понять бы, почему...

– Недавно мной был убит Алху... – скромно потупился я. Судья-архонт посмотрел на меня с прищуром, но я-то говорил истинную правду!

– Лучше нужно обвинительный акт проверять! – прокрипел «хорек» и бросил гостевую книгу в лицо тому эльфу, который так и стоял в тени. – Поехали!

– Стойте! – Синеволосы́й заступил машине дорогу, хотя водитель-пришлый дисциплинированно завел мотор. – А нападение на меня?

– Сами разберётесь, как мужчина, – тут судья коротко хохотнул, – с мужчиной! – глазки у шутника хищно блеснули, и я понял, почему Судья-Архонт был ко мне добр, милостив и пристрастен. Не потому, что я ему понравился. Потому что ему Синеволосого нужно утопить.

– Он напал на Архонта, и подлежит суду! – Синеволосы́й был в бешенстве, его лицо, довольно приятное, наверное, было искривлено от гнева и выглядело мертвым в свете фар «козла». Волосы такой оттенок придают, не иначе.

– Ты уже не Архонт, – Судья попытался спрятать торжество в своем голосе, но удалось ему это не слишком хорошо. Возможно, не очень старался. – И я лишаю тебя права обращаться в Суд Архонтов за ложное обвинение в присвоении чужого имени полукровкой Петром Корнеевым... Газу!

Водила послушно стронул машину с места, и Синеволосому ничего не оставалось делать, как с ругательством отскочить в сторону. Пока он, сжав кулаки, злобно смотрел вслед «козлику», в открытый кузов которого легко запрыгнули три тени, таившиеся до сих пор в темноте, я сделал единственное, что мог в этой ситуации – развернулся и бросился обратно в дверь, через которую вышел.

Друзгар только-только пришел в себя, и был небоеспособен. Получил кистенем по затылку и свалился в заботливо подставленные руки своей подруги.

– «Берсеркер» есть? – спросил я продавщицу, в очередной раз наставляя на нее «чекан». – Врать не вздумай, пойму и пристрелю! – с этими словами я потянул друзгара за плечо, освободил его от объятий ведьмы и уронил на пол. Плевать, все равно, считай, спас!

– Не-е-т-уууу! – провыла горе-колдунья, выдавая небольшой фонтанчик слез. Рот ее с размазанной помадой расплзся в средних размеров Дурное болото. Не ожидала, что по второму кругу все пойдет? А «Берсеркера» нет, не для удовольствий эту гадость делали. Действия на десять минут, а потом еще день с толчка не слезаешь. И выворачивает сразу с двух сторон: сверху и снизу.

– «Танцуйлка» есть? – возьму хоть ее, хотя эта дрянь и в четверть не дает эффекта «Берсеркера».

– Е-е-есть! – прошмыгала носом «магсарка», и я очередной раз восхитился способностям женщин говорить на вдохе.

– Давай, быстро! – подталкивая бабу к стойке, приказал я. Трясущимися руками она достала небольшую картонную коробочку, на крышке которой был нарисован не красный мухомор с веселенькими белыми пятнышками, а стилизованная картинка пляшущих человечков. Слово ко́д какой тайный... То, что надо! Принюхавшись к отформованному кубику жженного сахара, над которым изрядно поколдовали специалисты, я положил его на стойку и ударом рукоятки «чекана» разбил на несколько небольших кусков, а затем решительно разжевал самый маленький. А это кто? Нарки вывалились из своих иллюзорных миров в реальный?

Ко мне решительным шагом направлялась какая-то стриженная под мальчика женщина лет тридцати, ровесница, из компании пришлых. Не столько красивая, сколько ухоженная. Модная короткая куртка из шкуры виверны, обтягивающие вполне «спортивную» задницу штаны, дорогие ботинки с высоким берцем. Дорого и стильно в привычном для женщин «из пришлых» варианте. Типа, все как у всех, но дороже. Она была слегка под кайфом, поэтому путь ее был похож на что угодно: на изгибы русла Великой, на детский рисунок, когда непонятно, то ли волны на море нарисованы, то ли пасть крокодила в разрезе, то ли крепостная стена с зубцами, – но только не на прямую линию.

– Ты чо тут? – сформулировала она, добредя до меня, наконец. Слов ей явно не хватало, но манера, внешность, возраст – все было знакомо до боли. Такая «начальница», искренне считающая, что умение загонять до смерти персонал из аборигенов делает ее незаменимой в той мелкой фирмочке, где она занимает «высокое» и «прочное» положение. Замужним

подругам-ровесницам, возящимся с детьми, она рассказывает как «построила» подавальщиц из кабака какого-нибудь из Старых княжеств. Подругам помоложе охотно читает лекции на тему «все мужики козлы» и пытается построить, как тех самых подавальщиц. Меня она тоже сейчас построит, не нравится ей мое поведение... А я, я сам, нравлюсь? Замуж она не вышла, не потому что дурнушка или предложений не было, а потому что искренне считала, что достойна лучшего. Этакое прЫнца на белом коне. Ладно, графа на «чайке»... Лет через пять, достигнув «бальзаковского» возраста, согласится и на отставного штабс-капитана... на «козле»... А пока суть да дело, можно развлекаться... Вот бы я перед ней хвост распушил, будь у меня время...

Дамочка стояла передо мной, слегка покачиваясь, вперив в меня «начальственный» взгляд из своего арсенала, нарабатываемого годами, и ждала ответа.

– Я не тут, я уже ушел! – вежливо сообщил я ей, ощутив, как по всему телу искорками пробегает характерное для активированной «Танцульки» ощущение «куража», никак иначе это и не назвать. Взяв неплохой старт с места, я почти добежал до двери, когда обострившееся чутье заставило меня резко отпрыгнуть в сторону. Выстрел прозвучал как гром среди ясного неба, в двери на уровне моей головы образовалась здоровенная дыра. Это колдунья-продащица вытащила из-под стойки здоровенную двустволку, двенадцатого калибра и разрядила в меня оба ствола дуплетом. Это за то, что я за наркоту не расплатился? Немедленно рядом с ней оказалась «начальница», принявшаяся вырывать из рук тетки безопасное уже оружие, со словами: «А чо ты тут?!» Не зря она мне понравилась! Такой выстрел не мог быть не услышан снаружи, и я в очередной уже раз отправился к «стойке», отчего обе бабищи перестали бороться и, не выпуская из рук ружья, уставились на меня во все глаза: одна, которая колдунья, со страхом, а «начальница» с предвкушением. Будь у меня время, я бы ответил им взглядом на взгляд: клиентку «магсаров» я почти боюсь, а вот хозяйка заведения должна уже предвкушать неприятности... Заскочив за стойку, я спрятался за ней, приложив указательный палец к губам... Надеюсь, женщины меня правильно поняли.

* * *

Проглоченная отравка разъедала меня изнутри – все тело просило движения, но я сидел, сжав зубы, и «держался». Расчет мой был прост: Синеволосый наверху не знает, что другара я нейтрализовал, выстрел из двенадцатого калибра ни с чем не спутаешь, а у меня-то с собой только «чекан» из огнестрела! Уверен, мое оружие Синеволосый срисовал сразу. В подтверждение моим мыслям пострадавшая дверь распахнулась, и в помещение «курильни» влетели те двое, которые чуть было не повязали меня на выходе. Увидели двух женщин, занятых перетягиванием двустволки и остановились. Можно было бы и «потанцевать», но где Синеволосый? Ага, вот он, остороженько так входит, с «аспидом», причем держит его странно: прижимает кисть с пистолетом к боку, едва ли не к пояснице. Это чтоб не выбили, что ли? А целиться как? Синеволосый с его странным хватом меня нервировал, и первый выстрел я решил направить в него.

Бандиты как раз отвлеклись от разглядываний женщин за стойкой, потому что колдунья-«магсарка» вдруг взвизгнула и показала пальцем вглубь «салона». Еще бы она не визжала: я ее аккуратно ножиком ткнул пониже спины. Первым выстрелом я попал Синеволосому в середину груди, выстрелил в одного из бандитов, а потом подсечкой отправил обдолбанную «начальницу» на пол. Продащица-то мгновенно укрывалась за стойкой: что значит опыт! Немедленно по стойке забарабанил град пуль, но стойки в Гуляй-поле для того и предназначены, чтобы за ними обслуживающий персонал мог прятаться, так что мне и двум красоткам за толстенным брусом стойки было тепло и уютно. Вытащив из кармана гранату я, не выдергивая кольца и не вставая, навесиком бросил ее в зал, заорав «Ложись!» И тут же сам привстал над стойкой, стреляя из «чекана».

Мне повезло дважды: я первой же пульей попал в бандита, который оказался не лыком шит и, воспользовавшись тем, что мы укрывались в своем «окопе», совершил рывок вперед,

попутно разряжая в стойку обойму, для острастки. Вторым моим везением можно назвать то, что предшествующие два мои выстрела были более чем удачны: Синеволосый лежал у стены, окрасившейся красным, а у первого бандита вместо лица оказалось кровавое месиво.

Закончен бой, смываться надо! Подобрал гранату, сбившую с толка моего противника, не сбившую, – не важно теперь, я пошел было к выходу, но сделав пару шагов, резко развернулся и направился обратно к стойке. Надо поставить точку. Едва поднявшаяся на ноги колдунья-«магсарка» взвыла белугой. Как бы мои «челноки» от выхода к стойке и наоборот, от стойки к выходу, не лишили ее последних остатков и без того невеликого умишка. Не обращая внимания на воющую бабу, я подошел к «пришлой»-клиентке, сидящей на попе и зажимающей руками уши, галантно подал ей руку, помогая подняться. Она уцепилась за меня, встала неожиданно гибким и сильным движением, а потом я рванул ее к себе и смачно поцеловал в губы. Вот так! Если бы я этого не сделал, она бы меня никогда не простила. Я таких знаю...

Пощечина, и неслабая!

– Ты! ты! Меня использовал! Почему ты меня использовал???

– Тебе ничего не угрожало, радость моя, – процедил я. Вот скотство: «недовыбитый» зуб задела! Или это от поцелуя? Рот немедленно наполнился кровью, зуб разболелся, да так, что «стреляло» в глаза, в брови и даже в лоб. – Не бойся, я тебя разыщу!

Соврав самым банальным образом, я чуть ли не бегом выскочил из наполнившегося запахом сгоревшего пороха притона, улавливая за спиной отзвуки наиглупейшего разговора:

– Кто ж теперь моей крышей будет?..

– Все мужики – козлы! Но этот хоть целуется хорошо...

* * *

Пробежав, что называется, трусцой, пару кварталов, я понял, что еще немного – и кони двину: на ноги как по пудовой гире надели. И мешок на спину навесили. Это что же, откат «Танцульки» пошел? Рано слишком! Ах я дурья башка! Смарагд-то мой магию выпил, голимая химия осталась! Вот вместо двух часов неистового веселья, заряда бодрости и активизации реактивных способностей я получил десять минут и тяжелый откат... Кровавые смарагды, конечно, вещь стоящая, но колдунам, в свете последних открытий, нафиг не нужны! Не поколдуешь по-нормальному! Захочешь на себя, например, заклятье ночного зрения навести, а не тут-то было! На вывески освещенные ориентируйся, как я вот сейчас! Хорошо, у эльфов зрение ночное развито, а то темнеет уже! Не то что бежать, идти я не мог, поэтому остановился, взглянул на светящиеся вывески и радостно захромал к одной из них, расположенной прямо на заборе. Нет, не на заборе, на небольшой калитке. А за забором...

* * *

В прокатной конторе, оказавшейся за забором, мне предложили на выбор несколько «полевиков» да брутального вида «виллис», похожий на перечницу, так он был изувечен пулями. Зато с турелью под пулемет. Ну не его же брать, хотя хозяин уверял, что аппарат на ходу! Пришлось взять «полевик», для езды по городу больше и не надо ничего. Сколько можно бегать на своих двоих сломя голову! Сразу надо было машину брать! Ладно, поехали к Семену...

* * *

Завернул на смутно узнаваемую улицу, еще поворот, немного проехать, и вот в этот переулочек!

По темной узкой немощенной ухабистой дороге, где двум машинам не разъехаться, загребая ногами пыль, неспешно и тяжело передвигалась тонкая фигурка девушки, толкая

одной рукой тачку – настоящую «машину ОСО – две ручки, одно колесо». Когда я подъезжал, Паола уже перестала мучиться и, отпустив ручки своего снаряда, просто ждала.

– Раньше не мог приехать? – сварливо спросила она меня, в ответ на банальное «Такси заказывали?» – Знаешь, как я его вела, пока тачку не нашла?

Вот здорово! Да я двадцать минут назад не знал, что возьму машину напрокат.

В тачке на мешке из-под угля сидел избитый, покрытый грязной коркой засохшей крови Семен, разом постаревший лет так на десять, весь припорошенный какой-то бурой пылью, с наливающимся фингалом под глазом. Одежда его превратилась в лохмотья, руками он вцепился в деревянные борта тачки, на черные ногти и смотреть-то страшно было. При этом он дрожал так, что зубы стучали, смотрел на все воспаленным взглядом, и почему-то отворачивался от меня. А уж запах...

– Чего это с ним? – спросил я, пораженный.

– Стыдно ему, – фыркнула фэйри, – алкоголику несчастному!

– Почему стыдно? – все никак не мог въехать я в ситуацию.

– В запой он ушел, идиота кусок! Ничего! Как ушел, так и вернется!

– Чо ты? Чо ты? Чо ты? – неожиданно тонким и плаксивым голосом проскороговорила Семен, и слезы прочертили по его почерневшим щекам две дорожки. – Чо ты ругаешься?

– Паола, так он же у Конкруда пил! Вино пил, я сам видел, и ничего с ним не было! – вспомнил я, помогая затаскивать Семена в салон «полевика».

– Вот именно, что ничего не было! Ты как думал? Рюмка водки и все, под столом? Человек себя, понимаешь, СЕБЯ, сто раз обманет, скажет, что на вина перешел! Что выше девяти с половиной ни-ни! Крепленые изругает так, что любой дегустатор заплачет от счастья... на груди винодела!

Паола перевела дух и, усевшись рядом со мной, продолжила:

– Фу-у! Или скажет, что закусывать научился! Что главное – закуска. Плотная закуска! Мясная, но без хлеба. Потому что хлеб в желудке разбухает и абсорбирует спирт! И много зелени!.. Или наплетет, что понял, какой «запивон» нужен, ин-ди-ви-ду-альный!

По раскладыванию последнего слова на слоги и вообще, по подробностям изложения, я понял, что все, что рассказывает фэйри, не что иное, как «опыт, сын ошибок трудных».

– И ведь есть же мужики! Выпьют и лежат дома! А этого вечно на подвиги тянет!

Я чуть не расхохотался, вырывая на улицу, ведущую на набережную, по моим прикидкам. Насколько я успел выяснить, саму Паолу на подвиги тянет без всякого градуса, просто в силу живости характера. И подобные комментарии я готов был услышать, скорее, от домохозяйки в цветастом халатике, чем от полудемоницы! Но с рассерженной женщиной лучше не спорить. Сократ, насколько умный был человек, а не спорил!

– Эти вина у маркиза его только раззадорили. Я как увидела, что он пьет... под благородным соусом, конечно, чтобы «хозяина» не обидеть!.. В общем, Конкруд потом сам не свой был, нервничал очень, что я Тимохинского посланника покалечила. Так я же не со зла! Я испугалась просто, что он сорвется, но потом-то он нормально себя вел! Ну нормально же! Ты же видел, Петя! Скажи, нормально?

– Нормально, – сглотнув, ответил я, не решаясь напомнить Паоле о той чаше, которую Семен выдул «в одно касание»... Конкруд еще лютню тогда принес...

Вот интересно, знал маркиз об этой «маленькой слабости» Семена, или нет? Если знал...

– Вот и я подумала, что обошлось все! – Паола снова заговорила, сбивая меня с мысли. «Нормально!» Хочется же некоторым себя обманывать! – Куда там! Надолго ль собаке блин!

– Погоди, погоди, – сказал я, пораженный ужасной догадкой, – так Тимохин меня в этот расклад вписал и для того еще, чтобы именно я с Конкрудом пил, вместо Семена? Как полномочный представитель продавца и все такое? – такая прозаическая причина таинственного и загадочного дела с векселем на «таможенный» остров ставила меня в тупик. Впрочем, чем сложнее загадки, тем проще бывают разгадки.

– Не придумывай, Петя, лучше расскажи, чем занимался. Наташу искал? – фэйри

повернула зеркальце заднего вида к себе и стала пальцами поправлять растрепанную прическу.

– Искал, – ответил я мрачно, – мага искал, тебя из комы выводить... Потом, да. Потом Наташу искал... А ты как сама... Тут куда, кстати, не знаешь?

– Направо. Чего ты, Петя так хлопчешь? Фэйри – народ крепкий, а тебе ведь русским языком сказано было, что Наташа не вернется... Быстрее не можешь ехать? Да и если бы тебе каким-нибудь образом удалось ее найти и захватить, то что ты с ней делать будешь?

– Как что? К папе, Ивану Сергеевичу, отвезу!

– Пока ты ее довезешь, у нее откажут почки, печень и желчный пузырь. И умрет она у тебя на руках в моче и говне! То-то Иван Сергеевич обрадуется!

Я не был шокирован. Я и сам примерно в таких выражениях рисовал себе состояние Наташи, если бы, паче чаяния, мне все же удалось ее разыскать.

Видел я такое. Слово «ломка» не зря придумано. В человеке изнутри словно сжимается и разжимается какая-то стальная пружина, которой, в общем-то, в человеческом теле не место. Обильный пот, слабость, сухость во рту, все суставы ломит, человек места себе не находит, его рвет, сердце колотится как сумасшедшее, сознание «мерцает»... И смерть... Просто внутренние органы перестают работать... Вот такие вот у Натальи Ивановны Бороздиной перспективы.

– Ты куда меня, беззащитную девушку, сироту, везешь? Направо поворачивай! – узнаю коней ретивых по каким-то там таврам, полудемониц болтливых по... А чего это направо? Точно помню, на пристань не надо направо. А зеркало до сих пор к фэйри повернуто... посмотрел назад, а чего это виллис за нами увязался? С четырьмя brutальными личностями и пулеметом на турели? Хороший такой Льюис... Если ливанет...

– Это твои друзья за нами едут? – спросил я фэйри.

– Его! – указывая на Семена, коротко ответила фэйри. – Он минут за двадцать выпил... сколько он выпил? бутылки две... с половиной, раззадорился, спустил все наши деньги, еще выпил, потом ему налить отказались, и он не понял... Ну, может, и не так все было. Но примерно... Я по прошлому разу сужу... Короче, когда очнулась, сразу побежала его искать...

– Но было поздно... – смутить фэйри было довольно сложно, но мне показалось, что Паола слегка вздрогнула. – Сейчас что предлагаешь?

– Можно бы на пристань прорваться, там банда друэгаров охрану несет, безопасность гарантирует! Там у нас лодка, Конкруд выделил...

– Тьфу! Так я на пристань и ехал!

– Сначала этих с хвоста сбрось! А то с пристани выезжать будем и сразу нарвемся!

– На «полевику», с хвоста?

На такой машинке оторваться от погони невозможно! Вот картошку на рынок возить можно. Ну, один овощ сидит вон, в салоне, икает. Молоко или минералку потреблять надо в таких случаях... И помогут они, как мертвому припарки... Затормозил, аккуратно притершись к деревянному тротуару, выскочил из машины и неторопливо пошел навстречу виллису, заложив руки за спину. Хорошая все-таки вещь граната! Виллис дернулся, остановился, а затем водила врубил заднюю передачу. Видать, постеснялись меня валить. Чего такие стеснительные? Ответ пришел незамедлительно: из переулка вывернули сразу два автомобиля, в которых гроздьями висели бородатые люди в потертой одежде. Не узнать в этих романтиках ножа и топора идейных сторонников Бонса было невозможно. Оружия, пусть и ружей-одностволок да винтовок с продольно-скользящим было у них даже больше, чем нужно. Что ж, и граната им не помешает! Развернувшись на пятках, я все так же неторопливо пошел навстречу фанатикам «старой веры», краем глаза отметив, что фэйри преспокойно сидит в машине, разве что побледнела чутка, из красной розовой стала.

– Бонс Ингельмийский просил передать вам! – выскочивший из первой машины парнишка-абориген, из озерников, явно не знавший, как меня именовать, передал мне грязноватый холщовый мешочек. По запаху, чей-то старый кисет для табака. И что значит

чей-то? Понятно, чей! Хорошо, Бонс свои старые носки мне не подарил, с царской-то пятки!

– Спасибо, – вежливо ответил я, осторожно беря эту гадость двумя пальцами. Тихий каменный перестук внутри мешочка мог показаться парнишке свидетельством того, что там, скажем, алмазы-топазы, но я уже догадался, что находится в посылке «рыцаря». «Черных всадников» он мне отдал, не иначе! А ему они зачем? У него своих всадников хватает, черных, рыжих, блондинистых, лысых, в конце концов. Главное, живых! Ну, и мы живы! Заскочив в машину, я под восхищенное молчание Паолы погнал к пристани.

* * *

У кованых ворот пристани нас остановил другар со светящимся красным светом жезлом и самозарядной, висящей наискось, на груди. Еще двое, рядом с пулеметом, страховали товарища. Я объяснил, что на хаус-бот Реймса, в гости, и этот немудреный ответ вполне удовлетворил строгого охранника. Особенно ценным гостем, конечно, был Семен, который уже извертелся и истонался весь на заднем сидении...

Возле схода хаус-бота стоял все тот же рыхлый охранник, и я с раздражением понял, что если он и сейчас будет тупить, то я его убью, и плевать на возможную ссору с Реймсом! Охранник, кстати, приятно удивил. Подбежал, принял на руки пьяненького брата-близнеца, если по фингалам считать, сразу появилась личная телохранительница Реймса, еще какие-то слуги, так что Семеном было кому заняться. Пока я принимал душ, все думал, чего охранник так переменялся? Неужели мой маленький урок так подействовал? Или Реймс провел свои мероприятия?

* * *

Душ! Уфф, благодать! В моем гальюне на стенке за толчком висела небольшая акварельная картина в простенькой деревянной рамке, изображающая белый парусник с белыми же лебедиными крылышками, стремительно летящий по лазурному небу. Только сейчас заметил... К чему бы эта картинка? Минут пять стоял, бездумно пялясь на «туалетное» искусство. Устал...

Свитер в порядке, и зашивать не надо... Когда я вышел в кают-компанию, Реймс уже вовсю рассыпался в комплиментах Паоле, левая рука которой оказалась забинтована и подвешена на повязке Дезо. Оказалось, у Паолы ключица сломана, а я и не заметил. Точно, устал... И алого шелка шаровары на красной коже фэйри по-дурацки смотрятся. По-дурацки...

В приключенческих романах герой после очередной схватки с негодями влюбляет в себя дюжину красоток, а у меня ноги заплетаются и дрожат. И хочу я даже не чаю, а кефирчика, как у Офейма подают... Горячий чай мне с моим зубом противопоказан. Но спасли меня его «всадники», ничего не скажешь! Так что для меня этот знак хорошим оказался, что бы «Наполеончик» ни думал...

Спать хотелось немилосердно, но я должен был выяснить еще кое-что у Паолы, пока она отмякла слегка. Завтра уже не получится, точно говорю.

Вытребовав у Реймса обезболивающего и прозрачно намекнув, чтобы он шел утешаться со своей бодигардкой, я подсел к Паоле, чопорно ковыряющей вилочкой рыбный салатик. Из всевозможных ингредиентов она выбирала только кусочки груши и раковые хвостики, в просторечье именуемые шейками. Кусочками осьминога, креветками, авокадо и прочей рыбной трешухой брезговала.

– Паола, а ты помнишь момент, когда в себя приходила, в диетическом кафе?

– Смутно, – оторвавшись от еды, ответила фэйри, – хочешь сказать, что я что-то тебе обещала? Забудь!

У меня нижняя челюсть бы от черепушки отвалилась, не придерживай я ее рукой.

– А ты помнишь, как тебя Офейм лечил? – следующий вопрос, наводящий,

конкретизирующий... На «отлично» за ответ пусть не надеется.

– Что-то в рот вливали, гадость какую-то, и еще, в венах будто кровь вскипела.

– Тебя абсорбентом с магической составляющей опоили, Семен потом полкабака разнес! – хихикнул я. – И еще мы теперь с тобой родственники: Офейм над нами обряд кровного родства провел, чтобы мой смарагд из тебя проклятие вытянул!

Не говоря худого слова, фэйри протянула мне руку. И отнюдь не для рукопожатия. Если можно было бы описать жест фэйри словами, то он звучал бы «Пайку! Пайку давай!».

– ???

– Теперь, значит, смарагд и меня может защитить? Давай его сюда! У тебя еще есть, я знаю!

Прекрасно! А я хотел вопросы фэйри позадавать как брат – сестре, по-родственному. А она сразу смарагд требует... Ну что ж, и в эти игры я тоже могу поиграть...

– Посмотрим на твое поведение! – до чего же я эту фразу ненавижу!

Разделявшая, кажется, мои чувства Паола сморщилась и вернулась к салату. От вина она, как я понял, отказалась, и все из-за Семена. Кто-то пьет, а другой из-за этого кого-то рожу воротит. Равновесие в природе такое... Эх-эх-эхх!

– Скажи мне, Паола, как сестра брату, – начал я второй заход, – кто на нас у Офейма покушался?

– Я знаю? – ответила полудемоница с набитым ртом, – Мне они не представились!

– А догадки? – теряя терпение, продолжил я.

– Догадок много, и одна из них конкретно такая: охотились на тебя! Так что думай!

Похоже, я надоел фэйри, вон как нахмурилась, но отпустить ее поспать или провести Семена не мог: на языке вертелся вопрос, который я ни за что не позволил бы себе задать ни одной женщине, будь чуток поумнее. Или посвежее. А тут, как кто-то за язык тянул:

– Паола, у меня куча вопросов, но ответь хотя бы на один: вот чего ты с алкоголиком связалась, Семен же не слишком красив, и не молод. Вон, полысеет скоро!

Задав вопрос, я стал напряженно ждать, ответит фэйри с набитым ртом или проглотит, а потом уже ответит. Девушка усиленно жевала. Проглотила. Засунула в рот еще одну порцию салата и ответила с набитым ртом, ответила неожиданно спокойно, видать, о том же самом размышляла:

– У Семена, вообще-то, много достоинств. И человек не бедный, парой магазинов владеет... но это не главное.

– А что главное?

– Семена я вижу насквозь, – медленно проговорила Паола, – И еще на пол-аршина землю под ним...

– И что, этого достаточно, чтобы завести с ним роман?

– Он меня любит...

– Паола, я не слепой, конечно, он тебя любит. Но ведь тебя могли полюбить и другие люди, нелюди, полунелюди и полулюди. Трезвые, работающие и небедные... Себя я не имею в виду, сестричка! Почему Семен?

– Его я могу простить.

– Что-о-о?

– Что слышал. С другими это не получалось. И не спрашивай, что я тогда делала. Все, разговор закончен... Умеешь ты настроение испортить, братец...

Я, понятное дело, отвалил потихоньку, мне жить хочется, а в голове почему-то нарисовалась картина, как Паола складывает головы своих «непрощенных» поклонников в мешок. А мешок в воду.

* * *

Только я со вкусом устроился в своей каюте, как дверь распахнулась и в каюту ввалилась Паола, морщась от боли:

– Беда, Петя! Семен вексель Конкруда пропил!
Да закончится ли когда-нибудь этот бесконечный день?
– Пропил или проиграл? – это вопрос принципиальный! Если пропил, то выкупить вещь у кабатчика довольно легко. Чуть дороже будет, чем если бы просто за водку заплатили. Но если проиграл...
– Не помнит он! – Ясенько... Будем исходить из худшего.
– А тубус? Вексель в тубусе был!
– Тубус на месте! Его я сразу проверила, а внутрь не заглянула, дур-р-ра стар-рая! – зарычала Паола.
– Чего он его с собой взял? Передал бы Лехе, тот – Тимохину, и все дела!.. – в ответ на мои слова Паола только рукой мазнула досадливо. – Что предлагаешь? Носиться по городу и искать вексель? Семен же сам говорил, что бумажка не стоит ничего... Поле Беренсона не зря же там! Векселем и воспользоваться-то не сможет никто... – мне не хотелось никуда идти, не хотелось жутко, просто «ломало» всего! Я спать хочу!
– Ну, тогда я сама пойду, одна! – Паола, круто развернувшись, задела больной рукой дверную ручку, и зашипев сквозь зубы, остановилась.
Все женщины прирожденные шантажистки. Но фэйри явно держат лидерство в этом чисто женском искусстве. Формально она права: легче сейчас отбить проигранный или заложенный за стакан вексель у собутыльников Семена, чем потом проследить целую цепочку перекупщиков.
– Сеня их узнает? – я торопливо пристегивал к поясу патронташ, засовывал в карман гранаты и наткнулся как раз на кисет с «черными всадниками». Взять или не взять? А возьму, на удачу!
– Узнает, куда денется! – фэйри медленно, осторожно, но решительно сняла «шину», сделанную из косынки, бросила ее на мой диванчик, и вышла из каюты. Я за ней.
Семен уже ждал нас. С поднятой вверх правой рукой, в которой была зажата сетка с капельницей, сделанной из простой водочной бутылки. Для Реймса это характерная шутка, а вкус к таким вещам привил ему...
Сам Семен выглядел получше, чем еще час назад, хотя и был бледен как смерть. Постарел только еще лет на пятнадцать... Он был отмыт, хотя грязь полностью из-под ногтей не исчезла. Одежду ему презентовал Реймс, она была слегка узковата в плечах и длинновата. Сеня подвернул штанины, рукава были закатаны, из локтевого сгиба левой руки торчала игла внутривенного введения. Прокапывают его, а уж запах перегара, смешанный с запахом целительной магии такой, что нос зажать хочется... Откуда последний запах? Ага, амулетик на шее специальный. Орден Чебурашки первой степени. Па-а-алезная штука, хоть и недешевая.
Прекрасно: сейчас мы в ночь поедem куда-нибудь в притон, а из нас троих боеспособен только я один, уставший и сонный, потому что у Сени капельница, а у Паолы ключица сломана. Плюс ей, что сняла повязку: вряд ли кто решит с ней связываться, если не знает, что она «поломана», а как без повязки это понять? Ребята опытные все равно поймут, беречься она будет неосознанно, но вечер сейчас, ночь почти, на это и надежда.
– Поехали, что ли? – на помощь Реймса в таких делах рассчитывать не приходится. Даже если бы он предложил мне помощь в виде своих охранников, я бы отказался. Не годится втягивать его в дела наши скорбные...

* * *

Когда мы выезжали с пристани, темнота уже сгустилась и полностью покрыла Гуляй-поле. Фары машин зловеще скользили по зарешеченным окнам и заборам с колючкой. Ночью в Гуляй-поле по улицам мало кто шарится, а в здания можно свободно входить, но вот выходить... Никто и гроша не даст за жизнь тех, кто выходит в ночь, потому что это или жертвы ночных разборок, или палачи этих самых жертв. Ночь – дело темное: вышел

палачом, а стал жертвой. И наоборот... Быстрая езда по ночному городу слегка взбудрила меня, но найти место, где «культурно отдыхал» Семен было непросто. Подручный Тимохина никак не мог вспомнить, где он пил, путался, мучился от провалов в памяти, закрывал лицо, тер его, бормотал что-то в несвойственной для него плаксивой тональности, и видно было, что ему очень плохо. Так плохо, что он сейчас укажет на первую попавшуюся дверь и застынет истуканом в салоне «полевика», к рамке ветрового стекла которого привесили капельницу.

– Может, туда пойдем, откуда ты его вытащила?

– Я его на дороге встретила. Бежал куда-то, глаза вытращены, попыталась остановить, а он орет, что ему «надо!» и дальше прет, как танк!

– Как же ты его остановила? – удивился я. – И ключицу тебе кто сломал?

– Кто-кто, конь в кожаном пальто! – огрызнулась вполне по-человечески Паола и скомандовала, – вон там где-то я его заловила, так что тормози!

Семя остался бы сидеть в машине, он был без сил, да и без оружия, но без него мне оставалось бы с горя наезжать на первую попавшуюся подозрительную компанию. Или просто повеситься – мучений меньше, а результат один. Учитывая, кстати, что все компании в Гуляй-Поле подозрительны, выбрать подходящую было бы затруднительно. Так что мы с Паолой выгрузили нетвердо стоящего на ногах Семена из «полевика», сунули ему в руку капельницу, я попытался подхватить незадачливого «агента» под локоть, но эту позицию прочно заняла Паола. Что ж, ее право. Сам я толкнул ближайшую разошедшуюся деревянную дверь какого-то кабака. Поражает меня Семен: как он такие шалманы умудряется находить? Нет, чтобы в дорогое заведение пойти, культурно посидеть... Нож, что ли, в рукав засунуть?

Это «заведение» тоже пыталось блюсти марку. Была даже грубо сколоченная сцена, покрытая вытершимся до дыр лоснившимся сукном, на котором устало извивалась какая-то голая тетка, с припудренными синяками на ляжках, но зато в дамской «дворянской» шляпке, с которой спускалась вуалька, закрывающая лицо. И пусть никто не говорит, что она танцует без одежды! Кабак был полон, сидящие в сизом табачном дыму компании не обращали на сцену никакого внимания, за всеми столами шла игра. С кем мог пить Семен? С компахой озерников, светловолосых и курносых, с компахой чернобородых друзей, которых в Гуляй-Поле почему-то особенно много, или с компанией наемников, эдаких «охотников за головами», смешанной по расовому составу? И норлинги тут, и харазцы, и пришлые... С ними, понятное дело. Семен смотрел прямо на них и силился что-то вымолвить. Он бы и пальцем показал, но Паола перехватила, молодец.

– Мы на улицу! – прошептала мне полудемоница, и я, ни секунды не колеблясь, направился к этим ребятам, вяло бросавшим кости. Ставки, вроде, тоже были небольшими.

– Вы позволите присоединиться к вам, господа? – надеюсь, я правильно начал разговор. Или представиться надо сначала? А что если...

– Ты кто, баклан? – немедленно отозвался один из пришлых, с «хохлацким» гладким, широким и хитрым лицом, но главным здесь, на мой взгляд, был щетинистый товарищ постарше, худой, среднего уже возраста, курящий вонючую цыгарку «по-каторжному», зажимая ее большим и указательным пальцами. Щурился он нехорошо, и это укрепило меня в мысли, что я по адресу.

– Я не баклан, а учитель, могу научить хорошим манерам, – ответил я чистую правду, нащупывая в кармане гранату. Прямо без гранаты приличному полуэльфу зайти никуда нельзя! Что за город!

– Стул найди да выпей с нами! – прокаркал главарь прокуренным голосом, почуяв, что сейчас я что-то нехорошее сделаю. Что ж, правильно почуял... Взяв стакашек, он профессионально сделал три «булька» и толкнул его ко мне по столу. Озадаченный «хохол» только скривился, но бросив быстрый взгляд на зал, расплылся в довольной улыбке. Свободных стульев не было. Те, на которых не сидели посетители, были завалены амуницией и оружием. В таких случаях надо действовать с детской непосредственностью. И быстро. Это как шайки в бане. Вариант был перекинуть чей-то СКС, скатку и пару потертых

«сидоров» с ближайшего «свободного» стула на соседний, поверх еще чьих-то шмоток, в мгновение ока приставить свой стул к столу компании пришлых и сесть со словами «У вас стул лишний, так я заберу».

Вариант, что озерники, чей стул, возмутятся, пятьдесят на пятьдесят. То есть либо возмутятся, либо проглотят. Хороший процент и вариант хороший, но стандартный, так что я только улыбнулся, засунул руку в карман и достал мешочек, переданный Бонсом.

– Сначала коня напою, – сказал я, бросая в стакан с водкой «черного всадника», – вексель отдайте, и зачтется вам.

– Какой такой вексель? – вот «хохол» живчик какой, не уймется никак.

– Вексель из тубуса, – вежливо и внятно объяснил я.

– Какого тубуса? – снова попытался уйти в непонятки «хохол», но прочитал что-то в глазах старшего и смолк. Выдал себя «хохол», и всю свою компаху сдал с потрохами!

– С кем ты работаешь? – вопрос главаря был вполне вежливым, так что я вежливо и ответил:

– С Ашмаи!

– Ашмаи надо помогать! – с сочувственным видом заключил главарь, и я поразился, как ловко он «сехал» с темы. И себя не уронил, и даже статус «помощника» и «благодетеля» заработал.

Я стоял и ждал, в полной уверенности, что сейчас мне все дадут. Ага! Догонят и еще раз дадут!

«Хохол» понял, что выбросил единицы, побурел и решил взять реванш:

– Ашмаи ведь не будет мелочиться? Три тысячи золотом – разве для него это проблема?

– Для него не проблема. И для меня не проблема. Для тебя – да, проблема...

Сказать, что мне легко давался разговор с новыми друзьями, было бы в корне неверно. Слишком легко. Подвох какой-нибудь будет, не иначе.

Выяснить отношения мы не успели: к нам почему-то торопливо подгребли вышибалы – двое громил-полуорков, вооруженных дубинками. На поясах у них болтались огромные заказные револьверы, а зеленоватая кожа была покрыта сложными татуировками.

– На улицу выметайтесь, нечего тут беспорядки хулиганить!

– Ладно, ладно! – улыбнулся я охраннику и протянул руку главарю пришлых. Точнее, попытался, потому что один из охранников преградил мне дорогу.

– Тебя чтоб больше я здесь не видел, полукровка! – прорычал он, тыкнув мне в грудь толстым указательным пальцем.

Никогда не понимал, что им надо, ну вот что им всем от меня надо?

– Зачём гониш? – ответил я, переходя на тон оскорбленной невинности с южным акцентом и уворачиваясь от пальца громилы, как от шпаги, – здэс тэпло и жэншин красивый! Я заказ дэлат буду! – Не знаю, с чего бы это у меня южный акцент прорезался, может, потому что «оскорбленную невинность» с ним легче изобразить?

– Оставьте его! – подыграл мне пожилой, – это наш гость!

Когда вышибалы, недовольно рыча, отошли, главарь продолжил, в доверительной манере:

– Халдеев не дожدهшься, так что пей, а конь твой напился уже! Утоп уж, захлебнулся!

Остальные бандиты поддержали немудрящую шутку своего главаря гыканьем и смешками. Тянуть резину на переговорах – самая действенная тактика. Тот, кто торопится, тот и проигрывает. Надо как-то сломать им линию, потому что нет ни сил, ни возможности «пересидеть» этих ловцов удачи.

Ни говоря ни слова, я двумя пальцами достал из водочного стакана своего черного всадника и, глядя на него, спросил:

– Говорят, Король Ангмара, ты потерял своего коня? Захлебнулся, говорят, утоп? – взгляд я постарался сделать «горящим», а затем продолжил, – Что же это значит?

Глаза у шахматной фигурки были едва намечены красноватой эмалью, да еще и

полустертой от частого использования. Невыразительные такие глазки. Интересно, у меня какие? Достаточно красные от усталости и дыма, надеюсь... А эрудиции ребятам не хватает, чтобы цитату прочувствовать.

– Это значит, что скоро ты получишь крылья! – с придыханием надо про крылья, с придыханием!

После «крыльев» я вперил мутный взгляд в главаря и сказал:

– Баш на баш меняю! Я тебе про крылья короля Ангмара, ты мне вексель. А крылья – это секрет! Это страшный секрет! Денех стоит! – я даже «г» фрикативной сделал, чтобы «малоросс» проникся.

Главарь и даже недовольно отдувавшийся «хохол» навестили уши. Прочие не обратили внимания, но кости стали летать по столу гораздо реже.

– Секреты с «правдолюбом» рассказывают... – вот не может «хохол» язык за зубами держать. Как Николай Семенович Лесков в истории про русский самовар говорил, хохлы – это либо чрезвычайно порядочные, кристально честные люди, либо продувные бестии и мерзавцы. Ну, первых в Гуляй-Поле я и не ожидал встретить. – У нас как раз маленький завалился!

Я чуть не расхохотался ему в лицо. Мешок с «правдолюбом» за собой таскают! Зато понятен статус этой банды: вирники, наверняка, ездят по баронствам виры собирать, да долги выколачивать. А чтобы курицу, несущую золотые яйца, не убить, – это с одной стороны, и чтобы у курочки крылья, как у орла, не выросли, – это с другой, камень с собою возят. Килограмм шестьдесят булыжник, оружие, понимаешь, пролетариата! Камешек этот, гордость гномов, если на нем руку держать, на правду и ложь реагирует. Правду пропускает, а если лгать, так можно руки лишиться, сожжет руку! Что ж, проверим, «правдолюб» против кровавого смарагда, экспериментальным путем, как сказал бы Рино, маг маркиза Арсайлского Конкруда. Еще надо попробовать приспособить древнюю легенду к современности – адаптировать, так сказать, для широкой публики и предстать в ненавистой для меня роли популяризатора. Кто там может убить короля Ангмара? Нет, кто там не может убить короля Ангмара? Ближе к тексту, как говорили на экзаменах в Академии...

После того, как я поместил ладонь на поверхность «правдолюб» и, пытаюсь сохранить серьезность, заверил бандитов, что убить короля Ангмара может женщина, переодетая мужчиной и похожая на кролика нелюдь с волосатыми ногами, живущая в норах, главарь осторожно поинтересовался, кто именно может носить титул короля Ангмара. Пришлось ответить, что это уже другой секрет, и вексель нужно вернуть...

* * *

Уходя из кабака с векселем в кармане, я наострил уши, пытаюсь различить среди обычного кабацкого гама щелчок взводимого курка. Только дурачки, оказавшиеся в Гуляй-поле впервые, пуская слюни от предвкушения сладости всех запретных плодов сразу, могут поверить в надпись, венчающую каждый вход каждого из «заведений» города. Что-то там про вину того, кто первым оружие достанет... Врите больше! Виноват всегда тот, кто для местной тусовки – чужак! Он и ляжет с дырой в затылке, в случае чего. Поэтому я кольцо из гранаты вытянул и саму гранату зажал в кулаке, чтобы в случае чего принцип «мертвой руки» сработал. Щелчка от курка револьвера я не услышал, но обсуждали мою особу бурно. Особенно неистовствовал «хохол». Он прямо заявил, что отдавать мне вексель не надо было, и что лапшу на уши я навесил качественно. Главарь резонно ответил ему, что «правдолюб» обмануть невозможно, и предложил учесть три фактора: гранату в моем кармане и кисет, откуда был взят «черный всадник». Ишь, глазастый, гранату усмотрел-таки! Один из норлингов поддержал главаря, заметив, что тоже опознал кисет Бонса, а с этим психом связываться себе дороже. Пришлось затормозить у стойки, потребовать рюмку водки, чтобы «заказ сдэлат!», и дослушать, какой же третий фактор усмотрел «главарь».

– Они же все, кто с Бонсом, фанатики! А этот вообще не в адеквате! Что он плел про

«короля Ангмара»? И кiset он специально засветил! Такой вилкой ткнет, и сразу бешенством заразишься! Все видели, он тайком вилку облизал!

Вилку я не облизывал, просто слегка помахал ей в воздухе, рассказывая про короля Ангмара, но главаря неожиданно поддержали два харазца и белобрысый пришлый, процитировавший «не бойся ножа, бойся вилки, один удар – четыре дырки!».

А я-то думал, они Ашмаи испугались! А они, скорее всего, это имя в первый раз слышали! Надо было сразу Бонсом их страшать! После этого главарь предположил, что переодетая в мужчину женщина – обязательно «пришлая». А как «аборигенок» от «пришлых» отличают? По чертам лица и штанам: штаны носят преимущественно пришлые, а местные дамы в большинстве своем стесняются этого элемента мужского гардероба. Разговор увядал на глазах и я решил, что с меня приключений хватит.

* * *

Выскочив из кабака, я запрыгнул в «полевик» и сразу дал по газам, едва-едва разобравшись с гранатой. Жаль, что так медленно машинка едет! Я бегаю быстрее! Скорее, скорее, на пристань в безопасную каютку хаус-бота!

Паола, кажется, разделяла мои чувства, но по сторонам смотрела зорко. Ее, как и меня, не мог оставить спокойной вопрос, кто бросил заклятье по нашему столику у Офейма, кто преследовал нас на «виллисе» вплоть до встречи с появившимися ниоткуда сторонниками главного ревнителя «старой» веры, Бонса Ингельмийского. А Семена не волновало ничего. Он все-таки впал в ступор, и, когда он выйдет из него, неясно.

* * *

– То есть ты хочешь сказать, что специально пропил тубус с векселем? И пить тебе пришлось, чтобы поверили? – голос Паолы опасно звенел, я на всякий случай отодвинулся на шаг назад, мне под раздачу зачем попадать? Очнувшийся уже на борту хаус-бота Семен вместо «спасибо» наехал на нас с Паолой, утверждая, что отдать вексель первой попавшейся в Гуляй-поле банде он должен был «по плану». Чтобы, значит, если что, Конкруд мог всегда от таможи на острове отречься, свалив все на того, кто принял вексель, то есть на Петра Корнеева.

– Вливал в себя, значит, по долгу службы? – Паола завелась конкретно, и учитывая, что она в замке Конкруда вытворяла, Сене несдобровать.

Семен только кивнул в ответ, не решился, видать, слово «Да!» произнести, но глаза не отвел и смотрел нагло.

– Но ведь ты мог просто проиграть им тубус, я знаю, как ты играешь! И не пить! – Паола решила выяснить все до конца, перебарывая натуру.

– Что ты, что ты, что ты? – зачастил Семен, – они профи, сразу бы обман раскрыли! Я не хотел, а пришлось!

Последнюю фразу зря Семен сказал. Почти сразу он оказался на полу, а фэйри стала топтать его ногами, норовя зайти к телу со стороны головы и пнуть в висок. Если уж научили работать ногами по лежащим, то это навсегда... Семен только скорчиться успел, да руками закрыться, как на него обрушился град пинков и ударов. Надо ее от Сени оттащить, но не сразу, не сразу... Должна же быть в мире справедливость. Когда Паола чуток подустала, я бросился к ней, схватил за плечи и рывком отбросил от распростертого тела Семена. Приобнял и стал гладить по голове, как маленького ребенка. Паола немедленно, как будто ждала сигнала, разрыдалась, уткнувшись мне в грудь, для чего мне пришлось привстать на цыпочки, а у меня в голове только одна мысль была: хорошо, что в половой коврик в «Аквариуме» завернулся, хоть свитер не такой пыльный!

– Кол на голове теши, – всхлипывала Паола, пытаясь вытереть мокрый нос о мое плечо, – я ж не от чего-то реву, а от бессилия реву, только от бессилия!

Уважаю людей и нелюдей, точно знающих, почему они испытывают те или иные эмоции. Сам я так не всегда могу.

* * *

Одетый в черное, Виталя сидел в кресле у камина, вытянув ноги к огню. На коленях у него лежал какой-то журнал, нет, просто клеенчатая тетрадь на 96 листов. Непохожа на его записную книжку... А я уже уши наострил: вдруг он чего зачитает из тетрадки, или прояснит шифр свой как-нибудь...

– Та-ак... – протянул Виталя, листая тетрадь, – взял две книги в публичной библиотеке, старинные, одна «Атлас известных земель до Пересечения Сфер и после сего Ужасного События», другая – «Полный Перечень и Описание всех Инструментов для Резьбы по Дереву», не вернул... Присвоил, значит...

– Ни фиги! – горячо ответил я, – буду в Твери, занесу!

– Смарагды у Глоина взял, мало того, что присвоил, так еще и кровью своей попортил...

– Не у Глоина, а у тебя из кармана вытянул!

– Похоть... Что ж, это отдельная тема: назови мне хоть одну красивую женщину, которую ты бы не возжелал! А уж когда Паола на тебе оказалась...

Виталя сокрушенно покачал головой, огонь в камине взревел...

– Зато некрасивых не...

– Вот именно, – перебил меня торжествующий Виталя, – к некрасивым ты так относишься, будто они у тебя сто рублей украли! Кстати, о кровосмешении... – тут Виталя гаденько засмеялся, – ты, когда Паоле рассказывал, что вы побратались, – оборотень махнул в воздухе указательными и средними пальцами обеих рук, обозначая кавычки, – на что надеялся?

* * *

Досмотреть сон мне не дали. Проснулся я от того, что в дверь моей каюты стучали. Если это опять Паола, и что-то с Семеном случилось – никуда не пойду и не поеду! Чудо просто, что меня ночью не разорвали на части!

– Это Реймс, Реймс! Открой, Петр Андреич!

Пришлось открывать. Не иначе что-то нехорошее случилось, не стал бы меня Реймс будить. Ого! Утро уже! И не сказать, что раннее.

– Что случилось? – я скатился с кровати и, натянув штаны, распахнул дверь.

– Уходить я решил. Гуляйполе на пару дней станет весьма опасным местом. Как Сливу убили, да Созерцающих вырезали, так все на измене... Но вчера еще все тихо было. А ночью дележ добра, принадлежавшего Сливе, начался... Какой-то полуэльф, – тут Реймс вперил в меня укоризненный взгляд, – в одиночку какой-то притон штурмом взял и приятеля Сливы, Легеланголаса, архонта эльфов, убил... Такое сейчас начнется!

– Я тут при чем? – ненатурально возмущился я, – Леге-геле... Тьфу! – как он выглядит, архонт твой?

– Синеволосый такой, он волосы магической краской прокрашивал...

– А-а-а... – зевнул я, – успокойся, не архонт Синеволосый, просто придурок злопамятный... Не будут эльфы из-за него разборки устраивать... Но если решил уходить, то я вещички соберу: у меня еще дела здесь...

– И по поводу дел, – остановил меня Реймс, – твои друзья там с каким-то полуэльфом вовсю общаются, он, кажется, тебя ждет...

Полуэльф? А не тот ли гад, что из себя нарка строил, а потом так изящно смылся из «Магсаров»?

– Где они? – спросил я Реймса, натягивая на себе чистую бельевую рубаху и любимый

свитер. Чистенький, спасибо маранийке...

– В кают-компании сидят... погоди, Петр, – придержал меня Реймс, – я серьезно: не останусь здесь, уйду сегодня же. Имей в виду...

Но я уже спешил в кают-компанию, предвкушая встречу с полуэльфом и боясь поверить в то, что это тот самый полуэльф, который и встречался вчера с Наташей.

* * *

– Подколдовываешь? – Семен ошарашенно смотрел на «стрит» в руках полуэльфа. У самого подручного Тимохина были только две пары. Выглядел он неплохо: ни следа депресняка, нет ни дрожи в руках, ни мути в глазах. «Чебурашка» все еще висел у него на шее, а вот капельницу уже сняли. Бледен только и круги под глазами... Развлекались Семен и полуэльф игрой в покер, причем полукровка все время смотрел на часы, торопился, видать. Паолы нигде не было – отсыпалась, скорее всего. Полуэльф тоже, кстати, выглядел недурственно, по сравнению с тем, каким он предстал на ступеньках «Магических ароматов»...

– Нет, что ты, как можно... – ответил полуэльф, усмехаясь. – Просто повезло... Доброе утро, Петр Андреевич!

– Здравствуйте... – всем своим видом я показал, что ужасно хотел бы услышать имя гостя. Интересно получается: я гость Реймса, Семен с Паолой – мои гости, а вот чей гость этот полукровка? Я его на борт не приглашал...

– Меня зовут Сын Лиинуэля, – представился полуэльф, и я уставился на него во все глаза. Волосы потемнее, чем у меня, лицо какое-то, более скуластое, что ли, уши не такие острые. И с мочкой. Почти что человеческие ушки. Глаза... А что глаза, обычные, эльфийские, зелененькие. Как у меня. Называется, найдите десять отличий. По росту и весу мы с ним как близнецы-братья. Одет полуэльф как пришлый, удобно и практично: кожаная куртка, широкие штаны с накладными карманами, заправленные в крепкие ботинки. На поясе кобура с коротким «Кольтом», «полицейская» версия.

– Я не сержусь на вас, что вы воспользовались моим именем, – как ни в чем не бывало произнес полуэльф, – хотя это и неприятно. Надеюсь, долгов вы моим именем не наделали, обязательств не брали и мне не придется расхлебывать за вас последствия вашего поведения...

– Сначала надо расхлебать последствия своего поведения... – ядовито заметил я полукровке. То, что мы оказались так похожи, почему-то меня завело. – Наташа Бороздина где сейчас?

Полуэльф метнул настороженный взгляд на Семена, но проделал это как-то нарочито.

– Говорите при Семене, – предложил я сыну Лиинуэля, – и, знаете что, неудобно ведь называть вас «Сын Лиинуэля». Попроще бы что и покороче...

– С именем ничего поделать не могу, – притворно вздохнул полукровка. – У меня есть еще одно имя, но я предпочитаю, чтобы меня называли Сыном Лиинуэля...

Что ж, его право...

– А Наташа, очень, кстати, красивая и умная девушка, будет ждать вас в условленном месте после того, как вы познакомите меня с Бонсом Ингельмийским... И если наше знакомство с рыцарем не заладится, поможете мне исчезнуть из его поля зрения...

Вытащив «чекан», я направил его на полуэльфа, заметив:

– Да я тебя сейчас грохну здесь! Тело через иллюминатор спущу, а кровь слуги замоют... Где Наташа?

– Зря вы, Петр Андрееч, револьвером мне угрожаете... – Сын Лиинуэля был спокоен, а Семен откинулся на спинку дивана, и рука его скользнула к поясу.

– Уверяю вас, Петр Андрееч, никто вас не шантажирует и не собирается кинуть. Наташа совершенно свободна и прекрасно себя чувствует. Просто она не видит необходимости встречаться с вами, совершенно незнакомым ей разумным... Мне стоило

большого труда уговорить ее побеседовать с вами. И за это вы окажете мне небольшую услугу... Познакомьте с человеком, который и так горит желанием со мной познакомиться!

– Так в чем проблема? – не понял я. – Иди в «Черного дрозда» и знакомься на здоровье!

– В «Черный дрозд» легко зайти. Не знаю, насколько просто будет выйти. Вот тут вы мне и пригодитесь, Петр Андреевич... А чтобы у вас не было ощущения, что дело нечисто, я предлагаю вам поговорить с Наташей по телефону. Здесь же есть телефон?

Семен молча указал полукровке на слоновой кости цвета аппарат, притулившийся в углу кают-компания.

– Я позволил себе предложить вашей очаровательной спутнице, фэйри, пойти и своими глазами убедиться в том, что с Наташей все в порядке и что я играю честно.

Я бросил косой взгляд на Семена, и тот, виновато потупившись, произнес:

– Четверть часа как ушла... Полевик твой взяла, кстати.

Сын Лиинуэля набрал короткий номер, и до нас донесся его преувеличенно бодрый голос:

– «Оленина»? Там у стойки должна девушка-фэйри стоять, позовите ее к трубочке... Да-да, фэйри! Не знаете, как фэйри выглядит? Вот-вот, фэй-ри!

При этом Сын Лиинуэля стал делать нам с Семеном приглашающие знаки, дескать, слушайте, слушайте!

– Да! Это Паола! – голос в трубке был глуховат, но узнаваем. Точно Паола, никаких вариантов... И все же...

– Паола! О чем мы с тобой последний раз говорили? – я орал в трубку, веря и не веря одновременно, что полукровка не врет... Не врет он... А как же известная присказка «Скажи мне полуправду, как полуэльф полуэльфу»?

– О братских чувствах... и прощении... – недовольно буркнула трубка, и я уверился, что со мной разговаривает действительно Паола, а не кто другой.

– Уважаемая Паола, попросите официанта постучать в дверь третьего кабинета... К вам должна подойти девушка, ну, вы помните...

– Помню, помню, – пробухтел недовольный голос Паолы, – совсем уж дуру из меня не надо делать... Ух ты!

Тут Паола прибавила непечатное слово, но в ее голосе было столько неприкрытого восхищения, что понятно было: ничего экстраординарного не произошло, просто Паола Наташу увидела...

– Понятно, почему Петька влюбился... Будь я мужчиной... – говорят, женщины-тифлинги бисексуальны. А фэйри, интересно?

– Петр Андреич! – голос Паолы в трубке сменился на мелодичное меццо-сопрано Наташи, – я с вами встречусь, но только ради сына Лиинуэля. Скатайте уже к вашему Бонсу и галопом в «Оленину», третий кабинет, официанту скажете, проводит! Я тороплюсь, так что заранее предупреждаю: много времени вам уделить не смогу! Неизвестно еще сколько времени с Бонсом провозитесь!!!

– Паола, Паола! Хватай Наташу и дуй сюда! – я вырвал трубку из пальцев полукровки и орал в нее, как сумасшедший, но в ответ лишь длинные гудки – на той стороне положили трубку...

– Не надо криков, Петр Андреич! – полуэльф был само спокойствие. – Конечно, вы можете рвануть прямо в «Оленину», но Наташа не станет с вами разговаривать, право слово... Вытащить ее оттуда силой вам тоже не удастся: после ночных событий, когда начался передел имущества Сливы, охрана «Оленины» не то что удвоена, утроена... Не проще ли, не создавая лишних проблем, быстренько съездить к Бонсу и с чистой совестью – в «Оленину»?

Шантаж. Шантаж чистой воды. Единственно, что радует, – Семен глянул на меня, что называется, многозначительно, на несколько мгновений прикрыл глаза и подержал их закрытыми. Если я правильно понимаю ситуацию, то мы с сыном Лиинуэля – в «Черного дрозда», а Семен – в «Оленину». А что? Паола уже там. Ладно, так и сделаем.

Сойдя по сходням с хаус-бота Реймса, я наткнулся взглядом на знакомый «виллис» – именно в него я чуть не забросил гранату накануне, и именно он смылся задним ходом, едва заведя ребятишек Бонса. Только вместо четырех человек в машине сидел один водитель, а вот «Льюис» так и болтался на турели пародией на букву Т.

– Пожалуйста, в машину, Петр Андреевич...

Полууважительно, полуиронично. Сын Лиинуэля пока не сбился с тональности ни разу. Держит себя в руках железно, не отнимешь.

– Зачем вам репутация выпивохи и игрока? – спросил я полукровку, пока мы ехали по безлюдным улицам утреннего Гуляй-поля.

– Сперва ты работаешь на репутацию... Ну, дальше вы знаете... А если серьезно, у меня нет Силы отца, чтобы обеспечить сохранность коллекции. А охотников на нее много нашлось. Поэтому я предпочел, чтобы некоторые амулеты «разошлись» по самым разным направлениям...

– Бхут-арир, например? – невинно поинтересовался я, и Сын Лиинуэля вздрогнул.

– Страшная вещь, вы правы... Не дай боги, в дурных руках окажется... Да и в неплохих – тоже! Один раз используешь, и привет!

– В каком смысле «привет»? – поинтересовался я с живейшим любопытством.

– А душа в ловушке окажется! Придется демону Ава-Адону служить как при жизни, так и после смерти... Ничего... я этот амулетик специально такому лоху из Твери проиграл, что его первый же патруль зацапает. Фонит амулет так, что мало не покажется!

– Я бы лучше в Великую выбросил, если уж такая дрянь, – заметил я, но Сын Лиинуэля только покачал головой, криво усмехаясь...

* * *

Почему постоянный двор «Черный дрозд» назывался именно так, а не иначе, было непонятно. Черная клякса с красным клювом на вывеске заведения, может, и была похожа на дрозда, но только в том случае, если бы по нему проехали катком.

Внутри все было как везде... не совсем. Пахло свежим распилом сосны, и в глаза бросался яркий, незаветрившийся цвет бруса, которым общий зал трактира перегородили почти пополам. Небольшой такой заборчик, даже с калиткой. Теперь, насколько я понимаю, в трактире два отделения: для «чистых» и «нечистых». Во вновь образовавшемся «чистом» было всего несколько столиков, да и те были сдвинуты в один, широкий и длинный. Понятно: рыцарь Бонс Ингельмийский играет в барона. Обед у него теперь не просто «пойдем, почавкаем», а «пир», то есть совместная трапеза с кнехтами. Трактирщик решился на такие изменения не от хорошей жизни: перед калиткой в «баронское» отделение стояли два устрашающего вида молодца с ружьями, а столики в «простой» части зала были густо украшены нечесаными бородами и безумными взглядами сторонников ревнителя старой веры. Сам Бонс наблюдался в одиночестве во главе стола в своем отделении. Судя по запаху, пил он кофе – дорогой и редкий для Великоречья напиток, на столе перед ним лежали его шашка, лакированная деревянная кобура с маузером и большая тарелка со сдобными булками разных видов. Орел! Нахохлился-то так почему?

Увидев нас с сыном Лиинуэля, Бонс радостно замахал руками и громогласно отдал команду пропустить нас к нему.

– Здорово, Петя, сын Лиинуэля! Пришел-таки!

– Пришел... Знакомься, кстати, вот настоящий сын Лиинуэля! – я невежливо ткнул в своего спутника пальцем, – А это рыцарь Бонс Ингельмийский. Потрещать нам надо...

Не знаю, как мои знакомцы, а мне доставило некое извращенное удовольствие представлять друг другу разумных, прекрасно знающих, что их имена – сплошная фикция.

– Падайте! Булки здесь вкусные... И надпись смешная...

Я проследил взглядом, куда показывает Бонс, и к немалому своему удивлению прочитал на затейливо украшенной дощечке знакомую с детства сентенцию: «От сдобы

добреют...»

– Два полуэльфа и человек, это все равно что один эльф и два человека, – несмешно пошутил Бонс.

– Ха-ха, – с каменным лицом отреагировал «сын Лиинуэля», – говорят, ты меня искал, рыцарь?

– Я искал, – подтвердил Бонс, – а ты нашел...

– Да... – согласился сын Лиинуэля, – прав ты, Петя: рыцарь наш не лыком шит...

– Не лаптем шти хлебаем, – согласился Бонс, выжидательно глядя на нас. Его позиция понятна: вы меня нашли, вы и говорите, чего вам надо.

– Тогда к делу: имею к тебе разговор серьезный. Деловой. Но прежде чем его начать, скажи, зачем я тебе нужен был? И для кого искал меня? Пети не стесняйся, не выдаст...

Я был польщен такой характеристикой со стороны Сына Лиинуэля, а Бонс скорчил обиженную гримасу, дескать, сам знаю...

– Искал для себя, не гоношись... Слышал я, ты по амулетам спец? Не бойсь, играть не предлагаю...

– Напугал ежа голым задом... – Где-то я это выражение слышал, но вот где?

– Нет, я серьезно... – Бонс сильно сдвинул брови к переносице, отчего его лицо стало каким-то диковатым, чуть ли не безумным, – вот я рыцарь, а родового амулета у меня нет. Сделай, а? Или продай, если какой от бати остался, ненужный... постариннее...

– Ты Бонс, производишь впечатление умного человека... Совсем, что ли, не в теме, что за штука «родовой амулет»? А что такое родовое проклятие, знаешь? Их и делали, в основном, чтобы от родового проклятия избавиться...

По кислому виду Бонса любой бы догадался, что не в теме человек. Я тоже был не в теме, но предположений у меня было более чем достаточно. А что? Вылезает такая Собака Баскервилей... Или Кошка Баскервилей... Или Таракан Баскервилей... И усами шевелит...

– Объясню подробно, с примерами! – пообещал полуэльф. – Сможешь потом проверить и перепроверить... Это все, зачем я тебе нужен был?

– Имя еще хотел выяснить – денег срубить малехо, – честно признался Бонс, – ватага у меня растет, а финансы...

– Решаемо! – сын Лиинуэля развалился было на стуле, но потом, сложив руки по-школьному, выпрямился, всем своим видом показывая, что переходит к самому важному.

– Можем столковаться, если расклад по чесноку покажешь! Петя гарантом выступит! Согласен?

– Петя – гарантом? – несколько недоуменно повторил Бонс, но почти тотчас на его роже появилась хитрющая такая улыбка. Сообразил, что к чему.

– Спрашивай!

– У тебя ведь люди под ружьем? Чего со всеми наследство Сливой не делишь?

– Меня из колоды выкинули... Не то что выкинули, я сам слово дал, что ватага, которую я собираю, на территории Гуляйполя не будет работать. Слегка наехали на меня за рыцарство мое... Знать бы заранее, что такая фигня со Сливой выйдет – не пописался бы! И уж гульнул бы теперь с ребятами по самое не могу!

– Дали бы разгуляться? – скептически поинтересовался мой спутник, внимательно глядя на Бонса, – вот те, которым ты слово давал? Вместе с теми, которые как раз знали заранее, что со Сливой будет, если это вообще разные люди?

– Может и не дали бы, – охотно согласился Бонс, – но, вообще, как карта ляжет... Со Сливой, я знаю, все быстро решилось...

– У меня тоже расклад такой, что минута – на вес золота, – усмехнулся Сын Лиинуэля, – ладно, теперь какие планы? На Тверь?

– Не-е, на Тверь не пойду, подсыкиваю чо-та, – честно признался «рыцарь», приглаживая бороду. – Мне тут напели про Пограничный: не срослось там ни хрена. «Громовержец» просрала, форт не взяли, людишек только почем зря постреляли... а пять сипайских батальонов было... Мне бы их под команду, я бы наделал делов...

– Я тебе и больше скажу, – промурлыкал сын Лиинуэля, – в атаке на Пограничный принимали участие Созерцающие. С Тугами. Ты ж их, вроде, не очень любишь?

– За что их любить-то? – поразился Бонс, – Жестокие без меры и жадные. Я вообще поклонников Кали не люблю. Будет у меня баронство, первым же указом прикажу их в котлах варить заживо! В масле!

– По поводу баронства какие планы? Медным тазом ведь твое баронство?

– погоди, не торопись, – Бонс хитро подмигнул, у него вообще талант к подмигиваниям, как я успел заметить... Вроде бы, пустячный талант, и не магический, а как используется-то! На сто процентов... – Будет дождик, будут и грибки...

– Есть предложение, с дождиком, – Сын Лиинуэля был серьезен, насколько вообще может быть серьезен полуэльф. – По моим источникам, одно баронство осталось без владельца. Наследников нет... Так бывает нечасто: замок есть, а наследников нет... Не хочешь заняться?

– Насколько надежны сведения? – вот теперь Бонса не узнать. Смотрит с прищуром, и улыбка нехорошая, «говорящая». «Недолго проживет тот, кто попытается меня кинуть», – вот что сообщает эта улыбка.

Сын Лиинуэля, впрочем, был спокоен как удав:

– Сведения надежные, источник проверенный... Но решать нужно сейчас – каждая минута, да нет, секунда уже на вес золота...

– Почему ко мне обратился? – Бонс проигнорировал замечание насчет минут-секунд и правильно сделал. Если торопят, «давай-давай, а то опоздаем!», то почти наверняка – разводилово.

– Я бы к другим обратился, но все наследство Сливы делят. А тут ты... Да и Петя за тебя ручается...

– А за тебя Петр ручается? – задал насущный вопрос Бонс, глядя уже на меня. А что тут скажешь? Раз пошла такая пьянка, режь последний огурец... Я не решился сказать хоть что-то, поэтому запихнул в рот сдобный коржик целиком и стал его тщательно разжевывать. Вместо завтрака пойдет.

– Не бойсь, – покровительственно сказал сын Лиинуэля, – сам с вами пойду, гарантом.

– Далеко идти? – задал второй по важности вопрос Бонс. Самолетов в его распоряжении нет, а из точки А в точку Бэ в пределах Великоречья не так просто бывает добраться.

– Идти далеко, у Лесного Хребта баронство... Но у тебя порталный амулет будет... Родовой... Ты ж рыцарь Бонс Ингельмийский!

Бонс сделал вид, что не расслышал иронии в речах «Лиинуэль-сона», только при словах «портальный амулет» недоверчиво усмехнулся. Дорогая это штука, а для человека вроде Бонса, для которого самое главное – вовремя смыться, и вовсе бесценная.

– Еще два вопроса прояснить надо: как я своим орлам объясню, почему вместо Твери на какое-то баронство идем, и твоя какая выгода?

Молодец Бонс... Первый вопрос вообще-то он сам должен решать, а не перекладывать на чужие плечи. Тоже мне, командир полка, нос до потолка...

– Барон... – сын Лиинуэля сделал паузу, – имя я тебе скажу, если договоримся, погиб вчера утром, совершенно внезапно... Во время коварного нападения врагов... Но успел перед смертью призвать на подмогу рыцаря Бонса Ингельмийского, своего родича... очень дальнего родича. Седьмую воду на киселе... Так что мы на подмогу идем, родича из беды выручать... и отомстить подлым врагам, само собой...

– Ладно, с первым вопросом понятно, а со вторым что? – Бонс слушал излияния своего собеседника с предельным вниманием, мотал на ус, что называется.

– Я бы не сказал, что с первым все ясно, – полуэльф прекрасно отыграл «задумчивость» и продолжил:

– Беды, они по одной не ходят. Родич твой, рыцарь, душу свою Личу продал...

– Личу? – удивился Бонс, – у нас лич объявился? И как зовут? Или тоже секрет? И

поместье он тоже продал?

– Поместье вроде бы не продал... А лича зовут Ашмай, – индифферентным голосом сообщил сын Лиинуэля, – имя вымышленное, и это имя ты уже слышал...

«Лич?» – у меня аж в голове зазвенело. Так Ашмай – лич? Нет, я, конечно, на весовые категории никогда внимания не обращал, но мне выступать против лича – все равно что таракану против тура-ящера. Как та Моська буду, которая «сильна»...

Бонс только голову склонил, признавая правоту полуэльфа. Искоса он зыркнул на меня, напоминая, что именно я назвал это имя в приснопамятной схватке с вампирами.

– Имечко это нам известно... – Бонс собрал бороду в кулак, потом отпустил ее на свободу, и спросил, тщательно подбирая слова, – а лич не...расстроится, если мы придем?

– Может, и расстроится, – полуэльф пожал плечами, – только ты тут не при делах. Свято место пусто не бывает: не ты замок займешь, соседи понабегут. Али еще какой «рыцарь»... – тут сын Лиинуэля обвел глазами пространство вокруг нашего столика, показывая, что таких рыцарей, как Бонс, двенадцать на дюжину.

– Рисково... – проговорил Бонс с утвердительной интонацией. Лич, конечно, усложнял ситуацию, но сказать своим людям, что они выступают против лича, значит поднять свой авторитет на недостижимую высоту. А то, что Сын Лиинуэля не промолчал про лича, плюсику ему. Мелочь, а сразу акценты расставляет... Даже если формально поместье личу не принадлежит, все равно рискованно...

Сын Лиинуэля даже не смотрел в сторону рыцаря, всем своим видом давая понять, что риск, конечно, есть. Как же в таких делах без риска.

– Ты мне про риск не говори! – неожиданно поднял на Бонса глаза полуэльф, – Как будто, если на Тверь идти, то дело безопасное, верняк. Ха-ха два раза. Да и есть у тебя козырная цифра в рукаве... Тебя ведь в рыцари барон Морн посвящал?

Бонс вздрогнул, будто его в поддых ударили. Глазки его забегали, забегали, сфокусировались на секунду на мне и забегали еще быстрее.

– Никакая это не тайна, поверь мне, рыцарь! – Сын Лиинуэля излучал не торжество или, скажем, сочувствие, а нетерпение. – Решайся уже, дело срочное... Если первыми придем, можно без большой крови все обстрелять.

– Твоя какая выгода? – Бонс пришел к какому-то решению, а тот факт, что он «всамделишный» рыцарь, заставил меня широко распахнуть глаза и уставиться на бандита так, как будто я его впервые видел.

– Пятьдесят процентов дохода с баронства, и без торга! – поморщился сын Лиинуэля. Как же без торга, без торга в таких вопросах нельзя...

– Если ты с нами пойдешь... – осторожно начал Бонс, и стала понятна его стратегия: одно дело – информацию слить, даже портал в нужное место открыть, другое – головой рискнуть...

– Сказал же, с вами! – полуэльф был настроен решительно, – Или у тебя другой маг есть на примете? Рыцарской дружине без поддержки мага никуда...

На Бонса стоило посмотреть. Такие рожи можно корчить, только когда сбываются затаенные мечты... детства... Предложи полуэльф делиться не напополам, потребуй он семьдесят процентов, восемьдесят даже – Бонс бы на все согласился. Сын Лиинуэля, похоже, тоже это сообразил, но не расстроился, по морде лица судя.

– По рукам! – выдохнул Бонс, и два авантюриста скрепили свой договор рукопожатием.

– Чем быстрее выйдем, тем больше шансов, – предупредил полуэльф Бонса, на что тот только махнул рукой:

– Нищему собраться – только подпоясаться!

– Полчаса хватит вам? – спросил полуэльф Бонса и, дождавшись утвердительного кивка, предложил:

– Давай тогда во дворе «Дрозда» через полчаса строевой смотр – и выдвигаемся. Я портал прямо там наведу. Ты речь какую скажи, позажигательней!

Вот так вот буднично и скоропалительно было решено захватить какое-то баронство.

Мне-то плевать, я вместе с ними не пойду, а то, что Бонс пойдет воевать неизвестное мне баронство где-то у Лесного Хребта, чей владелец продан Ашмаи, меня и вовсе не колышет. На Тверь не пойдет – уже молодец! И с личем я не собираюсь воевать. У меня встреча с Наташей назначена.

– Желаю успеха! – от души напутствовал я Бонса, и мы с сыном Лиинуэля вышли из «Черного дрозда», под начальственные крики рыцаря, суету его подчиненных, лязганье оружия, грохот отодвигаемых лавок и того особого «мужского» запаха пота и нетерпения, который окутывает бойцов перед дракой.

– Отвезу тебя в «Оленину», сдам Наташе с рук на руки, дальше сам, мне готовиться надо... – полуэльф обращался со мной, как с родным братом, и это было странно и подозрительно... – из клана Мак-Лиинуэль, значит!

Тут сын Лиинуэля коротко рассмеялся. Или я ничего не понимаю, или мандражирует слегка перед «броском» к Лесному Хребту. А то! Выскочат из портала, а там пулеметы...

– Это Бонс, зараза, все время меня Сыном Лиинуэля называл... – пробормотал я, подпрыгивая на ухабах улочек Гуляй-поля.

– Не парься, Петр Андреич, за Синеволосого я тебе все прощу... Редкостной гнидой был... Не удивлюсь, если тоже личу запродавался... И кстати, все считают, что отца Алху убили... Его Ашмаи убил, а на тверичей перекинул... Двух зайцев убил – и от отца избавился, и Тверь подставил...

* * *

В «Оленину» нас пустили без базара. Охранник перемигнулся с другим охранником, тот со швейцаром, еще в вестибюле пятеро, из них двое – маги, наверняка еще а подсобке отдыхающая смена... Неслабо тут подготовились... Если им кто-нибудь скажет, что «черный передел» начался из-за одного скромного полуэльфа... Или уже надо считать из-за двоих полуэльфов?

В третий от входа кабинет официант проводил нас, едва мы возникли на пороге. Кабинеты были отгорожены гирляндами зеленых веток, сквозь которые было видно все, что происходит в общем зале. Тех, кто сидит в кабинетах, при этом видно не было...

А в кабинете сидела теплая компаха: Семен, Паола, с повязкой на руке, Наташа...

Наташа была одета в отлично пошитый «деловой» серо-зеленый костюмчик, который, как мне показалось, не очень шел к цвету ее лица. Лицо у девушки было усталое и тоже какое-то серо-зеленое. Разительный цветовой контраст с ее лицом составляли рожи моих попутчиков, Паолы с Семеном. Ну, Паола-то всегда краснокожей была, сыздетства, а вот чего Семен такой багровый?

– Пока, Петя, не поминай лихом! – Сын Лиинуэля галантно раскланялся с Паолой и ушмыгнул. Ну и ладно, не до него.

– Здравствуй, здравствуй, мой спаситель, от Ашмаи избавитель, – если бы не ощущение, что Наташа держится их последних сил, я бы рассмеялся этой шутке. Но напряжение в кабинете чувствовалось нешуточное.

– Мы пойдем, пожалуй, – произнес Семен, почему-то отворачиваясь от меня, – прощай, Петя!

– Погоди! Как это «прощай»? – не понял я. – Разве мы не вместе возвращаться будем?

– Нет, не вместе, – настроение у Семена вообще на минус, да и Паола насупленная... Ладно, у Сени депресняк после запоя, это ежу ясно, у Паолы лапка бо-бо... Что ж, не вместе, так не вместе... – Вот мешок твой, Реймс от пристани полчаса как отошел...

Ах ты ж!.. Только присутствие дам удержало меня от матерной тирады! Я-то надеялся на его хаус-боте из Гуляй-поля уплыть! Еще проблема на мою задницу!

– Паола! – окликнул я вставшую девушку, нервно накручивающую локон на палец, – у меня для тебя подарок, на прощание!

Покопавшись в кошеле, я выудил самый маленький смарагд, на девять с половиной

карат, если не ошибаюсь, потом бросил его обратно и достал средний. Не знаю уж на сколько... Полюбовался секунду и вручил его фэйри.

– Теперь, после манипуляций Офейма, он тебя сможет защитить...

– Спасибо, Петя! – фэйри повисла у меня на шее, и я постарался приобнять ее так, чтобы не потревожить больную руку.

– А вот тебе, работороговец, пятера на прощание! – я протянул Семену ладонь, и тот пожал ее, как-то вяловато пожал, правда...

Когда парочка откланялась, я подхватил свою сумку и повернулся к Наташе, едва не съезжающей со стула...

– Плохо тебе? Ничего... Сейчас номер снимем в гостинице, я целителя найду, хоть того же Офейма, а как легче будет, можно будет и к Ивану Сергеевичу ехать...

– К папе поедом? – удивленно спросила Наташа и, когда я кивнул, попросила:

– Обними меня, пожалуйста...

Глава 13, последняя, самая короткая

Железная дверь загремела. Я поднял голову с плоской, как блин, и такой же засаленной подушки и услышал знакомый голос вертухая:

– Корнеев! В допросную!

Не знаю, почему не сработали мои смарагды, но когда Наташа обняла меня, я мгновенно потерял ориентацию в пространстве от вспышки, возникшей вокруг нас. Портал! Портал выбросил нас в какой-то комнате, где я сразу поймал затылком удар резиновой палкой.

Очнулся уже в камере. А чем может быть небольшая комнатка не только с решетками на окне, но и с намордником, то есть с листом фанеры, закрывающем вид из этого самого окна? Камера-одиночка, стальная дверь с «кормушкой», параша, грубые нары, солдатское одеяло. С сапог сняли шнурки, из штанов вытянули ремень, из личных вещей только одежда... Как они свитер не сняли, там же магическая нить? Почерк и стиль пришлых. Если бы Василь Васильич ввалился со своими шуточками, я бы не удивился... Я бы и Аристарху не удивился...

– Встать! Руки за спину.

Ладно, встану... Затеать ненужную драку с двумя верзилами-пришлыми, вооруженными резиновыми палками, глупо и недальновидно... Посмотрим, кто и как меня допрашивать будет...

В небольшом кабинетике сидела Наташа, одетая в военную форму без знаков различий.

– Тебе, Наташа, очень военная форма идет, а конкретно, беретка, – слукавил я; остальная форма: и недлинная юбка защитного цвета, и уставной френч, не помню уж, как он называется, и сшитые на заказ сапожки – все было подогнано по фигуре, нигде не морщило, и оттопыривалось только в нужных местах. Но гадость хотелось сказать ужасно, и мне пришлось приложить титанические усилия, чтобы сказать не гадость, а «полугадость». Полугадость от полуэльфа...

– Ты хоть представляешь, Корнеев, как сложно было подобраться к Ашмаи? – вздохнула Наташа, обходясь безо всяких там «Здравствуйте, присаживайтесь», – Вышли, наконец, на агента его, Стрекалова... Знаешь ведь, как «Крем» на женщин действует! Нужно было, чтобы и подозрений не возникло в том, что я не воспользовалась «Кремом». Думаешь, легко было?

– Неприлично так на комплименты напрашиваться, – ответил я на этот риторический вопрос. Некрасивая девушка, намазавшись «Кремом», становится красавицей. А красавица? И кто угадает, употребляет она наркотик или нет? Можно было догадаться... Это ж сколько народу в курсе? Иван Сергеевич уж точно... Желание сказать его дочурке гадость возросло на порядок.

– Ладно, не об этом сейчас... Смарагды мы у тебя изъяли. Они принадлежат

Княжеству, хоть ты их и испортил...

– Как же они твой портал не съели? – поинтересовался я у Наташи.

– Это особенность моего таланта... – усмехнулась девушка горделиво. Молода она еще, очень молода... – Расскажу, так и быть... В свой портал я ни капли магии не вкладываю. Ее с другой стороны нужно втягивать, и в немалых размерах. Нас, как бы лучше сказать, «утягивает» в портал. Понимаешь? Не мы портал открываем, а на нас он открывается...

– А на нас... Ананас... – протянул я, – кормежка предусмотрена? У меня с утра маковой росинки...

– Кто о чем, а вшивый о бане, – усмехнулась Наташа, – Ты зачем Стрекалова убил, ублюдок? За смарагды, конечно. Убил и ограбил...

– Наташа, тебе очень не идет, когда ты ругаешься... Такая молодая и красивая девушка, а ротик такими словами поганишь...

Наташе стоило огромных усилий не наорать на меня, но она справилась.

– Я не ругаюсь, – ответила она тихо. – Хоть мне с тобой и разговаривать-то противно...

– Хорошо, – согласился я, – не надо разговаривать...

– Надо, Федя, надо... – устало процитировала Наташа, – как Стрекалова убил? Почему? И что с тела снял, кроме смарагдов?

– Все, что снял, у вас должно быть, – пожал я плечами, – проверьте по описи... И тетрадь тифлинга Игана отдайте! И объясни мне один моментик: как же два агента, убитых в мастерской у Глоина?

– Убитых? – зло переспросила Наташа, – Ты тела их видел? Лично?

Да как тела-то увидишь? Во всех городах Новых княжеств и в большинстве Старых закон один: крематорий, огненное погребение... Сразу после смерти, на всякий пожарный. А то мало ли что или кто в мертвое тело вселиться может...

– Нет, не видел, – признал я, – вот значит как...

– Именно так, – сухо проговорила Наташа, – ты же взрослый человек, почему веришь всему?

– На нос свой полагался... – признался я, – Василь Васильич, когда про агентов рассказывал, вроде не врал.

– А ты не подумал, что Василий Васильевич твой может быть не в курсе?

– Чего это он мой? – окрысился я.

– Ладно, не твой... Мы решили, что почти уже подобрался к Ашмаи через Стрекалова, как вдруг ты приезжаешь в Ананьино один...

– Виталю я убил в рамках самообороны – честно ответил я. – Что у вас на него планы были, меня никто в известность не ставил. Так что упреки ваши не по адресу. Лучше нужно планы составлять...

Тут мне не к месту вспомнился Судья-Архонт, швыряющий в лицо своему помощнику гостевую книгу «Священного Аэрбола», и я не смог его не процитировать:

– И обвинительное заключение надо лучше готовить...

В лицо Наташе, кажется, бросилась вся кровь, – так она покраснела. Цветом лица на Паолу стала похожа... Кстати о Паоле... Все, значит, смарагды изъяли? Ну-ну...

– Одного я в этой истории не понимаю, – Наташа совладала с собой, надо же! Я уж думал, что сейчас будет истерика... – Зачем ты вообще в это дело влез? Ну не влюбился же! Не смей мои коленки!

Я молчал, уставившись в потолок. Пока делал вид, что плющу рожу в камеру, как раз и думал об этом вот самом. Что сказать...

Пять лет преподавательского стажа. Пять лет рассуждений про то, что такое «честь» в литературном произведении. Пять лет анализа «рыцарских романов», столь популярных в Великоречье. Пять лет я читаю «композишнз» о том, как надо спасать «капитанскую дочку». Пять лет я повторяю одни и те же слова. Верю ли я в них еще?

Если бы наши «агенты» не погнали меня из Академии поганой метлой, я бы сам ушел. Потому что уже с трудом мог отличить, где «учительская», «менторская» позиция, а где моя,

собственная, Петра Андреевича Корнеева. Поэтому, когда пропала Наташа, я воспринял это как вызов. Как шанс доказать, что «красивые слова» в моих «преподавательских» устах – не просто слова. Не просто бла-бла-бла. Ну, а то, что Наташа – красавица, так вообще – подарок судьбы. Я себя знаю... Некрасивую девушку я тоже бы, наверное, отправился спасать, может быть... но красавицу – отправился бы спасать с энтузиазмом! А с энтузиазмом гораздо лучше ведь, чем без энтузиазма!

* * *

– Ты так боялся, что я возьму верх, что я заставлю тебя плясать под свою дудку... – голос Витали был тягуч и насмешлив. Он был похож на пролитое клубничное варенье, медленно, но неотвратимо стекающее на пол кровавыми сгустками. Можно попробовать собрать варенье ложкой обратно в банку, но и вид его, и вкус безвозвратно испорчены. И наказания не избежать... – Ты так боялся меня, что предпочитал плясать под целый оркестр чужих дудок, лишь бы в их вое не слышать мой голос...

– Замолкни, зануда! – а что я еще мог сказать...

– Ты плясал под дудку пристава, потом под дудку Тимохина, потом Семена, потом полуэльфа...

– Не такой уж и большой оркестр! Камерный, но уж никак не симфонический! А некоторые, не будем показывать пальцем, пляшут под чужую дудку не только всю жизнь, но и после смерти!

– Это ты на что намекаешь? – наконец-то мне удалось озадачить оборотня.

– На Ашмаи! – промурлыкал я самым своим вкрадчивым голосом. – Думаешь, я не вижу, как тебя корежит, когда я называю это имя!

Я не ожидал, что реакция Витали будет такой. Сперва его выгнуло в дугу, он стал надуваться, как пузырь, потом его оболочка лопнула, и из нее, шевеля множеством отвратительных лапок, стала выбираться черная мокрица исполинских размеров.

– Ящерица симпатичнее была... – проговорил я дрожащим голосом, всеми фибрами души желая поскорее проснуться, – Ящерица – это не только ценная кожа, но и...

* * *

Фууу! Хорошо-то как! Полной грудью я вдохнул спертый воздух камеры... Точнее, попытался вдохнуть... Что меня разбудило? Шаги? Шаги в коридоре, далеко еще, но ходят по этому коридору только ко мне. Кроме меня, почему-то узников нет... Может, сосед у меня образуется, буду через стенку перестукиваться. Или нет, ко мне шаги... Ночью? Ночной допрос в исполнении Наташи – это что ж такое? И допрашивать она будет в ночной рубашечке?

Шаги надзирателей, а я их узнал, приблизились...

– На выход!

* * *

Занимался рассвет. В тюремном дворе меня ждало отделение комендачей. Было довольно холодно, и солдатики зябко поводили плечами. Меня бы, конечно, больше устроило, если бы они все отправились легкой трусцой к себе в казарму – под теплые одеяльца. Меня даже затосило, но это с голоду: отблеваться я бы не смог – нечем. Последние два дня на моем питании слегка сэкономили, вчера вечером даже вообще не покормили. То ли дело раньше – я читал в исторических хрониках, что преступников перед казнью сытно кормили, давали вино и шоколад. Лицемеры проклятые. Что хорошо у пришлых – по-простому все, без соплей и финтифлюшек.

– Отделение, стройсь! – скомандовал пожилой унтер, недовольно хмуря брови. Ему,

наверное, казалось, что расстрел для нелюди, полуэльфа – слишком шикарно. Точно! Он отделил на стрельбу всего пятерых бойцов, остальные в сторонке постоят. От меня, впрочем, подвигов ждать не приходится. И вообще, зачем расстреливать? Веревоочная петля и обмылок ничуть не хуже пули. Разве что труп мой не вывесишь на площади на всеобщее обозрение... Вешают суды, расстреливают трибуналы. Судить меня, понятное дело, не судили. А трибунал – вообще из другой оперы, я ж не военный, да и подданный другого княжества. Хотя, судя по расстрельной команде, мое преподавание в Тверской военной академии сослужило свою службу. Так что, скорее всего, заочный приговор военного трибунала... А для меня вовсе не принципиально – повесят, или расстреляют. Как это они мое мнение узнать забыли?.. Вроде при повешении расслабляются мышцы живота и происходит непроизвольная дефекация. Поэтому, скорее всего, меня и не кормили. А при расстреле? А что – могу и при расстреле обоссаться. Жаль – не хочу, а то бы нарочно навалил, чтобы и трогать мой труп противно было.

Двое надзирателей подвели меня к кирпичной стенке, прислонили к ней и отошли.

– Готовсь! – это ведь последняя команда перед «Пли!» Самое время помолиться... Кому? Богов много, только что-то мне подсказывает, что ничем они мне не помогут... Разве что... Есть же Бог Паисия, Тихона и Саши из скита, Бог пришлых, Бог, убитый людьми за несовершенное преступление. Не то чтобы мы в идентичной ситуации, просто Он, как мне кажется, мог бы меня понять. Он все-таки что-то такое пережил... Как говорится, попытка – не пытка. И я сформулировал, тщательно подбирая слова, но все равно неуклюже:

– Бог христиан, знаешь, в этом мире много чудес, и не всегда добрых. Но против пули мало что действует... Я вряд ли достоин чуда Твоего, но, пожалуйста, сделай так, чтобы я остался жив! А то глупо как-то помирать вот так... Не сделаешь – я не в обиде, я понимаю, у Тебя на мой счет свои планы могут быть – Божественные. Может, мне их и не понять... Тогда Ты устрой, что я доделать не успел – ну, Ты Сам знаешь! Аминь.

Потом посмотрел на задумавшегося унтера, кинул взгляд себе на грудь, где на черном фоне свитера наливался молочной белизной необычно большой крестик из магически обработанной нити, и крикнул сосредоточенным стрелкам:

– Забьемся, что в крест с десяти шагов не попадете!